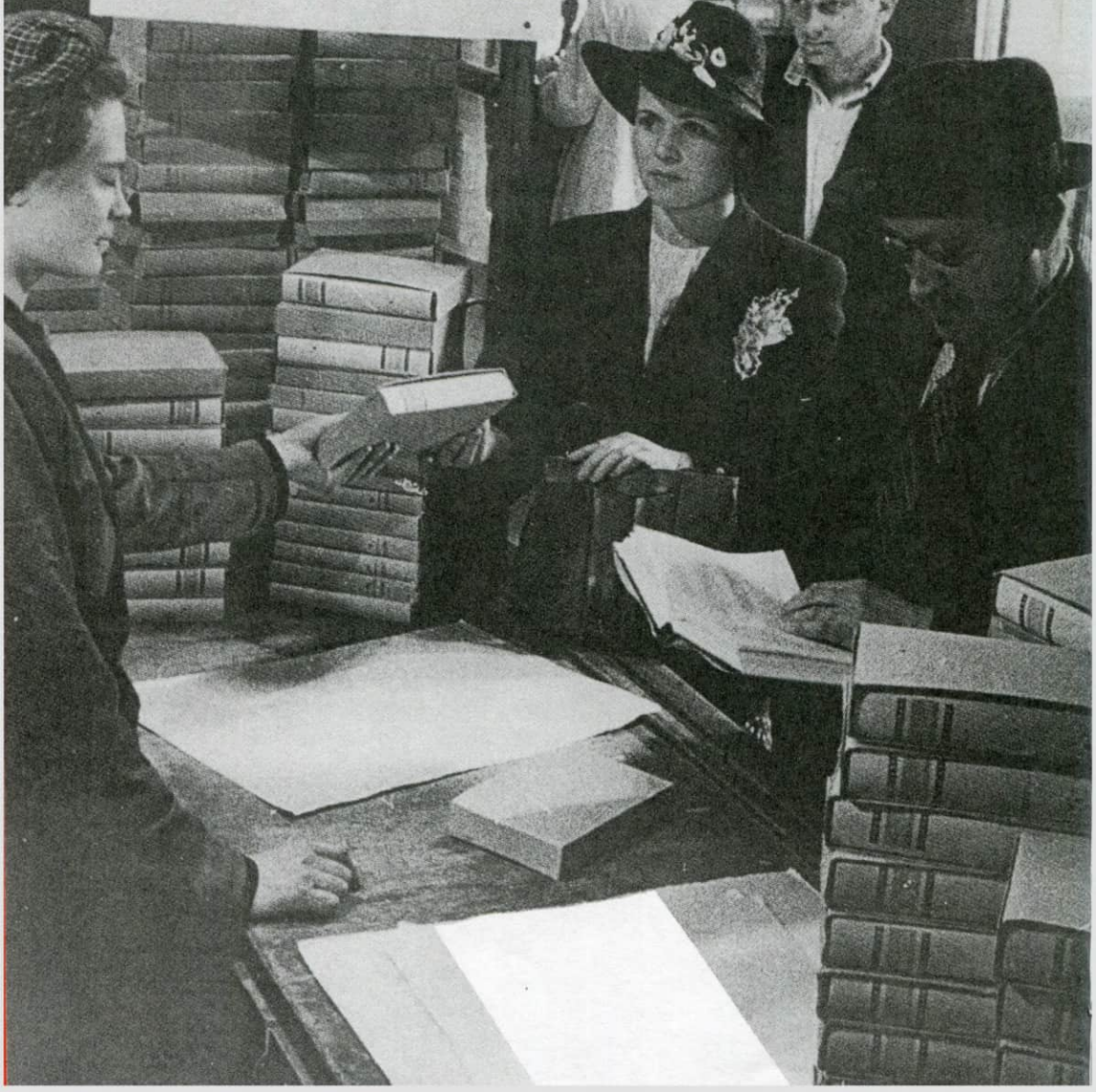

И.Е. Баренбаум
Книжный Петербург
три века истории

1ый
том
Выдается
подписчикам
Полного собр. сочинений
А.С.Пушкина
Цена за том 15 р.

И.Е. Баренбаум

Книжный Петербург Три века истории

Очерки издательского дела
и книжной торговли

КультИнформПресс
Санкт-Петербург
2003

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и связям с общественностью Санкт-Петербурга

Scan - anatoli
Red - waleriy

В книге использованы иллюстрации из собрания автора и из фондов
Центрального государственного архива кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга

ISBN 5-8392-0225-8

С И.Е. Баренбаум, 2003
С «Культ-информ-пресс», 2003
С И.М. Можейко, 2003

От издательства

Тот общеизвестный факт, что Санкт-Петербург – крупнейший научный, промышленный и культурный центр России – является и одной из книжных столиц страны, не нуждается в особых доказательствах. Именно в Санкт-Петербурге находятся богатейшие книжные собрания, живут и работают всемирно известные беллетристы и популяризаторы науки и искусства, успешно функционируют десятки издательств, хорошо известных как в России, так и за рубежом. Достаточно авторитетны и полиграфическая база города, и его книготорговая сеть.

История книжного дела неразрывно связана с историей Санкт-Петербурга. На всех ее этапах книга, как зеркало жизни, отражала достижения науки, техники и культуры, формировала общественное сознание, а главное – всегда служила делу просвещения и нравственного становления петербуржцев-ленинградцев. В самые тяжелые для города и его жителей времена книга, как духовный хлеб, восполняла недостаток хлеба насущного. Даже в лютую стужу блокадных зим нетопленые залы Публичной библиотеки были открыты для посетителей.

300-летие Санкт-Петербурга – достойный повод обратиться к истории книжного дела Северной столицы. На берегах Невы работали известнейшие издатели, открывшие миру многие шедевры отечественной литературы; именно здесь сложилась особая, петербургская-ленинградская школа оформления книги, основоположниками которой считаются художники «Мира искусства». Полиграфические предприятия города прошли путь от кустарных мануфактур до оснащенных самым современным оборудованием производств. Здесь не раз апробировались новые технологии, становившиеся впоследствии достоянием всей России.

Символично и то обстоятельство, что у истоков качественно нового, светского российского книгоиздательства, зародившегося без малого три века тому назад в Петербурге, стоял Петр I – государственный деятель небывалого прежде масштаба, неиссякаемой энергии которого хватало не только на преобразование государства, основание новой столицы и строительство флота, но и на реформу русского шрифта. Примечательно, что создание новой русской азбуки царь-реформатор рассматривал как дело первостепенной государственной важности.

Основанная Петром I «Государева письмопечатня» стала праматерью всех петербургских типографий и издательств последующих эпох. А сам Петр I был в своей «письмопечатне» и главным редактором, и правщиком, и контролером качества, стремясь довести первые книжные издания новой России до европейского уровня.

Предлагаемое издание не является энциклопедическим и отнюдь не претендует на всеохватность и полную исчерпанность темы. Напротив, его можно рассматривать лишь как еще один вклад в создание будущего обобщающего труда по истории книжного дела в Санкт-Петербурге. И тем не менее эта работа дает достаточно полное представление о большинстве значительных издательств, типографий и книжных магазинов, существовавших в городе с момента его основания и до конца 90-х годов XX века; о людях, причастных к этой сфере деятельности; об изданиях, принесших славу петербургскому издательскому и типографскому искусству.

Весь публикуемый материал сгруппирован в десять глав, составленных по тематико-хронологическому принципу. Каждая из них включает в себя очерки об известных книгоиздателях, типографах и книготорговцах; о предприятиях книжного дела, оставивших заметный след в истории русской культуры. Некоторые из этих предприятий появились в городе в начальный период его истории, другие – позже, одни функционировали совсем недолго, другие – не одно десятилетие, а иные из них действуют и поныне. Биография всех их прослежена с момента возникновения и до завершения деятельности. Характеристика всех упомянутых предприятий включает в себя сведения о владельцах, ведущих сотрудниках, техническом оснащении, о типичных для данного предприятия изданиях – как об отдельных книгах, так и примечательных сериях. Все это позволяет определить специфику предприятия, осознать его место в ряду подобных, оценить его культурную, научную, а иногда и политическую роль.

В книге помещен указатель имен книгоиздателей, типографов и книготорговцев, упомянутых в тексте, а также адресный указатель предприятий книжного дела Санкт-Петербурга, речь о которых и идет в данном издании. Подобный указатель публикуется впервые, и хотя составителям удалось выявить далеко не все адреса, ценность его для книголюбов и краеведов очевидна.

глава 1

«ГОСУДАРЕВА
ПИСЬМОПЕЧАТНЯ»

Книгоиздательское дело в нашей стране изначально концентрировалось в двух городах – Москве и Санкт-Петербурге. История русского книжного дела до Октябрьской революции по преимуществу творилась в этих двух крупнейших политических, административных и культурных центрах страны. Это не значит, что в провинциальных губернских городах не существовало книгопечатание, но ни количественно, ни качественно оно не было сопоставимо с этими двумя традиционными центрами отечественного книжного дела.

Если Москва считалась родиной русского книгопечатания, то основанная на «брегах Невы» новая столица стала колыбелью светского книгопечатания, которому было суждено вытеснить старую кириллическую печать, потеснить сугубо религиозные издания, превратиться в мощное орудие науки, культуры и технического прогресса.

В начале XVIII века в жизни России происходили коренные изменения. Закладывались основы промышленности, развивалась внутренняя и внешняя торговля, укреплялись экономические и культурные связи России со странами Запада и Востока. Были созданы регулярная армия и флот, рос международный авторитет Российской Империи.

Быстрое экономическое и политическое развитие страны сопровождалось качественными изменениями в области культуры, науки, просвещения. Новая русская культура приобретала ярко выраженный светский характер. Открывались государственные школы разного типа (как общие, так и со специализацией на точных науках), доступные для лиц различного социального положения. Наряду с науками плодотворно развивались общественная мысль и публицистика, изобразительное искусство. Большое культурное значение имело введение нового летосчисления, арабских цифр и гражданского шрифта.

Новая российская столица, наименованная Санкт-Петербургом, сотворенная буквально собственными руками Петра I, по его планам и чертежам, была любимым детищем царя-реформатора.

*И перед младшею столицей
померкла старая Москва,
как перед новою царицей
Порфиноносная вдова...*

– так писал Пушкин, восхищаясь творением Петра.

В созданной им столице все должно было быть по-иному, чем в патриархальной Москве: на европейский манер строились не только дома и каналы, но и весь уклад жизни. В Санкт-Петербурге разместились все правительственные учреждения во главе с Сенатом. Потребность в кадрах, необходимых для проведения в жизнь всеобъемлющих реформ Петра I, должны были обеспечить открывавшиеся в столице учебные заведения – Артиллерийское училище, Инженерная рота, Морская академия, Медицинская школа. Создавались научные, образовательные и культурно-просветительские учреждения нового типа – Академия наук, Университет, первый естественнонаучный музей в стране Кунсткамера, сочетавшая в себе функции библиотеки и музея.

Кунсткамера первоначально размещалась в доме А.В. Кикина на Шпалерной улице, реквизированном после казни владельца. Значительная часть экспонатов – «монстров и раритетов» – была приобретена лично Петром I. Музей, где экспонировались коллекция минералов, анатомические препараты, чучела животных и произведения искусства, открылся для посетителей в 1719 году. Специальное здание для Кунсткамеры на Васильевском острове было заложено в 1718 году, но его строительство затянулось до 1734 года. Однако уже в 1727-м в недостроенное здание переехали библиотека и часть экспонатов из Кикиных палат. Позже здесь разместились также анатомический театр и первая академическая обсерватория.

Петр I и книга

Во втором десятилетии XVIII века в Санкт-Петербурге появились первые типографии. До этого несколько сот лет, с того самого времени, когда по указу царя Ивана IV организовали первую на Руси «штамбу»¹, центром книжного дела была Москва. И при Петре I московский Печатный двор поставлял книги для всего обширного российского государства. Потребность в книгах оставалась большой. Но не в богослужебных, для духовного чтения, – от них пользы новой России было мало. Требовались учебники – по математике, морскому и инженер-

ному делу. Петр I понимал: без книг нет знаний, нет великих деяний, поэтому он и задумал расширить печатное дело. Для этого царь еще в конце XVII века открыл русскую типографию в Амстердаме, откуда книги морем доставлялись сначала в Архангельск, а затем в Москву и в другие города России.

Еще в 1697–1698 годах, находясь в Голландии, царь поручил купцу Яну Тессингу (?–ок. 1701) и переводчику и типографу Илье Федоровичу Копиевскому (1651–1714) печатать для нужд России на церковно-славянском, голландском и латинском языках географические карты, чертежи, «персоны» (гравированные портреты), книги по архитектуре, военному искусству и даже сборники песен. При этом наказал, «чтоб те чертежи и книги напечатаны были к славе нашему великаго государя нашего царского величества превысокому имени и всему Российскому нашему царствию меж Европейскими монархи, цветущей наивящей похвале, и ко всеобщей народной пользе и прибытку и ко обучению всяких художеств и ведению, а понижения б нашего царского величества превысокой чести и государства наших славы в тех чертежах и книгах не было»².

Следствием этого программного заявления Петра I, определившего развитие не только книгопечатания, но и гравировального искусства в России, стало резкое увеличение выпуска печатной продукции: «За первые 20 лет XVIII века книг, гравюр, карт, планов и рисунков к ним исполнено приблизительно в 100 раз больше, чем за все XVII столетие»³.

Петр I любил книги, много читал, учился сам и заставлял учиться других. Указывал, что нужно печатать, что переводить, редактировал рукописи, правил корректуры. В январе 1709 года он писал из города Сумы начальнику Монастырского приказа Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину (ум. 1729), ведавшему московским Печатным двором: «Господин Мусин-Пушкин, письмо ваше купно с книшками Римплеровыми и Боргсдорфовыми дошли, также и азбука, но печать во оных книгах зело пред прежнею худа, нечиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб там хорошо печатали, как прежние, а имянно против кумплементальной и слюзной. Також и переплет против оных же, ибо нынешней присылки переплет очюнь дурен, а паче всего дурен оттого, что в кореню гораздо уско вяжет, отчего книги таращатся, и надлежит гораздо слабко и просторно в кореню делать»⁴.

Речь шла об изданиях «Римплерова манира о строении крепостей» и «Побеждающая крепость» А.Э. Боргсдорфа. Петр сравнивал их с ранее вышедшими «Книгой о способах, творящих водохождение рек свободное», рассказывающей о строительстве шлюзов («слюзная книга»), и с книгой «Приклады, како пишутся комплементы разные...» (названная Петром I «кумплементальной»).

Необычайно строг был царь и относительно качества и сроков выполнения переводов, выговаривал за промедление. В 1718 году Мусин-Пушкин писал переводчику Поликарпову: «Да для чего, спрашивал государь, по сию пору не переведена книга Виргилия Урбина о начале всяких изобретений, книга небольшая, а так мешкаете. Отпиши о том Лопатинскому». Дело все же не сдвигалось с места, и Мусин-Пушкин сообщал Поликарпову: «Писал я к тебе многожды о переводе книг, и чтоб говорил ты отцу Лопатинскому, дабы скорее переводил, а ныне Великий Государь приказал, ежели не переведут книг, лексикона и прочих, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведут»⁵.

В 1724 году Петр направил гневное послание в Синод по поводу перевода первой части сочинения В.Г. Гохберга о немецком сельском хозяйстве: «Понеже немцы обькли многими рассказами негодными книги свои наполнять, только для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткаго пред всякою вещью разговора переводит не надлежит»⁶. И для наглядности сам сократил «негодные» места в книге и приложил ее для образца.

Об издании книги Самуила Пуффендорфа «Введение в историю европейскую...», состоявшей из двух трактатов, Петр давал следующие указания: «Первой о должности человека и гражданина, другой – о вере христианской; но требую, чтобы первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужде бытъ, и прошу, дабы не по конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем»⁷.

Требовательность Петра I к качеству переводов особенно хорошо видна в его письме переводчику И.Н. Зотову: «Книгу о фортификации, манеры Блонделевой, которую вы переводили, мы оную прочли, и разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учить оной фортификации делать, также в табелех мера не именована, футы ли или тоузы, то зело темно и непонятно переведено, которой лист, переправя, вклеили в книгу, а старый вырезаф, притом же посылаем, где сами увидите погрешение или невнятность»⁸.

Нужда в переводчиках была велика. Помимо специальных переводчиков – М.П. Шафирова, Ф.П. Поликарпова, Б. Волкова В. Козловского, Ф. Кролика – переводили все, кто знал толк в языках, в том числе ближайшие сподвижники Петра I – Я.В. Брюс, К.Н. Зотов, А.А. Виниус, деятели церкви – Г. Бужинский и Ф. Лопатинский; заставляли переводить даже пленных шведов.

Сам Петр I говорил по-голландски, понимал по-французски и по-немецки. Требовал хорошего знания языка и от других. За год до смерти он подписал указ: «Для переводу книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть то не может. Того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые уме-

ют языка, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам... Художества же следующие: математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектур, цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис, гидротика и прочия тому подобныя»⁹.

Петр I брал с собой в поход не только книги, но даже типографский стан. Такой походный стан был специально изготовлен в 1711 году и находился при нем во время Персидского похода в 1722 году. На нем печатались воззвания по-турецки.

Основание Санкт-Петербургской типографии

29 апреля 1710 года Петр I писал из Санкт-Петербурга в Москву Мусину-Пушкину: «Станок друкарный (печатный. – *И.Б.*) с новыми литерами... сюда прислать по первому зимнему пути со всем, что к нему принадлежит, также и с людьми»¹⁰. Одновременно велено было прислать наборщиков, тередорщиков (печатников), батырщиков (набойщиков краски на печатные формы), переплетчика с помощником. Почему-то последние «ухоронились». Петр велел их сыскать и доставить в Санкт-Петербург. Остальные приехали в начале 1711 года – четыре наборщика, два тередорщика, два батырщика с типографским станом и шрифтами. Этот год считается годом основания Санкт-Петербургской типографии – первой в городе.

Постепенно штат типографии разросся. В 1712 году прибыли из Москвы гравировальный мастер Девит и семь мастеровых Печатного двора. Через два года привезли еще два типографских стана. Перевели в Санкт-Петербург и гравировальную палату «грыдырованных дел мастера» Петра Пикарта – пасынка завербованного на русскую службу голландского гравера Адриана Шхонебека.

Доставили сюда и тот самый походный печатный стан, сопровождавший Петра I «при турецкой акции». В 1726 году в Санкт-Петербургской типографии было занято восемьдесят человек – тринадцать наборщиков, двенадцать батырщиков, десять тередорщиков, четыре словолитца, один мастер «пунсонного дела» и другие. В гравировальной мастерской кроме Пикарта трудились русские мастера Алексей Зубов, Иван Мякишев и Алексей Ростовцев. В год на оплату штата шло 3562 рубля 79 копеек – дело было по тем временам обширное.

Новоустроенная типография именовалась Государевой письменпечатней. Называли ее и иначе: Санкт-Петербургская типография, Государственная типография, а то и просто Друкарня. Петр называл ее «своей» типографией.

Во главе Санкт-Петербургской типографии стоял цейх-директор Михаил Петрович Аврамов (1681–1752). Юношей он был послан Петром I учиться в Голландию. В начале XVIII века служил дьяком в московской Оружейной палате, затем переехал в новую столицу. У него же в доме на Городском (Петроградском) острове поначалу размещалась и сама типография. В 1713 году ее перевели в отдельное строение, в небольшой фахверковый (мазанковый) домик в три окна, сооруженный вблизи моста Петровских ворот Петропавловской крепости. На близлежащей Троицкой площади тогда располагался административный центр города.

Первой в Санкт-Петербургской типографии была напечатана «Реляция (известие. – И.Б.) о взятии крепости Новогеоргиевской». Она вышла из печати 11 мая 1711 года. Затем последовали «Реляция о поведении бывшем в армии Его Царского Величества маяя 30 числа 1711, о бою с турка и постановлением вечного мира», «Книга журналов, описующих взятия фортеций и баталий в швецкой войне», «Изъявление феирверка в день Новаго 1712 года», «Казания (проповеди. – И.Б.) о милости с истиной». Две последние до нас не дошли и известны лишь по описаниям.

Первая же точно датированная книга вышла из Санкт-Петербургской типографии 7 июля 1712 года. Это «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» Э.Ф. Кромпейна. В числе первых была и «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества российских во взятии преславных фортификацей и на разных местах храбрых баталий учиненных, Над войски Его Королевского Величества Свейского», начатая печатанием в 1712 году. Своим удлиненным форматом она напоминала альбом.

«Книга Марсова» была задумана как памятник славы русского оружия. Она содержала реляции и «журналы» о победах русских войск в Северной войне и дополнялась новыми материалами в ходе печатания. Сброшюровывали листы, когда появлялась надобность, по «внезапному требованию» Петра I.

Главное достоинство книги – помещенные в ней гравюры. В первом издании, вышедшем в 1713 году, их было восемнадцать: портрет Петра I, тринадцать планов городов и крепостей, взятых русскими войсками (Слюсельбург, Ниеншанц, Дерпт, Нарва, Митава, Эльбинг, Выборг, Рига, Дюнемонде, Пернов, Кексгольм, Аренсбург, Ревель) и четыре диспозиции сражений, включая Полтавскую битву. Над гравюрами трудились, как тогда говорили – «грыдыровали», А. Шхонебек, П. Пикарт, А. Зубов. Заглавный лист «Книги Марсовой» украшала заставка, изображавшая вид на Неву и Петропавловскую крепость.

Изданию «Книги Марсовой» Петр I уделял много внимания. Он часто бывал в типографии, просматривал пробные оттиски, читал и

правил корректуру. В Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге сохранился экземпляр «Книги Марсовой» с его собственными правками: название города Юрьева исправлено на Дерпт, «нарочитый флот» – на эскадру, а «кавалеры» заменены офицерами. Петр I вносил поправки и в гравированные рисунки.

Реформа шрифта

В Санкт-Петербургской типографии печатались так называемые гражданские книги. Так стали называть книги, напечатанные новым шрифтом, введенным Петром I в России еще в 1708 году и окончательно утвержденным им в 1710-м. До этого времени все книги в России печатались кириллическим полууставом. Светское, утилитарное содержание книг петровского времени резко контрастировало с громоздким рисунком церковнославянских литер. Издревле русский алфавит вобрал в себя черты греческого полууставного письма. Перебирая по европейскому образцу всю Россию – города и веси, облик людей, их быт и образ мышления... Петр I остро чувствовал несоответствие внешнего вида книги ее содержанию. Проведенное им преобразование шрифта было подобно законодательному введению царским указом ношения европейского платья и бритья бород. Это тонко подметил еще М.В. Ломоносов, заметивший, что «при Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды».

Литеры, близкие по рисунку латинским, появились еще в амстердамских изданиях Тессинга и Копиевского. Над созданием новых букв и отливки по ним литер в начале XVIII века трудились чертежник и рисовальщик Куленбах, талантливый словолитец Михаил Ефремов. Надзирал за всем предприятием уже упоминавшийся И.А. Мусин-Пушкин. Эскизы букв выполнил и сам Петр. Работа заняла несколько лет.

23 мая 1707 года¹¹ Петр подписал указ, повелевавший «сделать вновь азбуки против образцов на русском языке каковы образцы из походу привез боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин и в приказе книг печатного дела мастеровым людям словолитцом Григорию Александрову, Михаилу Ефремову, Василию Петрову сей великого государя имянной указ сказан, чтоб им словолитцом против тех присланных образцов азбуки, пунсоны и материцы делать с великим поспешением и тщанием»¹².

Долгое время считалось, что в основу новой азбуки были положены начертания латинских букв – так называемой антиквы. Известный отечественный специалист по шрифтам А.Г. Шицгал доказал, что создатели ее ориентировались на русские рукописные образцы конца XVII– начала XVIII века, уже отличавшиеся от церковносла-

вянского письма: очертание букв в них более округлое, простое и ясное. Впрочем, в рисунке новых букв очевидно и влияние латиницы.

Первая книга, набранная новым шрифтом, – «Геометрия славенски землемерие» – вышла в 1708 году. Затем были напечатаны уже упоминавшиеся «Приклады како пишутся комплементы разные» и «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное».

Однако работа над новым шрифтом продолжалась. По указанию Петра I в азбуку вносили новые изменения. Наконец, в 1710 году ему представили на утверждение проект с «изображениями древних и новых письмен славянских, печатных и рукописных», на котором царь начертил: «Сими литеры печатать историческия и мануфактурныя книги, а которыя подчернены, тех в вышеписанных книгах не употреблять». В Московской типографии книги печатались то новым, то старым шрифтом. Санкт-Петербургская же типография использовала только новый – гражданский – шрифт.

К нему привыкли не сразу. Реляции, афиши, публицистические сочинения – все, что шло «в народ», еще долго печатали кириллицей – так казалось привычнее, понятнее. В.К. Третьяковский признавался: «Сия очам российским сперва было дико, и делало некоторое затруднение в чтении, особливо ж таким, которые и старую московскую с превеликою запинкою читают»¹³.

Книги гражданской печати

Одна за другой выходили из Санкт-Петербургской типографии книги гражданской печати: «Книга ордера, или Во флоте морских прав» с гравюрой на меди, изображавшей Неву и Петропавловскую крепость, «Книга считания удобного ко употреблению всякому хотящему без труда познати цену или меру какия вещи», «Лявреа, или Венец безсмертныя славы... князю... Меншикову», «Книга пропорции оснастки кораблей англинской», «Книга устав воинский» и многие другие.

В 1716 году вышла в свет книга «География, или Краткое земнаго круга описание», выдержавшая в первой четверти XVIII века четыре переиздания. Помимо другого географического материала в ней содержались таблицы долготы и широты различных городов мира. В русском издании таблицы были дополнены географическими координатами крупнейших русских городов.

Сочинения нидерландского механика, физика и математика Христиана Гюйгенса «Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах и их украшениях» издавалось дважды – в 1717 и 1724 годах. Это было первое в России печатное издание, в котором в популярной форме доходчивым языком излагалась теория Коперника, описыва-

лись строение Солнечной системы, строение и движение планет. Гюйгенс допускал наличие органической жизни на других планетах Вселенной.

Директор Санкт-Петербургской типографии М.П. Аврамов получил в 1716 году приказ Петра напечатать книгу Гюйгенса целым «выходом» (заводом), в количестве 1200 экземпляров. Ознакомившись с рукописью, Аврамов пришел к выводу, что это – «атеистическая книжищица сумазбродного автора». «Встрепенувшись сердцем и ужаснувшись духом», он решил сократить тираж до тридцати экземпляров, воспользовавшись тем, что Петр I в это время был за границей. Когда царь вернулся, Аврамов послал ему покаянное донесение, в котором писал, что «оная книжищица самая противная, богомерзкая» и что «автора и переводчика этой книги следовало бы сжечь»¹⁴. В дальнейшем «Книга мирозрения...» подвергалась преследованию как богохульная.

Любопытна напечатанная Санкт-Петербургской типографией в 1724 году книга «Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана на французском языке». Хотя ее авторство в русском издании приписано французскому маршалу Вобану, выдающемуся знатоку военно-инженерного искусства, в действительности же эту книгу, посвященную фортификационному мастерству Вобана, сочинил де Камбрэ. Именно так значится на титуле французского издания: «*Maniere de fortifier de Mr de Vauban... mis en ordre par Mr le Chevalier de Cambray*».

В предисловии к русскому изданию книги говорилось: «Единым словом глаголя такового доселе о фортификации учения кратко, ясного и удобопознаваемого, искусный свет европейский не видел». Специалисты длительное время спорили о переводчике этой книги. В предисловии к ней утверждается, что она по распоряжению Петра I «переложена есть Василием Суворовым», то есть отцом будущего прославленного полководца. Имеется и свидетельство Александра Суворова, правда, в пересказе его адъютанта Е.Б. Фукса, что он обучался в детстве по книге Вобана. Суворов якобы говорил Фуксу: «Покойный батюшка перевел его (Вобана. – И.Б.) по высочайшему повелению государя императора Петра Великого с французского на российский язык, и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода, изволил сам меня руководство к познанию сей для военного человека столь нужной и полезной науки»¹⁵. Сомнения в авторстве перевода возникли потому, что Василию Суворову, когда он переводил «Истинный способ укрепления городов...», было самое большее 15 лет. Ясность в этот вопрос внес историк техники и технической книги В.В. Данилевский. Он документально установил, что В.И. Суворов состоял с 9 мая 1722 года при Петре I денщиком и переводчиком и по должности своей, естественно, мог переводить книгу де Камбрэ¹⁶. Что же касается воз-

раста переводчика, то в XVIII веке известно немало случаев, когда книги переводили учащиеся цифирных школ, кадетских училищ и корпусов, даже более молодые, чем Василий Суворов.

Книга «Истинный способ...» де Камбрэ примечательна еще в одном отношении. К ней приложен словарь, включающий 350 военных терминов. Составил этот первый русский военный словарь тот же Василий Суворов, изучавший за границей военно-морское дело. Именно с этой книги и словаря, как уже было сказано, началась военная школа будущего генералиссимуса А.В. Суворова.

Книга «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению», напечатанная в Санкт-Петербургской типографии в 1717 году, представляла собой учебник, в котором излагались правила поведения и хорошего тона. Она неоднократно переиздавалась в XVIII веке, ее часто переписывали и от руки. Вот одно из содержащихся в ней наставлений: «Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: в первых обрежь свои ногти да не явится якобы оныя бархатом обшты, умой руки и сяди благочинно, сяди прямо и не хватай первой в блюдо, не жри как свинья... не сопи егда яси... ногами везде не мотай, когда тебе пить не утираи губ рукою, но полотенцом... Не облизывай перстов, и не грызи костей, но обрежь ножом, зубов ножом не чисти, но зубочисткою... еж, что пред тобой лежит, а инде не хватай... над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши... часто чихать, сморкать и кашлять не пригожо»¹⁷. Эта книга – перевод с немецкого, и по сравнению с оригиналом перевод звучит грубовато.

В 1726 году в Санкт-Петербургской типографии вышла третьим изданием, пожалуй, наиболее знаменитая книга Петровского времени – «Приклады како пишутся комплементы»¹⁸ разные». Книга представляет собой письмовник, предлагавший образцы писем и деловых бумаг, содержавших обороты речи, общепринятые в Западной Европе. «Образцы» приводились на любой случай: «Объявительное писание о супружестве», «Благодарственное писание за угощение», «Поздравление к Новому году», «Сожалетельное писание к некоторому министру, у которого жена умре», «Благодарственное писание к некоторой госпоже о дозволенном доступе». Встречается в ней и такое: «Утешительное писание от приятеля к приятелю, который злую жену имеет». Всего в книге собрано 130 «комплементов» – «поздравительные, просительные, утешительные, сожалетельные».

«Приклады» велел перевести сам Петр I. Подобно «Юности честному зеркалу», они имели большое воспитательное значение. До того в письмах русских людей употреблялись уничижительные формулы, типа «раб твой», «рабыня твоя», и ко всем людям, независимо от возраста и звания, обращались на «ты». Например, так: «Государю

моему брату князю Василию Васильевичу братишко твой Ивашко Куракин челом бьет», «Государю моему князю Василию Васильевичу женишка твоя Дунька челом бьет до лица земного...»¹⁹.

«Приклады» вводили в обиход вежливое обращение на «вы». По форме своей письма отличались большим уважением к другим людям и чувством собственного достоинства: «Моя госпожа», «Мне драгоценнейший приятелю», «Ваш моей госпожи прилежный слуга».

«Ведомости» – первая русская печатная газета

В Санкт-Петербургской типографии печатались знаменитые петровские «Ведомости» – первая в России печатная газета. До нее в XVII веке в Посольском приказе в Москве составлялись в единственном экземпляре для царя и его ближайшего окружения рукописные «Куранты». В них содержались сообщения о событиях за рубежом, почерпнутые из иностранных газет и журналов.

Первый номер петровской газеты вышел в Москве 17 декабря 1702 года, второй появился там же спустя десять дней и назывался особо: «Юрнал (журнал. – И.Б.) или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостию Нотенбурхом чинилось сентября 26 числа в 1702 году». Оба они не дошли до нашего времени и известны лишь по рукописным копиям.

Номер от 2 января 1703 года сохранился в печатном виде. В нем сообщались последние новости: «На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мортиров вылиго 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40000 пуд лежи».

«Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили».

«В математической Штурманской школе более 300 человек учатся и добре науку приемлют».

«Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем».

«Из Казани пишут: на реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль московскому государству».

Со 2 января 1703 года газета «Ведомости» стала выходить более или менее регулярно. Именно с этой даты начинается свое летосчисление отечественная журналистика.

Внешне петровские «Ведомости» ничем не напоминали современные газеты. Размером «в осьмушку», они состояли из 4-8 страничек, сложенных в виде брошюры, но не сшитых.

11 мая 1711 года в Санкт-Петербурге вышел первый листок «Ведомостей». С этого момента газета попеременно печаталась в Москве и в Санкт-Петербурге. В том же году на первой полосе в шапке газеты появилась гравюра, изображавшая вид с Невы на Петропавловскую крепость и летящего Меркурия, считавшегося покровителем торговли и вестником богов, с трубой и жезлом. Выполнил ее А.Ф. Зубов. С 1717 года «Ведомости» печатались только в Санкт-Петербурге и только гражданским шрифтом.

Тираж «Ведомостей» колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров. Различной была и периодичность – от одного-трех – до 30-40 номеров в год. Цена газеты определялась ее содержанием. «Ведомости» являлись официальным органом, и Петр лично следил за изданием газеты, правил отдельные материалы и целые номера, составлял реляции. По его требованию корреспонденции в «Ведомости» писали также военачальники – «енералы» и адмиралы.

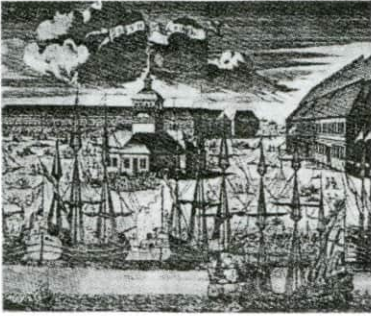
Непосредственно редактированием газеты занимались поочередно директор Печатного двора в Москве Федор Поликарпович Поликарпов (Орлов) (?–1731) и цейх-директор Санкт-Петербургской типографии Михаил Аврамов. С 1719 года редактирование «Ведомостей» было поручено переводчику Коллегии иностранных дел Борису Волкову. Имелся у «Ведомостей» и свой придворный хроникер – переводчик Яков Синявич. Его принято считать первым русским репортером.

«Ведомости» служили возвеличению Российского государства, отмечали успехи науки, просвещения, торговли, промыслов. Многие реляции посвящались военным событиям и прежде всего сражениям Северной войны. Публиковались в «Ведомостях» и иностранные новости. Материал для них черпали из зарубежных газет и журналов; писали в газеты и русские посланники, дипломаты, аккредитованные при европейских дворах.

Борис Волков свидетельствовал: «Сии куранты нравны его императорскому величеству, который сам соизволит их прочитывать и погодно собирать, яко все куриозный в литературе монарх»²⁰.

Сенатская типография. Типографии Александро-Невского монастыря и Морской академии

В начале XVIII века Государева письмопечатня была первой и самой крупной типографией в Санкт-Петербурге, но не единственной. По указу Петра от 17 декабря 1718 года из нее перевели один типографский стан со всеми припасами и штатом в Сенат для печатания указов. Руководил новым производством Иван Никитин – старейший наборщик Санкт-Петербургской типографии.

Троицкая площадь в XVIII веке.
Гравюра А. Ростовцева

Печатание гравюр во времена Петра I.
Иллюстрация из книги С.Ф. Либровича
«История книги в России»

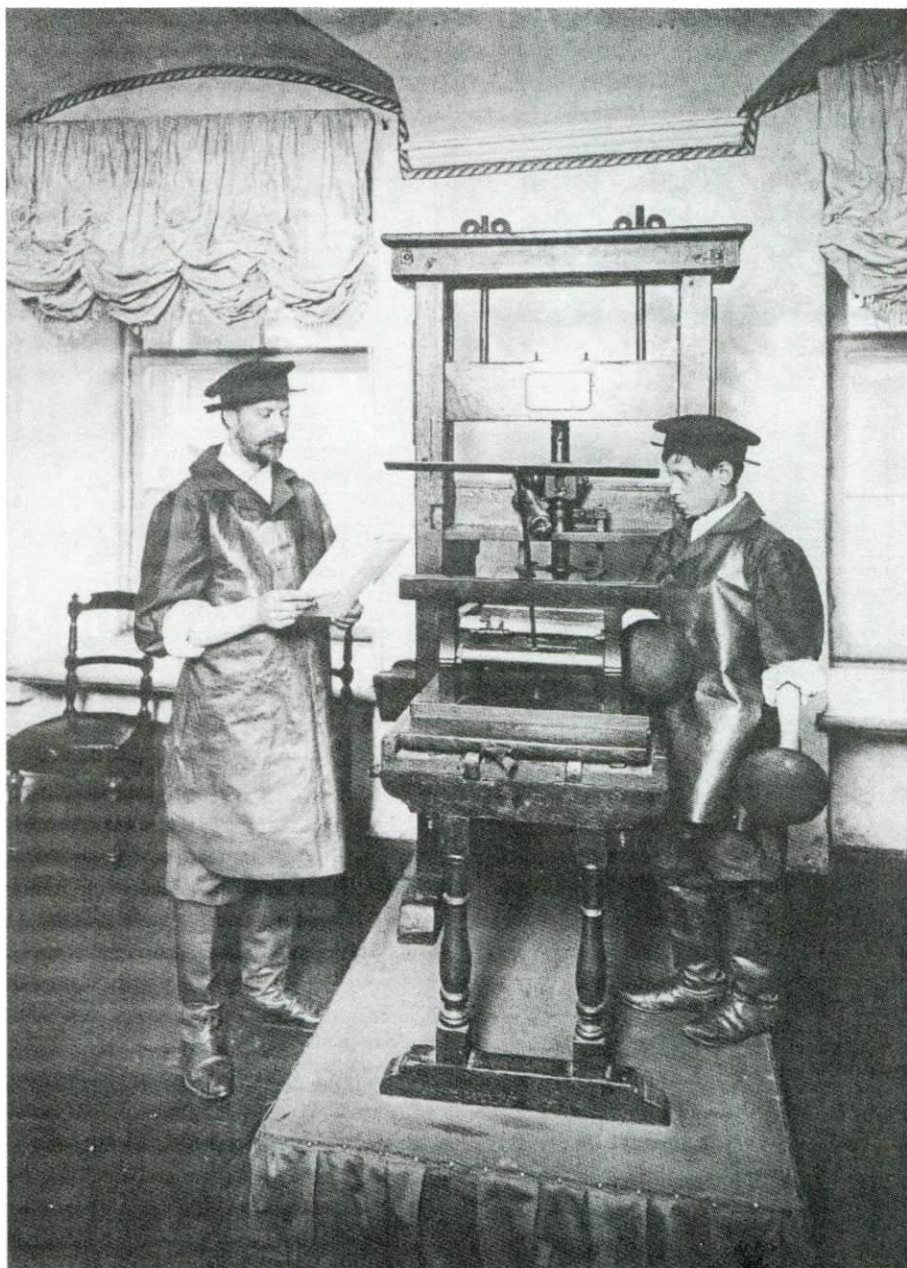
П Р И К Л А Д Ы
 К А К О П И Ш У Т С Я
 К О М П Л Е М Е Н Т Ы
 Р а з н ы е н а н е м е ц к о м б ъ я з ы к ъ ,
 Т О Е С Т Ь П И С А Н И Я
 О Т Ь П О Т Е Н Т А Т О В Ъ
 К Ъ П О Т Е Н Т А Т О М Ъ ,
 П о з д р а в и т е л ь н ы е : и с о ж а л ъ т е л ь н ы е , и и н ы е :
 Т а к о ж д е м е ж д у с р о д н и к о в ъ
 и п р я т с л е л ь .
 П е р е в е д е н ы с ъ Н е м е ц к о г о н а Р о с с и й с к и й я з ы к ъ
 н а п е ч а т а н ы е п о в е л ѣ н ы м ъ б л а г о ч е с т и -
 в ѣ ш ы й ш о г о в е л и к о г о Г о с у д а р я Ц а р я ,
 I в е л и к о г о К н я з я
 П Е Т Р А А Л Е К С И Е В И Ч А
 В с я в е л и к я : и м а л ы я ю б ѣ д ы р о с с и й
 с а м о д е р ж ц я .
 П р и б л а г о р о д н ѣ ш е м ъ Г о с у д а р ѣ ц а р е в и ч ъ ,
 I в е л и к о м ъ К н я з ъ
 А Л Е К С И И П Е Т Р О В И Ч ъ .
 В ъ ц а р с т в у ю щ е м ъ в е л и к о м ъ Г р а д ѣ М о с к о в ѣ .
 л ѣ т а Г о с п о д ь н я 1708. А п р ѣ л я .

Заглавный лист книги «Приклады како
пишутся комплементы...». 1708

Первая страница
гражданской
азбуки с исправле-
ниями Петра I

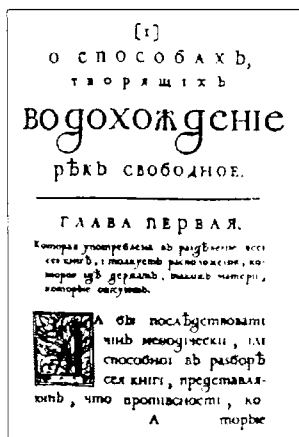
Заглавный
лист книги
«Символы и
эмблемата».
Амстердам.
1705

Сенатская типография.
Печатный станок Петра I. 1903

Книжная лавка времен Петра I. Иллюстрация из книги С.Ф. Либровича «История книги в России»

Начальная страница книги «О способах, творящих водохождение рек свободное». 1708.

Заглавный лист газеты «Ведомости». 1711

Первые издания Сенатской типографии датированы 1721 годом. В ней печатались законодательные документы по гражданской части – указы, манифесты, реляции, регламенты. Другим «дочерним» предприятием Санкт-Петербургской типографии стала типография при Александро-Невском монастыре, открытая по инициативе сподвижника Петра епископа Феофана Прокоповича. По указу от 13 декабря 1719 года туда также был передан типографский стан. Руководил типографией Александро-Невского монастыря справщик (корректор. – И.Б.) Степан Рудин.

Печатали при монастыре кириллическим шрифтом, но не только богослужебную литературу, а и учебники, книги нравоучительного свойства. Здесь печатались «Слова» (поучения) Феофана Прокоповича и другого сподвижника Петра – церковного публициста Гавриила Бужинского. В переводе последнего вышел «Феатрон, или Позор исторический» Стратемана. В предисловии к «Доброхотному истории любителю» переводчик знакомил читателя с тогдашними понятиями об истории, о ее пользе и назначении.

С 1720 по 1724 год в типографии при Александро-Невском монастыре было напечатано двенадцать изданий букваря Феофана Прокоповича «Первое учение отроком». Эта книга имела не меньшую популярность, чем «Юности честное зеркало». В ней говорилось не только о пользе письма и чтения, но и о необходимости не употреблять это умение во вред другим людям и обществу в целом. «За лишением доброго воспитания, когда читать и писать научились, глухое то искусство обращают себя на оружие злобы: и пишут клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пашквили, портят записи, договоры, духовницы, притворяют указы. Нецьи же, помышляя о себе, что понеже читать умеют, велми мудры суть, дерзают вымышлять плевелная учение, мнимая им богословская, и в народе раскол делают. И кто изочтет безчисленная таковых книжников злодействия, пером их творимая!»²¹.

Еще одна типография была учреждена в Санкт-Петербурге по указу Петра I при Морской академии. Это учебное заведение возникло на базе Навигацкой школы, переведенной в Санкт-Петербург из Москвы в 1715 году. С 1718 года Морская академия располагалась на набережной Невы, вблизи Адмиралтейства, в бывших «Кикиных набережных палатах» (современная Дворцовая наб., участок дома № 36), отошедших, как и другая недвижимость А.В. Кикина, в казну. Оборудование для типографии Морской академии поставила все та же Государева письмопечатня в январе 1720 года. Продукция типографии носила сугубо ведомственный характер. Здесь печатались указы Адмиралтейской коллегии, пособия и руководства по военному и военно-морскому делу. Первая книга из этой типографии – сочинение директора Морской академии Г.Г. Скорнякова-Писарева «Наука статистическая, или механика» – вышла в феврале 1722 года.

В 1724 году в типографии Морской академии было напечатано составленное в форме вопросов и ответов руководство по управлению кораблем и командованию, написанное капитаном флота Кононом Зотовым. Называлось оно «Разговор у адмирала с капитаном о команде, или Полное учение како управлять кораблем во всякия разныя случаи».

Книжная торговля

Одновременно с книгопечатанием в новой столице развивалась и книжная торговля.

В январе 1714 года при Санкт-Петербургской типографии открылась книжная лавка. Размещалась она в Гостином дворе на Троицкой площади и походила более на кладовую. Груды книг лежали на полках и на полу. Под широким прилавком покоились «грыдырованные куншты» и карты. Стены украшали царские «персоны», изображения кораблей, «галиота свейскаго» и другие гравюры.

Первыми управляющими книжной лавкой были типографы – теродорщик Василий Евдокимов и станочник Михайло Васильев. Свою печатную продукцию Санкт-Петербургская типография сдавала под отчет подьячему Федору Василькову, которого сменил позднее Андрей Чупреянов. Хранили ее в «казенном амбаре» на Оружейном дворе. Находился он в районе бывшей Оружейной улицы (ныне ул. Мира), на Городском (Петроградском) острове. Здесь жили переведенные в 1711 году на поселение «мастеровые люди разных художеств» из Оружейной палаты в Москве. Из амбара книги отпускались в книжную лавку.

Книги светского содержания стоили недорого и раскупались неплохо. Издание книг Петр I считал делом государственной важности и не стремился извлечь из него прибыль. В первый год деятельности лавки было выручено 192 рубля 58 копеек. Деньги шли на бумагу, свечи, дрова и на покрытие типографских расходов. Более всего было продано книг в 1719 году – на 2814 рублей 13 копеек. Стоимость же поступивших в тот год в продажу книг составила 7581 рубль 76 копеек. В итоге в книжной лавке и на складе скопилось немало нереализованной продукции. По этой причине мастерам в типографии часто платили не деньгами, а... книгами! В 1726 году деньгами было выдано 1760 рублей 76 копеек, а книгами – на сумму 2736 рублей 84 копейки. Аргументировали эту меру так: «Дабы оные книги от лежания не истлели».

Расплачивались книгами и в дальнейшем, причем не только с персоналом типографии, но и в Академии наук. Так, будущий академик Алексей Протасов на свою просьбу о выдаче ему жалования за прошлый год, чтобы сшить к зиме теплое платье, получил «Опи-

сание триумфальных ворот» и еще несколько книг из академической книжной лавки.

Большим спросом у населения пользовались календари, в которых не было святцев, но зато указывалось время восхода и захода солнца, а также воинские уставы, газета «Ведомости», азбуки, реляции. Хорошо продавалась историческая и географическая литература: «История о разорении Иерусалима», «История о разорении града Трои», «География, или Краткое земного круга описание».

Художественная литература при Петре I почти не издавалась, даже переводная. Исключение представляют «Эсоповы притчи». Петр любил басни мудрого Эзопа, знал многие из них наизусть и охотно цитировал при случае. Традиционно любимые русскими читателями произведения назидательного характера – «гистории», «хождения», «повести» и «сказания» – по-прежнему переписывались от руки и распространялись во множестве списков по стране.

Всего с 1701 по 1724 год в России было издано 1877 названий книг и другой печатной продукции (листовки, афиши, календари). Из них в Санкт-Петербургской типографии напечатано 691 издание, в типографии Морской академии – 19, в Сенатской – 64, в Александро-Невском монастыре – 27²². Тиражи некоторых изданий часто расходились с трудом. Потребности русского общества не всегда совпадали с тем, что ему предлагали петровские типографии.

Многие не реализованные при жизни Петра I книги уже после его смерти перемололи на бумажную муку. Исследователь книг гражданской печати XVIII века В.Я. Адарюков, ссылаясь на опись 1752 года, писал, что в складах Синодальной типографии накопилась такая масса нераспроданных изданий, что их велено было брать на обертку и продавать на бумажные фабрики. Часть петровских изданий тогда же сожгли. Такие случаи повторялись и в последующие годы²³. Все это привело к тому, что в наше время петровские издания весьма редки. В том числе и те, на которых стоит марка «Государева письмопечатня».

глава 2

ВО СЛАВУ НАУКИ

Основание Академической типографии

Царь Петр много ездил. Побывал в ряде стран Западной Европы. Повсюду досконально изучал все, что могло пригодиться для новой России. Во Франции его принимали особенно любезно и торжественно. Он знакомился с дворцами и музеями Парижа, посетил Королевскую библиотеку и Академию наук.

Французы демонстрировали именитому гостю всевозможные раритеты, в том числе книги и манускрипты. Присутствовал царь на химических опытах Жоффруа. Анатом Дюверней устроил для него показ весьма сложной глазной операции, а астроном Пижон демонстрировал свой глобус, показывавший движение светил по системе Коперника. На торжественном акте Петра I произвели в иностранные члены французской Академии наук. Речь произнес бессменный секретарь Академии известный писатель Фонтенель.

По возвращении в Санкт-Петербург Петр приказал своему лейб-медику Л.Л. Блюментросту составить проект Академии наук, дабы создать в России «социетет наук подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»¹.

В положении об Академии говорилось: «Тако ж устанавливаем да Академия имеет свою собственную типографию, с такою привилегиею, да вся та, яже или ко умножению учений служащая или к приращению, или славе империи прислужающая быти Академия рассудит, в печати издаются и продаются».

Печатные станки и шрифты для Академической типографии доставили в 1726 году из Голландии. О шрифтах заботились особо: книги предстояло печатать не только на русском языке, но и на других – латинском, греческом, разных европейских, восточных.

В 1727 году Академии наук был передан инвентарь Санкт-Петербургской типографии, закрытой вскоре после ареста и ссылки ее

директора Аврамова, обвиненного в подрыве самодержавной власти. Мастеров распустили, а шрифты отдали: церковно-славянский – в московскую Синодальную типографию, русский гражданский, немецкий готический и латинский – в типографию Академии наук. Сюда же перевели несколько специалистов – шесть наборщиков, двух тердорщиков, двух батырщиков, словолитцев и писца Федора Степанова. Последний был опытным корректором, много лет «сводил кавыки» – так именовалась в старину корректорская работа. В связи с ухудшением зрения Степанова взяли на половинный оклад, а ведущим корректором типографии назначили А.К. Барсова.

Академическая типография размещалась на втором этаже опустевшего дворца царицы Прасковьи Федоровны (жены Ивана Алексеевича, брата Петра I), на Васильевском острове (участок дома № 1 по Университетской наб.), переданного в 1725 году Академии наук. Помимо собственно типографии здесь размещались токарня, инструментальная мастерская, рисовальные и гравировальные классы, географический департамент, а также книжная лавка. В 1825 году Академическая типография переехала на Большой проспект Васильевского острова, 28 (угловой участок с 9-й линией), где существует и поныне как типография издательства «Наука». В 1826 году бывший дворец Прасковьи Федоровны снесли, а на его месте по проекту архитектора И.Ф. Лукини возвели Южный пакгауз Биржи, входящий в ансамбль Стрелки Васильевского острова (с 1890-х годов в этом здании находится Зоологический музей Российской Академии наук).

В 30-х годах XVIII века Академическая типография состояла из двух отделений – «русской типографии» и «немецкой типографии», в которой печатались издания на иностранных языках. Всего в конце 1740 года на производстве было занято 46 человек, из них 23 – в «немецкой типографии».

Российское собрание

С момента создания Академической типографии формально было предоставлено право «самой судить о достоинстве изданий», но воспользоваться этой привилегией ей не удалось. Согласно указу Верховного тайного совета от 4 октября 1727 года издания Академии наук должны были быть предварительно «опробованы» Синодом, а с 1743 года цензуре подвергались не только научные труды, но и все отпечатанные в Академической типографии книги. В противном случае их продажа не разрешалась.

В 1735 году по инициативе В.К. Тредиаковского и по распоряжению «командира» Академии наук И.А. Корфа было учреждено Российское собрание, в течение восьми лет (1735–1743) занимавшееся

улучшением переводов с иностранных языков с целью, «чтоб такие книги, которые здешнему народу пользу принести могут, в печати произведены были»². Распорядок работы Собрания был следующим: «Академии наук переводчикам сходиться в Академии дважды в неделю, а именно в среду и субботу по утру и после обеда, и иметь меж собою конференцию, снося и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тщание в исправлении российского языка слушающихся переводов, чего ради в оных конференциях присутствовать секретарю Тредиаковскому, адъюнкту Адодурову, а о тех конференциях журнал содержать Таубериту...»³.

На первых порах среди ученых, работавших в Академии наук, преобладали приглашенные в Россию иностранцы. Среди них было немало выдающихся деятелей науки, прославившихся своими трудами – Л. Эйлер, Д. Бернулли, И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер. Но приезжали и случайные, чуждые России люди, привыкшие ловить чины и звания. Первый русский ученый появился в Академии наук в начале 40-х годов XVIII века. Им стал сын поморского рыбака Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) – универсальный талант и замечательный патриот. Гений Ломоносова охватывал многие области. Ему были подвластны не только точный язык математики, физических и химических формул, но и «высокий штиль» изящной словесности, и тонкий фарфор, и мозаичная смальта. С ним вместе во славу отечественной науки трудились его ученики и сподвижники – В.Н. Татищев, С.П. Крашенинников, П.И. Рычков, И.И. Лепехин, Н.Н. Поповский.

Российская Академия наук набирала силу, приобретала авторитет. В ее стенах развивались физика и химия, астрономия, геология, география, математика, философия. Читались доклады, писались трактаты по различным областям знаний, создавались ученые труды. Академия исследовала природные богатства России – леса, воды, горы, недра земли.

«Санкт-Петербургские ведомости»

Академия радела «о приращении наук», о распространении знаний в обществе. Ее разнообразная и содержательная деятельность наиболее полно отражена в трудах ее членов, печатавшихся в Академической типографии. Регулярная издательская деятельность Академии наук началась 2 января 1728 года. Именно в этот день вышел в свет первый номер новой газеты «Санкт-Петербургские ведомости», ставшей преемницей петровских «Ведомостей». Ее редактором был назначен молодой немецкий ученый Герард Фридрих Миллер (1705–1783), приехавший в Россию в 1725 году и зачисленный в студенты

Академии. Одновременно он преподавал латынь, историю и географию в Академической гимназии.

«Санкт-Петербургские ведомости» выходили два раза в неделю – по вторникам и пятницам. В газете публиковали иностранные известия, придворную хронику, объявления о торгах, информацию о подьячих и продажах, о выходе новых книг и о театральных спектаклях. К газете прилагался так называемый «суплемент», содержащий официальные материалы: манифесты, указы, реляции.

Работу в газете Миллер вел с присущим ему рвением и усердием. Сам подбирал материалы, переводил известия из иностранной почты, читал корректуру. С 1730 года, после того как Миллер отошел от дел, в «Ведомостях» сменилось несколько редакторов. В 1748 году в газету пришел М.В. Ломоносов. Ему было поручено редактировать переводы иностранных известий, то есть основной материал «Ведомостей». С его появлением в газете больше внимания стали уделять новостям гражданским, научным сообщениям. Ломоносов следил за ясностью, четкостью и краткостью изложения, стремясь, чтобы публиковавшийся в газете материал был понятен всем читателям. В 1751 году ввиду занятости он отошел от газеты, и его сменил И.К. Тауберт.

«Примечания» к «Ведомостям»

В публиковавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» статьях встречалось много фактов, понятий и терминов, требовавших разъяснения для неосведомленного читателя. Сначала эти разъяснения давались тут же: «монструм – урод», «негресы суть арапы в Африке» и т.п. Но практически сразу, в том же 1728 году, Академия наук приступила к выпуску «Месячных исторических, генеалогических и географических примечаний в Ведомостях». Задуманные сначала как приложение к газете, они превратились затем во вполне самостоятельное периодическое издание – в своеобразный журнал, выходивший два раза в неделю. Кажется, не было такого профессора или адъюнкта, который бы не выступил в журнале с популярным рассказом о развитии науки, о новых изобретениях и открытиях или с описанием какой-либо достопримечательности Санкт-Петербурга. В предисловии к «Примечаниям» за 1733 год разъяснялось: «Мы, некоторые члены Академии наук, которых должность есть надлежащими средствами о распространении наук в таком народе, в котором она еще пред несколькими немногими годами в возвращение пришла, старание иметь, и наши Примечания ни для какого иного конца не выдаются, как для сего ж»⁴.

Содержание «Примечаний» было весьма разнообразным. Читатель мог прочесть здесь и очерк «Борьба воловь в Гишпании и Португа-

ли, или Битва с волами» (о бое быков), и статьи «О перпетус мобиле, непременно или непрестанном движении», «О налагании руки французского короля на больных, или О излечении желез прикосновением», «О прибывании большой воды в Неве», об инквизиции в Венеции, об открытии Америки, а также практические рецепты, описания иллюминаций и многое иное. Как периодическое издание «Примечания» перестали выходить в 1742 году, но поскольку интерес читателей к ним не иссяк, ранее опубликованные в них статьи несколько раз выпускали отдельными сборниками.

Академики принимали участие и в составлении календарей, печатавшихся на русском и немецком языках. В них также приводились сведения самого разного содержания – по истории, географии, этнографии, астрономии, о знаменательных событиях года. Первым изданием такого рода стал напечатанный в Академической типографии небольшой «Месяцеслов на лето 1729 года». Календари пользовались популярностью, их охотно покупали и читали.

Официальным научным органом Академии наук считались «Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук». Они выходили с 1728 по 1751 год на латинском языке. В «Комментариях» печатались труды академиков, публиковавшиеся большей частью, как говорили тогда, в «повести», то есть в кратком изложении. С 1750 года начался выпуск «Новых комментариев», также на латинском языке.

За рубежом внимательно следили за изданиями Академии наук, имевшими высокую репутацию в научном мире, часто переводили их и переиздавали для своих читателей. Академическими изданиями было положено начало русской научной периодике.

Журнал «Ежемесячные сочинения»

Как уже отмечалось, спрос на издания Академии в российском обществе был велик. Так, в январе 1754 года граф И.И. Шувалов – знатный вельможа, фаворит Елизаветы Петровны, прославившийся своей любовью к наукам и искусствам, обратился к Ломоносову с просьбой достать ему экземпляр «Примечаний» к «Ведомостям». Ломоносов ответил Шувалову, что сделать этого не может, «затем что их помалу было печатано и не по мере Российского государства, а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости». Воспользовавшись удобным поводом, Ломоносов предложил графу-меценату наладить выпуск еще одного журнала – «повсемесечно, или во всякую четверть или треть года, дабы одна или две материи содержались в книжке, и в меньшем формате»⁵.

И уже в январе 1755 года первый номер журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» увидел свет. «Виньет» на титуле изображал часть земного шара, где располагалась Россия, двуглавого орла с вензелем Елизаветы Петровны и солнце, в лучах которого красовалась надпись: «Для всех». Тираж «Ежемесячных сочинений» определили вначале в 2000 экземпляров, а затем уменьшили с учетом спроса до 1250.

Редактором журнала был назначен академик Г.Ф. Миллер. Редакция обещала читателям публиковать не только сугубо научные сочинения, но и популярные, а также полезные сведения «в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактурах, механических рукоделиях, строительстве» и т.д. Обращалось внимание на стиль и язык, «чтоб всякий какого бы звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи». «Ежемесячные сочинения» носили универсальный характер – в них можно было встретить статьи и сообщения самого различного назначения: о философии и экономике, о торговле, истории и точных науках, печатались также прозаические и поэтические сочинения, рецензии и краткие аннотации.

Журнал в значительной мере заполнялся переводами. В нем помещались также сочинения членов Академии наук – М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова. Так, Миллер опубликовал здесь главы из 2-й книги «Сибирского царства», «Опыт новейшая истории о России», в которой впервые освещался период со времени правления Бориса Годунова; В.Н.Татищев – «Краткую роспись великих князей Всероссийских от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия»; В.К. Тредиаковский – «Об истине сражения у Горациев с Куриациями, бывшего в первые Римские времена».

Много места в «Ежемесячных сочинениях» отводилось статьям на естественнонаучные темы. Любопытный читатель мог найти в журнале много интересного: «О свойстве и силе сахара», «...О изобретении очков», «О изобретении магнитной стрелки», «О теории движения юпитеровых спутников», «О новой и важной пользе химии...». Публиковалась и информация, имевшая практическую ценность: «Как высиживать цыплят в печи», как излечиться от «угрызения» бешеной собаки, как оживить утопленника. Или такое, например: «Рассуждение о вредности медной посуды, употребляемой к приготовлению пищи». Все это было изложено увлекательно, доступным языком, и, что немаловажно, способствовало борьбе с предрассудками, вселяло веру в науку.

Новшеством стало и появление на страницах периодического издания произведений художественной литературы и поэзии. В «Ежемесячных сочинениях» выступали В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.П. Елагин. Русская литература приобретала с помощью журнала общественное звучание, все прочнее входила в сознание читателя.

В конце 1750-х–начале 1760-х годов в Москве и Санкт-Петербурге начали выходить и другие – не академические – литературные журналы: «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумарокова, «Праздное время в пользу употребленное» и «Полезное увеселение» М.М. Хераскова. Монополия «Ежемесячных сочинений», таким образом, кончилась, и в 1765 году журнал прекратил свое существование.

Книжные издания Академической типографии

Почти одновременно с изданием газет и журналов Академия наук приступила к выпуску книг. Их тематика отличалась универсальностью, многообразием типов литературы: научная, справочная, популярная, учебники, календари... Книги издавались с учетом разнообразных вкусов и запросов – от сугубо научных и содержащих сведения прикладного характера, до нравоучительных и развлекательных. Среди них были и фундаментальные многотомные исследования, и тоненькие брошюры. Роскошно оформленные издания типа «иллюминаций» и «фейерверков» соседствовали со скромными, убористой печати практическими руководствами по разным областям деятельности. При Академии наук находились книжная лавка и склад. Стремясь к максимальной реализации своих изданий, Академическая типография периодически печатала «рописи» (каталоги) выпущенных книг, кое-где в провинции они, для привлечения внимания публики, распространялись под барабанный бой.

Издательская деятельность Академии наук в XVIII веке обогатила русскую науку и культуру многими ценными изданиями. Академическая типография считалась одной из лучших, в ней сложились свои особенные традиции, здесь трудились опытные, образованные печатники. Это была подлинная школа типографского мастерства.

Среди наиболее примечательных иллюстрированных изданий Академии наук XVIII века выделяются следующие: составленное членом Академии профессором физики Г.В. Крафтом «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санктпетербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов, с приложенными при том гридированными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году по всей Европе жестокой стуже: сочинение для охотников до натуральной науки» и книга «Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профиля», напечатанная в 1741 году. В изготовлении гравюр к ней принимали участие прославленные мастера – Х.А. Вортман, И.А. Соколов, А.И. Поляков, Г.А. Качалов и Ф.Э. Маттарнови. «Под смотрением мас-

тера Ивана Соколова» в 1753 году, был напечатан гравированный «План столичного города Санктпетербурга с изображением знатнейших онаго проспектов...».

Издание сочинений М.В. Ломоносова

Главное и самое ценное среди академических изданий этого периода – переводная научная литература, фундаментальные труды русских академиков, крупных оригинальных ученых. Первенство среди них принадлежит сочинениям М.В. Ломоносова. Трудно найти такую область знания, к которой не прикоснулся бы гений русского ученого, где бы не сказал он свое слово.

В 1752 году вышел его «Курс истинной физической химии». На сто с лишним лет опередил Ломоносов этим своим трудом мировую науку. В Академической типографии печатались и другие работы Ломоносова в области физики, химии, математики. Среди них – «Элементы математической химии», где были изложены положения новой атомистической теории и введено в научный обиход понятие о химических элементах, и «Попытка теории упругости воздуха». В этих трудах, написанных по-русски, а не на кастовой латыни, Ломоносов заложил основы отечественной научной терминологии. Им впервые были использованы такие термины, как «барометр», «атмосфера», «термометр» и ряд других, теперь уже ставших привычными. Понять и вскрыть «подлинные причины удивительных явлений природы» – такую цель преследовал первый русский академик в своих трудах, обогативших мировое естествознание.

От теоретических трактатов ученый перешел к практике. И тогда из-под его пера появились такие труды, как «Первые основания металлургии или рудных дел», в котором Ломоносов писал о рудах и минералах, способах их нахождения, о получении металлов из руд и о многом ином. В книге впервые излагались научные принципы металлургии. Этот труд на долгие годы стал учебником, которым пользовалось не одно поколение русских металлургов.

Многие гениальные научные произведения Ломоносова изложены стихами. В стихотворении «Вечерние размышления о Божием Величестве, при случае великого северного сияния» есть такие, поистине блестящие строки:

*Лицо свое скрывает день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы чорна тень,
Лучи от нас прогнала прочь.
Открылась бездна звезд полна:
Звездам числа нет, бездне дна.*

В декабре 1752 года Академическая типография получила распоряжение печатать «Письмо о пользе стекла к действительному ея императорского величества камергеру и ордену святого Александра и святыя Анны кавалеру его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову от коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова». По рассказам, появлению этого письма предшествовал следующий случай: Ломоносов как-то обедал у Шувалова, одетый в кафтан со стеклянными пуговицами, и кто-то заметил, что таких пуговиц уже не носят. Рассерженный Ломоносов стал перечислять достоинства стекла. Шувалов этим заинтересовался и попросил Ломоносова описать в стихах.

«Письмо о пользе стекла...» начиналось строфами:

*Не право о вещах те думают, Шувалов,
которые Стекло чтут ниже минералов,
приманчивым лучом блистающих в глаза:
не меньше пользы в нем, не меньше в нем краса.*

Печатала Академическая типография и исторические труды Ломоносова: «Фундаментальная Древняя Российская история», «Краткий Российский летописец» (первая печатная книга по истории России). Работая над этими трудами, ученый внимательно изучал летописи, древние грамоты, обращался к архивам, первоисточникам. По его инициативе и под его руководством готовилась к печати и частично была напечатана Кенигсбергская (Радзивилловская) летопись – первое в России издание отечественного летописного наследия.

Целую эпоху составили труды Ломоносова в области поэтики – «Письмо о правилах русского стихотворства», знаменитая «Риторика» – первый в России учебник по теории русской прозы и ораторского искусства. Ломоносов утвердил в русской поэзии силлабо-тоническую систему, развил теорию «трех штилей», способствовал сближению литературного языка и живой народной речи. Восхищаясь русским языком, Ломоносов писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка»⁶. «Российская грамматика» Ломоносова положила начало научному изучению языка. По этому учебнику русские люди осваивали грамоту еще и в начале XIX века.

В 1751 году вышло первое собрание сочинений Ломоносова, издаанию которого сам ученый придавал огромное значение. В январе 1751

года он писал в канцелярию Академии наук: «Намерен я все мои оды и некоторые другие мои сочинения отдать в печать, для того что весьма много охотников, которые их спрашивают. Для того прилагаю при сем оных собрание и канцелярию Академии наук прошу, чтоб соблаговолено было оныя напечатать»⁷.

Первый том собрания сочинений Ломоносова содержал 20 похвальных и 10 духовных од, 19 надписей и одно похвальное слово императрице Елизавете Петровне. Тираж книги по тем временам был велик – почти полторы тысячи экземпляров. Издание имело хорошее оформление – светло-коричневый кожаный переплет, виньетки в начале и в конце книги, четкий шрифт, плотная бумага.

Ломоносов намеревался продолжить издание следующих томов собрания своих сочинений. 4 августа 1755 года он подал рапорт в канцелярию Академии наук, в котором писал: «Разные мои сочинения на российском языке в стихах и прозе умножились так, что оных три тома к первому напечатать возможно», к рапорту Ломоносов приложил список своих произведений⁸. Президент Академии наук граф К.Г. Разумовский распорядился напечатать второй том сочинений Ломоносова в количестве 725 экземпляров. Но затем было решено сначала выпустить его же «Российскую грамматику», и издание второго тома отложили на неопределенный срок. Он увидел свет уже после смерти Ломоносова в 1768 году.

Ломоносов был первым русским академиком. Когда ему однажды пригрозили отлучением от Академии за строптивый нрав, он заявил: «Ломоносова от Академии можно отставить, Академию от Ломоносова – никогда!». Его влияние и авторитет были непререкаемы. «С ним шутить было накладно, – писал А.С. Пушкин о великом поморе, – он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирил за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть»⁹.

Издание сочинений В.К. Тредиаковского

Если Ломоносов мог постоять за себя, то Василию Тредиаковскому – его коллеге по Академии – это удавалось не всегда. Современники не во всем понимали этого талантливого человека, «великого труженика», подтрунивали над ним и язвили.

С детства Тредиаковского одолевала страсть к знаниям, к чтению. Он тайком бежал из Астрахани в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию, оттуда – в «европейские края», в Голландию. За границей обучился французскому языку. Пешком добрался до Парижа, слушал лекции в Сорбонне. Тредиаковский обладал разносторонними научными познаниями, но особенно велика его заслуга как реформатора русского литературного языка, русской поэзии.

В 1730 году из типографии Академии наук вышла небольшая книжечка «Езда в Остров Любви» – перевод романа французского писателя П. Тальмана, выполненный ТрEDIAKовским. Незатейливое пасторальное сочинение в оригинале было написано прозой, перемежаемой стихами. В романе в форме письма другу рассказывалось о любовных переживаниях Тирсиса и Аминты во время их аллегорических странствий по различным местам Острова Любви. Здесь и Пещера Жестокости, и Пустыня Воспоминания, и Город Надежды, Местечко Беспокойности, Замок Прямой роскоши, Ворота Отказа, Озеро Омерзелости. Это был типичный образец искусственного любовно-галантного стиля.

ТрEDIAKовский отнесся к переводу в высшей степени ответственно. Он писал в предисловии к книге: «Переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу вам болше, ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть (я не говорю о себе, но о добрых переводчиках)»¹⁰.

Таким образом жанр галантного романа требовал от ТрEDIAKовского-переводчика адекватных выразительных средств. Обращаясь к читателю, он писал: «На меня прошу вас покорно, не изволте погневаться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны, что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая не разумеют; а сия книга есть сладкия любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми: но за то у всех я прощения прошу, при которых я с глупословием моим славенским особым речеточцем хотел себя показывать...»¹¹. В результате появление русского издания романа «Езда в Остров Любви» стало событием в отечественной литературе именно благодаря переводу ТрEDIAKовского.

Президент Академии И.Д. Шумахер писал ТрEDIAKовскому: «Радуюсь хорошему успеху вашей книги между разными людьми не только по любви к вам, но и в отношении к нам. Хорошо известно, что как скоро поэзия и музыка начнут смягчать нравы народа, то владетели после того сумеют извлечь отсюда пользу...»¹². Так думали и многие другие. Успех был всеобщим. Причины этого успеха видный историк русской культуры академик П.П. Пекарский видел в следующем: «Уже один выбор самой книги, где все содержание заключается в описании различных степеней любви к женщине, к которой обраща-

ются там почтительно, ищут случаи обратить на себя внимание ея и заслужить, наконец, разными пожертвованиями благосклонность ея – все это не могло не казаться новостью для русского читателя тех времен, когда в наиболее любимых и распространенных сборниках не обходилось без статьи, в которой любовь к женщине не называлась бы бесовским наваждением, и самая женщина не считалась бы орудием сатаны, созданным для соблазна человека; когда правила, преподаваемые в Домострое об обращении с женщинами, были в полной силе и когда, наконец, прошло только двенадцать лет со времени обнародования указа, в силу которого женщины могли участвовать в общественных собраниях и беседовать вместе с мужчинами и наравне с ними»¹³.

С годами восторг читателей начал остывать. Третьяковский стали поругивать за выбор для перевода столь легкомысленной книги, за то, что он «пренебрег духом родного языка, слишком следуя французскому словосочинению» (Пекарский). В одном из писем, написанном по-французски вскоре после выхода книги в свет, Третьяковский сетовал: «Говорят, что я первый развратитель русской молодежи, как будто до меня они не знали прелестей любви... Что вы, сударь, думаете о ссоре, которую затевают со мной эти ханжи? Но оставим этим Тартюфам их суеверное бешенство... Ведь это сволочь, которую в просторечии зовут попами... Подлинно могу сказать, что книга моя вошла здесь в моду»¹⁴.

Ходили слухи, что Третьяковский сжег все экземпляры издания, которые он смог добыть. Уже с 70-х годов XVIII века книга стала библиографической редкостью. В Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге сохранился всего один ее экземпляр, да и тот ущербный. Любопытно, что во весь тираж романа Тальмана был вшит первый в России печатный нотный лист (именно в 1730 году Академическая типография освоила печатание нот) – поздравление императрице Анне Иоанновне с годовщиной коронации.

Третьяковский считался превосходным для своего времени переводчиком, равных которому в Академии наук не было. В его переводах вышли «Древняя история» Ш. Роллена, «Военное состояние Оттоманской империи» Л.Ф. Марсильи и другие сочинения. Третьяковский полагал, что переводить следует все, что может оказать пользу Отечеству. Он писал: «...Да переводят, которые цветут из наших искусством языков, все, что презряднейшее, все, что полезнейшее, все, что достойнейшее в чужих языках на наш российский язык»¹⁵.

Третьяковский не только переводил, но порой и делал переложения оригинальных сочинений. Так, в частности, он поступил с необычайно популярным у русского читателя XVIII века романом французского писателя Фенелона «Телемак». Свое переложение в стихах Третьяковский назвал «Тилемахида» (вышла в свет в 1766 году). В этом новаторском произведении впервые в русской эпической поэме употреблен

нерифмованный гекзаметр в духе поэм Гомера. Так закладывались основы поэтического «гомеровского» стиля в нашей литературе. Любопытно, как объяснял Тредиаковский тот факт, что сам Фенелон не обратился к торжественному гекзаметру. Это случилось, по его мнению, «за неспособностью французского языка к ироическому Еллинолатинскому стиху; а так называемый на том языке Александровский стих есть не стих, но прозаическая простая строчка, рифмю токмо на конце в лад гудущая... На что ж нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французскую, имеющим всякородное богатство и пространство словенороссийское»¹⁶.

Екатерина II и ее двор встретили появление «Тилемахиды» насмешками. Рассказывают, что в Зимнем дворце существовало шуточное наказание для придворных: за легкую провинность выпить стакан холодной воды и прочесть из «Тилемахиды» страницу, а за более серьезную – «выучить из оной шесть строк». Действительно, не все удалось Тредиаковскому. Говоря словами академика А.С. Орлова, «гекзаметр был грубо скован и местами вызывал смех у людей “вкуса”»¹⁷. Но прежде всего Екатерину не устраивал политический пафос романа Фенелона, критика абсолютизма, утопические идеи автора. За Тредиаковского вступились Новиков и Радищев. Радищев считал «превосходными» многие строки из «Тилемахиды», в частности эти:

*Но на ближних горах зеленели кусты виноградны,
коих листвия, как венки и цепочки висели,
грозды красней багреца не могли под кустом укрыться»¹⁸.*

Высоко оценил труд Тредиаковского и А.С. Пушкин: «Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами доказывает необыкновенное чувство изящного»¹⁹.

Издание сочинений Г.Ф. Миллера

Немало было издано Академией наук сочинений Г.Ф. Миллера, серьезного историка, который впервые привлек к работе множество архивных источников, обнаруженных им во время экспедиции в Сибирь. Рассказывали, что когда он возвращался обратно, за ним следовал целый воз с документами – его знаменитый «Сибирский архив».

Миллер опубликовал ценнейшие рукописи: «Степенную книгу», «Судебник» 1550 года, письма Петра I к Б.П. Шереметеву, «Ядро Российской истории» дипломата и историка А.И. Манкиева. Основной труд Миллера – «Описание Сибирского царства» – был напечатан в типографии Академии наук в 1750 году. Высокую оценку этому труду дал еще В.Н. Татищев. В письме к И.Д. Шумахеру от 30 марта 1749 года маститый историк писал: «С великим моим удовольствием

присланное от вас начало Сибирской истории прочитал и с благодарением возрашаю. Сие есть начало русских участных историй, и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойная в ней. Сколько труда, сколько смысла сочинителя, а наипаче образец впредь пожелающим о других приделах сочинять, чрез что слава, честь и польза России преумножится»²⁰. Труды Миллера по истории Сибири покоились на солидном научном фундаменте, который составляли архивные акты, летописи, татарские и монгольские источники, устные предания, данные археологии, этнографии, лингвистики, генеалогии...

Академик С.В. Бахрушин, оценивая вклад Миллера в изучение истории Сибири, писал: «Значение трудов Миллера заключается не только в широте охватываемого им периода, но и в попытке построить их на основах строгой научности. В лице Миллера в русской историографии выступал серьезный ученый типа исследователя-монографиста, необыкновенно четко ограничивающий свои задачи точным восстановлением фактов»²¹.

Издание сочинений С.П. Крашенинникова

Участником второй Камчатской экспедиции (1733–1743) вместе с академиком И.Г. Гмелиным в 1733–1736 годах был Степан Петрович Крашенинников. Солдатский сын, многого достигший своим рвением и способностями, он, по словам Г.Ф. Миллера, «был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благоденствием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков, и сами достойны называться начальниками своего благополучия»²².

Крашенинников путешествовал по Камчатке не один раз и в итоге написал труд – «Описание Земли Камчатки». Рукопись получила положительные отзывы адъютанта Академии И.К. Тауберта и М.В. Ломоносова. Последний признал книгу достойной напечатания «ради изрядных об оной земле (Камчатки. – И.Б.) известий»²³. В предисловии к книге, составленном Г.Ф. Миллером, говорилось: «Он (Крашенинников. – И.Б.) объездил всю Камчатку из конца в конец и имел при себе толмачей, стрелков и других людей потребных; ему позволено было пересматривать и списывать приказные дела в острогах; а когда случилось ему в делах до науки касающихся какая трудность, что профессеры могли усматривать по часто присылаемым от него репортам, то отправляли они к нему при всяком случае вновь наставления»²⁴.

Сочинение Крашенинникова универсально. В нем приводятся сведения о природе Камчатки, о камчадалах – их быте, обрядах, одежде, особенностях языка, об истории открытия Камчатки. Крашенинников впервые дал верное объяснение происхождения названия Ку-

рильских островов – от слова «кур», что на языке местных жителей – айнов – означало «человек», а не от курящихся на островах вулканов, как полагали ранее.

«Описание Земли Камчатки» вышло в 1756 году, уже после смерти ученого географа, и сразу же получило мировое признание, было переведено на многие европейские языки.

А вот как оценил сочинение Крашенинникова спустя почти два столетия после его выхода выдающийся географ Л.С. Берг: «...“Описание Земли Камчатки” есть замечательный географический труд, стоявший на высоте тогдашней науки и доселе сохранивший свое значение. Книге этой по справедливости должно быть присвоено наименование классической»²⁵.

И еще. Труд Крашенинникова привлек внимание А.С. Пушкина. Накануне своей смерти поэт составлял подробный конспект «Описания Земли Камчатки». Высказывались предположения, что Пушкин задумывал написать повесть, действие которой происходило бы в этом краю.

Другие издания по истории и географии России

О географии и истории России писали многие профессора и члены Академии. Историк и государственный деятель, сподвижник Петра I Василий Никитич Татищев создал капитальный труд «История российская с самых древнейших времен» (книга 1, 1768). Академия наук издала и другое его сочинение – «О географии вообще и русской» (1737). Незаурядную эрудицию, превосходное знание источников продемонстрировал в своей «Истории Российской от древнейших времен» (тома 1–7, 1770–1791) Михаил Михайлович Щербатов.

Немало было издано книг о российских провинциях. В их числе «Топография Оренбургской губернии» П.И. Рычкова (1762), «Путешествие по разным провинциям Российской Империи» П.С. Палласа (1773–1788), «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта по разным провинциям Российского государства» И.И. Лепехина (1795–1814).

Отметим еще одно примечательное издание – «Книги полного собрания о навигации» (1748–1753) в четырех частях. На их основе шло все дальнейшее развитие морских наук в России.

Издание сочинений Л. Эйлера

В Академии наук, как уже говорилось, с момента ее создания работало немало иностранцев. Многие из них внесли неоценимый вклад в развитие российской науки. Среди них следует в первую очередь назвать Леонарда Эйлера. Швейцарец по происхождению, он обрел в России вторую родину. Это был гениальный ученый-математик, ме-

ханик, физик. Академия наук опубликовала 473 его работы: труды по математическому анализу и дифференциальной геометрии, теории чисел, по физике и механике, теории кораблестроения и многие другие. Среди них – трехтомники «Интегральное исчисление» и «Диоптрика», посвященная геометрической оптике. Известный изобретатель И.П. Кулибин использовал приведенные в этой работе расчеты при изготовлении своего ахроматического микроскопа. Неоднократно переиздавались на русском и французском языках принадлежащие перу этого ученого «Письма о разных физических и философских материях, писанные к некоторой немецкой принцессе», печатались труды Эйлера по механике – «Механика или наука о движении, изложенная аналитически» и «Теория движения твердого тела». В 1773 году вышла на французском языке, а через пять лет – на русском его «Полная теория строения и управления кораблей». Книги Эйлера «О машинах вообще» и «Начала теории машин» имели огромное теоретическое и практическое значение, заложили основы теории конструирования машин. Выходили и более популярные работы ученого – «Руководство к арифметике» и «Универсальная арифметика». В 1766 году Эйлер был избран академиком Петербургской Академии наук.

Атласы и словари

В Академической типографии печатались первые русские географические атласы. В 1745 году был издан «Атлас российской» на русском и латинском языках. Заглавие каждой карты (всего их девятнадцать) имело декоративное обрамление, характер которого отвечал особенностям данного географического района. Так, например, на карте «Российская Лапландия»²⁶ заглавие украшено изображениями северного сияния, рыбы, белого медведя, колчана со стрелами, копья, лука, бочонка, паруса с мачтой и флагом. В составлении атласа приняли участие Л. Эйлер, Ж.Н. Делиль и В.Н. Татищев. Работа над атласом продолжалась около двадцати лет. Это был фундаментальный труд, по окончании которого Л. Эйлер с полным правом сказал: «География российская приведена гораздо в исправнейшее состояние, нежели география немецкой земли»²⁷.

Немалое научное и практическое значение имели издававшиеся Академией наук словари. Ее гордостью стал шеститомный «Словарь Академии российской», который издавался с 1789 по 1794 год. Это был первый толковый словарь русского языка. В него вошло свыше 40 тысяч слов. Изданием словаря, в составлении которого приняли участие виднейшие российские писатели и ученые – Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, И.Н. Болтин, И.И. Лепехин, С.Я. Румовский и другие, было положено начало русской научной лексикографии.

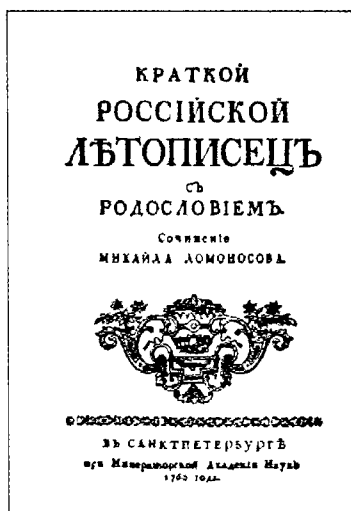

Здание типографии
Академии наук
(В.О., Большой пр., 28).
Современная фотография

М.В. Ломоносов

М.В. Ломоносов.
«Краткий
российский
летописец».
Издание Акаде-
мии наук. 1760.
Титульный лист

«Палаты Академии наук».
1714. Фронтиспис

Г.Ф. Миллер.
«Описание
Сибирского
царства».
Издание Акаде-
мии наук. 1750.
Титульный лист

Переводные издания. А.Д. Кантемир

Значительную часть печатной продукции Академии наук составляли переводы. При ней даже существовала специальная коллегия переводчиков. К оценке качества переводов привлекались опытные специалисты. Но несмотря на это, не все они получались одинаково удачными.

Среди многих переводных изданий, выпущенных Академией в XVIII веке, представляет особый интерес книга Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», появившаяся в русском переводе в 1740 году. Бернар Ле Бовье де Фонтенель, племянник великого Корнеля, член французской Академии и ее неперемный секретарь с 1699 года, прославился своими литературно-критическими трудами, трагедиями и особенно научно-популярными трактатами. Самый известный из них – «Разговоры о множестве миров», первое издание которого вышло в 1686 году. Это была блестящая работа, излагавшая в популярной форме учение Коперника и Декарта. Вольтер писал Фонтенелю: «Вы умеете сделать приятными вещи, которые многие другие философы с трудом делают понятными»²⁸.

«Разговоры» написаны в форме изящных диалогов об устройстве Вселенной между Маркизой, женщиной живой и любознательной, живущей в сельском уединении, и ее просвещенным гостем. Соответственно главы книги автор назвал «вечерами». В «Разговорах» доказывается, что Земля – это планета, которая вертится вокруг своей оси и вокруг Солнца, а неподвижные звезды – суть те же солнца, у которых имеются свои системы планет.

Сочинение Фонтенеля привлекло к себе внимание выдающегося деятеля русской культуры и одного из образованнейших людей своего времени Антиоха Кантемира – поэта, философа, дипломата. Над переводом книги Фонтенеля Кантемир трудился около десяти лет, завершив его в 1730 году. Печатать свой перевод Кантемир решил в типографии Академии наук, куда и отдал рукопись. В 1732 году он отбыл послом в Англию, оттуда запрашивал И.Д. Шумахера о ее судьбе. Шумахер всячески тянул с этой работой, боясь осложнений с цензурой. Лишь в 1740 году, то есть спустя десять лет после завершения перевода, книга наконец увидела свет. Указав в заглавии книги дату завершения перевода, Кантемир тем самым как бы подчеркивал, что столь значительная задержка с ее выходом произошла не по его вине. Переводчик посвятил свой труд «Знаменитейшей императорской Академии наук Санкт-Петербургской... в знак своего благодарства за полученное от ее мудрых членов воспитание и направление».

Перевод сопровождался обстоятельными примечаниями. Русская научная терминология к этому времени еще не была разработана, и

Кантемиру пришлось создавать новые термины. Не все предложенное им выдержало испытание временем. Не прижились такие слова, как «звездозаконие» (астрономия), «имагинация» (воображение), «словесница» (логика), «преестественница» (метафизика). Зато такие термины, как «плотность», «прозрачное тело» и «непрозрачное тело», «наблюдения», «начало», стали привычными, прочно вошли в научный и литературный языки и в разговорный обиход²⁹.

«Разговоры о множестве миров» после их выхода в свет вызвали резкое неудовольствие и злостные нападки обскурантов и мракобесов, особенно бывшего директора Санкт-Петербургской типографии М.П. Аврамова. Фанатического ревнителя старины до глубины души возмутили «богопротивные» диалоги Фонтенеля. В челобитной на высочайшее имя он писал: «Прилично ли христианам пропускать явно чрез печатные атеистические книжичища низводить в небьгие творца и бога и обличать вся его божественная творения, дела и содействия во уничтожение и в поправление всего священного писания и прочия беззаконья печатать и рассевать богопротивныя книжичищи! Яко же из Гуенсвой и Фонтенелевой печатных книжичищ сатанинское коварство явно суть видимо»³⁰. Заканчивая свою пространную челобитную, Аврамов призывал императрицу Елизавету Петровну «...заградить их нечестивые уста».

В том же духе высказался и Синод. В докладе, направленном Елизавете Петровне в 1756 году, говорилось: «Просим Академии Санкт-Петербургской, высочайшим указом Вашего императорского величества именем, запретить и везде в империи Российской публиковать, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, под жестоким за преступление наказанием, не отваживался, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную при жизни Анны Иоанновны князем Кантемиром, также и Примечания в прошедшем и нынешнем годах изданные, в которых о той же материях припоминается или другое что противное вере содержится, указать везде отобрать и прислать в Синод»³¹. Призывы Аврамова и Синода не возымели действия: Елизавета Петровна от молчалась. Тем временем весь тираж книги разошелся, а вскоре, в 1761 году, Академия выпустила второе издание «Разговоров...».

Практически сразу после выхода первого издания, в 1742 году, Кантемир писал Шумахеру: «Я чувствую, что мог бы сделать перевод более совершенным и исправить незначительные опечатки, о чем я подумаю в дальнейшем»³². Но смерть Кантемира помешала осуществить это намерение. Издание 1761 года, так же как и последующее (1802), ничем не отличалось от первого, выпущенного Академией наук еще при жизни переводчика.

Новозаведенная типография

В 1758 году, кроме уже существовавшей, при Академии наук возникла еще одна, так называемая Новозаведенная типография. Она разместилась в только что построенном архитектором С.И. Чевакинским доме на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Большой Невы (ныне наб. лейтенанта Шмидта, 1). Здание, основательно перестроенное в начале XIX века, известно как «Дом академиков» – его фасад украшают двадцать семь мемориальных досок с именами выдающихся ученых, живших здесь в разное время.

Новая типография была создана по инициативе адъюнкта Академии И.К. Тауберта, который обязался «всячески умножить в оной печатание книг как для удовольствия народного, так и для прибыли казенной»³³. Здесь печатались книги, рассчитанные на быстрый коммерческий успех, – исторические хроники, переводные французские и немецкие романы, а также произведения русских писателей – Фонвизина, Новикова, Лукина, Елагина, Кантемира. Новозаведенная типография работала самостоятельно семь лет. В 1766 году она была слита с Академической типографией.

«ВОЛЬНЫЕ»
ТИПОГРАФИИ

Вторая половина XVIII века – время Екатерины II, век Просвещения и дворянских вольностей. Начатые в 1760-х годах российской императрицей реформы в духе просвещенного абсолютизма затронули различные стороны жизни российского общества, в том числе и книгоиздание. Расценивая себя как продолжательницу дела Петра I, она и в этой области осуществила ряд преобразований, которые можно рассматривать как дальнейшее развитие тенденций, заложенных ее державным предшественником.

Особое значение для развития книжного дела имел указ о так называемых «вольных» типографиях, обнародованный в самом начале 1783 года. В нем говорилось: «Всемилоостивейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем, как в обеих столицах наших, так и во всех городах империи нашей, каждому по своей собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет»¹.

Указ поощрял частную инициативу в книгоиздательском деле. До его появления в России существовали частные типографии, но их было мало и принадлежали они иностранцам, получившим от правительства особую лицензию. Отныне возможности расширились: каждый, кто имел средства и желал того, мог заводить печатный стан и печатать книги с разрешения Управы благочиния. Указ вместе с тем носил и недвусмысленно выраженный охранительный характер. В издаваемых книгах не должно было быть ничего «противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося». Цензура возлагалась на те же Управы благочиния, которым строжайше предписывалось «в случае самовольного

напечатывания... соблазнительных книг не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были»².

Указ 1783 года заметно активизировал книгоиздательскую деятельность в стране. Новые типографии открывались в Санкт-Петербурге и Москве, в губернских центрах, даже в помещичьих усадьбах. Таким образом указ 1783 года содействовал децентрализации книжного дела, продвижению книги в провинцию, создал условия для деятельности издателей-просветителей (Н.И. Новиков, И.А. Крылов, И.Г. Рахманинов и другие). По существу, этот указ перевел книжное дело «на рельсы» буржуазного предпринимательства, ставшего господствующим в XIX веке.

Н.И. Новиков

Выдающуюся роль в истории русской культуры и издательского дела сыграл замечательный русский просветитель, общественный деятель, писатель и издатель Николай Иванович Новиков (1744–1818), «благородная натура» которого, по словам В.Г. Белинского, «постоянно одушевлялась высокою гражданской страстью разливать свет в своем отечестве».

Родился Н.И. Новиков в старинной дворянской семье. Учился в гимназии при Московском университете, из которой был уволен за отлучку без уважительной причины. С 1762 года он проходил военную службу в Измайловском полку, расквартированном в Санкт-Петербурге, откуда был направлен на работу в Комиссию по составлению нового Уложения (Свода законов).

Создание в 1767 году по повелению Екатерины II Комиссии по составлению нового Уложения стало одним из шагов в реализации задуманных ею реформ. Работу комиссии императрица «благословила» Наказом. «Для пользы своей Империи я обратила президента Монтескье, не называя его, – писала она мадам Жоффрен³, – надеюсь, что если с того света он увидит мою работу, то простит этот литературный грабеж для блага двадцати миллионов людей, какое из того должно последовать. Его книга – это мой молитвенник»⁴.

Вот как прокомментировал эти слова В. Боголюбов – автор книги «Н.И. Новиков и его время»: «Действительно, почти половина статей Наказа (около 250) прямо списаны из «Духа законов» (Монтескье. – И.Б.), но императрица неверно называет эту книгу молитвенником: из святых ее формул она взяла лишь те, что целиком соответствовали ей грешной самодержавной власти, и тщательно выкинула, что к ней не подходило...»⁵.

Унтер-офицер Измайловского полка Николай Новиков занимался в Комиссии составлением письменных документов «о среднем роде людей, которые обитают в городах и, не быв дворяне или хлебопашцы, в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах упражняются»⁶. Разбирая письма, предложения, челобитные крестьян, он сталкивался порой с такими чудовищными, вопиющими фактами российской действительности, которые не могли оставить его равнодушным.

Искренне желая быть полезным многострадальному российскому народу, служить его просвещению, Новиков обратил свой взор на издательскую деятельность. Для начала он занялся книжной торговлей и взял на комиссию книгу М.Д. Чулкова «Пересмешник, или Славянские сказки», затем выпустил уже самостоятельно книгу «Две повести: Аристоноевы приключения и рождение людей промифеевых». Переводчик книги М.И. Попов самым лестным образом отзывался о Новикове, как о человеке самобытном и честном, высоко оценил его знания, любовь к науке и словесности.

«Трутень»

В 1769 году в столице появился новый журнал, называвшийся «Всякая всячина», который редактировал Г.В. Козицкий – секретарь Екатерины II, а по существу – сама императрица. Жанр сатирического журнала был непривычен для российских читателей. Правда, «улыбчатая» сатира «Всякой всячины» ограничивалась сугубо бытовыми темами. Например, «Всякая всячина» негодовала по следующему «возмутительному» поводу: «Многие молодые девушки чулков не натягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через то поднимают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего». Публикуемые сатирические материалы сопровождалась нравоучительными наставлениями.

Впрочем, важнее было другое. «Всякая всячина» призывала множить число сатирических изданий, с радостью ожидала появления «внуков» и «правнуков». И в том же году Новиков приступил к изданию своего первого сатирического журнала «Трутень». Название журнала было достаточно красноречивым, а чтобы содержащаяся в нем аллюзия стала понятна абсолютно всем, издатель поставил эпиграфом строки из басни А.П. Сумарокова «Жуки и пчелы»: «Они работают, а вы их труд ядите». Таким образом издатель не оставлял у читателей сомнений в том, в каких «трутней» метил журнал.

Ставя своей целью издание трудов «сатирических, критических и прочих по исправлению нравов служащих», Новиков представил на страницах «Трутня» целую галерею отрицательных персонажей. Этих тунеядцев и эгоистов, плутов и мошенников, придворных бездельни-

ков он наделил соответствующими именами: Безрассуды, Змеяны, Глупомыслы и Мешковы, Наркисы и Ветрены. Они умеют «искусненько пригибать указы», рабски подражают французской моде, а в совершенстве овладели одной лишь «волосоподвигательной наукой», ибо усвоили: «хорошо завитые волосы скорее ума приметить можно: волосы снаружи, а ум внутри».

В 6-м листе (номере) «Трутня» можно было прочитать «объявление» такого рода: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям до просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города»⁷.

Тон публикаций был смелый, даже дерзкий. Читатели понимали, кого именно имел в виду издатель «Трутня». Многие смеялись, другие негодовали. В придворных кругах к журналу Новикова отнеслись резко критически: «Не в свои-де автор садится сани. Он-де начинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость нечто иное есть, как дерзновение».

Екатерина II решила одернуть издателя «Трутня». В 19-м номере «Всякой всячины» некий Афинюген Перочинов (под этим вымышленным именем скрывалась сама императрица) призывал «никогда не называть слабость пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтобы людей совершенных найти можно было, и для того – 4) просить Бога, чтобы дал нам дух кротости и снисхождения»⁸.

Новиков делал вид, что не понял наставления, продолжал выступать с сатирой «на лица». Более того, он осмелился вступить со «Всякой всячиной» в спор и даже недвусмысленно величал ее «пожилой дамой!» Весьма прозрачно намекая на это отождествление, он упрекал «Всякую всячину» (читай: Екатерину II, которая как известно была немецкого происхождения) в незнании русского языка. Новиков писал: «Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может»⁹.

Публикации «Трутня» становились все острее и острее, а тон все более обличительным. В 26-м листе Новиков поместил «Копии с отписок крестьянских», в которых они жаловались на своих помещиков, на нищету, чуть ли не требовали воли. Так, несчастный Филатка стенал в письме к барину: «По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных; только мне взять негде, остался с четверыми робятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем»¹⁰.

Новиков со страниц «Трутня» взывал к помещичьей совести: «Безрассудный! Разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? Разве не

знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком?»¹¹.

Новикова поддержали издатели других сатирических журналов, появившихся одновременно с «Трутнем». В полемику со «Всякой всячиной» вступили «Адская почта» (Ф.А. Эмин) и «Ни то, ни се» (В.Г. Рубан). Терпение императрицы иссякло, пошли придирки, досмотры, окрики – один за другим журналы закрывались. Пришлось и Новикову умерить тон. Причину этого он объяснил читателям с помощью нового эпиграфа, взятого у того же Сумарокова: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много».

А в номере «Трутня» от 22 апреля 1770 года Новиков распростился с читателями, дав им понять, что закрывает журнал не по своей воле: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь, – писал издатель, – обстоятельства мои и ваши обыкновенная жадность к новостям; а после того отвращение тому причиною»¹².

«Пустомеля»

В том же 1770 году Новиков начал издание нового журнала «Пустомеля». Дух журнала и направление остались прежними: обличение порядков при дворе, царских «ласкателей», судей, «не имеющих совести, ни чести». Продолжалась полемика со «Всякой всячиной», не прекращались – в завуалированной форме – нападки на императрицу.

Во второй книжке «Пустомели» было опубликовано сатирическое «Послание» Д.И. Фонвизина, где автор от лица кучера Ваньки заявлял:

*Куда ни отвернусь, везде я вижу глупость.
Да сверх того еще приметил я, что свет
столь много времени неправдою живет,
что нет уже таких кащеев на примете,
которые б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
слуги дворецкого, дворецкие господ,
друг друга господа; а знатные бояре нередко обмануть хотят
и государя...¹³*

Не приходится удивляться, что журнал сразу же был закрыт.

«Живописец»

В апреле 1772 года Новиков приступил к изданию нового сатирического журнала «Живописец», имевшего большой успех у читателей. Журнал касался разных вопросов современной жизни – литера-

туры, нравов дворянских недорослей, но центральное место в журнале занимал крестьянский вопрос. Ему были посвящены острые обличительные сочинения – «Отрывок путешествия в ***» и «Письма к Фалалею».

И своим названием, и содержанием «Отрывок путешествия...» был схож с книгой Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Автор «Отрывка» скрылся за криптонимом И***Т***. Еще в XIX веке Л.Н. Майков предположил, что он расшифровывается как «Издатель «Трутня»». В наше время к такому же выводу пришел Г.П. Макогоненко, с которым согласился и авторитетный специалист по литературе XVIII века А.В. Западов. Но сын Радищева утверждал, что отрывок из «Путешествия» был опубликован в «Живописце». На его свидетельство опирался русский историк и библиограф В.П. Семенников. Эту версию приняли известные литературоведы Г.А. Гуковский и П.Н. Берков. По этой причине в изданиях сочинений Радищева и Новикова «Отрывок путешествия...» включается в раздел «*Dubia*» («Сомнительное»). Таким образом, вопрос об авторстве «Отрывка» остается открытым по сей день и требует дополнительной аргументации.

Предваряя начало публикации «Отрывка» (5-й лист), издатель «Живописца» писал, что это «блюдо» «...приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато». В «Отрывке» изображена деревня Разоренная, «обиталище плача». Здесь царит произвол помещиков, с людьми обращаются, как со скотом. «Бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян, – писал неизвестный автор. – Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали речение»¹⁴. О грубых, невежественных и алчных помещиках повествуют и «Письма к Фалалею», приписываемые Д.И. Фонвизину.

Остроумно высмеивал Новиков в «Живописце» праздное дворянство, молодых щеголей и щеголих. У этих на уме одно: «Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде... воздыхать кстате, хохотать громко, сидеть разбросану, иметь приятный вид, пленяющую походку, быть совсем развязану. Вот моя наука! Она без сомнения важнее всех наук, и я знаю ее в совершенстве». А вот язык, которым объясняются эти щеголи и щеголихи: «Муштина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть. Я от тебя падаю. Ах!... ха, ха, ха»¹⁵.

Опасаясь, что антикрепостнический дух журнала может вызвать высочайший гнев, Новиков прибег к новой тактике. Он посвятил свой журнал «Неизвестному г[осподину] сочинителю комедии «О время!»», которым являлась сама Екатерина II, регулярно публиковал в «Живописце» хвалебные стихи и оды императрице.

Тем не менее «Живописец» прекратил свое существование в начале июля 1773 года. Всего вышло 26 листов (номеров) журнала. Пре-

кратился выпуск журнала, но не его читательская судьба. Огромный успех побудил предпринять его неоднократные переиздания. Начиная с третьего издания (1775) «Живописец» представлял собой уже не журнал, а книгу, включившую в себя лучшие публикации из этого журнала и кое-что из «Трутня». Книга была освобождена от случайных материалов, малозначительных заметок. Новиков предстал в ней как писатель, мастер социального портрета, как самобытный мыслитель. Четвертое издание «Живописца» вышло в 1781 году, а пятое было предпринято купцом Г. Зотовым в 1793-м, уже после ареста Новикова.

Н.А. Добролюбов писал: «Новиков... был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильной и господствующий... Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца»»¹⁶.

«Кошелек»

С 8 июля по 2 сентября 1774 года выходил последний сатирический журнал Новикова – «Кошелек». Первый лист нового издания он поднес Екатерине II. Журнал прославлял «древние российские добродетели», выступая против «французомании», «несмысленного обезьянства» дворянства. Название журнала имело двоякий смысл: «кошельком» называли кожаный или тафтяной мешочек, который натягивался на парик и прикрывал косу, – мода, пришедшая в высший свет из Франции. В предисловии к журналу Новиков писал: «Должен бы я был объяснить читателю моему причину избрания заглавия сего журнала, но и сие теперь оставляю, а впредь усмотрит он сие из превращения русского кошелька во французский...»¹⁷. На девятом листе издание «Кошелька» прекратилось.

«Опыт исторического словаря о российских писателях»

Издавая сатирические журналы, Новиков одновременно расширял и книгоиздательскую деятельность. Видя большую пользу для просвещения и развития наук в выпуске справочных изданий, публикации источников по истории России, летописей и документов, он принял в 1772 году издание книги «Опыт исторического словаря о российских писателях», с которого по праву начинается отсчет русской литературоведческой науки. Достаточно сказать, что в «Опыте» содержалось 317 биографий и справок о русских писателях от X до

XVIII века. Никого не пропустил составитель, ни одного мало-мальски известного литератора. Так, коллежский регистратор Веницеев написал несколько стихов, напечатать не успел, а в словарь тем не менее попал. О другом сочинителе в «Опытге» сказано: «Рудаков, Иван, старший наборщик в Академической типографии. Сей сочинял разные весьма изрядные стихотворения, а по большей части сатирические». В «Опытге» впервые увидели свет и его стихи. Симпатии Новикова были явно на стороне выходцев из народа, разночинцев – М.В. Ломоносова, Ф.Г. Волкова, С.П. Крашенинникова, И.П. Кулибина и других – не знатных по происхождению, но талантливых людей. В предисловии к «Опытгу» Новиков писал: «Россия о преимуществах в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются»¹⁸. Так он утверждал в читателях национальное самоуважение, взывал к их патриотизму.

«Опытг» получил широкую известность. На него ссылались, его постоянно цитировали в научных изданиях. Дени Дидро, посетивший Россию в 1773–1774 годах, в числе других русских книг вывез во Францию и «Опытг» Новикова.

«Древняя российская вивлиофика»

За «Опытгом» последовали другие его фундаментальные издания – «Древняя российская идрография» и «Древняя российская вивлиофика». Это были сборники документов, старинных русских рукописей, грамот, родословных, летописей, послужных списков. В «Древней российской идрографии» впервые была напечатана «Книга большому чертежу» – сочинение XVII века о водных путях в России. В числе наиболее древних документов, опубликованных в «Вивлиофике», – Устав князя Владимира Святославича «О церковных судех, и о десятинах, и о церковных людех» и три новгородские грамоты XIII века.

В «Вивлиофике» содержится много документов из истории дипломатии, демонстрирующих обширные связи Древней Руси с иноземными державами. Это, в частности, описания русских посольств, отправлявшихся за границу, – в Константинополь, Польшу, Китай, Венецию, Францию, Испанию, Рим, Мальту, Индию... Вот как рассказывается в книге о пребывании русского посольства во Флоренции в 1659 году:

«Флоренский... князь приказал племяннику своему, Царского Величества посланникам сказать и возити в сады, по потешным палатам, и смотрети двор княжий, княгинин, сына Космы, братьий Матиаса, Леопольда, Яна Гратияна и в них смотрели всяких вещей и садов и запон драгих. И посланники ездили по потешным дворам и по палатам 8 дней; а во дворе нижних палат с 50, и верхних с 50: а в них стройство и вещи предивныя однозолотыя, и янтарныя, и хрусталь-

нья, и столпы аспидные, изложены драгими травами с золотом; а во всякой палате стекла хрустальные, в виду весь человек, аршина в полтора. Места и ковры и запоны драгие, разными образцы; и каковы палаты, таковы и запоны одноканые, а на них писаны бытия и инья вещи. А в иных палатах проведена вода прехитрым делом: отвернут шуруп, и всех людей в палате омочит; а идет вода на разныя капли из камня и из решеток железных, и капли идут на конское побежище, а шуруп завернут, и воды станет только.

А в садах красота и благоухание ароматное, древа все кедровья и кипарисныя. В феврале месяце и плоды зреют: яблока предьвныя и лимоны двои, одни величеством по шапке, и виноград двойной белый, да вишневыи, и анис. А пиття, вино церковное свежее, и белое французское, и малвазия, и аликант; а водок нет никаких, только лишь яковитка: пуце тройнаго вина, а пить дадут всего шуруп или два стеклячных. А ягод винных и изюму нет, а иных овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иным имен не знаю. А днем от солнечного зноя не можно ходить, и в феврале все кроются в палаты; а красоту в садах нельзя описать: потому что не бывает у них зимы и снега, ни одного месяца. Рыбных садов много же, а рыбы дикия безчущиыня. А затем и игр, органов, кимвалов и музыки много; а иные люди сами играют в органы, а никто ими не движет; а инаго описать не уметь: потому кто чего не видал, тому и в уме не придет»¹⁹.

Немало было опубликовано в «Вивлиофике» и других документов светского характера – описаний обрядов, «чинопоследований», церемониалов, содержащих интересные бытовые подробности. Это подробные отчеты о коронациях великих князей и царей, о свадьбах Ивана IV, Михаила и Алексея Романовых и женитьбе «розстригана, что назывался Царем Дмитрием, на Маринке», имевшей место 8 мая 1606 года.

Приведем еще один отрывок из «Древней российской вивлиофики»: «Лета 7055/1547 года, Февраля в 3 дня, в четверг, женился Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея России.

А понял Романову дочь Юрьева-Захарыина Настасию; а чин был свадебной как были свадьбы отца ево Великаго Князя Василья Ивановича всея России, писан тот впереди.

А на свадьбе у Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича был брат ево Князь Юрья Васильевич, и на первой день сидел за столом в большом месте; а в материно место была Князь Андрея Ивановича Старицкаго Княгиня Ефросинья; а в Тысяцких был Князь Володимер Андреевич, брат Великаго Князя.

А в дружках были с Великаго Князя сторону, Боярин Князь Дмитрий Федорович Бельской со Княгинею, да Боярин Иван Михайлович Юрьева с женою.

А с Великой Княгини сторону Дружки были: Боярин Князь Иван Иванович Пронской со Княгинею, да быть было Василью Михайлови-

чу Тючкову с женою, и Василей не был за тем, что убился с коня, а была жена ево, а в Васильево место был Дружка, Михайла Яковлевич Морозов.

Да в Свахах была Федорова жена Михайловича Нагова Авдотья; а кикю держала Федорова жена Ивановича Сукина; а за столом сидели Боярыни, Князь Васильева Львовича Нискова Княгиня Анна, да Петрова жена Яковлевича, да Васильева жена Яковлевича Анна»²⁰.

Новиков не случайно уделял внимание подробному описанию древних свадеб – такие и подобные им обряды сохранились в народе – в среде небогатых дворян, купцов и прежде всего среди крестьян – и в послепетровское время. Для Новикова это были ярчайшие памятники народного быта.

Понимая, что публикация архивных источников и исторических документов имеет важнейшее значение для развития исторической науки, Новиков работал в тесном контакте с опытными архивистами. Он получал материалы из московского архива Коллегии иностранных дел и из Разрядного архива. Занимался изысканиями в старейших книжных хранилищах: в Академии наук, в Патриаршей библиотеке, в Успенском соборе Московского Кремля и в Киево-Печерской лавре. Через посредничество Г.В. Козицкого Новиков воспользовался комнатной библиотекой Екатерины II в Зимнем дворце. Материалы поступали к нему и из частных библиотек – П.Н. Трубецкого, А.Д. Кантемира, П.С. Потемкина, обер-прокурора Сената Н.И. Неплюева и многих других. В разыскании и подборе документов ему оказывали помощь историки М.М. Щербатов и Г.Ф. Миллер, археограф Н.Н. Бантыш-Каменский, текстолог и библиограф Дамаскин (Д.Е. Семенов-Руднев). Новиков стремился взять из прошлого все лучшее – для настоящего и будущего, создать «некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познать великость духа их, украшенного простотой»²¹.

«Древняя российская вивлиофика» составила десять томов. Успех ее у читателей был невиданным. Это позволило Новикову переиздать свой труд уже в двадцати томах. Позднее Академия наук выпустила «Продолжение Древней российской вивлиофики». Обращались к ней не только ученые, но и простые читатели: «Вивлиофику» можно было найти в библиотеке каждого образованного помещика. По вечерам в глухой усадьбе собиралась за чаем вся семья и кто-нибудь вслух читал новиковскую «Вивлиофику». Так продолжалось еще и в первой половине XIX века»²².

Общество, старающееся о напечатании книг

Стремясь к расширению начатого дела, Новиков постоянно искал единомышленников, помощников, опытных и знающих людей. В 1773 году он организовал в Санкт-Петербурге Общество, старающееся о

напечатании книг. На изданиях Общества значился девиз: «Согласием и трудами». Это, действительно, было содружество людей, объединенных единством помыслов и целей.

Общество установило связь с возникшим ранее Собранием, стараясь о переводе иностранных книг на русский язык. Оно было создано в 1768 году в Москве с целью ознакомления русского читателя с сочинениями античных авторов и европейских мыслителей. Во главе Собрания стоял директор Академии наук граф В.Г. Орлов, а все дела вел Г.В. Козицкий. В работе Собрания принимали участие выдающиеся литераторы и ученые – И.Ф. Богданович, Я.Б. Княжнин, Я.П. Козельский, С.Я. Румовский.

Целью Общества, старающегося о напечатании книг, было издание книг, «очищающих от заблуждений и предрассудков». Русский читатель отныне мог читать на своем родном языке Гомера, Юлия Цезаря, Свифта, Филдинга, Гольдони. Екатерина II мыслила, что Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык, сыграет роль своего рода цензуры, допуская к публикации только «благопристойные» сочинения зарубежных авторов. Однако среди переводчиков оказались и «вольнодумцы» – Яков Козельский и Александр Радищев. Последний перевел, а Новиков издал «Размышление о греческой истории» французского мыслителя-утописта Г.Б. Мабли. Именно в этом издании в примечаниях к авторскому тексту Радищев впервые печатным словом заклеил самодержавие, утверждая, что оно «есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Так прямо в России еще никто не осмеливался высказываться.

*«Санкт-Петербургские ученые ведомости»
и «Утренний свет»*

В 1775 году Новиков вступил в масонскую ложу, полагая, что так будет легче развивать просветительскую деятельность, издавать и распространять полезные книги. Масонство, зародившееся в начале XVIII века в буржуазных и дворянских кругах Англии, вскоре проникло оттуда во Францию и Германию. Масоны мечтали об общечеловеческом братстве, но увлекались мистикой, алхимией, магией, чудесами, большое значение они придавали обрядам. Среди масонов было немало выдающихся людей: Гете, Песталоцци, Мирабо, Гердер, но попадались и авантюристы вроде Калиостро – графа Сен-Жермен, дурачившие европейских монархов, якобы вызывая «духов» и «превращая» неблагородные металлы в золото.

В России тайные ложи масонов стали возникать с 30-х годов XVIII века. Многие вступали в них из любопытства – привлекала таинственность обрядов, мистика. Но шли в них и недовольные порядками, царившими в стране, а более всего – нравами при дворе Екатерины II.

Мечтая изменить их, ни о какой революции, естественно, и не помышляли. Среди виднейших русских масонов были поэты М.М. Херасков и Б.И. Майков, князья Трубецкие, комедиограф В.И. Лукин, граф И.П. Елагин.

Во второй половине 1770-х годов Новиков продолжил свою книгоиздательскую деятельность. Кроме уже упоминавшегося третьего издания «Трутня» (1775), он напечатал несколько книг в 1776 году. Это «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», «Скифская история» Андрея Лызлова, «Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской». Последняя книга адресовалась тем людям, которые не были заражены «французскими натуральной системы книгами: пудрою, помадою, картами, праздностию и всякими наружными украшениями и бесполезными увеселениями»²³.

Не оставил Новиков и журналистику. В 1777 году он предпринял издание первого в России критико-библиографического журнала «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Вышло двадцать два номера. В предисловии к журналу Новиков писал: «Не желание осуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная...»²⁴. Журнал публиковал различные рецензии, краткие аннотации и большие критические статьи. Позиция издателя сказывалась в отборе книг.

В Санкт-Петербурге начал выходить и первый масонский журнал Новикова – «Утренний свет» (1777–1780). Все материалы журнала пронизывали нравственно-философские идеи. «Познай самого себя» – этот масонский тезис стал ведущим для нового периодического издания. Вокруг журнала сплотились единомышленники Новикова. Журнал издавался с благотворительной целью: на доходы от него содержались учебные заведения для детей из малоимущих семей.

Завершилось издание «Утреннего света» уже в Москве, куда Новиков переехал в 1779 году: по предложению куратора Московского университета и масона М.М. Хераскова он заключил контракт на аренду университетской типографии сроком на десять лет.

Аренда типографии Московского университета

В истории русской культуры и просвещения «новиковское десятилетие» – 1779–1789 года – составляет особый этап. В Москве Новиков начал с модернизации обветшавшего оборудования университетской типографии, обновил шрифты. Вскоре типография Московского университета стала лучшей в России.

Уже в Санкт-Петербурге Новиков стремился действовать «артельно», а в Москве это проявилось особенно ярко. Новиков привлек к

издательскому делу своих петербургских и московских знакомых по масонской ложе, обратился за содействием и в провинцию. С ним сотрудничали профессора Московского университета С.Е. Десницкий, С.Г. Зыбелин, Д.С. Аничков, П.И. Страхов, А.А. Барсов и другие. Новиков сблизился также с университетской молодежью, привлекал их к переводам, к корректуре статей и книг.

Стараниями Новикова и его единомышленников в 1782 году при Московском университете появился новый издательско-просветительский коллектив с символическим названием – «Дружеское ученое общество» во главе с Новиковым. Оно объединило видных масонов – писателей и ученых М.М. Хераскова, И.В. Лопухина, П.А. Татищева, И.П. Тургенева, И.Г. Шварца, А.М. Кутузова и других. Цель Общества была сформулирована в объявлении о его открытии: «Особливое... внимание... обращено будет к тому, чтобы те части учености, в которых, сравнивая их с прочими, не столько упражняются, как например: греческой и латинской языки, знание древностей, знание качеств и свойств вещей в природе, употребление химии и другия познания, процвели вящие и могли приносить свои плоды... Оно стараться будет ...о печатании своим иждивением различного рода книг, особливо же учебных и о доставлении их в училища»²⁵. Общество занималось и филантропической деятельностью: на его средства было открыто несколько семинарий – педагогическая, филологическая и переводческая. Учились в ней одаренные дети, независимо от происхождения.

В 1781 году Новиков (к тому времени женатый) приобрел дом близ Никольских ворот, на Лубянской площади, переехал туда с семьей, сюда же перевез типографию и открыл при ней книжную лавку. Новиков не преминул воспользоваться возможностями, предоставившимися после выхода указа 1783 года, и открыл две новые типографии – на свое имя и на имя своего друга Ивана Лопухина.

«Типографическая компания»

В 1784 году «Дружеское ученое общество» было преобразовано в паевое товарищество «Типографическая компания». Его капитал складывался из взносов пайщиков и составил около 100 тысяч рублей. В распоряжении «Типографической компании» в Москве находились три типографии и несколько книжных лавок, а также словолитня. Члены «Типографической компании» не просто являлись пайщиками, но и реально работали как переводчики, редакторы, книгопродавцы. Во многих случаях они же были авторами книг, вышедших под маркой товарищества: на всех изданиях, выпущенных им, значилось: «Иждивением Типографической компании».

О масштабах деятельности паевого товарищества можно судить уже по тому, что в 1780-х годах оно выпускало до 40% всей книжной

продукции страны. Почти каждая вторая книга, выходящая в это время в России, была издана Новиковым и К^о. Доходы товарищества достигали 40 тысяч, а порой и 80 тысяч рублей в год²⁶. Ничего равного этому до сих пор Россия не видела. Да и в Западной Европе столь значительных по масштабу деятельности, по финансовым возможностям, по числу выпущенных изданий и по влиянию на общество издательских предприятий не было. Можно назвать лишь «Типографическое общество», открытое в 1869 году во Франции и в течение 25 лет печатавшее сочинения французских просветителей – Вольтера, Дидро, Гельвеция, Руссо, Мирабо и других. И все же его значение для французской культуры не сопоставимо с вкладом «Типографической компании» Новикова в русскую культуру и просвещение.

Стремясь сделать книги как можно более доступными по цене, Новиков впервые разработал тип дешевого издания. Книги «Типографической компании» имели небольшой формат, были компактны, недороги, так что их могли покупать и читатели-разночинцы, имевшие небольшие доходы. Их внешнее оформление отличалось скромностью и вместе с тем изяществом, а шрифты – удобочитаемостью. Титулы украшались орнаментально-сюжетными виньетками, выполненными талантливыми художниками.

Новиков стремился к универсальности, публикуя книги самой разнообразной тематики. Объединяла же их общность идейной установки и целей – распространение просвещения в русском обществе, пропаганда передового для своего времени мировоззрения, осуждение самодержавного деспотизма и крепостничества.

Осуществлению этих целей способствовало издание переводов сочинений европейских писателей – философов, мыслителей, историков, публицистов, романистов. Охотно публиковал Новиков произведения наиболее радикально настроенных представителей французской просветительской философии – Руссо, Вольтера, Мабли, Дидро. Выпускал переводные политические сочинения, в частности, о борьбе за независимость в Северной Америке. Цели просвещения преследовали и переводы исторических сочинений, таких как «История от начала мира до древних времен», «Достопамятности французских и испанских королей», «Дух Генриха IV».

Разнообразный мир ярких художественных образов, увлекательных сюжетов, проникнутых торжеством гуманистических идей, находило русское читающее общество в романах, повестях, рассказах и пьесах Расина, Мольера, Бомарше, Лесажа, Свифта, Филдинга, Мильтона, Стерна, Смоллета, Лессинга, Гольдони и других европейских писателей, которых щедро издавала «Типографическая компания». Все лучшее, что было в мировой литературе, стремился донести Новиков до русских читателей, пополняя их домашние библиотеки, прививая хороший вкус, любовь к чтению.

Уделяя большое внимание изданию переводной литературы, Новиков в то же время всячески содействовал развитию отечественной литературы и науки. Так же как и ранее, в Санкт-Петербурге, он поощрял издание сочинений русских авторов, книг, пронизанных чувством истинного патриотизма, подлинного национального достоинства, любви к Отечеству, к его истории, содействующих приращению духовных и материальных национальных богатств. В 1780-х годах Новиков выпустил второе – исправленное и дополненное – издание «Древней российской вивлиофики», расположив опубликованные документы в хронологической последовательности. Вышло 12-томное издание «Действия Петра Великого» И.И. Голикова, исторические труды М.М. Щербатова, В.Н. Татищева, Ф. Прокоповича. Велика заслуга Новикова в ознакомлении русского общества с творчеством русских писателей, в издании произведений современных ему авторов – М.М. Хераскова, А.П. Сумарокова, А.О. Аблесимова, Н.П. Николева, В.И. Майкова, Ф.А. Эмина, А.А. Волкова.

В 1787 году Новиков предпринял второе издание «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» М.В. Ломоносова. Вышел, однако, только первый том, содержащий стихотворные произведения Ломоносова с подзаголовком: «В пользу и употребление российского юношества, обучающегося стихотворству». Издание чрезвычайно редкое: единственный экземпляр этого тома хранится в библиотеке Московского государственного университета.

Среди изданий «Типографической компании» – научная и научно-популярная литература, справочники, многочисленные буквари и азбуки, грамматики, иноязычные словари, например, «Лексикон на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках», а также масонские сочинения и книги религиозно-нравственного содержания.

Многое в издательском деле России было впервые осуществлено благодаря Новикову. Это и первый детский журнал «Детское чтение для сердца и разума», в котором начал свою литературную деятельность писатель Н.М. Карамзин, и журнал для женщин «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». В последнем, стремясь «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение», издатель публиковал произведения известных писателей – А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина, В.И. Майкова. К каждому номеру прилагались картинки «новых парижских» мод, которые нередко представляли собой карикатурные зарисовки тогдашних модников и модниц. Продолжал издавать Новиков в Москве и масонские журналы – «Московские ежемесячные издания» (продолжение «Утреннего света»), «Вечерняя заря», «Покоющийся трудолюбец».

Дела «Типографической компании» шли успешно. В Москве и Санкт-Петербурге книги продавались в собственных книжных лав-

ках, в них работали приказчиками будущие известные русские книготорговцы – Н.А. Кольчугин, М.П. Глазунов, И.А. Переплетчиков. Новиков охотно предоставлял им кредиты, помогал открывать собственные заведения. Содействовал Новиков и развитию книжной торговли в провинции. В изданиях Новикова часто появлялись объявления такого рода: «Если кому угодно будет продажу сих книг учредить и в других городах Российской империи, таковые могут адресоваться письменно или самолично в книжную лавку, где всевозможное к тому содействие оказано будет, ибо в оной принято намерение доставить почтенным любителям российской литературы всевозможную способность в сообщении и всевозможных выгод в ценах книг»²⁷.

В Архангельске и Вологде, Смоленске и Туле, Казани и Тамбове, а в целом – в семнадцати губернских городах России с помощью Новикова были открыты книжные лавки. Карамзин говорил, что Новиков «всячески старался приохотить публику ко чтению, угадывая общий вкус и не забывал частного»²⁸.

Екатерина II считала Новикова «умным и опасным человеком». На него постоянно писали доносы: то, дескать, он нарушает право издания, выпускает без разрешения учебники, то его обвиняли в том, что печатает тайно «развратные книги». Екатерина II поручила архиепископу Платону побеседовать с Новиковым, чтобы испытать издателя в законах православной веры, а также выяснить – нет ли в выпускаемых им книгах «всяких нелепых толкований о коих нет сомнения, что они не новые, но старые от праздности и невежества возобновленные»²⁹.

Платон в донесении о ревизии книг в типографии и в книжной лавке Новикова, в целом весьма мягком, все же признал заслуживающими уничтожения обнаруженные там сочинения французских просветителей. В 1787 году Екатерина II подписала указ «О запрещении в продаже всех книг, до святости касающихся, кои не в Синодальной типографии печатаются». Этот указ был направлен прежде всего против Новикова и «Типографической компании». Большая часть книг, повсеместно изъятых на основании этого указа, принадлежала последней.

В 1789 году, еще до истечения срока аренды, Новикова лишили права продлить ее. По приказу Екатерины II московский генерал-губернатор князь А.А. Прозоровский учинил в типографии и книжной лавке Новикова обыск – искали напечатанные якобы Новиковым раскольнические сочинения. Екатерина наставляла Прозоровского: «Вам известно, что Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав такой всему вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству. Но слух давно носится, что сей Новиков и его товарищи делали это отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти, уловляя пронырством своим и ложною как бы набожностью слабодушных людей, коры-

ствовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может»³⁰.

В апреле 1792 года Новикова арестовали, доставили под стражей в Санкт-Петербург и заключили в Шлиссельбургскую крепость. Императрица собственноручно составила перечень вопросов, которые начальник тайной экспедиции, известный «кнутобоец» С.И. Шешковский должен был «выяснить» у Новикова. Добивались признания, что Новиков вкупе с московскими масонами готовил государственный переворот с целью посадить на трон цесаревича Павла, что он вел по этому поводу переговоры – якобы по масонским делам – с немецкими государями.

Приговор Екатерины гласил: «Рассматривая произведенные отставному поручику Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначалия и корыстолюбия зараженных, с другой же крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей... И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками»³¹. Издателя «развращенных книг» приговорили к смертной казни, которую Екатерина II по «человеколюбию» заменила тюремным заключением на пятнадцать лет.

Книги, изданные Новиковым, сжигались. Имущество «Типографической компании» пошло с аукциона. Кто знает, какова была бы дальнейшая судьба Новикова, если бы не смерть Екатерины II. Новый император объявил амнистию. Был освобожден А.Н. Радищев, вышел из крепости и Новиков.

Удалясь в родительское подмосковное имение Авдотьино, Новиков занялся сельским хозяйством, лечил крестьян, открыл школу, библиотеку. В 1805 году, в царствование Александра I, Новиков надумал было вновь взять в аренду типографию Московского университета, написал прошение, но ответа не получил. 31 июля 1818 года Новикова не стало.

По словам Пушкина, Новиков «подвинул на полвека образованность нашего народа... Память о нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет, но дело ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства».

И.Г. Рахманинов

В апреле 1797 года в селе Казинка Тамбовской губернии вспыхнул пожар. Горела усадьба помещика Рахманинова. Сгорели и устроенная здесь типография, и книжный склад. Поползли слухи, что поджог учинил сам хозяин усадьбы.

Иван Герасимович Рахманинов (1753—1807) с детства пристрастился к чтению, литературе, изучал языки, пробовал свои силы в переводах с французского языка. А затем была поездка в Западную Европу, знакомство с сочинениями Вольтера, трудами энциклопедистов. По возвращении из заграничной поездки Рахманинов предался литературной деятельности, переводил французских авторов, печатался в журналах Новикова. Имя его стало известным в литературных и читательских кругах.

В 1778 году Рахманинов поступил на действительную военную службу. Дослужился до офицерского чина. Но влекло его совсем другое. Он твердо решил «остающееся от должностей наших время с пользою употреблять и соразмерно силам своим служить, обществу», «моему отечеству трудами моими, по возможности, доставлять полезные книги»³².

Рахманинов завел полезные знакомства, установил связи – прежде всего, с Новиковым. Близок он был и к «Обществу друзей словесных наук», организованному литератором М.И. Ангоновским³³. Хорошо знавший Рахманинова И.А. Крылов писал, что был он «утрюм, упрям и настойчив в своих мнениях». Но, несмотря на угрюмость, многие его любили и ценили³⁴. По словам Крылова, «Вольтер и современные ему философы были его божеством». «Большой вольтерьянец» – так прозвал Рахманинова поэт Державин.

Вольтера издавали в России и до Рахманинова. Но именно он приучил читателей к вольтеровским сборникам. Он же первый издал собрание сочинений великого французского мыслителя. В 1784 году из типографии Ф.А. Галченкова в Санкт-Петербурге вышел первый составленный Рахманиновым сборник «Аллегорические, философские и критические сочинения г. Вольтера», содержавший статьи, бичующие церковь, суеверие, фанатизм. Сборник пришелся по вкусу читателям. По признанию самого Рахманинова, «благодарное оных в свете принятие приехало меня более тем заниматься»³⁵. В 1785 году Рахманинов выпустил в своем переводе несколько книг, связанных с именем Вольтера. Это «Политическое завещание г. Вольтера», принадлежавшее перу Ж.Г. Маршанда, и «Известие о болезни, о исповеди и о смерти г. Вольтера» Н.-Ж. Селиса.

Но главной целью Рахманинова было издание собрания сочинений любимого автора, первая часть (так именовались тома) которого вышла в 1785 году, вторая – в 1787-м, третья – в 1789-м. Первые две части печатались в типографии Е.К. Вильковского и Ф.А. Галченкова. Третья – уже в собственной типографии Рахманинова.

В начале 1788 года Рахманинов купил у типографа Матвея Овчинникова печатный станок и шрифт и разместил у себя на квартире, на территории слободы Конного (впоследствии Конногвардейского) полка в районе Смольного монастыря. Здесь и была напечатана третья

часть «собраний сочинений г. Вольтера, служащая продолжением прежде изданного перевода» – так было указано на титуле (имелся в виду сборник «Аллегорические, философские и критические сочинения г. Вольтера»). На обороте титульного листа этого издания впервые появилась издательская марка Рахманинова – «И.Р.»

В первой части «Собрания сочинений...» Вольтера было помещено объявление: «Вторая часть оных сочинений уже печатается, прочие же части непрерывно одна за другой следовать будут». Получилось, однако, не совсем так, как хотелось издателю. Первые две части появились в продаже лишь в 1788 году, спустя год после опубликования второй части. Объяснялось это «утеснительными мерами» со стороны цензуры. Исправления приходилось вносить в уже набранный текст. Всего в трех томах (частях) было опубликовано сорок одно произведение Вольтера. Параллельно выходили и отдельные издания – «Микромегас», «Философические речи о человеке», «Россиянин в Париже».

В 1788–1789 годах издательская деятельность Рахманинова достигла своего апогея, а затем пошла на спад. В стране стала действовать строжайшая духовная цензура, введенная указом Екатерины II в 1787 году. Московский архиепископ Платон, ревизовавший книги в типографии и лавке Новикова, доносил Екатерине II, что книги эти «самые зловердные, развращающия добрые нравы и ухищряющия подкапывать твердыни святой нашей веры. Сии то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать, как пагубные плевелы, возрастающие между добрыми семенами»³⁶. Среди прочих были указаны и сочинения Вольтера. Тем не менее в 1789 году в переводе самого Рахманинова вышел сборник «Сатирический дух г. Вольтера, или собрание некоторых любопытных сатирических его сочинений». Публикация этой антиклерикальной книги возмутила ревнителей церкви. Вскоре на многих издателей обрушились репрессии.

В 1790 году расправе подвергся А.Н. Радищев за напечатание книги «Путешествие из Петербурга в Москву». В ходе следствия возникло подозрение о причастности к этому делу и Рахманинова. Над ним нависла угроза высылки из столицы. Рахманинов принял решение перебраться вместе с типографией в Старую Казинку под Тамбовом, где находилось его фамильное поместье.

Петербургская типография Рахманинова, размещавшаяся в доме И.И. Бецкого на Миллионной улице, 1, переехала лишь частично. По некоторым данным, в организации Казинской типографии Рахманинову помог Новиков³⁷. Вместе с Рахманиновым в Казинской типографии работали близкие ему люди – корректор Я.И. Благодарнов, прошедший выучку у Новикова, и смотритель типографии, однополчанин Рахманинова вахмистр Крыженевский³⁸.

Здесь, в тамбовской глуши, Рахманинов лелеял мечту выпустить новое – полное – собрание сочинений Вольтера. Из двадцати задуманных томов удалось выпустить лишь три, четвертый был отпечатан, но света не увидел, набор пятого тома прекратился в январе 1794 года. Ознакомившись с казинским изданием, на титуле которого значилось: «Собрано и издано И.Р.», Екатерина II признала книги «вредными и развращением наполненными» и приказала выяснить имя издателя, скрывавшегося за инициалами. Одновременно из книжных магазинов изымались все экземпляры «Полного собрания...». В типографии Рахманинова учинили обыск. Конфисковали 5205 экземпляров различных изданий. «Крамольные» книги были изъяты также в книжных магазинах Тамбова. И все же часть книг Рахманинову удалось утаить. За владельцем типографии установили полицейский надзор.

Дело о типографии Рахманинова затянулось на весь период последних лет царствования Екатерины II. Пожар 1797 года уничтожил часть книжного склада с конфискованными изданиями. После смерти Рахманинова в его имении были обнаружены замурованные подвалы с массой полуистлевших книг.

С вступлением на русский престол Павла I цензурный гнет в стране усилился. Император приказал все частные типографии опечатать. Тамбовский губернатор представил Павлу по одному экземпляру книг, напечатанных в типографии отставного бригадира Рахманинова. В 1800 году император постановил на этом основании «все книги без изъятия сжечь, а губернатору, выславшему их, благоволение объявить»³⁹.

В 1802–1805 годах Рахманинов предпринял еще одну попытку издать Вольтера: в московской Сенатской типографии и в типографии Хр. Клаудия вышли пять частей «Собрания сочинений г. Вольтера», однако довести это издание до конца Рахманинову не удалось. В 1807 году «большой вольтерьянец» скончался.

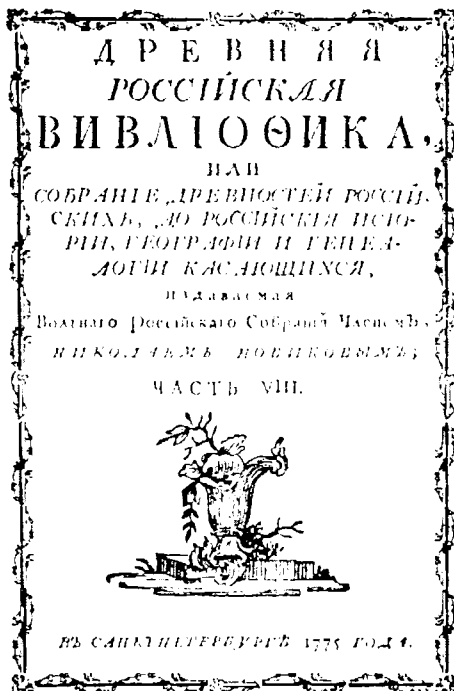
Типография «Крылов с товарищи»

В 1792 году, после того, как Рахманинов укрылся от преследований в своем имении, петербургскую часть его типографии взяло в аренду на паях издательское предприятие «Крылов с товарищи», основанное в конце 1791 года И.А. Крыловым совместно с литератором А.И. Клушиным, драматургом И.А. Дмитриевским и актером П.А. Плавильщиковым.

Крылова связывали с Рахманиновым дружба и общность интересов. В журнале «Утренние часы», который печатался в типографии Рахманинова, появилось несколько стихотворений Крылова и первые его басни.

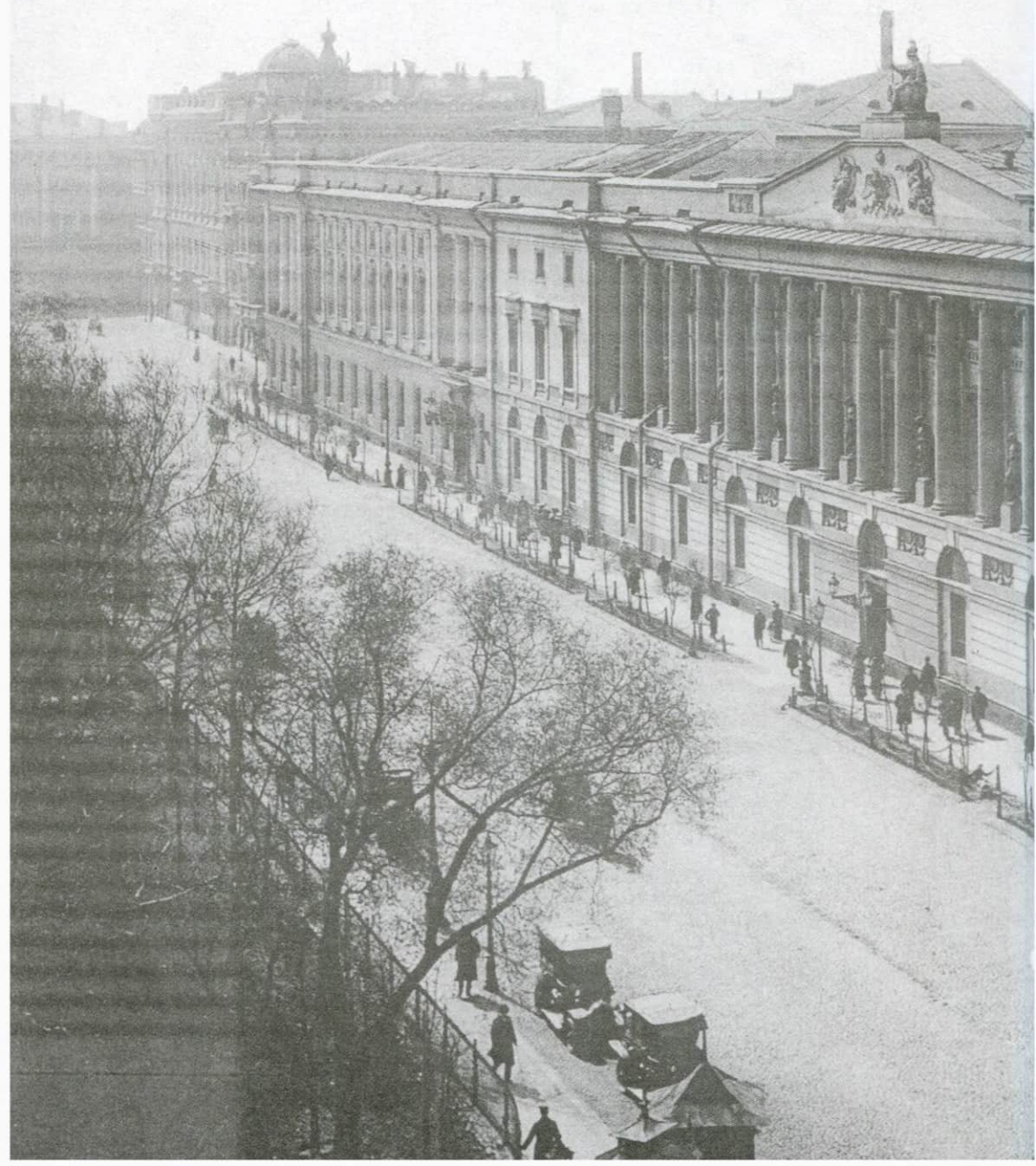

Журнал «Трутенъ».
Издание Н.И. Новикова.
Май 1796 г. Титульный лист

«Древняя российская вивлиофика».
Издание Н.И. Новикова.
Часть VIII. 1775. Титульный лист

Здание Императорской
публичной библиотеки,
где работал И.А. Крылов.
1910-е

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на
Россійской языкъ, и въ печать
изданныхъ

СОЧИНЕНІЙ

Г. ВОЛТЕРА

Второе изданіе

Съ поправленіемъ противъ прежнихъ ,
и съ присовокупленіемъ жизни сего зна-
мениатаго писателя, и многихъ вновь
переведенныхъ его сочиненій , кои
никогда еще изданы не были.

Ч А С Т Ъ І .

Собрано и издано И Р

Печатано съ Указнаго дозволенія

ВЪ ГОРОДѢ КОЗЛОВѢ

1791 года.

Полное собрание сочинений Вольтера.
Издание И.Г. Рахманинова. 1791.
Титульный лист

Здание на Марсовом поле (Миллионная ул., 1),
где размещалась типография «Крылов с товарищи».
Литография С. Галактионова. 1820-е

Полное собрание
сочинений Вольтера.
Издание И.Г. Рахманинова.
1791. Фронтиспис

В.А. Плавильщиков

Читальный зал
Императорской
публичной библиотеки.
1913

Арендванная «Крыловым с товарищи» типография Рахманинова осталась по прежнему адресу, в доме И.И. Бецкого. Это было не коммерческое предприятие; а своеобразная трудовая артель, идейно-дружеское объединение, в духе тех, что организовывал Новиков. В пункте втором договора под названием «Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки» говорилось: «Два года в типографии членам не делать никакого раздела, а каждый должен стараться, по возможности, исполнять все то, что может относиться к должностям фактора (управляющего. – И.Б.), корректора и тому подобных, и все таковые труды разделить между собою, и если бы случилось кому что сделать и за другого, в том никакого расчета не делать, ибо сие общество основывается на законах истинного дружества»⁴⁰.

В типографии «Крылов с товарищи» печатались театральные афиши, либретто опер, драматические произведения – всего с 1792 по 1796 год вышло около 20 книг.

Характер продукции типографии «Крылов с товарищи» отражал тяготение пайщиков к театру и драматургии. Так, среди изданных ими драматургических произведений – комедии, которые десятки лет не сходили с русской сцены. «Дианино древо, или торжествующая любовь» и «Редкая вещь» Л. да Понте шли на петербургской сцене еще в пушкинские времена. Успехом у московского зрителя в начале XIX века пользовались пьесы П.А. Плавильщикова «Бобыль» и «Мельник и сбитенщик – соперники». В типографии «Крылов с товарищи» была напечатана также мелодрама Ж.-Ж. Руссо «Пигмалион».

«Почта духов»

Иван Андреевич Крылов (1769–1844) начал свою самостоятельную издательскую деятельность изданием журнала «Почта духов» (1789–1790). В начале 1789 года в «Московских ведомостях» было помещено извещение о том, что «в книжных лавках близ Кузнецкого моста у книгопродавца Зандмарка и на Покровке у книгопродавца Миллера принимается подписка на выходящее вновь с генваря месяца сего 1789 года ежемесячное издание под заглавием: «Почта духов...»⁴¹. Издателем журнала был тогда еще мало кому известный литератор – двадцатилетний Крылов.

По форме журнал представлял собой продолжавшуюся из номера в номер переписку арабского волшебника Маликульмулька с подземными, воздушными и водяными духами-гномами: Борейдом, Зором, Буристонем, Дальновидом, Световидом, Выспрепаром. В аллегорической и гротескно-сатирической манере перед читателем представляли сцены современной русской жизни: невежественные дворяне,

«поверженные в роскошь и негу» богачи, «жестокосердные вельможи», судьи Тихокрады, купцы Плуторезы, тупоголовый лихой вояка Рубакин, щеголи и щеголихи – Припрыжкин, Бесстыды, Неотказы, графини Ветраны – люди, живущие «бесполезной жизнью», которые «без всякого размышления предаются одним только чувственным удовольствиям». Те же трутни, которых ранее живописал Новиков. Им издатель «Почты духов» противопоставлял добродетельных «мещан» – даровитых и деятельных интеллигентов-разночинцев и честных крепостных крестьян. «И самый низкий хлебопашец, – писал дух воздуха силф Дальновид, – исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть названным честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья»⁴². Журнал печатался в типографии Рахманинова (Миллионная ул., 1) – на обороте титульного листа стояла его монограмма – «И.Р.». Его выпуск прекратился – не по воле издателя – еще до конца подписного года.

«Зритель»

Главным делом Крылова и его друзей стал журнал «Зритель». Он выходил в течение почти всего 1792 года. Крылову приходилось осторожничать, чаще прибегать к околичностям, иносказаниям, аллегориям. Но именно в «Зрителе» были помещены наиболее острые в публицистическом отношении его сатиры – «Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пунша» и «восточная повесть» «Каиб» – язвительный памфлет на самодержавно-крепостнический строй. Герой повести царь Каиб, начитавшийся всяких идиллий и эклог, уверовал в золотой век, царящий в деревне. «Если бы я не был калифом, то хотел бы быть пастушком», – размышляет он. В поле Каиб встречает настоящего пастуха. Увы! Тот голоден, а его пастушка с последней курицей уехала в город. «Кто охотник умирать с голоду и мерзнуть от стужи, тот может лопнуть от зависти, глядя на нас», – говорит пастух Каибу. Несмотря на «восточный» колорит, читатель прекрасно угадывал в этой повести реалии российского бытия. Недвусмысленны были и экзотические имена выведенных в ней придворных вельмож: Дурсан, Ослагинд, Грабилей.

«Санкт-Петербургский Меркурий»

В мае 1792 года в типографии учинили обыск. Разыскивали сочинение Крылова «Мои горячки» и поэму Клушина «Горлицы», в которых якобы были высказаны неблагонамеренные мысли. Рукопись Крылова доставили императрице, за ним и за Клушиным установили

полицейский надзор. Пришлось прекратить издание «Зрителя». В 1793 году друзья попытались продолжить журнальную деятельность, стали выпускать «Санкт-Петербургский Меркурий». Но сатиры в новом журнале почти не было. В нем печатались стихи Крылова, статьи о литературе, рецензии.

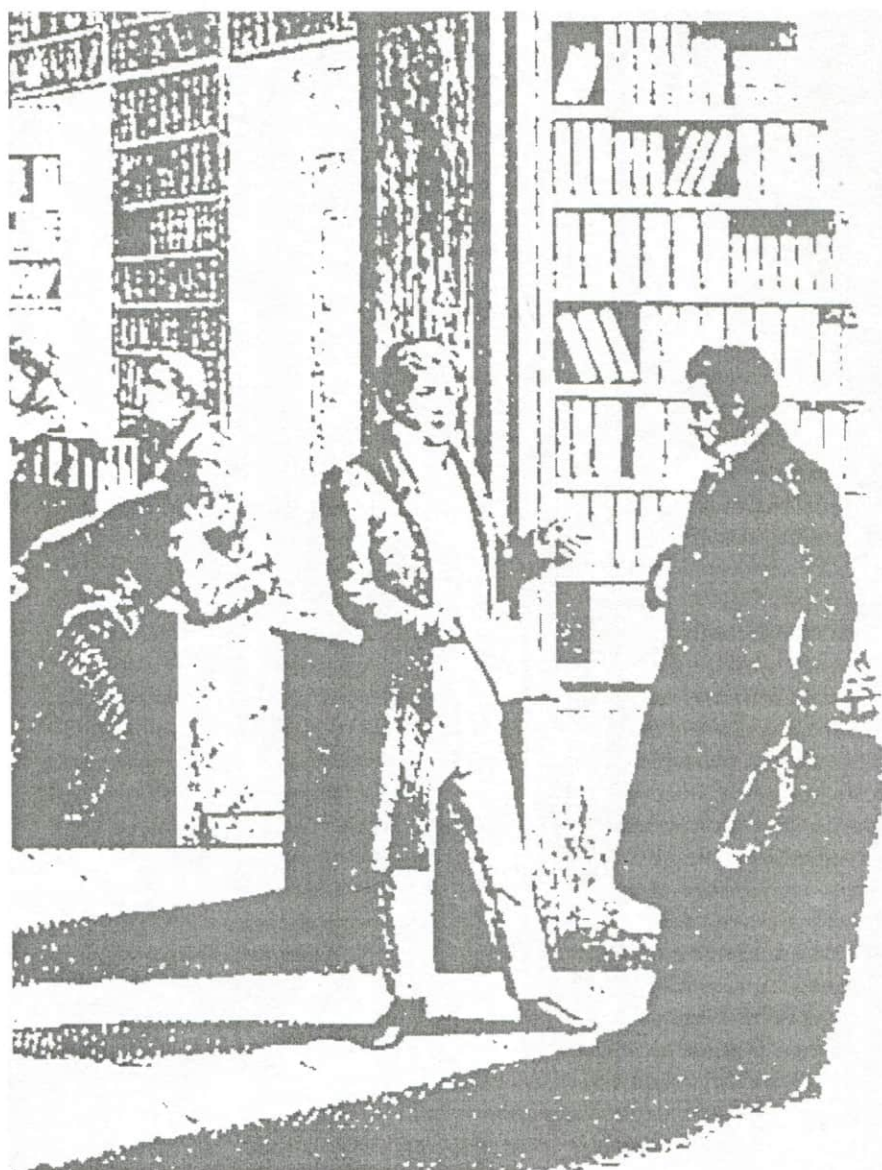
Из соображений безопасности журнал печатался в типографии Академии наук. В стихотворении «К счастью», помещенном в журнале в одном из последних номеров, Крылов сетовал:

*Как хочешь, будь ты так исправен,
Бесчисленны труды твои,
Работай, день и ночь не спи,
Но если для тебя не нравен,
Останешься последним равен;
За правду знатю не любим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден и бесславен⁴³.*

Типография В.А. Плавильщикова

В 1793 году компания распалась и единственным владельцем типографии стал Василий Алексеевич Плавильщиков (1768–1823), брат П.А. Плавильщикова. Указ 1796 года, запретивший все «частными людьми заведенные типографии», прервал деятельность бывшей типографии «Крылов с товарищи». Однако уже с 1797 года она возобновила свою работу под маркой типографии Санкт-Петербургского губернского правления: в то беспокойное время многие типографы предпочитали работать под вывеской какого-либо казенного учреждения, оставаясь при этом управляющими своих предприятий. В 1804–1807 годах это полиграфическое заведение именовалось Театральной типографией, а затем – типографией В.А. Плавильщикова. В дальнейшем, по предположению исследователя издательской деятельности Крылова С.М. Бабинцева, ее купил А.Ф. Смирдин.

КОММЕРСАНТЫ И МЕЦЕНАТЫ

Умеренно-либеральная политика нового императора Александра I, ослабление цензуры в начале XIX столетия, возрождение с 1802 года «вольных» (частных) типографий содействовали увеличению выпуска книг столичными типографиями, и прежде всего – изданных на русском языке. Все это происходило вопреки распространенной в то время галломании, когда высшие слои общества – основные потребители литературы – порой изъяснялись только по-французски. Из 1304 названий изданий, вышедших в России на русском языке в первое десятилетие XIX века, 1224 были напечатаны в Санкт-Петербурге и Москве, приблизительно поровну в каждом городе. В столице печаталось и много переводных книг (161 из 641)¹.

В самом начале XIX века крупных самостоятельных издательств было мало. До 1801 года книги печатались преимущественно в казенных типографиях: Сенатской, Морской, в типографиях Академии наук и Военного министерства. С 1802 года, в связи с разрешением вновь открывать «вольные» типографии, начало возрастать значение частных типографий. Последними обзаводились, как правило, сумевшие преуспеть книготорговцы, занимавшиеся наряду с торговлей также и изданием книг.

Владельцами частных издательств в первой половине XIX века являлись меценаты, дворянские просветители и постоянно множившаяся когорта издателей-коммерсантов.

Издатели-коммерсанты строили свое предприятие с расчетом на получение дохода, как экономически выгодное дело. Как и любое другое коммерческое предприятие, издательское дело было сопряжено с известным риском, требовало наличия свободного капитала, хорошего знания рынка. В этот период издатель-коммерсант – это

прежде всего книготорговец, видящий в издательской деятельности дополнительный источник дохода.

А.Ф. Смирдин

К числу таких предпринимателей относился Александр Филиппович Смирдин (1795–1857), занимающий видное место в истории отечественного книжного дела. Он родился в Москве, в семье торговца полотном. Одно время служил мальчиком в книжной лавке своего дяди П.А. Ильина.

В 1812 году, во время Отечественной войны, Смирдин вместе с родителями, спасаясь от нашествия французов, эвакуировался в Санкт-Петербург. Здесь он поступил на службу к книгопродавцу и издателю В.А. Плавильщикову, которому, помимо типографии, принадлежал книжный магазин, располагавшийся сначала у Публичной библиотеки, а с 1815 года на набережной реки Мойки у Синего моста (сейчас дом № 70). Тогда же Плавильщиков открыл при магазине одну из первых в Санкт-Петербурге частных библиотек.

Книжная лавка и библиотека Плавильщикова стали своего рода клубом, где собирались ученые и литераторы. Занимался Плавильщиков и издательской деятельностью – выпускал художественную литературу, книги по искусству, учебники. В типографии Плавильщикова печатался ежемесячный иллюстрированный журнал, посвященный обывденной жизни столицы, – «Волшебный фонарь, или Зрелище С.-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верной кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом соответственно каждому лицу и званию». Сорок офортов для журнала выполнил художник А.Г. Венецианов.

Честный, аккуратный, отлично знающий дело Саша Смирдин понравился Плавильщикову, и он назначил его главным приказчиком, а затем и управляющим.

В 1823 году Плавильщиков тяжело и безнадежно заболел. Согласно его завещанию, магазин, библиотека для чтения и имевшиеся в наличии книги переходили в руки Смирдина. Но при одном непременном условии: Смирдин должен был расплатиться со всеми долгами по книжной торговле, которых накопилось, как утверждали, до 3 миллионов рублей ассигнациями. Расплатившись с долгами, Смирдин развил широкую книготорговую и издательскую деятельность. Он любил повторять: «Дотоле не умру, пока всех русских писателей не издам».

В 1824 году Смирдин купил у Пушкина весь тираж его поэмы «Бахчисарайский фонтан», напечатанный князем П.А. Вяземским в ти-

пографии А.И. Семена, уплатив за него 3000 рублей. Романтическая поэма имела небывалый успех у читателей. Журнал «Литературные листки» писал: ««Бахчисарайский фонтан», поэма А.С. Пушкина, привлекает в книжные лавки множество покупателей. Этот фонтан оживит басню о золотом дожде Юпитера, с тою только разницею, что вместо прекрасной Данаи русские книгопродавцы пользуются драгоценными камнями оного. Вероятно, вскоре не будет в продаже сего прелестного сочинения»².

В 1827 году Смирдин купил у Пушкина право «второго тиснения» (издания) «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника». Эта покупка обошлась ему в 10000 рублей³. Напечатаны поэмы были в типографии Департамента народного просвещения, в которой обычно печатались все пушкинские книги, тиражом 1000 экземпляров. И это, и третье издание «Бахчисарайского фонтана», предпринятое Смирдиным в 1830 году, были раскуплены очень быстро.

Успеху Смирдина-издателя способствовал и выпуск в 1829 году «нравственно сатирического» романа Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин». Огромный по тем временам тираж, около 4000 экземпляров, разошелся в течение трех недель. Не меньшим спросом пользовались и другие первые русские романы. Так, роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», вышедший, как и роман Булгарина, в 1829 году, по свидетельству современников, читали повсюду: «В гостиных и в мастерских, в кругах простолюдинов и при высочайшем дворе»⁴. Такой же успех у читателей имел и другой роман Загоскина «Рославлев», который, несмотря на высокую цену (20 рублей), не залежался на полках.

Книга за книгой, и дело Смирдина стало процветать. Вскоре он переехал в дом Лютеранской церкви Св. Петра на Невском проспекте (сейчас дом № 22), напротив Казанского собора. В нижнем этаже разместились книжная торговля, в верхнем, над магазином, была устроена библиотека для чтения. Газета «Северная пчела» восторгалась: «Сердце утешается при мысли, что наконец и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то воодушевляет писателя»⁵.

Помещение магазина Смирдин оборудовал на европейский лад, оснастив его самыми современными стеллажами и прилавками. Приказчиком был приглашен известный библиофил и библиоман Федор Федорович Цветаев. Говорили, что он может безошибочно указывать нужные страницы в самых объемистых сочинениях и что он знал в тончайших подробностях историю чуть ли не каждой книги из библиотеки Смирдина, насчитывавшей тысячи томов.

В феврале 1832 года Смирдин устроил званый обед в честь новоселья. Пожаловали И.А. Крылов, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич, П.А. Вя-

земский, В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, другие писатели, поэты, драматурги – всего около пятидесяти литераторов.

Н.И. Греч так описывал это торжество в «Северной пчеле»: «...Страстные уверения, усердные обещания, невинные остроты искрились, как шампанское в бокалах. В начале обеда появляется почтенный ветеран петербургской поэзии, граф Дмитрий Иванович Хвостов, и вручает хозяину стихи, сочиненные им на случай. Они прочитаны были дважды во всеуслышание вся и покрыты громкими рукоплесканиями»⁶.

Вот этот стихотворный тост:

*Угодник русских муз, свой празднуй юбилей.
Гостям шампанское для новоселья лей;
Ты нам Державина, Карамзина из гроба
К бессмертью жизни вновь, усердствуя, воззвал
Для лавра нового, восторга и похвал,
Они отечество достойно славят оба:
Но ты к паренью путь открыл свободный им
Мы нашим внучатам твой труд передадим*⁷.

Тогда же за обедом дружно порешили: из преподнесенных в дар Смирдину сочинений составить сборник. Два года спустя, в 1833 году, появился первый выпуск «Новоселья», в 1834 – второй. Оба тома напечатаны в типографии А.И. Плюшара. Первый том украшен изображениями внешнего и внутреннего вида магазина и знаменитого застолья, выполненными художником А.П. Брюлловым – старшим братом Карла Брюллова, и гравером С.Ф. Галактионовым. В.Г. Белинский, нелестно отозвавшийся о ряде, по его словам, «плохих статей», опубликованных в обоих томах «Новоселья», в целом расценил книжную новинку положительно, назвав ее «лучшим русским альманахом»⁸.

Белинский писал о Смирдине: «Все от него и все к нему, он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь эти гениям и полугениям, не дает им лениться, словом производит в нашей литературе жизнь и деятельность». И еще: «...Я насчитал четыре периода нашей словесности – Ломоносовский, Карамзинский, Пушкинский и прозаическо-народный; остается упомянуть еще о пятом, который начался с появлением в свет первой части «Новоселья» и который можно и должно назвать Смирдинским»⁹.

В словах критика о «смирдинском периоде» русской литературы, безусловно, есть доля иронии, что было вызвано полемикой с так называемым «торговым» направлением в литературе, представителями которого являлись Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, О.И. Сенковский. Однако Белинский неоднократно отмечал значение издательской и

книготорговой деятельности Смирдина для русской литературы и русских писателей. сочинения которых тот издавал на совершенно новых условиях. Смирдинская «эпоха» впервые сделала авторский гонорар за литературное произведение закономерным явлением в России. Выплачивая высокие гонорары, Смирдин стремился поощрять талантливых литераторов, способствовал превращению писательского труда в профессиональный.

Первым русским профессиональным писателем стал А.С. Пушкин, утверждавший, что «не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Он писал: «Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности. До тех пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое... Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе, авторы сами поощряли перепечатывание и искали в нем удовлетворение тщеславия»¹⁰. С наступлением смирдинской «эпохи» капитал стал спутником литературного труда. Смирдин не скупился: Крылову за его «Басни» он уплатил 40 тысяч рублей ассигнациями – за каждую басню по тысяче червонцев. Пушкину за каждую стихотворную строку – по 10 рублей, а за стихотворение «Гусар» заплатил поэту по одним источникам 1000, а по другим даже 2000 рублей ассигнациями. Отдельное издание «Евгения Онегина» обошлось Смирдину в 12000 рублей. О.И. Сенковскому, редактору издававшегося им журнала «Библиотека для чтения», Смирдин платил огромное по тем временам жалованье – 15000 рублей в год. Для сравнения укажем, что В.Г. Белинский за редактирование «Отечественных записок» получал от А.А. Краевского 5000 рублей в год, да и это скудное жалованье Краевский выплачивал весьма неохотно.

Смирдин, поставивший «Библиотеку для чтения» как крупное коммерческое предприятие, здесь также ввел твердый авторский гонорар – по листу оплату в размере 200 рублей, а для знаменитых писателей – 1000 и более. «...Все вдруг изменилось с появлением журнала г. Смирдина, – писал Белинский, – за статьи устанавливалась плата, литературный труд сделался капиталом»¹¹. Белинский приветствовал улучшение положения писателя в обществе. «Будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок хлеба», – писал он в 1836 году¹².

На первых порах проникновение в литературу и журналистику буржуазных отношений было прогрессивным явлением, поощряло литературную деятельность. Но с течением времени стала очевидной и оборотная сторона этого явления. В литературе начинался «торг». Постепенно она стала предметом спекуляции, превратилась в средство наживы.

Жертвой его стал и сам Смирдин, искренне веривший, что «живой капитал есть душа литературы». За это его критиковал Белинский,

считавший, что деньгами нельзя создать писателя. Находились среди литераторов и такие, которые злоупотребляли любовью Смирдина к отечественной словесности, навязывали ему расточительные контракты. Так, один из них писал Пушкину: «Поелико мне бедняку дарить богатого Смирдина – грех, сдери с него как можно больше».

Цензор А.В. Никитенко записал в своем дневнике в 1834 году: «Смирдин истинно честный и добрый человек, но он необразован и, что хуже всего для него: не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом, как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы. Вряд ли ей дождаться такого бескорыстного и простодушного издателя»¹³.

Неприглядную роль в судьбе Смирдина сыграл «журнальный триумвират» – Греч, Булгарин, Сенковский, прозванные А.С. Пушкиным «грачи-разбойники». С. Гессен в книге «Книгоиздатель Александр Пушкин» передает следующий эпизод: «Булгарин однажды заключил условие со Смирдиным, согласно которому обязался за 30 тыс. руб. поставить ему книгу с лондонскими картинками. Но, как оказалось, последние выполнены были безобразнейшим образом в Лейпциге. Смирдин пытался протестовать, стал разбирать договор, и тут только убедился в том, что Булгарин мошеннически обошел его: в условии вместо слова “Лондон” значилось “за границей”».

Через много лет, рассказывая об этом происшествии П.В. Анненкову, Смирдин, со слезами на глазах, восклицал: «Я напишу свои записки, я напишу “Записки книгопродавца!”»¹⁴.

С 1834 года редактором издававшегося на средства Смирдина журнала «Библиотека для чтения» являлся Сенковский. Журнал был открыто консервативным и откровенно коммерческим. Угождая вкусам читателей, Сенковский помещал в журнале повести и пьесы с «захватывающими» сюжетами, стихи поэтов, вошедших в моду. Поскольку неприязательным вкусам читающей публики (в основном, провинциальной), он лихо перекраивал переводную беллетристику – сокращал текст, вносил дополнения. Так, например, Сенковский изменил окончание романа Бальзака «Отец Горио»: Растиньяк стал у него миллионером. Тем не менее «Библиотека для чтения» имела успех: за три года число подписчиков достигло 7000 человек. Не в последней степени этот успех был достигнут благодаря публиковавшимся в журнале фельетонам Сенковского, выступавшего под псевдонимом «Барон Брамбеус». Самодержавно-охранительное направление сочеталось в них с поверхностным остроумием, развязной веселостью и многословием.

Сенковский беззастенчиво использовал журнал для сведения счетов со своими оппонентами, которых было немало. Так, цензор А.В. Никитенко записал в своем дневнике разговор с П.А. Плетневым: «Плетнев начал бранить, и довольно грубо, Сенковского за статьи в «Библиоте-

ке для чтения», говоря, что они написаны для денег и что Сенковский грабит Смирдина»¹⁵. А сцена из «Ревизора» Н.В. Гоголя – диалог между Анной Андреевной и Хлестаковым – содержала совершенно очевидную для современников издевку над Сенковским. Гоголь высмеял и дешевую популярность Брамбеуса-Сенковского, и его бесцеремонную редакторскую манеру, и незаслуженные астрономические гонорары:

«Хлестаков: Все это, что было под именем барона Брамбеуса... все это я написал.

Анна Андреевна: Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков: Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч...»

Двое других «грачей-разбойников» – Греч и Булгарин, втершись в доверие к Смирдину, издавали за его счет газету «Северная пчела», основанную в 1825 году. Ни для кого не было секретом, что за их спиной стоял граф Бенкендорф и III Отделение. Рылеев предупреждал Булгарина: «Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим»¹⁶.

Смирдину «Северная пчела» обошлась слишком дорого, а приносила одни убытки. Пострадал Смирдин и морально. В петербургских литературных кругах заговорили о «клике Смирдина». Бескорыстно, далекого от политики издателя обвиняли в союзе с литературными доносчиками. Даже Пушкин осудил его, сочинив экспромпт:

*К Смирдину как ни придешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.*

И все же заслуги Смирдина, по словам В.Г. Белинского, «перед русской литературой и русской образованностью» были неоспоримы и заключались прежде всего в том, что Смирдин сделал сочинения русских авторов доступными «и для небогатых людей»¹⁷. Рост спроса на книгу, как в столице, так и, особенно, в провинции шел главным образом за счет появления социального слоя разночинцев. Смирдин учел эти социальные сдвиги и сориентировал свою издательскую политику на нового потребителя. Однако благоприятная конъюнктура на книжном рынке продолжалась недолго. Политическая обстановка в стране, идеологическая диктатура Николая I и экономический застой сказались и на книжной торговле.

В 1839–1845 годах Смирдин печатал в собственной типографии сборник «Сто русских литераторов». В трех выпусках сборника были опубликованы произведения Пушкина, Бестужева, Давыдова, Крылова,

Надеждина, Панаева, Полевого, Кукольника, Загоскина... Два первых тома вышли в превосходных кожаных переплетах, с золотым обрезом, с гравюрами, выполненными на стали в Лондоне по рисункам А.П. и К.П. Брюлловых, В.Ф. Тимма, Ф.П. Толстого, Т.Г. Шевченко и других известных художников. К сожалению, издание не было завершено, и все же «Сто русских литераторов» способствовали популяризации творчества русских писателей.

С конца 1830-х годов начали появляться первые признаки разорения Смирдина. Всемерно способствуя распространению произведений отечественной литературы, он все же недоучел реальные возможности книжного рынка. Большие тиражи расходились медленно. Долговые обязательства росли. В 1842 году Смирдин оказался не в состоянии платить по счетам, ему грозило банкротство. Издатель обратился за помощью к царю и получил разрешение на проведение двух книжных лотерей. Ему также была предоставлена правительственная субсидия. Однако полученных средств оказалось недостаточно.

Смирдин мучительно искал выход из создавшегося положения и решил предпринять выпуск массового издания «Полного собрания сочинений русских авторов» в карманном, как бы теперь скажи, формате. Первые выпуски «Полного собрания...» появились в продаже в 1848 году. Аккуратные, компактные томики, добротная бумага, четкий убористый шрифт и невысокая цена – 1 рубль – все это делало «Полное собрание сочинений русских авторов» привлекательным для читателей. А главное, в нем по существу впервые так широко и полно было представлено творчество русских писателей – начиная от Тредиаковского и Ломоносова и завершая современными авторами. Всего за десять лет вышло 70 томов, в которых были опубликованы сочинения 35 отечественных литераторов.

Инициативу Смирдина с восторгом встретил Белинский. Он писал: «Почтенному нашему книгопродавцу А.В. Смирдину, в продолжении его долговременной книгопродавческой деятельности приходило в голову много хороших мыслей к пользе русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли более полезной, дельной и вместе остроумной, как мысль издания в маленьком и красивом формате, сжатою (компактною) печатью, полного собрания сочинений русских авторов. Не знаем, когда эта богатая мысль озарила впервые его книгопродавческую голову. Это решительно блистательнейшая мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы...»¹⁸.

В конце 1851 года Смирдин подал министру внутренних дел графу Л.А. Покровскому прошение о новой книжной лотерее, в котором писал: «...Действуя на поприще книжной торговли для пользы русской литературы более сорока лет, я в последние двадцать пять лет издал значительное число русских и переводных книг. Ныне,

приближаясь к пределу жизни и желая прекратить мою торговлю, а заняться только продолжением издания предпринятого мною полного собрания сочинений русских авторов, таковых уже мною изданы сочинения двадцати пяти писателей, в сорока томах, все же готовлюсь издать более ста томов, кроме того, употребляю остальное время на составление издания полной русской библиографии всех вышедших в России книг гражданской печати, коих собрано мною более двадцати тысяч званий»¹⁹. И далее: «К этой мере (лотерее. – *И.Б.*) понуждают меня приступить не столько мои уже преклонные лета, сколько болезненное мое положение после многолетней борьбы с неудачами, среди которых я заботился сохранить честное имя и поддерживать многочисленное семейство из последних сил, не оставляя трудов для пользы распространения русской словесности, но совершенно оскудев в денежных средствах, необходимых для успешного продолжения издания русских авторов, сверх того желая из суммы, полученной за проданные билеты, прежде всего уплатить при моей жизни лежащий на мне казенный долг – высочайше мне выданных в ссуду семи тысяч рублей серебром, всепокорнейше прошу Ваше сиятельство быть великодушным моим председателем»²⁰.

Однако на этот раз в лотерее было отказано. Правда, как пишет А.П. Толстяков, «пилюлю подсластили: 14 декабря 1851 года Смирдин вместе с женой и детьми был возведен в сословие почетных граждан»²¹. 8 октября 1856 года, менее чем за год до кончины, Смирдина объявили несостоятельным должником. Уйти от банкротства не помогло даже издание «Полного собрания...»: доходы от него уже не могли покрыть дефицита. Смирдин разорился окончательно.

Смирдиным двигало, как отмечал Белинский, благородное стремление «быть долго полезным бескорыстно и благородно»: «Он хотел торговать, следовательно, хотел барышей, хотел наживать, – однако ж, наживать не только честно, но еще и почетно, со славою. Для этого он поставил себе за правило издавать только хорошие сочинения и давать ход только хорошим сочинениям. Правда, он мог издать и дурную книгу, но не намеренно, а по ошибке своего вкуса или по ошибочному совету тех, чьему вкусу доверял он»²².

Наиболее полное представление о книжной продукции, выпущенной Смирдиным, дают «Реестр русским книгам...» его книжного магазина и «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина...», о которой В.Г. Белинский писал, что это «настолярная ручная книга в кабинете каждого литератора»²³. Издав книги более чем семидесяти русских авторов, суммарная продажная цена которых составляла десять с лишним миллионов рублей ассигнациями, Смирдин заплатил в качестве гонорара 1.370.535 рублей. За одну бумагу и печатание было уплачено 1.959.092 рубля²⁴.

В 1857 году Александра Филипповича Смирдина не стало. Сын намеревался продолжить дело отца. Торговал книгами, издал кое-что совместно с В.Е. Генкелем. Но размах деятельности был уже не тот. В 1858 году с помощью друзей Александра Филипповича он выпустил «Сборник литературных статей», посвященных памяти отца. Безымянный автор предисловия писал: «Мы не ставим его бескорыстия, его заслуг наравне с заслугами Новикова, которого скорее можно назвать первым писателем-гражданином новой литературы. Смирдин был первый книгопродавец, поставивший себя, а за собой и всю торговлю, в правильные отношения к литературе и читателю. Главное его достоинство было то, что он любил литературу как умел, любовью младенца может быть, но тем не менее чистою и бескорытною. Главная заслуга его – удешевление книг, оценка литературных произведений, как капитала, и прочная связь, какую он положил между литературой и книжной торговлей»²⁵.

В довершение следует сказать о судьбе библиотеки Смирдина, основу которой составляло богатое книжное собрание В.А. Плавильщикова. В начале 1820-х годов в ней насчитывалось семь тысяч названий – в основном, русская книга гражданской печати XVIII–первой четверти XIX века. Библиотека постоянно пополнялась, и к 1832 году в ней имелось уже 12 тысяч названий книг. Часть библиотеки, принадлежавшей после разорения Смирдина М.Д. Ольхину, перешла в 1847 году в руки П.И. Крашенинникова, другую приобрели В.П. Печаткин и Л.И. Жебелев.

После смерти Крашенинникова (1863) книги хранились в подвале его магазина, находившегося на углу Адмиралтейской площади и Невского проспекта. В 1869 году вдова Крашенинникова продала библиотеку А.А. Черкесову, у которого ее приобрел в конце 1870-х рижский книгопродавец Н.Л. Киммель. Наконец, в 1932 году эту часть смирдинского книжного собрания купила образованная в 1924 году Славянская библиотека в Праге. В 1995 году в ней насчитывалось почти 16 тысяч книг, и она периодически пополняется вновь обнаруженными экземплярами.

Вот такая оценка книжного собрания Смирдина содержится в одном из годовых отчетов Славянской библиотеки: «Эта библиотека является целостным собранием книг времени первого расцвета русской культуры на рубеже XVIII и XIX столетий... В течение времени некоторые экземпляры из библиотеки были утрачены или проданы (рукописи, книги церковнославянские, первые издания классиков, редкие библиографические издания), но и в теперешнем своем состоянии уцелевшая часть библиотеки представляет собой необычайно ценное собрание не только в коммерческом отношении, за пределами русских границ, но и по своему общему составу, позволяющему представить важный период русской культуры»²⁶.

Глазуновы

Под влиянием Н.И. Новикова его знакомый московский книготорговец Матвей Петрович Глазунов (1757–1830) решил распространить свою книжную торговлю на Санкт-Петербург и открыл здесь в 1783 году книжную лавку на Невском проспекте. Заведовать делом он поручил своему брату Ивану Петровичу (1762–1831), которому помогал его сын Илья. Постепенно торговля расширялась, и к 1811 году у Глазуновых было уже десять книжных лавок на главной улице столицы, в Большом Гостином дворе и на Садовой улице.

До 1803 года И.П. Глазунов печатал книги в типографии Академии наук, а затем в собственной, станки для которой были выписаны из-за границы. Глазуновы издавали книги по истории, праву, географии, по сельскому хозяйству, медицине, а также художественную литературу. Они умело учитывали конъюнктуру на книжном рынке. Так, во время войны с Францией Глазуновы выпустили ряд книг, направленных против Наполеона: «Бонапарте и французы в Австрии», «Прибытие Наполеона в ад» и т.п.

Начало царствования Александра I ознаменовалось целым рядом либеральных реформ. Был реорганизован Сенат, коллегии сменились министерствами, открылись университеты в губернских городах (в Харькове и Казани). Происходили большие изменения и в области законодательства. Наблюдая повышенный спрос в обществе на всякого рода сборники указов и законов, Глазуновы в 1805 году приступили к изданию капитального труда под названием «Памятник из законов», представлявшего собой свод действовавших законов. В качестве редакторов были приглашены видные юристы, чиновники Сената – Ф.Д. и А.Д. Правиковы, А.Ф. Фиалковский, В.Ф. Вельяминов-Зернов, вложившие немало труда в систематизацию опубликованных материалов. Илья Иванович Глазунов (1786–1849) принимал самое живое участие в ходе издания, работал с составителями и редакторами, сам читал корректуру.

Публика отдавала предпочтение этому изданию перед другими сборниками указов, поскольку оно было более полным и систематизированным. Несмотря на довольно значительную цену «Памятник...» хорошо раскупался. Александр I, получив от министра юстиции в дар первую часть «Памятника...», повелел для поощрения к продолжению «сего издания» наградить издателя золотой медалью на Владимирской ленте с надписью: «За полезное». В 1827 году вышел последний, семнадцатый том «Памятника...». Это издание большого формата печаталось в самых хороших типографиях (обычно в Сенатской), на мелованной бумаге.

Глазуновы охотно выпускали и художественную литературу. Так, они откликнулись на предложение В.А. Жуковского и А.Ф. Воейкова

выпустить новое издание «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе» (первое было издано в 1815–1817 годах Обществом любителей отечественной словесности). Издание Глазуновых, вышедшее в 1821–1824 годах, состояло из двух серий (в первой – стихи, во второй – проза) по шесть частей в каждой. Фронтиспис каждого томика украшал портрет автора, а писатели здесь были представлены самые именитые: М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Я.Б. Княжнин, Д.И. Фонвизин, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин.

В книжный магазин Глазуновых часто заходил Пушкин. Однажды приказчик магазина Василий Петрович Поляков, знавший толк в книгах, показал Пушкину лондонское миниатюрное издание сочинений Шекспира и посоветовал издать в таком же виде собственное собрание сочинений. Пушкин согласился выпустить – на пробу – миниатюрное издание «Евгения Онегина».

Книжка была набрана и напечатана в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг. Пушкин сам держал корректуру. Это было осенью 1836 года. Вскоре состоялась дуэль поэта с Дантесом. После гибели Пушкина за одну неделю весь тираж поэмы – 5000 экземпляров – был распродан.

Чтя память великого поэта, Глазуновы приняли на себя издание трех из восьми томов его посмертного собрания сочинений. Редактировали собрание друзья Пушкина – В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, П.А. Плетнев. В последние тома, вышедшие в 1841 году, вошли такие произведения, как «Медный всадник», «Русалка», «Арап Петра Великого». Издание было дорогое и расходилось медленно.

Глазуновы, выпустившие пользовавшееся шумным успехом первое отдельное издание «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова (1840), после смерти поэта издали также первое собрание его сочинений (1842–1844). И хотя оно не отличалось ни полнотой, ни текстологической точностью, но сама инициатива издателей должна быть, несомненно, поставлена им в заслугу.

Не ограничиваясь выпуском художественной литературы, Глазуновы печатали учебники для гимназий, географические атласы, издания по сельскому хозяйству, по медицине и военному делу. Так, в 1838–1840 годах ими был осуществлен под редакцией О.И. Сенковского и профессора военной Академии генерала Н.В. Медема выпуск шеститомной «Военной библиотеки», по образцу *«Bibliothèque militaire»*, выходившей в то время в Париже. В нее вошли сочинения Фукидида, Ксенофонта, Арриана, а также французских, немецких и шведских военных писателей. Издание распространялось по подписке.

В числе других заметных исторических публикаций, осуществленных издательской фирмой Глазуновых, – выпущенный в 1844 году фундаментальный труд исследователя петербургской старины П.Н. Пет-

рова «История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления...».

В 1860-х годах Глазуновы приобрели в полную собственность право на издание произведений И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, выпустив затем полные собрания сочинений этих писателей – в восьми и десяти томах соответственно. Спрос на естественнонаучную литературу побудил издать книгу Дарвина «О происхождении видов», популярные труды американского физика Г. Льюиса, английского физика Д. Тиндаля и немецкого ботаника М. Шлейдена.

В конце XIX века появились две новые глазуновские серии для гимназий и для самообразования – «Классная библиотека» и «Доступная библиотека». Выпуски стоили дешево – 10–15 копеек – и состояли из произведений русских и европейских классиков, сопровождаемых краткой биографией писателя и статьями о публикуемом произведении. Серии пришлись по вкусу читателям. Вошедшие в них книги часто переиздавались.

Издательская фирма Глазуновых, в 1882 году отметившая свой столетний юбилей, все эти годы управлялась представителями одной династии. От братьев Матвея и Ивана дело перешло к их детям, а затем и к внукам. Об основательности фирмы, о размахе ее деятельности свидетельствуют систематические каталоги книжного магазина Глазуновых, составленные известными библиографами П.А. Ефремовым и В.И. Межовым, и два роскошных юбилейных издания, вышедшие в 1903 году: «Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782–1882» и «Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства. 1803–1903», написанный книговедом Н.М. Лисовским. Обе книги, выпущенные в кожаных, тисненых золотом переплетах, напечатаны на «глазированной» бумаге, великолепным шрифтом и содержали портреты всех представителей семьи Глазуновых, посвятивших свою жизнь книгоизданию и книгораспространению. Уникальность фирмы Глазуновых, просуществовавшей 135 лет, заключалась в том, что все эти годы она оставалась чисто семейным предприятием, обходясь без привлечения акционерного капитала – редчайший случай в России. После Октябрьской революции имущество Глазуновых было национализировано.

Плюшары

Основателем фирмы был Александр Иванович Плюшар (1777–1827), выходец из Брауншвейга, где он владел типографией. Его пригласили в Санкт-Петербург для издания задуманного Министерством иностранных дел политического журнала (в противовес напо-

леоновской печатной пропаганде). Некоторое время он являлся директором типографии Иностранной коллегии, а затем возглавил Сенатскую типографию. За высококачественное издание «Литовского статуса» и «Учреждения судоходства по реке Волге» он был награжден по повелению императора бриллиантовым перстнем.

В 1806 году Плюшар обзавелся собственной типографией и открыл книжную лавку. Располагались они на Невском проспекте, в доме Косиковского (№ 15). Сам хороший рисовальщик и литограф, Плюшар внес большой вклад в широкое распространение в книгопроизводстве такого способа воспроизведения иллюстраций, как литография. Издавал он и альбомы гравюр. Так, в 1810-х годах Плюшар выпустил альбомы художников Ф. Вендрамини, А.О. Орловского, И.П. Бетрова. Одно из первых его богато иллюстрированных изданий – «Галерея гравированных портретов генералов, офицеров и проч., которые мужеством своим, воинскими дарованиями или любовью к Отечеству споспешествовали успехам российского оружия в течении войны, начавшейся в 1812 году» (1813).

В 1822 году в литографии Плюшара было отпечатано одно из наиболее роскошных художественных изданий – «Описание праздника, данного Матерью императрицей в честь Великой герцогини Марии...». Но наибольшую известность Плюшару принесли выпущенные им художественные альбомы с видами Санкт-Петербурга и Москвы. На протяжении 1819–1827 годов он издал также «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы» художника А.Е. Мартынова, «Собрание видов Петербурга и его окрестностей», «Новые виды Петербурга», в которых использованы жанровые зарисовки и виды столичных улиц, выполненные художниками А.Е. Мартыновым, А.О. Орловским, П.А. Александровым, К.И. Кольманом. Особенно хороши виды северной столицы, названные современниками «гимном в честь Петербурга». Дополнением к ним стала галерея петербургских типов, созданная А.О. Орловским и изданная Плюшаром. Речь идет о выпущенном в 1826 году альбоме «Русские, с натуры литографированные Александром Орловым», «героями» которого стали простые жители столицы: «Стекольник», «Разносчик с корзинами», «Сбитенщик», «Дворник с ведрами», «Торговка морковью», «Мясник и кучер», «Фабричный и разносчик блинов» (всего 14 литографий).

Дело Александра Плюшара продолжили его вдова и сыновья – Евгений и Адольф. Если Евгений прославился как художник, стал академиком живописи, то Адольф Александрович Плюшар (1806–1865) всецело посвятил себя издательскому делу и книжной торговле. Типографскому искусству он обучался в Париже у знаменитого Дидо и сумел превратить свою типографию в одну из лучших в России. Ему принадлежала также крупнейшая в Санкт-Петербурге ча-

стная словолитня (в дальнейшем перешедшая к Ж. Ревильону). В 1832 году типография и словолитня Плюшаров получили награду на петербургской выставке полиграфической продукции. Н.И. Греч писал в «Северной пчеле»: «По части промышленности должен упомянуть о превосходной словолитне, устроенной А.А. Плюшаром. Он привез с собой из Парижа искусных мастеров, все инструменты и снадобья и, перелив все буквы своей собственной типографии, берется теперь и работать на других. Я заказал ему новый красивый шрифт для «Северной пчелы» на 1833 год»²⁷.

Издательская деятельность Адольфа Плюшара развивалась по нескольким направлениям: выпуск художественных альбомов, издание отдельных книг и энциклопедического словаря. В 30–40-х годах XIX века им было выпущено немало иллюстрированных изданий, среди них «Панорама Санктпетербурга» А.П. Башуцкого. 40 гравюр для этого издания были исполнены английским гравером Гобертом по рисункам архитектора А.М. Горностаева.

Среди книжных изданий А.А. Плюшара следует отметить «Поездку в Ревель» А.А. Бестужева-Марлинского (1821), «Арабески» (1835) и «Ревизора» (1836) Н.В. Гоголя, «Фауста» Гете (в переводе Э.И. Губера). В 1833 году отдельным изданием были выпущены «Русские сказки» В.И. Даля. «Собрание стихотворений» И.П. Мятлева, прославленного автора поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой», вышло в 1834 году анонимно и небольшим тиражом. В типографии Плюшара печатались также драмы Н.В. Кукольника, стихотворения Н.Я. Языкова, сочинения П.А. Катенина и знаменитые смирдинские сборники «Новоселье».

Особняком стоит, предпринятое в 1835–1841 годах, издание А.А. Плюшаром «Энциклопедического лексикона» – одного из первых в России. В составлении статей для словаря участвовали виднейшие ученые и литераторы – К.И. Арсеньев, А.Х. Востоков, В.Я. Буняковский, М.В. Остроградский, Э.Х. Ленц, В.Я. Струве, В.Ф. Одоевский, Н.И. Надеждин, П.Г. Соболевский и другие. Предполагалось издать 40 томов в течение шести лет. В качестве редактора был приглашен Н.И. Греч, затем О.И. Сенковский. Последний добился посвящения «Лексикона» императору Николаю I. В предисловии к 12-му тому он писал: «Его Величество Государь император соизволил украсить это издание августейшим именем своим, благоволив принять посвящение». Когда стало известно, что статья «Борис Годунов», написанная для словаря А.А. Краевским, вызвала гнев царя, Сенковский распорядился исключить ее из всех нераспроданных экземпляров и заменить другой, написанной в желательном властям ключе. Число подписчиков на «Лексикон» превысило 6000 человек. Однако удалось выпустить лишь семнадцать томов, доведя издание лишь до буквы «Д»: распри между редакторами словаря, нарушение сроков выпус-

ка очередных томов, отток подписчиков – все это привело к прекращению издания и, в конечном счете, поставило фирму на грань банкротства.

Пытаясь спасти семейное дело, Адольф Плюшар предпринял ряд новых изданий. В 1842 году начал выходить сборник «Сорок сороков повестей, тысяча анекдотов, острот, каламбуров, шуток и пр.». Совместно с В.Е. Генкелем Плюшар приступил к выпуску «Журнала новейших образцов для шитья и вышивания» под названием «Гирлянды» (1848–1856). С тем же Генкелем он издал «Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности» (1850–1856). Наконец, в 1858–1859 годах выходил «Весельчак» – «журнал всяких разных странностей – светских, литературных, художественных и иных». 23 марта 1865 года А.А. Плюшар скончался.

Деятельность фирмы Плюшаров содействовала ознакомлению русской публики с творчеством талантливых мастеров графики, с достопримечательностями Санкт-Петербурга, обогатило русское книжное дело многими примечательными изданиями, являвшимися, говоря словами биографа Плюшаров В. Андерсона, «образцом вкуса и понимания надобности серьезного читателя».

Я.А. Исаков

В 1831 году обзавелся своей собственной книжной торговлей в Санкт-Петербурге Яков Алексеевич Исаков (1811–1881). До этого он служил в лавке иностранных книг М.Х. Панькова в Большом Гостином дворе. Проработав у Панькова шесть лет, Исаков, тогда еще совсем юноша, купил у своего хозяина его дело в рассрочку и продолжал торговать сначала в той же лавке № 13, а затем в лавке № 22. Торговлю старыми книгами он дополнил новыми французскими изданиями, которые выписывал из Парижа. При этом он снизил цены на иностранные книги, что привлекло новых клиентов. Универсальный книжный магазин Исакова считался лучшим в Санкт-Петербурге. При нем работала библиотека иностранных книг. Будучи комиссионером военно-учебных заведений, Исаков издал много учебной литературы.

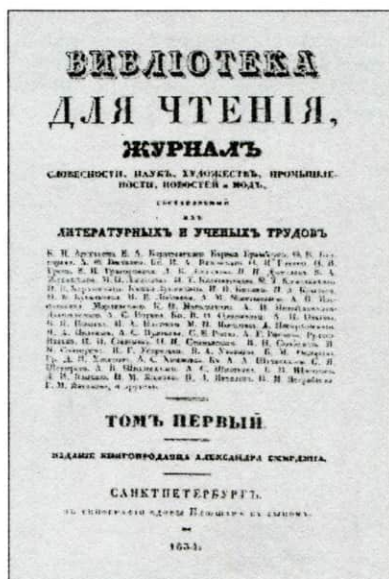
Исакову принадлежат два издания сочинений А.С. Пушкина, вышедшие под редакцией известного библиографа Г.Н. Геннади. Исаков знал Пушкина, благоговел перед его памятью. Приятель А.С. Пушкина М.А. Щербинин писал члену Московского археологического общества Ю.Н. Щербачеву в ноябре 1875 года: «Исакову лет 70. Если узришь его, пади ему в ноги. Он знал Пушкина и пивал с ним вино кометы. Исаков ко мне благоволил, а я доставил ему несколько стихотворений

Разносчик с книгами и сочинитель. Иллюстрация из журнала «Волшебный фонарь». 1817

А.Ф. Смирдин

Журнал «Библиотека для чтения». Издание А.Ф. Смирдина. 1834. Обложка

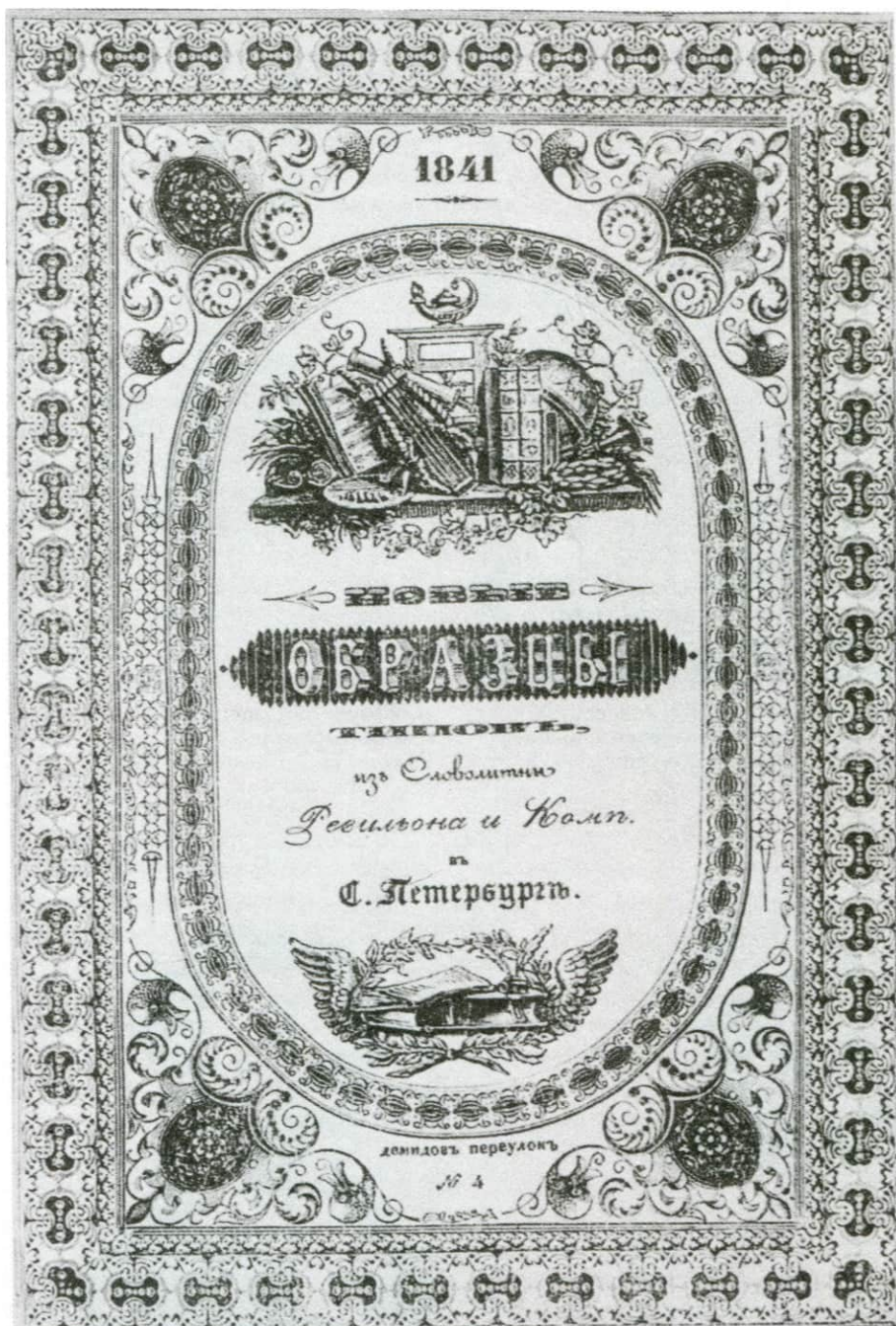
Библиотека для чтения и книжный магазин А.Ф. Смирдина (Невский пр., 22). Сборник «Новоселье». 1833. Титульный лист

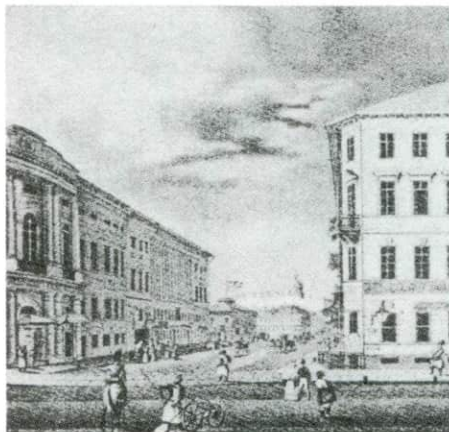
И.П. Глазунов

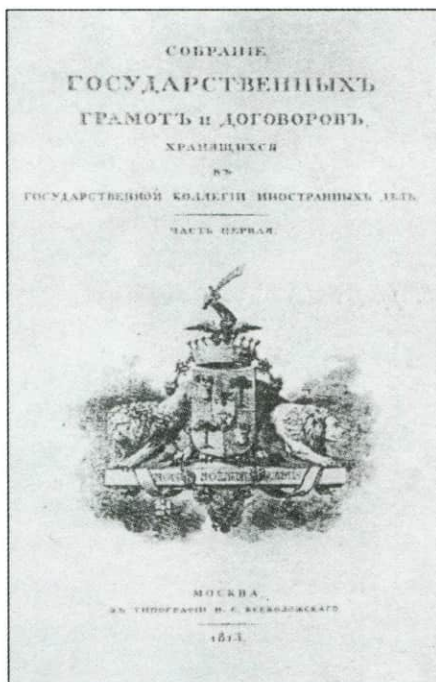
Интерьер книжного магазина А.Ф. Смирдина (Невский пр., 22). Второй титул сборника «Новоселье». Часть II. 1834

Каталог словолитни Ревильона и К°. 1841. Титульный лист

Дом Косиковского (Невский пр., 15), где находились типография и книжная лавка Плюшаров. Литография. 1830-е

«Собрание государственных грамот и договоров». Издание Н.П. Румянцева. Часть I. 1813. Титульный лист.

Н.П. Румянцева

И.В. Сленин

Пушкина, ему неизвестных»²⁸. В 1858 году Исаков вместе с секундантом Пушкина К.К. Данзасом выезжал на место дуэли поэта, а в 1863 году выпустил книгу «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса», являющуюся сегодня библиографической редкостью. Незадолго до своей кончины Исаков прислал в газету «Голос» заметку о месте дуэли, приложив к ней точный план местности.

В 1840-х годах в России получил распространение жанр социальной беллетристики. Один за другим выходили литературные сборники, в изданиях которых принимали участие писатели-реалисты и художники-иллюстраторы того времени, обратившиеся к изображению жизни, нравов и быта простого народа, обездоленных обитателей столичных «углов» и трущоб – дворников, разносчиков, мелких чиновников, торговцев, рабочего люда и крестьян. Произведения подобного рода получили название «физиологических очерков». Наиболее заметным в этом ряду стал альманах «Физиология Петербурга», в котором участвовали В.Г. Белинский, Д.В. Григорович, Е.П. Гребенка, В.И. Даль, И.И. Панаев, А.Я. Кульчицкий (Говорилин) и Н.А. Некрасов.

Успеху издания немало способствовали прекрасные иллюстрации-политипажи²⁹, выполненные В.Ф. Тиммом, Е.И. Ковригиным, Р.К. Жуковским и запечатлевшие целый ряд характерных петербургских бытовых сценок и типов.

В известном смысле предшественником «Физиологии Петербурга» стало выпущенное Я.А. Исаковым в 1841 году по инициативе и под редакцией А.П. Башуцкого, автора «Панорамы Санктпетербурга», превосходно иллюстрированное издание – «Наши, списанные с натуры русскими». Книга была выполнена в стиле парижского издания Кюрмера «Французы в их собственном изображении» – много томной серии с многочисленными иллюстрациями Гаварни, Мейссонье, Гранвилля и других известных художников, которая весьма полно отображала жизнь простых французов.

Оценивая значение «Наших...», крупный знаток книжного искусства А.А. Сидоров утверждал: «Литературное содержание их для нас сейчас... не столь интересно, но художественное оформление и изобразительные материалы живы и до нашего времени»³⁰. Рисунки В.Ф. Тимма, Е.И. Ковригина, И.С. Щедровского, Т.Г. Шевченко, гравюры К.К. Клодта, типографские украшения и шрифты словолитни Ревильона – все это делало «Наших...» образцовым изданием подобного рода, подлинным шедевром книжного искусства.

В 1860-х годах Исаков издал сборник «На несколько часов», составленный из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, Н.Г. Помяловского, Г.И. Успенского, Я.П. Полонского и других популярных авторов.

Многие книги Исаков выпускал в виде серий: «Библиотека путешествий», «Классная библиотека», «Записки иностранцев о России в XVIII столетии». В серии «Библиотека путешествий» вышли двенадцать томов сочинений популярного писателя и педагога М.Б. Чистякова – чрезвычайно плодовитого автора, о котором в каталоге книжного магазина Исакова сообщалась следующее: «Имя г. Чистякова, как писателя, умеющего своим пером поучать и вместе научать детей, известно давно, талант говорить каждому возрасту, и полное знание потребностей и понятий различных возрастов у г. Чистякова находится в полной гармонии с легкостью рассказа и чистотой слова»³¹.

В последние годы жизни Исаков увлекался коммерческими предприятиями, исполняя обязанности председателя Общества взаимного кредита. Об этом периоде жизни Исакова сообщает библиограф и книговед П.К. Симони: «От природы честный и трудолюбивый человек, но не получивший правильного образования, Я.А. Исаков не имел серьезных познаний и опыта в финансовых делах и сделался жертвою бесчестных людей, но не мог пережить унижения. Ослабевая ежедневно от постигшего его горя, Я.А. скончался в больших нравственных страданиях 16 июля 1881 года... Современники его, люди достойные доверия, утверждали, что он не пользовался ничем в деле растраты в Обществе взаимного кредита – умер честным человеком»³².

А.Ф. Баунов

В 1870-х годах крупной сенсацией стало банкротство А.Ф. Баунова, имевшего книжный магазин в центре Невского проспекта (дом № 30). Александру Федоровичу Баунову (1825–1899) принадлежала известная книгоиздательская фирма, основанная в Москве в 1810 году его дедом В.И. Бауновым. Сын основателя фирмы Ф.В. Баунов в 1835 году открыл книжный магазин в Санкт-Петербурге, проработав до этого приказчиком у А.Ф. Смирдина. А.Ф. Баунов наследовал дело отца в 1850 году. Расширив и углубив его, он стал комиссионером Академии наук, ряда министерств, Морского ученого комитета, Киевского университета.

Баунов осуществил издание серии «Библиотека современных писателей». В ней публиковались произведения как русских, так и иностранных авторов. «Библиотека...» не окупила затраченных на нее расходов. Книги расходились плохо. Не спасал дела даже успех отдельных романов, изданных Бауновым («Записки из мертвого дома» и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, сочинения Г. Гейне и ряд других). Вырученные от продажи суммы не покрывали даже приблизительно громадных обязательств фирмы Бауновых.

В 1876 году Базунов уехал за границу на лечение. Пошли, однако, слухи, что он бежал, захватив с собой деньги иногородних подписчиков. Слух этот оказался ложным: вскоре Базунов возвратился в Россию и, как свидетельствует известный библиофил и библиограф Я.Ф. Березин-Ширяев, «заявил кредиторам о своем критическом положении, вследствие чего книги и имущество его были распроданы с аукциона, а он объявлен в июне месяце (1876 года. – *И.Б.*) несостоятельным должником»³³. Принадлежавшие ему литературные права перешли к М.О. Вольфу; ему же достались и неразошедшиеся издания, выпущенные Базуновым.

М.Д. Ольхин

В 1842 году на Невском проспекте в доме купца Заветного, против Александрийского театра, был открыт книжный магазин, принадлежавший Матвею Дмитриевичу Ольхину. Он родился 15 мая 1806 года в Нарве, в еврейской семье. Его отец Давид Ольшванг торговал лесом и другими товарами. Сын же, приняв православие, сменил свою фамилию на Ольхина. Некоторое время он работал в таможенной службе, а затем получил место курьера в Министерстве финансов. Еще будучи таможенником, за открытие «значительной» контрабанды Ольхин составил себе состояние в 150 тысяч рублей серебром, начал заниматься ростовщичеством и давал деньги под залог и умеренные проценты. На этой почве и состоялось его знакомство с А.Ф. Смирдиным, который в то время сильно нуждался и вынужден был заложить свой книжный склад. Значительная часть находившегося там товара оказалась не выкупленной и осталась в руках у Ольхина. Тогда у него и возникла мысль самому заняться книжной торговлей.

1 ноября 1842 года Ольхин открыл собственное книжное дело под именем своей жены А.А. Ольхиной. На первых порах торговля шла успешно. Это позволило Ольхину в 1843 году открыть еще один книжный магазин – в Большом Гостином дворе (лавка № 13) со стороны Невского проспекта. При магазине была устроена библиотека для чтения. Распорядителем дела Ольхин пригласил Петра Алексеевича Ратькова, занимавшегося прежде делами книжной торговли К.А. Полевого.

В 1843 году Ольхин принял на себя, после отказа Смирдина, издание журнала «Библиотека для чтения». Обладая достаточным оборотным капиталом, он вскоре занялся и изданием книг, многие из которых отличались превосходным оформлением. В их числе – «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» В.И. Даля (с рисунками П.А. Сапожникова), «Собрание сочинений Ф.В. Булгари-

на в семи томах и его же «Суворова» (с иллюстрациями В.Ф. Тимма), сочинения А.Ф. Вельтмана, повести Н.В. Кукольника, «Очерки русских нравов» Ф.В. Булгарина и «Комеражи» И.П. Мятлева (с иллюстрациями В.Ф. Тимма), «Лондонские тайны» Ф. Троллопа (с иллюстрациями Е.И. Ковригина), романы А. Дюма, В. Скотта, Э. Сю, Поля де Кока. Ольхиным также был издан ряд научных трудов, учебников и популярных книг («Всемирная история» Беккера, «Мысли» Б. Паскаля, «Полный курс анатомии человеческого тела» Н.И. Пирогова и другие).

Отказавшись в 1846 году от издания журнала «Библиотека для чтения», Ольхин вместе с редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» А.Н. Очкиным принял на себя их издание по контракту, заключенному с Академией наук.

Вот каким представлялся современникам этот популярный одно время петербургский книготорговец и издатель: «...широкий, приземистый, точно приплюснутый, пожилой человек, с толстыми отвислыми губами и подсматривающими, постоянно готовыми на улыбку, хотя от природы еврейски-грустными глазами», – так описывал Ольхина П.М. Ковалевский, племянник путешественника и писателя Е.П. Ковалевского³⁴.

Писатели ценили Ольхина за внимание, готовность идти навстречу. Так, Н.А. Полевой записал в дневнике 5 июня 1843 года: «Писал роман. Едва кончил лист и поскакал к Ольхину – 160 рублей! Есть хлеб, купил овса, вина, чаю, сахару»³⁵. Попав в лапы ростовщиков, испытывая постоянную нужду, Полевой признавался: «Лучше других в эти трудные минуты оказываются Булгарин и Ольхин...»³⁶.

В 1846 году Ольхин издал «Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 год», составленный видным библиографом И.П. Быстровым, в который вошло 6815 названий. Это был последний торгово-библиотечный каталог подобного типа.

В январе 1848 года Ольхин прекратил свою торговлю ввиду несостоятельности. Причины его разорения следует искать в общей неблагоприятной политической и экономической обстановке и в неумении вести дела. Издав и закупив большое количество книг, он оказался не в состоянии их распродать и вынужден был брать деньги взаймы. Ускорила разорение Ольхина кража из его квартиры около 30 тысяч рублей. Не помогло и введение внешней администрации, которая должна была помочь должнику и удовлетворить притязания кредиторов. В результате Ольхин тяжело занемог и 4 марта 1853 года скончался. Библиотека Ольхина – по частям – перешла к книготорговцам П.И. Крашенинникову, В.П. Печаткину и Л.И. Жебелеву, а у последнего она была приобретена в 1861 году Н.А. Серно-Соловьевичем.

Н.П. Румянцев

Издатель-меценат начала XIX века – это просвещенный дворянин, коллекционер и библиофил, занимающийся на досуге изданием книг и вкладывающий в него порой значительную часть своего состояния. Лучшие из них руководствовались искренней заинтересованностью в судьбах русской науки и литературы, желанием послужить на благо русского просвещения. В Москве этим славился Платон Платонович Бекетов – богатый московский барин, в Санкт-Петербурге – Николай Петрович Румянцев.

Николай Петрович Румянцев, сын фельдмаршала П.А. Румянцева, родился в 1754 году. Получил превосходное образование. Служил послом в Германии. Был министром коммерции и министром иностранных дел. За заслуги перед Россией получил звание государственного канцлера.

Занимаясь важными государственными делами, Румянцев одновременно изучал русскую историю, собирал древние рукописи, книги, монеты, медали... В 1802 году он приобрел особняк на Английской набережной (дом № 44), где разместил свою великолепную библиотеку. В этом же доме, после ухода в 1814 году в отставку, поселился и сам.

Библиотеку Румянцева отличал превосходный подбор книг по истории, дипломатии, географии, технике, торговле, промышленности, по искусству и архитектуре. Немало имелось здесь и редких изданий – инкунабул, альдин, эльзевиров³⁷, изданий прославленных типографов Бодони и Дидо; книг, напечатанных Франциском Скориной, Иваном Федоровым. Всего – 28512 томов. А кроме того, уникальное собрание рукописей – 810 единиц хранения³⁸.

Румянцев был не просто коллекционером. Свои сокровища он стремился сделать достоянием ученых, историков, достоянием науки и просвещения. «Румянцев не принадлежал к тому типу меценатов, которые лишь внешне демонстрировали свое внимание к делам просвещения в погоне за славой, по честолюбивым соображениям и в надежде на память потомства. Искренняя заинтересованность в судьбах русской науки, патриотизм и личная увлеченность научными проблемами являлись основополагающими причинами его меценатской деятельности»³⁹. По этим же причинам он занялся и издательской деятельностью.

Начало ее относится к 1813 году, когда вышел первый том многотомного научного издания «Собрание государственных грамот и договоров». В нем были опубликованы ценнейшие дипломатические и исторические памятники, обнаруженные как в русских, так и зарубежных архивах и книгохранилищах. В «Собрание...» вошло более тысячи документов XIII–XVII веков. Среди них – чины царского венчания, крестоцеловальные, жалованные, уставные, таможенные гра-

моты, документы земских соборов. Особенно полно представлены периоды царствования Ивана Грозного, Лжедмитрия, начала царствования Романовых. Издание богато иллюстрировано гравированными изображениями печатей и подписей. На роскошном переплете вытеснен герб Румянцева.

Реализация этой благородной цели – собрание, изучение и публикация памятников письменности по истории России и других славянских стран – осуществлялась им в контакте с крупнейшими русскими учеными. Возник кружок единомышленников – так называемая «частная академия» Румянцева. В ней были представлены историки, археологи, палеографы, библиографы, знатоки русских древностей: автор ряда словарей русских писателей Е.А. Болховитинов, филологи-слависты А.Х. Востоков и К.Ф. Калайдович, архивист П.М. Строев, палеограф, издатель «Библиографических листков» П.И. Кешен, заведующий архивом Министерства иностранных дел Н.Н. Бангъш-Каменский, нумизмат Ф.И. Круг, востоковед Х.Д. Френ и другие.

По указаниям Румянцева они приобретали книги и рукописи во всех концах России. Сам канцлер, используя свои связи в дипломатических кругах, обследовал библиотеки Германии, Франции, Италии, архивы Швеции, Дании, прибалтийских княжеств.

Более сорока изданий успел осуществить Румянцев. Некоторые были завершены уже после его смерти. Это не так много, если сопоставить с изданиями Новикова или Смирдина, но каждое издание чрезвычайно ценно. Упомянем лишь некоторые из них. Это прежде всего исторические памятники: «Законы великого князя Иоанна Васильевича» и «Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича» (1819), «Летопись сибирская» (1821), «Софийский временник» (1820–1821). Большой научный интерес представляет подготовленное к печати Кешеном и Востоковым «Собрание словенских памятников, находящихся вне России» (1827). Среди прочих документов в нем были опубликованы отрывки из так называемой Фрейзингенской рукописи – древнейшие дошедшие до нашего времени памятники славянской письменности, написанные латинскими буквами, и двенадцать отрывков из первой русской датированной книги – «Остромирова Евангелия». Для их воспроизведения был отлит особый шрифт, отличавшийся ясностью и своеобразной красотой древнерусского уставного письма. Впоследствии тем же шрифтом было отпечатано первое полное академическое издание этого шедевра древнего русского книгописания (1846).

В 1818 году под редакцией и с предисловием К.Ф. Калайдовича вышел сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым». Это было одно из первых в России научных изданий произведений народного творчества. Сборник выходил и раньше, еще в 1804 году, под названием «Древние русские стихотворения», но тогда он был не полон и не сопровождался научным комментарием.

Члены «академии» создавали на основании проделанных ими изысканий капитальные исследования. Изданием их занимался Румянцев. Так появился солидный исторический труд Калайдовича «Иоанн Екзарх Болгарский» и его же исследование по истории славянского книгопечатания – «Сведения о трудах Шайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика» (1820). В этих трудах история славянской и русской письменности, книжной культуры на Руси впервые были представлены с научной достоверностью.

По мнению В.П. Козлова, «в печатной книге сотрудники Румянцева видели наиболее совершенный способ распространения и пропаганды научных открытий. Члены Румянцевского кружка создали оригинальный тип научно-исследовательской книги, оказавший большое влияние на издания последующего времени»⁴⁰.

Румянцев заботился не только о научных достоинствах предпринимаемых им изданий, но и о «чистоте и красоте тиснения». Собственной типографии у Румянцева не было, но он пользовался услугами самых лучших полиграфических предприятий Москвы и Санкт-Петербурга – типографий Всеволожского, Селивановского, Крайя, Греча, Департамента народного просвещения и Казанского университета.

В трудах и заботах шли дни. Пришла старость, а с нею болезни и самое тяжелое испытание, омрачавшее жизнь канцлера, – глухота. Н.М. Карамзин, часто посещавший Румянцева, писал в 1823 году А.Ф. Малиновскому: «Вы спрашиваете меня о канцлере: иногда обедаю у него и всегда с некоторой грустью, не имея способа общаться с ним свободно – как все люди для него переменились, стали холодны и сухи, изъясняясь на письме краткими, бездушными фразами! У него же, к несчастью, лежит на столе всегда негодная доска и негодный грифель. Впрочем, он бодр духом»⁴¹.

Умер Н.П. Румянцев 3 января 1826 года на 71-м году жизни. Свой дом на Английской набережной он завещал для устройства в нем «публичного музеума». В состав музея, открывшегося спустя пять лет и названного Румянцевским, вошли собранные Николаем Петровичем художественные произведения, библиотека, древнерусские и славянские рукописи, коллекции монет и медалей. В 1861 году музей перевели в Москву, и уже после 1917 года его книжное и рукописное собрания легли в основу Российской государственной библиотеки.

И.В. Сленин

В первой четверти XIX века в самом центре Санкт-Петербурга, у Казанского моста, в доме М.А. Кусовникова, который в 1828 году станет собственностью друга А.С. Пушкина В.В. Энгельгардта (Невский проспект, 30), помещалась книжная лавка И.В. Сленина. Он зани-

мался книжным делом главным образом «по страсти к литературе», как утверждали хорошо знавшие его современники⁴².

Родился Иван Васильевич Сленин в 1789 году в семье богатого купца-винооторговца. Он мог пойти по пути отца, как поступало большинство купеческих детей. Но маленького Ваню тянуло учиться. Отец, заметив это, поощрял его интерес к языкам и литературе. Неудивительно, что начитанный молодой человек, свободно владевший французским языком, предпочел виноторговле книжное дело.

Сначала он открыл книжную лавку в Большом Гостином дворе совместно с братом. Но затем отделился и в 1817 году завел свой собственный книжный магазин, а с 1823 года обосновался на Невском проспекте.

Книжная лавка Сленина напоминала своеобразный литературный клуб. Современник Сленина В.П. Бурнашев вспоминал: «У него сходились, толковали, спорили, бранились и мирились тогдашние русские литераторы»⁴³.

Поэт А.Е. Измайлов даже сложил о нем стихи:

*Любезный, честный наш Смирдин,
... Скажу по совести, что нет
Книгопродавца здесь, как тезка, ты, другого.
Окромѣ Сленина Ивана, острослова.
Когда к вам ни придешь,
То литераторов у вас всегда найдешь,
И в умной, дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде.
Так в лавках у обоих вас Парнас...⁴⁴*

У Сленина бывали А.С. Пушкин, К.Ф. Рылеев, Ф.Н. Глинка, А.А. Дельвиг, В.Г. Кюхельбекер, А.Ф. Воейков... К его «клубу» большей частью тяготели передовые русские писатели, будущие декабристы. Сам Сленин являлся членом-корреспондентом Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения. Оно было связано с Союзом благоденствия, и в нем участвовали декабристы Ф.Н. Глинка, С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев, И.Г. Бурцов.

Декабристские связи Сленина ощутимы и в его книготорговой, и в издательской деятельности. Так, в его магазине можно было приобрести «Думы» К.Ф. Рылеева, книги Ф.Н. Глинки, выдающийся политико-экономический трактат Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов». Примечательно уведомление, помещенное на обороте титульного листа этой книги: «Сочинитель... предоставляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов».

Сленин охотно торговал сочинениями Пушкина: широко рекламировал «Евгения Онегина», полностью приобрел тираж поэмы

«Руслан и Людмила», у него можно было купить «Цыган» и «Кавказского пленника». Пушкин любил Сленина. В альманахе «Северные цветы» за 1829 год он опубликовал стихотворное послание к этому книгопродавцу:

*Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
... Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямыми поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом⁴⁵.*

Сленин содействовал изданию декабристского альманаха «Полярная звезда», который редактировали К.Ф. Рылеев и А.А. Бестужев. По его инициативе Дельвиг приступил к выпуску популярнейшего альманаха 1820-х годов «Северные цветы».

Велика заслуга И.В. Сленина и в ознакомлении русской читающей публики с «Историей государства российского» Н.М. Карамзина. Это был первый сводный труд, покоившийся на первоисточниках, добросовестный и, что особенно было важно для читателя, написанный превосходным литературным слогом. «Создание великого писателя» и «подвиг честного человека» – так охарактеризовал эту работу Карамзина Пушкин. Белинский писал: «История Карамзина впервые познакомила русское общество с историей России, и с нее начались и ею обуславливались все дальнейшие последовавшие за нею успехи в ученом и литературном знакомстве и понимании русской истории»⁴⁶.

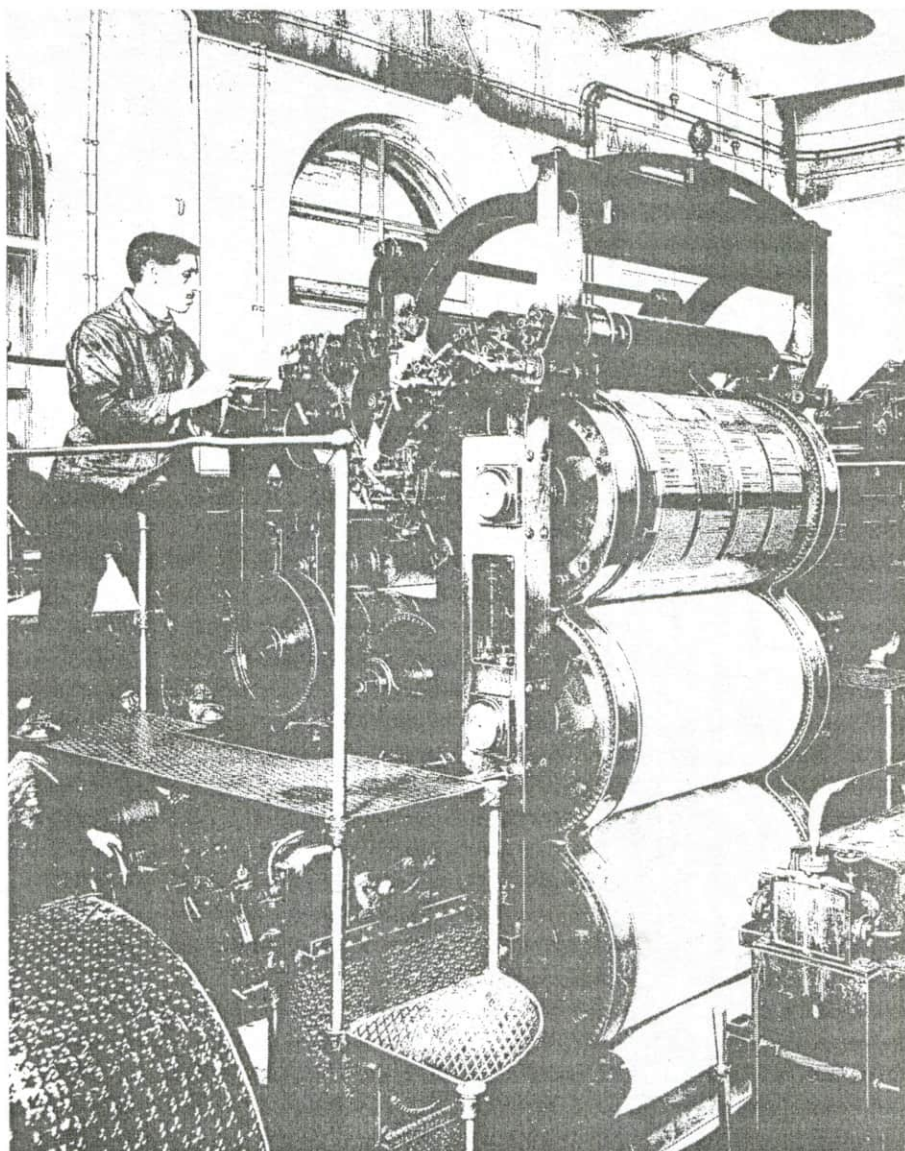
Вместе с братом Яковом Сленин участвовал в выпуске IX тома первого издания «Истории...». Второе выходило в 1818–1824 годах полностью на их средства. Одна лишь покупка права на издание обошлась Сленину в 75 тысяч рублей. Но расходы окупились – успех был полный. Вот как описывал распродажу «Истории...» Карамзина Дельвиг: «...При появлении первых восьми томов «Истории государства российского»... нельзя было за теснотою пробраться в ту комнату, где она продавалась, и... покупатели встречали целые возы, наполненные экземплярами «Истории» сей, везомые... в дома вельмож русских и других любителей отечественной истории»⁴⁷.

Примечательно и другое издание Сленина – басни Крылова в одном томе (в семи книгах), подлинным украшением которого стали гравюры С.Ф. Галактионова, Ф.И. Иордана, И.В. Ческого.

Деятельность Сленина не изгладилась из памяти потомков. Уже спустя годы после его смерти (он умер в 1836 году) некрасовский «Современник» отнес Сленина «к небольшому числу тех книгопродавцев-издателей, которые заботились не только о своих личных выгодах, но и пользе литературы»⁴⁸.

А биограф Сленина С.Б. Люблинский уточнял: «Среди книгопродавцев и издателей первой трети XIX века фигура И.В. Сленина стоит несколько особняком. Он был, по существу, одним из немногих в то время книжников, в основе деятельности которых лежали главным образом идейные мотивы»⁴⁹. Книжная лавка И.В. Сленина перешла к его приказчику И.И. Бородину.

КАПИТАЛИСТЫ
И «ИДЕАЛИСТЫ»

Отмена крепостного права, явившаяся результатом общего кризиса феодально-крепостнической системы в России, ускорила развитие капитализма в стране. В 1860-е годы возникли крупные издательские, полиграфические и книготорговые предприятия, мощные в финансовом отношении. Развитие науки и техники, успехи естествознания и медицины, все большая дифференциация знаний привели к появлению наряду с крупными универсальными книготорговыми и издательскими фирмами ряда не менее солидных специализированных предприятий, сконцентрировавших свое внимание на книгах по двум-трем, большей частью смежным, отраслям знания.

Во второй половине XIX века основную массу книг выпускали крупнейшие универсальные издательства во главе с М.О. Вольфом, А.С. Сувориным, А.Ф. Марксом, И.Д. Сытиным. Возникнув в середине XIX века, эти фирмы значительно потеснили, а затем и совершенно вытеснили многие старые петербургские издательства и книготорговые предприятия.

М.О. Вольф

Насколько новый буржуазный издатель 1860-х годов отличался от издателя-коммерсанта первой половины XIX века, можно судить по карьере Маврикия Осиповича Вольфа (1825–1883).

Сын известного варшавского врача, Вольф с детских лет почувствовал влечение к книге. Больше всего на свете он любил рыться в книжных развалах. Среди товарищей по варшавской гимназии Мав-

рикий Вольф прослыл «книговедом». Все свои карманные деньги он тратил на книги. Варшавские букинисты заметили любознательного мальчугана, встречали его радушно, даже отпускали книги в долг. Когда Маврикию исполнилось 12 лет, он уже твердо решил, что будет торговать книгами.

После окончания гимназии пятнадцатилетний юноша начал работать в варшавском книжном магазине А.Е. Глюксберга. В нем торговали старой польской книгой, изданиями французских и немецких фирм.

В 1840 году Маврикий отправился в деловое путешествие. Посетил Германию, Францию. Практиковался в модных книжных магазинах Лейпцига и Парижа. Некоторое время служил у знаменитого французского книготорговца Боссанжа. Возвратившись на родину, Вольф некоторое время занимался преимущественно торговлей польской художественной литературой во Львове, Кракове и Вильно. У него можно было приобрести самые последние польские и европейские новинки.

В 1848 году М.О. Вольф переехал в Санкт-Петербург. Здесь не было недостатка в торговцах книгами. Издательским делом занимались Базунов, Исаков, Глазуновы. Был еще жив «великий» Смирдин. Вольф внимательно присматривался к жизни столицы, завел некоторые полезные знакомства. В Санкт-Петербурге жило немало поляков – офицеры, студенты. Появились среди них и друзья.

Начинать надо было осторожно, осмотрительно. Пригласился Вольфу магазин иностранных книг Я.А. Исакова в Большом Гостином дворе. Дело было знакомое. Вольф поступил к Исакову приказчиком, представив блестящие рекомендации Боссанжа, Брокгауза, Глюксберга. Исаков по достоинству оценил молодого управляющего, который сумел в короткий срок сделать его магазин центром иностранной книжной торговли в России. Но совместная работа Исакова и Вольфа продолжалась недолго.

Вскоре Вольф отделился и завел свое собственное дело. «Первого октября 1853 года, – вспоминал сотрудник Вольфа, писатель С.Ф. Либрович, – среди невзрачных тогда лавочек Гостиного двора в Петербурге, в самом центре его Невской, или так называемой Суконной линии, открылся первый устроенный, до известной степени, на западноевропейский лад магазин: с большими окнами-витринами, изящным входом, приличной обстановкой. Вывеска над магазином – на двух языках, русском и французском – гласила: “Универсальная книжная торговля Маврикия Осиповича Вольфа”»¹.

Книжное дело Вольфа сразу же пошло в гору. Время было благоприятное. В 1855 году внезапно умер Николай I. Это было воспринято в русском обществе радостно. «Великие перемены ожидают Россию», – записал в дневнике Лев Толстой 1 марта 1855 года².

Поражение России в Крымской войне свидетельствовало о том, что отсталая помещичье-крепостническая система хозяйства изжила себя. Правительство под нажимом общества вынуждено было приступить к долгожданым реформам. И самая существенная из них – крестьянская. Демократический подъем охватил все слои общества. Повсюду наблюдалось оживление – проходили собрания, диспуты, открывались новые предприятия, книжные магазины, библиотеки, типографии. Возрос выпуск книг, газет, журналов. Цензура стала мягче, появилась возможность издавать такое, о чем в николаевское время и мечтать было нельзя. Появился новый читатель – из разночинцев.

Книжная торговля Вольфа шла все успешнее. Его магазин располагал обширным ассортиментом отечественной и зарубежной книги. Здесь можно было приобрести любую иностранную новинку. По городу даже ходили стишки:

*В Публичную пойдешь – не найдешь.
К Вольфу заглянешь – достанешь.*

В 1856 году Вольф обзавелся собственной типографией, размещавшейся на Караванной улице, 24, а 1878 году приобрел знаменитую словолитню Ревильона. Полиграфическое предприятие Вольфа стало одним из крупнейших в столице. Его процветанию в известной мере содействовало разорение некоторых конкурирующих фирм (А.Ф. Базунова и Н.Л. Тиблена).

Первая книга, помеченная именем Вольфа как издателя, – «Общедоступная механика» – вышла в 1853 году. В 1863 году увидели свет две поэмы любимого Вольфом Адама Мицкевича – «Конрад Валленрод» и «Гражина». Полное собрание сочинений Мицкевича ему опубликовать сразу не удалось. Оно вышло лишь в 1882 году и стало первым посмертным изданием сочинений великого польского поэта.

Издательство М.О. Вольфа имело универсальный характер. Он старался издавать все, что могло принести коммерческий успех, на что был спрос. Так, Вольф точно уловил необычайно возросший в 1860-х годах интерес в обществе к естественным наукам – биологии, физиологии, ботанике, геологии, географии. Всюду читались лекции, устраивались диспуты. Одним из самых популярных было в это время имя Чарльза Дарвина. В этом период Вольф выпустил немало книг по естествознанию. Им были изданы «Учение о происхождении видов» Ч. Дарвина, классическое сочинение М. Фарадея «История свечи», популярная в России книга «Вращение жизни в природе» немецкого физиолога Я. Молешотта.

Сельским читателям-землевладельцам была адресована «Карманная хозяйственная библиотека» – состоявшая из четырех серий (по

двадцать томов каждая) публикация «наставлений и руководств по части сельского хозяйства и домоводства».

Писатель Н.С. Лесков, знавший Вольфа лично, острил: «Маврикий – единственный царь русской книги, его армия разбросана от Якутска до Варшавы, от Риги до Ташкента, в его руках судьба литературы»³. Сам Вольф признавался: «Моя мечта была распространить как можно больше книг, покрыть страну огромною массою книг, которые покрыли бы мое имя славою благодетеля человечества»⁴.

Идя навстречу интересам передовой русской интеллигенции 1860–1870-х годов, Вольф выпустил немало книг по философии, истории, социологии. Им был завершен выпуск «Всемирной истории» Ф.К. Шлоссера под редакцией Н.Г. Чернышевского, начатый братьями Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичами. Он издал также «Историю цивилизации в Англии» Г.Т. Боля, «Историю новой философии» Куно Фишера, издания, начатые еще Н.Л. Тибленом до его разорения.

Одно из наиболее знаменитых изданий Вольфа – «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1881–1895) – двадцать богато иллюстрированных книг большого формата в золотом обрезе. В каждой из них – масса познавательного материала. Очерки, посвященные разным регионам России, написаны выдающимися русскими учеными, географами, путешественниками, литераторами.

К редактированию «Живописной России» были привлечены замечательный ученый и путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, литературовед и библиограф С.А. Венгеров, известный историк Н.И. Костомаров, писатель В.И. Немирович-Данченко.

Вольф очень ценил это издание. «"Живописная Россия", – писал он в предисловии, – не есть только крупное предприятие издателя, обладающего большими средствами, а дорогое детище, с которым мы сжились, с которым привыкли носиться и нянчиться, не жалея на него забот, ни трудов. Скажем более – мы сблизились с ним настолько, что привыкли видеть в этом труде памятник, который думаем по себе оставить в России»⁵.

Выпуск «Живописной России» завершился только в середине 1890-х годов, уже после смерти Вольфа. Средств в нее было вложено много, но расчет издателя не оправдался: книги расходились медленно. Русский читатель еще не привык к подобному типу изданий, да и цена его была довольно высока. Однако инициативу Вольфа подхватили другие издатели. Так, швейцарец А.Ф. Девриен, обосновавшийся в Санкт-Петербурге, выпустил многотомный труд под названием «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1890–1914).

До 1917 года трудно было отыскать такой интеллигентный дом в Санкт-Петербурге или Москве, в захолустном губернском центре, где не стояли бы на полках опрятные томики в красных коленкорových

переплетях с рельефным конгревным тиснением из вольфовской «Библиотеки знаменитых писателей». В ней были изданы сочинения Н.И. Гнедича, М.Н. Загоскина, В.И. Даля, А.Ф. Писемского, П.И. Мельникова-Печерского. Отсутствие в этом перечне имен Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, других известных авторов объясняется тем, что Вольф издавал лишь тех писателей, которые уступили ему свои авторские права. Сказывались и умеренно либеральные взгляды самого Вольфа. С.Ф. Либрович не без основания писал: «...Среди громадного количества изданий Вольфа... не было ни одного заведомо реакционного, пошлого, вредного, вообще не было ничего такого, что могло дать крупные барыши, но вредило бы репутации издателя»⁶. Впрочем, случалось и ему попадать в неприятные ситуации.

Купив у Н.С. Лескова рукопись романа «Некуда», Вольф опубликовал его в своей «Библиотеке...». Роман, в котором автор рассуждал о некоторых теневых сторонах революционного подполья, зло писал о «крутых, костоломных поворотах во имя теории», был воспринят революционерами как поклев на освободительное движение: «Был застой, – писал Лесков, – потом люди проснулись, ну, поддались несбыточным увлечениям, наделали глупостей, порастеряли даром людей (это намек на аресты. – *И.Б.*), но все ведь это было человеческое, а это что же? Воевать с ветряными мельницами, воевать с обществом, злить понапрасну людей и покрывать это именем какого-то нового союза»⁷.

С.Ф. Либрович вспоминал: «Уже спустя несколько дней по выходе «Некуда» Вольф начал получать анонимные письма с угрозою, что если он не уберет этого романа с витрины своего магазина и не перестанет о нем публиковать и вообще его продавать, то весь его книжный магазин будет сожжен, обращен в пепел, уничтожен.

Встревоженный Вольф поехал к Лескову.

– Сколько вы получили писем? Всего четыре? – спросил Лесков, выслушав рассказ Вольфа, – а вот я получил их больше десятка и продолжаю получать каждый день. Вам угрожают только сжечь ваш магазин, а меня хотят избить, застрелить, повесить. Но все это еще ничего сравнительно с теми обвинениями, которые бросают мне в лицо, будто я написал мой роман по заказу полиции и получил за него даже из этого источника крупный гонорар!»⁸.

Все, что выпускал Вольф, проходило через Цензурный комитет беспрепятственно. Один-единственный раз случай подвел издателя. «Виновницей» оказалась книжка самого невинного свойства: это был перевод с английского небольшой детской повести «Вечер у Мисс Рыжей шерстки». К героине книжки – кошечке по прозвищу Мисс Рыжая шерстка пришли гости и среди них Кот Бурый. Художник изобразил его в форме английского капитана морской службы с орденом

на груди. Цензура это расценила как оскорбление представителя флота дружественной России державы.

Как уже говорилось, Вольф одним из первых начал выпускать дорогие, богато иллюстрированные издания большого формата в роскошных, тисненых золотом переплетах. Так им были изданы фолианты «Картинные галереи Европы», «Фауст» Гете, «Божественная комедия» Данте. В них воспроизводились репродукции с картин и рисунков самых известных художников мира. Достаточно назвать хотя бы великолепного французского иллюстратора Гюстава Доре, чьи гравюры, напечатанные с оригинальных досок, украсили русское издание «Божественной комедии». Право на их использование Вольф приобрел у французского издателя Мама.

В качестве примера удачно иллюстрированного издания, выпущенного Вольфом, можно привести маленький сборник под названием «Родные отголоски». Книга выходила дважды: в 1875 году с иллюстрациями И.С. Панова (напечатана была в Париже) и – вторым изданием – уже у Вольфа, в 1880-м, с рисунками того же Панова и популярного в 1870–1880-х годах художника и писателя Н.Н. Каразина. По мнению А.А. Сидорова, «...решающее значение для общего впечатления об издании имеет иллюстративная гравюра. Панов рисует буквы как будто они сделаны из дерева. В иллюстрации к стихотворению «Ласточкино гнездо» мы ясно видим, что задачу художника было создать единое живописное целое и из пейзажа, и из буквы, и из декорации... «Отголоски» – новое книжное достижение 70–80-х годов. Во втором томе, посвященном Украине, талантливый Н.Н. Каразин строит инициалы из граблей и растений так, что почти невозможно определить, какая должна быть изображена буква». «Красота» понимается как декоративность, удобочитаемость оттеснена на второй план. Таков дух времени»⁹.

А.А. Сидоров выделяет еще два «вполне высококачественных издания» Вольфа с гравюрами иностранного происхождения. Это «Конрад Валленрод» А. Мицкевича и «Волшебные сказки» Ш. Перро в переводе И.С. Тургенева с иллюстрациями Г. Доре (последняя печаталась в Лейпциге). Вольф намеревался заказать знаменитому парижскому художнику иллюстрации к лермонтовскому «Демону». Доре запросил по 100 франков за каждый большой рисунок, и Вольф согласился, но в связи со смертью художника заказ исполнен не был.

Издательство Вольфа прославилось выпуском детских книг в виде подарочных изданий. В их выпуске Вольф сотрудничал с некоторыми из германских и французских издателей, в частности, с парижской фирмой Ж.П. Этцеля. В своем отчете за первые десять лет работы Вольф отметил «величайший недостаток», который он встретил, приступая к издательскому делу, – недостаток в детских книгах. «Поэтому, – писал Вольф, – мы посвятили все свои силы на обогащение имен-

но детской литературы, которая долгое время была и будет одною из наших специальностей»¹⁰.

Детскую литературу Вольф издавал сериями: «Золотая библиотека», «Зеленая библиотека», «Розовая библиотека», «Библиотека юного читателя» и другие. Все лучшее, что было создано в мировой литературе и вошло в круг детского чтения, появилось в вольфовских подарочных сериях: «Сказки 1001 ночи», сказки Х.К. Андерсена и Ш. Перро, романы и повести В. Скотта, Майн Рида, Ф. Купера, Ж. Верна, В. Гюго и многое другое. Немало было выпущено литературы развлекательной, остросюжетной, приключенческой – боевики Густава Эмара и капитана Фредерика Мариетта об индейцах, тугах-душителях, пиратах, таинственных пещерах, скрывающих сокровища, и американских трапперах.

Заслугой Вольфа стала популяризация произведений отечественной детской литературы, в том числе сочинений М.Б. Чистякова, А.Е. Разина, В.И. Лапина, А.К. Гиппиус, С.М. Макаровой. В издательстве Вольфа часто публиковались сочинения плодovitой детской писательницы Лидии Чарской – рассказы и повести об институтках из благородных пансионеров, о невероятных подвигах красивой грузинки Нины Джавахи. В ее сочинениях соседствовали благородные дворяне и несчастные обездоленные сироты, доброе Провидение и таинственные колдуны, лихие скачки на терских лошадях и трогательное объяснение в любви – своеобразная помесь Диккенса, Майн Рида и Казака Луганского (В.И. Даля).

Вот как передает свои впечатления от чтения Чарской писательница Н.И. Ильина: «Было мне десять, когда мать одним-единственным словом отвадила меня от Чарской: «Что ты читаешь? Откуда? Этой дрянни я тебе никогда не дарила!» На Чарскую в школьной библиотеке очередь, из рук рвут, и понятно: так интересно! Кроме Чарской, и читать ничего не хотелось. Скорее бы сделать уроки... залезть в кресло – и пошло: страхи, приключения, ужасы, юные героини постоянно падают в обморок, сознания лишаются... Пепиньорки, парфетки, медапочки, слезы, истерики... А мать сказала: «Дряннь!» Девочки моего класса: «Княжну Джаваху читала?.. Нет? Что ты! Так здорово!» А мать сказала: «Дряннь»... нет, я не сразу бросила читать Чарскую, но уже что-то настораживало, отталкивало, раздражало...»¹¹.

В научно-популярной серии Вольф знакомил юных читателей с классическими произведениями М. Фарадея, английского публициста-популяризатора С. Смайлса, путешественника Д. Ливингстона. Не забыл Вольф и о самых маленьких: для них он печатал юмористические книжки с картинками, вроде современных комиксов, – «Степка-растрепка», «Маша-разиня».

В 1867 году в издательстве Вольфа стал выходить специальный детский журнал «Задушевное слово». Читали его и дети, и родители.

С журналом сотрудничали лучшие педагоги и детские писатели. Журнал получился живой, поучительный и пользовался успехом. Вольф основал и другие журналы: «Природа и земледелие», «Заграничный вестник». Целью последнего было «отражение самых крупных явлений европейской жизни и современной литературы».

В 1877 году Вольф купил дом-усадьбу на 16-й линии Васильевского острова, 5–7, куда перевел все свое дело, разбросанное до тех пор по разным частям Санкт-Петербурга, оставив на прежнем «насиженном» месте в Большом Гостином дворе книжный магазин. Вот как описывал С.Ф. Либрович это новое предприятие: «Усадьба... состояла из огромного каменного строения с высокою башнею, деревянного флигеля и деревянных же строений: конюшни, служб и пр. При усадьбе был сад и большая пустая площадка. Дом-дворец в усадьбе... к началу семидесятых годов находился в полном запустении. К тому же сама усадьба, сданная в аренду под кафе-шантан и ресторан под названием «Василеостровские семейные вечера», совершенно утратила свой первоначальный вид барского дома. Вольф тотчас же после приобретения усадьбы принялся за устройство в каменном здании складов книг, типографии, конторы, пристроил два каменных здания, предназначенных под квартиры служащих, реставрировал другие здания и пр. и пр. и перевел туда свои склады, кладовые, типографию, словолитню и пр. ... Особенно много пространства пришлось отвести под склады книг, для которых было пристроено новое большое здание в глубине сада.

Кто бывал в этих складах, кто видел эти длинные двух- и трехэтажные галереи, тянущиеся на многие десятки сажен и буквально заваленные книгами, и при этом исключительно книгами, отмеченными именем Вольфа как издателя, тот не мог не выразить своего удивления перед колоссальными размерами Вольфовского издательского дела»¹².

Сам Вольф объяснял свой успех так: «Почувствовав любовь к книжному делу, я его очень тщательно изучил... Я стал на путь самостоятельной книжной деятельности только после того, когда я изучил книжное дело во всех его подробностях»¹³. Либрович замечал: «Вольф не был ни меценатом, ни альтруистом. Все же он трудился не только для личного своего обогащения, но и для культурного обогащения России. И те тысячи книг, которые были им выпущены в свет за 40 лет его деятельности, это своего рода памятник, к которому “не зарастет народная тропа”»¹⁴.

В 1883 году Маврикий Осипович Вольф умер. Но созданная им фирма продолжала существовать вплоть до 1918 года как паевое Товарищество М.О. Вольфа, образованное его сыновьями – Александром, Евгением и Людвигом. Направление издательской деятельности сохранилось таким, каким было при жизни их отца. С 1897 года

выходили «Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольфа». Помимо обширных библиографических сведений в журнале помещались статьи о книжной торговле, истории книги и книжного дела, хроника, письма читателей.

А.Ф. Маркс

С М.О. Вольфом связана судьба другого крупного петербургского книгоиздателя и книготорговца Адольфа Федоровича Маркса (1838–1904). Он родился в Штеттине (тогда Германия, ныне город Щецин в Польше) в семье фабриканта. Подобно Вольфу, с молодости пристрастился к книгам. По окончании гимназии поступил приказчиком в одну из книготорговых фирм в Висмаре, два года работал в Берлине, затем вернулся в Штеттин.

Осенью 1859 года, имея авторитетные рекомендации, А.Ф. Маркс прибыл в Россию по приглашению известного петербургского книготорговца и комиссионера лейпцигских фирм Ф.А. Битепажа, занимавшегося открытием иностранного отдела. Прослужив у Битепажа пять лет, Маркс перешел к Вольфу.

Новый работник радовал Вольфа: трудолюбив, расторопен, умен. Не устраивал, правда, внешний вид молодого приказчика: одет неказисто, старые сапоги изношены до дыр.

Как-то Вольф пригласил Маркса к себе в кабинет.

– Получите авансом. На сапоги... нельзя же в таких показываться покупателям.

Маркс смутился, но взял протянутые ему Вольфом несколько бумажных ассигнаций. В расписке значилось: «Дано Марксу на сапоги шесть рублей – шесть рублей получил. Маркс»¹⁵.

Вольф, как и Битепаж, не торопился предоставить молодому приказчику самостоятельное поле деятельности. Бывали между ними и стычки. Окончательный разрыв случился в 1865 году. Когда Маркс уходил, Вольф с досадой заметил, что из него все равно «ничего не выйдет». «Ну, это мы еще посмотрим», – возразил уверенный в себе Маркс¹⁶.

Прошло несколько лет. Фирма Вольфа процветала. У Маркса же дела не ладились. Он перепробовал не одну профессию, был воспитателем и преподавателем немецкого языка, конторщиком в Главном обществе российских железных дорог, пока в 1869 году не смог наконец вернуться к любимому занятию, к книгам. Идея зрела давно. На Западе, в родной Германии пользовались успехом журналы для семейного чтения. Один из них, чрезвычайно популярный в бюргерской среде, – «*Gartenlaube*» («Беседка»). В нем было много фотографий, различных корреспонденций, печатались стихи, повести.

В конце 1869 года Маркс выхлопотал право на издание еженедельного иллюстрированного журнала для семейного чтения, названного им «Нива». Журнал предназначался для образованной публики – городской интеллигенции, чиновников, учителей, врачей, состоятельных купцов, провинциальных помещиков. Его контора размещалась на Малой Морской улице, 22.

В «Ниве» печатались беллетристика, очерки – исторические и особенно много географических: о путешествиях по разным странам и городам, о жизни разных народов; популярные статьи «по наукам и искусствам». В журнале можно было найти полезные советы по части медицины, домашнего хозяйства и многое другое. В разделе беллетристики публиковалось много модных переводных романов, повестей, рассказов. Основными русскими авторами «Нивы» являлись популярные в свое время литераторы, не оставившие заметного следа в истории отечественной словесности: Ф.Н. Берг, М.Н. Волконский, Н.Н. Казин, В.П. Ключников, А.Я. Максимов, В.И. Немирович-Данченко, И.Н. Потапенко, Е.А. Салиас, Вс.С. Соловьев, Д.И. Стахеев, К.М. Фофанов, А.А. Коринфский. Изредка в «Ниве» появлялись произведения крупных писателей, например, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Гуттаперчевый мальчик» Д.В. Григоровича, рассказы И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.П. Чехова.

Более всего привлекали внимание читателей многочисленные фоторепортажи о важнейших событиях в мире, а также репродукции с картин и рисунков выдающихся художников: И.К. Айвазовского, И.И. Шишкина, В.В. Верещагина, И.Е. Репина, А.Н. Бенуа, И.Э. Грабаря.

Художественные репродукции выпускались в виде «премий» к «Ниве». Значение этой просветительской акции Маркса трудно было переоценить. Вот как отзывался о ней историк русского искусства П.П. Гнедич: «В медвежьих углах и захолустьях, где скверный московский лубок является предметом роскоши, премия «Нивы» была своего рода откровением... Появление в глуши таких картин, как «Бабушкина сказка» и «Гусляр» К.Е. Маковского, «Зимний вечер» Клевера, «Сосновый лес» и «Березовая роща» Шишкина, «Демон» и «Тарас Бульба» Зичи – были своего рода эпохами. Это были оригиналы, по которым дети учились рисовать, – это была школа для целого подрастающего поколения»¹⁷.

Логическим продолжением этой идеи стала мысль об издании в виде приложения к «Ниве» произведений русских и зарубежных классиков. И.Д. Сытин в своих воспоминаниях утверждал, что именно он натолкнул Маркса на эту идею. Случилось это в 1883 году, на книжной выставке. Сытин и Маркс встретились на ней впервые.

«Симпатичный, с дурным русским произношением немецкий издатель очень мне понравился», – вспоминал Сытин. Разговорились.

Речь зашла об иллюстрированных вкладках к «Ниве». Вот как рассказывал об этом Сьгин:

« – Очень хороши ваши картины-премии, которые вы прилагаете к «Ниве», – сказал я. – Но, как иностранец, вы, мне кажется, делаете одну ошибку...

– Какую?

– Да ведь каждый год все картины и картины, этак вы совсем перегрузите вашего подписчика. У него и стен не хватит, чтобы все ваши картины развесить...

Он подумал, пожевал губами и сказал:

– Когда все стенки завесят, я альбом буду давать...

– Да почему же все картины? Вашему подписчику – вы извините меня – совсем не то нужно.

– А что ему нужно?

– Книга ему нужна! Мы народ безграмотный, и картинами нас грамотными не сделаешь.

– А какая же книга ему нужна?

– Да мало ли книг-то. Вам разве не приходила в голову мысль, что при «Ниве» можно бы в виде приложения рассылать наших классиков?

– Нет, эта мысль не приходила мне.

– Произведений наших классиков народ не знает, а ведь большое дело можно бы сделать...

– Нет, едва ли... Дорого стоит... Едва ли...

На этом мы расстались, и я совсем забыл про наш разговор.

Но через год в лавку ко мне пришел приказчик и неожиданно заявил:

– Г-н Маркс просят вас обедать в «Славянский Базар».

Меня это очень удивило, но, чтобы не обижать собрата, я пошел.

Маркс весь сияющий и радостный, праздничный, встретил меня торжественно, словно юбиляра, и на своем дурном русском языке начал:

– Ну, Иван Дмитриевич, ты мой большой гость сегодня. Я желает угощать... Самое большое и самое лучшее угощение... Все, что ты хочешь...

– Да по какому же случаю? Что такое произошло?

– Ты помнишь нашу встречу на выставке?

– Как же...

– И наш разговор тоже помнишь?

– Конечно...

– Так вот смотри!

Маркс вынул бумагу и протянул мне. Читаю и глазам не верю: он купил у Салаева полное собрание сочинений Гоголя за 100 тысяч рублей.

– Теперь понимаешь, почему я желаю угощать? Это наша дружеская беседа дала мне дорогу. Я теперь знаю, что делать и какие приложения давать при «Ниве».

Я с завистью поздравил милого немца, а он дружески хлопнул меня по плечу.

Так из простого разговора, из случайно оброненного замечания выросло огромное дело, приблизившее к народу всех русских классиков»¹⁸.

Приведенный отрывок из воспоминаний Сытина не всем исследователям представляется сегодня достоверным. Сытин, возможно, перепутал что-то, смешал события во времени. Но существенно то, что в памяти его запечатлелся самый факт издания приложений к «Ниве», разговор о которых действительно состоялся между двумя издателями.

Идея литературных приложений к «Ниве» оказалась плодотворной. Подписка на журнал резко возросла. Вскоре ежегодный тираж «Нивы» достиг поистине астрономической для своего времени цифры – 250 тысяч экземпляров. На первой Всероссийской выставке печатного дела в 1895 году Маркс был удостоен высшей награды – одной из шести золотых медалей Русского технического общества. «За почин в издательстве первого до сих пор самого распространенного и наиболее отвечающего своему назначению популярного журнала для семейного чтения «Нива» и за несомненные достоинства остальных изданий»¹⁹.

Настало время обзаводиться собственной типографией, и Маркс построил ее – самую крупную в то время (Измайловский пр., 29): в ней работали в две смены 700 рабочих, а во всей фирме трудилось около 1000 человек.

В 1901 году «Правительственный вестник» с гордостью писал: «Чтобы сразу отослать все 12 миллионов номеров «Нивы», 2820000 книг «Литерат[урных] Прил[ожений]» и 5 640 000 сборников «Нивы», печатаемых ежегодно, пришлось бы отправить один за другим 11 товарных поездов по 20 вагонов в каждом. Если же кому вздумалось бы разгрузить эти вагоны и разложить все листы рядом вплотную друг за другом, то получилась бы бумажная полоса десятивершковой²⁰ ширины, длиною в 100000 верст²¹; ею можно было бы почти три раза опоясать весь земной шар; она десять раз улеглась бы по всему сибирскому пути – от Петербурга до Владивостока; ее хватило бы протянуть 165 раз от Петербурга до Москвы»²².

За десять лет с 1894 по 1904 год (год смерти А.Ф. Маркса) в виде приложений вышли в свет полные собрания сочинений М.В. Ломоносова, Д.И. Фонвизина, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, И.И. Козлова, А.И. Полежаева, А.В. Кольцова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Г.И. Успенского, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, Г.П. Данилевского, А.К. Шеллера-Михайлова, П.Д. Боборыкина. Печатались и сочинения иностранных авторов – Ж.-Б. Мольера, Э. Ростана, Г. Гейне, М. Метерлинка, О. Уайльда. Собрания сочинений выходили и помимо серий: А.А. Фета, А.Н. Плещеева, А.К. Толстого, К.М. Станюковича, Я.П. Полонского и других.

«Нивские» собрания сочинений готовились на уровне текстологической науки своего времени. Образцовыми стали полное собрание сочинений Н.В. Гоголя, подготовленное академиком Н.С. Тихонравовым, а также собрания, в составлении которых принимали участие сами авторы – А.П. Чехов, И.А. Бунин, В.Г. Короленко и ряд других.

Издание собраний сочинений требовало немалых средств, а издавались приложения к «Ниве» бесплатно, в качестве премий. Таким образом Маркс, расчетливый делец, добивался прежде всего увеличения числа подписчиков на «Ниву». Когда эта цель была достигнута, он повысил цену на журнал, почти незаметно для читателя, но так, что она, учитывая возросший тираж журнала, не только покрывала все расходы на издание, но и давала прибыль. На этом строился его расчет.

Приведем некоторые цифры. В 1870 году годовая подписка составляла в Санкт-Петербурге 4 рубля без доставки и 5 рублей с доставкой. Через восемь лет цена доставки петербургским подписчикам возросла на 50 копеек. С 1898 года «Нива» в Санкт-Петербурге без доставки стоила 5 рублей 50 копеек, с доставкой – 6 рублей 50 копеек. С 1903 года годовая подписка вновь подорожала – уже на целый рубль.

Как издатель Маркс был прижимист. А.П. Чехов в своих письмах называл его не иначе как «хищный тигр», «канальский немец». Основания для этого у него имелись. Лев Николаевич Толстой, который очень любил Чехова и пророчил ему великую будущность, однажды посоветовал ему попытаться издать собрание своих сочинений. В качестве издателя старый товарищ Чехова, литератор П.А. Сергеенко порекомендовал ему А.Ф. Маркса. Соглашение состоялось, и в 1899 году Маркс приобрел у Чехова право литературной собственности на все его сочинения за 75 тысяч рублей (правда, Маркс утверждал, что 75 тысяч рублей им было заплачено лишь за произведения, напечатанные до заключения договора. За все последующие сочинения, напечатанные в журналах и газетах, полагался особый гонорар – до 1000 рублей за лист). Чехову, который испытывал в это время стесненность в средствах, это показалось достаточным и спорить он не стал. Однако вскоре стало ясно, что Маркс весьма сэкономил на этой операции. Правда, к чести Маркса, надо сказать, что он единственный среди русских издателей того времени заключил контракт с Чеховым, но его условия все же были невыгодны для писателя. Забеспокоились прежде всего друзья Чехова. М. Горький и другие писатели попытались было «усовестить» Маркса, убеждали его расторгнуть кабальный для Чехова договор, исправить «невольную... несправедливость».

К 25-летию юбилею литературной деятельности А.П. Чехова было составлено коллективное письмо, которое предполагалось от-

правиль А.Ф. Марксу. В нем говорилось: «В настоящий момент, когда вся Россия готовится праздновать четвертьвековой юбилей А.П. Чехова, с особенной силой выдвигается вопрос, которым в последнее время болезненно интересуется русское общество и товарищи Антона Павловича. Дело заключается в поразительном и недопустимом несоответствии между деятельностью и заслугами Антона Павловича перед родной страной, с одной стороны, и необеспеченностью его материального положения – с другой... Мы знаем, что за год, протекший с момента договора, вы несколько раз успели покрыть сумму, уплаченную вами А.П. Чехову за его произведения: помимо отдельных изданий, рассказы Чехова, как приложения к журналу «Нива», должны были разойтись в сотнях тысячах экземпляров и с избытком вознаградить вас за все понесенные вами издержки. Далее, принимая в расчет, что в течение многих десятков лет вам предстоит пользоваться доходами с сочинений Чехова, мы приходим к несомненному и печальному выводу, что А.П. Чехов получил крайне ничтожную часть действительно заработанного им»²³.

Под письмом стояли подписи М. Горького, Ф.И. Шаляпина, Л.Н. Андреева, А.С. Серафимовича, В.В. Вересаева, Н.Д. Телешова, И.А. Бунина и других известных деятелей русской культуры. Отправке письма воспротивился сам Чехов. Денежные счета были ему неприятны, «торг» с Марксом – коробил. Он говорил друзьям: «Я своей рукой подписывал договор с Марксом, и отрекаться мне от него неудобно. Если я продешевил, то, значит, я и виноват во всем: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожнее»²⁴.

Маркс приобрел авторские права и у других писателей и их наследников: Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.К. Толстого, П.И. Вейнберга, К.М. Станюковича. Их сочинения были выпущены в свет в качестве приложений к «Ниве» и отдельными изданиями.

Кроме «Нивы» и сочинений русских и европейских писателей, Маркс издавал и многое другое. Здесь он во многом подражал Вольфу. Под издательской маркой Маркса выходили книги по естествознанию, искусству, географические атласы. Широкое распространение получили также иллюстрированные издания – «Всеобщая история» О. Йегера, «История письмен» Я.Б. Шницера, цикл «История Ассирии», «История Мидии», «История Индии» известного популяризатора З.М. Рагозиной, «Леонардо да Винчи» А.Л. Вольнского и ряд книг естественнонаучного характера.

Печатали Маркс и роскошные подарочные издания: «Потерянный и возвращенный рай» Д. Мильтона, «Фауст» и «Лис Патрикеевич Гете, «Историю искусств» П.П. Гнедича, «Мертвые души» Н.В. Гоголя и другие. Это были книги большого формата, в дорогих переплетах, с большим количеством иллюстраций. Так, «Мертвые души» включали в себя 355 автотипий и 10 гелиографюр, к работе над кото-

рыми были привлечены двенадцать художников. Это издание во всех смыслах стало плодом коллективного труда: гелиографюры изготавливались в Вене, автотипии – в Штутгарте, бумагу поставила Красносельская писчебумажная фабрика К.П. Печаткина, а шрифт – знаменитая словолитня И.И. Лемана. Стоил том 14 рублей золотом. Оценивая это издание, А.А. Сидоров писал: «Значение для нашего времени он не сохранил. Создать «художественную поэму» 12-ти художникам не удалось. Историк обязан отметить невероятный разрыв между иллюстраторами и оформителями тома»²⁵.

Увеличивая тиражи изданий, Маркс имел возможность снижать цены на книги и таким образом успешно конкурировать с другими издателями и книготорговцами. Он говорил: «Я всегда держался такого правила: вместо того, чтобы издать две тысячи экземпляров книги по пятнадцать рублей, я издавал пять тысяч по семи. И редко ошибался в расчете. Если бы даже мое пятнадцатирублевое издание все разошлось с успехом, я более был бы счастлив, распространив ту же книгу в двойном количестве экземпляров, но по цене вдвое более дешевой»²⁶.

Вот какой «портрет» Маркса набросал писатель А.В. Амфитеатов: «Я видел Маркса всего три раза в жизни и единственными личными впечатлениями, которые вынес я из этих свиданий, остались необычайная деловитость, быстрая сметливость и решительность его в издательских вопросах.

Это был огневой старик, даром что плохо слышал. Видел я также, что обожают его служащие и держит он всех на крепкой хозяйской узде, но его все уважают и любят. Он сумел остаться с народом, от него зависевшим, на полутоварищеской ноге, как мастера на то порядочные хозяева больших немецких фабрик, сами вышедшие из рабочих, у которых за станками еще трудятся старые сверстники либо дети старых сверстников. В «Ниве» Маркса было очень «просто», именно по-фабричному просто – веяло духом деятельнической работы, а не бюрократического священнодействия»²⁷.

«Книжный вестник» писал в 1904 году, откликаясь на кончину Маркса, что он «сделался генералом в издательской армии и, умирая, оставил миллионное дело, дома, типографии и громкое имя»²⁸.

Писатель Леонид Андреев утверждал, что издание «Нивы» и приложений к журналу дало А.Ф. Марксу «право на вечную благодарность со стороны русского народа»²⁹.

В.Е. Генкель

В 1850–1870-х годах в Санкт-Петербурге развернул книгоиздательскую деятельность уроженец Пруссии Вильгельм Эдуард (Василий Егорович) Генкель (1825–1910). В 1834 году родители привезли его в

Санкт-Петербург и отдала учиться в Петершуле. В 1840-х годах он работал учеником в книжном магазине Шмицдорфа, в 1846–1851 годах, подобно Вольфу и Марксу, изучал книжное дело в Европе, а затем, в 1853 году, по возвращении в Санкт-Петербург, приступил к изданию русских книг. В 1854 году Генкель стал компаньоном сына Смирдина – Александра. Издательская фирма «А. Смирдин (сын) и К^о» носила универсальный характер, с преобладанием изданий художественной литературы. Под этой маркой выходили произведения многих русских писателей, в их числе Н.И. Греча, Л.А. Мея, В.Г. Бенедиктова, А.С. Грибоедова. Было осуществлено издание еженедельной «Библиотеки для дач, пароходов и железных дорог. Собрание романов, повестей и рассказов, новых и старых, оригинальных и переводных». Читатель мог познакомиться здесь с произведениями В.И. Даля, Н.М. Карамзина, В.А. Соллогуба, О.И. Сенковского, И.И. Панаева, а также зарубежных авторов – В. Скотта, Ч. Диккенса, Ж. Санд, О. Балзака и других. В 1856–1859 годах Генкель совместно со Смирдиным-сыном предпринял издание журнала «Русская библиография» (с 1858 года – «Русский библиографический листок»), журнала «Гирлянда», ряда детских книг. Ими был выпущен также уже упоминавшийся «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина» (1858).

Совместная деятельность компаньонов продолжалась до 1861 года. Она не окупала себя. Генкель, разойдясь с Смирдиным, продолжил издательскую деятельность уже самостоятельно. У него были свое издательство и магазин с библиотекой, располагавшийся на Невском проспекте, 36 – в доме напротив Городской думы.

Начало самостоятельной издательской деятельности Генкеля ознаменовалось выпуском художественного альбома «Северное сияние». По отзыву библиографа и библиофила В.А. Верещагина, организатора Кружка любителей русских изящных изданий, «Северное сияние» было одним из «наиболее интересных иллюстрированных сборников, как по богатству, так и по разнообразию сюжетов»³⁰.

Продолжая издание произведений русских писателей, Генкель выпустил трехтомный сборник «Современники», состоявший из сочинений М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Ф.Н. Глинки и других известных литераторов первой половины XIX века. На высоком полиграфическом уровне было издано «Иллюстрированное описание Всемирной промышленной выставки в Париже 1876 года». Выходил иллюстрированный журнал «Новый русский базар», серия «Библиотека русских и иностранных писателей», «Календарь для всех», предназначавшийся для «грамотных простолюдинов».

С 1867 по 1871 год Генкель издавал газету демократической направленности «Неделя». С ней сотрудничали Н.С. Курочкин (одно

время бывший редактором газеты), Г.И. Успенский, А.И. Левитов, Ф.М. Решетников, Н.К. Михайловский, Д.Д. Минаев, А.К. Шеллер-Михайлов, П.Н. Ткачев и В.А. Зайцев. Газета подвергалась цензурным преследованиям и приостановкам за свое радикальное направление. В этих условиях Генкель не считал возможным продолжать ее издание, что привело его к разорению. Ему удалось устроиться на работу к М.О. Вольфу, у которого он проработал с 1872 по 1878 год в качестве помощника по издательскому делу. В 1878 году Генкель покинул Россию и поселился в Мюнхене. Здесь он занялся переводом и пропагандой русской классической литературы, способствовал более тесному культурному сближению России и Германии, стремясь к тому, чтобы русская наука приобрела за границей «то почетное значение и ту известность, которые ей подобают»³¹.

Оценивая эту сторону деятельности Генкеля, С.Ф. Либрович писал: «Если образованные немцы знают и ценят Достоевского, если среди читающей публики в Германии получили популярность сочинения Щедрина, Гаршина, Чехова и многих других русских писателей, если вообще новейшая русская литература перешагнула через германскую границу и сделалась знакомой и близкой интеллигентным немцам, то это в значительной степени заслуга Вильгельма Генкеля. Он, если не первый, то один из первых, в 1878 году начал усердно переводить произведения русской беллетристики на немецкий язык, занялся распространением русской литературы в Германии, писал статьи и исследования о русской изящной литературе в немецких периодических изданиях и, не смущаясь полным сначала равнодушием к его затее, усердно в течение многих лет вел дело пропаганды русской литературы, являясь одним из самых усердных апостолов этой литературы»³².

А.С. Суворин

В 1877 году на Малой Итальянской улице (ныне ул. Жуковского), в доме № 47 открылась новая типография. Ее владелец А.С. Суворин выписал печатную машину из Парижа и предполагал развернуть дело широко. В конце того же года типография переехала в Эртелев переулок (ныне ул. Чехова).

Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) был к тому времени очень известным журналистом. Сын государственного крестьянина, дослужившегося до чина капитана, он учился в Кадетском корпусе и в специальных классах Дворянского полка, но служить не стал. Одно время Суворин учительствовал в провинциальной гимназии, преподавал географию в городе Боброве Воронежской губернии и одновременно подвизался на литературном поприще – печатал в различных журналах

корреспонденции, зарисовки из провинциального быта. В то время он слыл за либерального публициста и его статьи печатали демократические издания, в том числе журнал «Современник».

Общественный подъем 1860-х годов вовлек его в свое русло. Суворин осуждал в своих публикациях казнокрадство, взяточничество, произвол полиции. В 1866 году вышел в свет сборник его статей под названием «Всякие. Очерки современной жизни». Автор осмелился в них высказать свое сочувствие «государственному преступнику» Н.Г. Чернышевскому (он выведен в «Очерках» под именем Самарского), подробно описал его гражданскую казнь на Мытнинской площади в Санкт-Петербурге. Суворина привлекли к суду. В течение трех недель он находился под арестом в военной гауптвахте. После покушения Д.В. Каракозова на Александра II, когда тираж книги еще находился в типографии, Суворин направил покаянное письмо министру внутренних дел П.А. Валуеву: «Повесть моя была представлена в Цензурный комитет утром 4-го апреля. Вечером совершилось то событие, которое повергло в негодование и ужас всю Россию. Все сословия слились в одном чувстве преданности к государю и радости его спасению. Но при этом обнаружилось и некоторое разъединение, весьма естественное в такие напряженные минуты: никакому сословию, никакому кружку не хотелось, чтобы злодей принадлежал к их среде, и все стали указывать друг на друга; многие говорили, что злодей помещик или подкуплен помещиками. При этих толках, которые были слышны уже вечером 4-го апреля, мне показалось совершенно несвоевременным выпускать мою книгу, в которой были резкие осуждения помещиков известной партии»³³. Суд тем не менее состоялся. Это был последний судебный процесс в жизни Суворина, порвавшего с бывшими друзьями-радикалами.

В начале 1870-х годов Суворин работал в либеральной газете «Санкт-Петербургские ведомости», где выступал с фельетонными обозрениями «Недельные очерки и картинки» под псевдонимом Незнакомец. Бойкому журналисту хорошо платили, и это позволило ему обзавестись капиталом и начать собственное дело.

Занимаясь журналистикой, Суворин понял, что в условиях капиталистического развития, в полосу которого вступила пореформенная Россия, одним из самых прибыльных занятий становилось книжное дело. Как-то в беседе с Вольфом Суворин высказал такую мысль: «Будь у меня капитал, я бы наводнил книжный рынок огромным количеством книг. Странно, что у нас капитал так равнодушен к книжным предприятиям; ведь теперь после освобождения крестьян для русской книги открывается огромное поле»³⁴.

А 1867 году в Санкт-Петербурге была основана либеральная газета «Новое время». Владелец газеты – А.А. Киркор – не сумел сделать ее популярной. Она переходила из рук в руки, пока в 1876 году ее не

приобрел Суворин. Поначалу он повел газету в либеральном духе. Многие русские писатели, ученые, публицисты, знавшие Суворина по его выступлениям в печати как защитника «униженных» и «оскорбленных», охотно соглашались сотрудничать в новом издании.

Газета «Новое время», контора которой расположилась на Невском проспекте, 38, вскоре приобрела известность, тираж ее увеличился, она стала приносить издателю доход. Полученный капитал Суворин решил направить на издание книг. В 1877 году, год спустя после перехода газеты «Новое время» в его руки, Суворин купил типографию.

Свое газетное предприятие Суворин поставил на широкую ногу, ориентируясь на опыт западных предпринимателей. Одним из первых в России он оборудовал типографию ротационными машинами с применением стереотипа, завел фотоцинкографию, стал помещать в газете иллюстрации. В 1880-х годах в типографии Суворина работали уже сотни рабочих, при ней открылась специальная школа типографского ученичества. Имел Суворин и собственные книжные магазины на Невском проспекте – в домах № 40 и № 58.

Богатая на издательском и книготорговом поприще, бывший либерал начал менять свои убеждения. Это сказалось прежде всего на содержании газеты, которая постепенно превращалась в типично правобуржуазный орган, в беспринципное издание, в «чего изволите?», как язвительно выразился Салтыков-Щедрин, одаривший также Суворина ехидой кличкой «Молчалин».

От издателя «Нового времени» отвернулись вскоре все те писатели, которые раньше охотно печатались в его газете. Быть «суворинцем», «нововременцем» стало неприлично, позорно. С Сувориным сотрудничали лишь лихие борзописцы, наподобие журналиста В.П. Буренина, о котором в литературных кругах язвили:

*Бежит по улице собака,
идет Буренин тих и мил.
Смотри, городской, однако,
чтоб он ее не укусил.*

Однако при всей своей внешней беспринципности Суворин в глубине души ко многим явлениям российской действительности относился критически. Об этом, в частности, свидетельствует такая запись в его дневнике: «Какие тяжелые условия печати!.. Только похвалы печатаешь с легким сердцем, а чуть тронешь этих «государственных людей», которые, в сущности, – государственные недоноски и дегенераты, и начинаешь вилять, и злиться в душе на себя и на свое холопство, которое нет возможности скинуть»³⁵.

Первое книжное издание Суворина вышло в 1872 году. Это был составленный лично им «Русский календарь». После приобретения

типографии Суворин значительно расширил свою книгоиздательскую деятельность. В 1884 году в Эртелевом переулке (ныне дом № 13), выстроили новое здание типографии – большой каменный дом. В типографии было два отделения – газетное и книжное.

Подлинная слава издателя пришла к Суворину в 1880-х, после принятого им издания общедоступной серии «Дешевая библиотека». Ничего подобного русский читатель ранее не знал: книжки карманного формата, в 1/64 долю листа, в твердых коленкорových или картонных с бумажной оклейкой переплетах – коричневых, зеленых, красных, синих – стоили не дороже 40 копеек и печатались большими по тем временам тиражами. Каждый выпуск включал в себя сочинения либо русских писателей, либо античных классиков, либо иностранных авторов. С начала выпуска серии (1879) и по 1912 год (год смерти А.С. Суворина) в свет вышло около 500 названий книг общим тиражом более миллиона экземпляров³⁶. Именно «Дешевая библиотека» приносила Суворину основной доход, позволяя реализовывать и другие издательские проекты.

В 1887 году в этой серии вышел «дешевый» Пушкин: десять компактных томов были напечатаны тиражом 100 тысяч экземпляров каждый и разошлись моментально.

...Еще с ночи у дверей книжных магазинов «Нового времени» на Невском проспекте и в других районах Санкт-Петербурга выстраивались огромные очереди, вызывавшие удивление идущих утром на работу в присутственные места. Узнав, что это очередь желающих купить «дешевого» Пушкина, многие удивлялись еще больше. Это знаменательное событие попало даже на страницы газет: «Такого дня не было никогда. Книжный магазин... подвергся решительной осаде. Несмотря на то, что приняты были меры, усилен состав приказчиков, экземпляры запакованы были заранее, толпа сказала в этом случае как хорошими своими, так и дурными сторонами. Еще до открытия магазина стояла толпа, с минуты на минуту она увеличивалась. Магазин был битком набит, давка были и смятение. Приказчики и артельщики сбивались с ног; некоторые из публики влезали на столы, забирались за прилавки, сами хватали сдачу. К 11 часам магазин представлял картину разрушения – в углах, за прилавками, были беспорядочно нагромождены груды различных книг, которых не успели вовремя прибрать с прилавка, разломана мебель и повержена на пол, конторка с кассой опрокинута, конторские книги измяты и растоптаны... С помощью полиции магазин был закрыт и публику стали пускать частями, в очередь. Покупатели входили уже с заранее сжатыми в кулаки деньгами. Их прямо совали в карманы артельщикам, брали, что нужно, и уходили, пробираясь через толпу... В двенадцатом часу дня все 6000 экземпляров, приготовленные на этот день, были проданы... «Сочинения Пушкина» в издании Суворина печата-

лись в количестве 15000 экземпляров... В Петербурге и других местах в один день продано одного этого издания до 10000 экземпляров. Такого факта не было еще никогда с самого начала русской книжной торговли»³⁷.

Как расчетливый делец, Суворин предпочитал издавать сочинения давно умерших авторов, чьи наследники уже не могли претендовать на гонорар. Тем самым он давал повод для злословия своим недоброжелателям, которые говорили, что Суворин «наживается на покойниках». Так было и в случае с Пушкиным: в 1887 году исполнилось 50 лет со дня трагической гибели поэта, одновременно истекал и срок авторского права. Суворин учел это и первым выпустил массовое издание сочинений Пушкина.

Кроме «Дешевой библиотеки» выходили и другие серии – «Научная дешевая библиотека», «Новая библиотека». В серии исторических мемуаров о России Суворин издал «Описание путешествия в Московию» Адама Олеария и сочинение английского посла при дворе Федора Иоанновича Д. Флетчера «О государстве Русском».

Пользовались успехом подарочные издания Суворина, книги по искусству: «Историческая портретная галерея», «Эллада и Рим», «История Петра Великого», «Императорский Эрмитаж», «Рембрандт», «Антоний Ван Дейк». К числу заслуг Суворина можно отнести начало издания ежегодных справочных адресных книг «Вся Россия», «Вся Москва», «Весь Петербург».

Известный библиофил и знаток книги, Суворин впервые в России начал печатать факсимильные издания книжных раритетов. Так, в 1888 году он выпустил факсимильное воспроизведение первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, напечатанное самим автором в 1790 году, – книги, почти 100 лет находившейся под запретом. Издание предназначалось исключительно «для знатоков и любителей», тираж составил 100 экземпляров стоимостью – в зависимости от формата и бумаги («слоновой» или японской) – от 25 до 60 рублей. Другое малотиражное издание – богато иллюстрированная «История Петра Великого» А.Г. Брикнера – была напечатана на «слоновой» бумаге всего в 60 экземплярах.

Некоторые из своих изданий Суворин выпускал в двух вариантах: большим тиражом для массового читателя, и малым тиражом – подарочные, в изящном оформлении, на роскошной бумаге, рассчитанные на библиофилов. В таком виде издавались даже полные собрания сочинений, например А.С. Пушкина, которые в массовом издании стоили 1,5 рубля, а в библиофильском варианте, на разных сортах бумаги (тряпичной, «слоновой», голландской, ватманской) – от 20 до 100 рублей.

Кроме газеты «Новое время» Суворин выпускал ежемесячный научно-популярный журнал «Исторический вестник», консервативно-

монархического направления, основанный им в 1880 году совместно с историком и журналистом С.Н. Шубинским. В журнале имелся отдел беллетристики, где публиковались исторические романы и повести.

Суворин был самым крупным среди книжных миллионеров. Свой первый книжный магазин он открыл в 1877 году, а в начале XX века ему принадлежали шесть магазинов в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Саратове, Ростове-на-Дону. Главный столичный магазин Суворина помещался на Невском проспекте, 40. В 1903 году в Петербурге им было основано «Контрагентство А.С. Суворина и К°», которое вскоре стало полным монополистом по продаже печатных изданий на транспорте. Не существовало в России такой пристани или станции железной дороги, где не было бы киоска «Нового времени», торговавшего книгами и периодическими изданиями. Всего по России их насчитывалась 1600. В 1917 году «Контрагентство А.С. Суворина» было национализировано, а в феврале 1918-го объявлено собственностью республики и передано в ведение Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИКа).

П.П. Сойкин

В 1885 году типография М. Спредовой, находившаяся на Вознесенском проспекте, 51, была куплена за 2000 рублей П.П. Сойкиным. К моменту ее приобретения новый владелец работал управляющим крупной железнодорожно-банковской типографией в Петербурге.

Петр Петрович Сойкин родился в Санкт-Петербурге 22 августа 1862 года в семье вольноотпущенного. Окончив гимназию, он поступил на счетоводческие курсы, работал бухгалтером в железнодорожно-банковской типографии, а затем ее управляющим.

Типография Спредовой была невелика – здесь работало шесть человек, а весь ее инвентарь состоял из трех типографских и двух литографических ручных станков и 30 пудов шрифта. В 1886 году Сойкин перенес типографию в новое помещение (Вознесенский пр., 47), купил новые машины и увеличил штат типографии до 30 человек.

В 1892 году Сойкин стал также владельцем типографии А.И. Траншеля, основанной еще в середине XIX века (Стремянная ул., 12). С тех пор фирма П.П. Сойкина начала приобретать известность.

На первых порах типография Сойкина печатала разнообразные периодические издания и выполняла срочные заказы других издателей и учреждений. А в 1889 году он приступил к изданию своего первого научно-популярного журнала «Природа и люди». Этот еженедельный иллюстрированный журнал был рассчитан на самый широкий круг читателей и ставил своей целью знакомить читающую публику с открытиями и достижениями в мире науки и

техники. С журналом сотрудничали многие выдающиеся деятели русской науки, замечательные популяризаторы: С.П. Глазенап, Я.И. Перельман, А.М. Никольский, Д.О. Святский, П.К. Козлов, братья В.С. и Ф.С. Груздевы.

Начав издание естественнонаучной литературы, Сойкин в основу своей деятельности положил принцип серийности. Первой сойкинской научно-популярной серией стала «Полезная библиотека», выходящая в 1894–1904 годах. Она состояла из книг по различным отраслям знаний и имела большой успех у читателей. Одновременно с «Полезной библиотекой» Сойкин предпринял издание серии «Народный университет», задуманной как общедоступная энциклопедия наук. Редактировал серию крупный ученый и выдающийся популяризатор В.В. Битнер. Широкой популяризации естественнонаучных знаний служили и другие сойкинские серии: «Народный университет» (1901–1902), «Библиотека для самообразования» (1903), «Народная библиотека» (1903–1904), «Общедоступная философия» (1900–1904), «Библиотека знания» (1913–1917), «Знание для всех» (1913–1917) и другие.

Беллетристический отдел журнала «Природа и люди» составил знаменитую серию «Библиотека романов. Приключения на суше и на море». В качестве приложения к журналу эта серия выходила с 1890 по 1915 год. В ней были выпущены собрания сочинений многих выдающихся представителей научно-фантастического и приключенческого жанров: Ф. Купера, Ж. Верна, Майн Рида, А. Конан-Дойла, А. Дюма, Г. Уэллса, Л. Стивенсона, Р. Киплинга, Г. Эмара, Р. Хаггарда, Л. Буссенара, Л. Жаколио, Ф. Мариетта.

Известностью пользовались многочисленные издания Сойкина по сельскому хозяйству. Это и журналы («Прогрессивное садоводство», и огородничество», «Птицеводство», «Сельский хозяин»), и книжные серии («Библиотека сельского хозяина», «Практическая библиотека садовода», «Сельский строитель»), и отдельные издания («Энциклопедический словарь практического сельского хозяйства»). Сельскохозяйственные издания Сойкина получали неоднократно высокие международные и отечественные награды.

Наряду с дешевыми популярными изданиями, Сойкин выпустил немало капитальных трудов естественнонаучного характера. В их числе – иллюстрированное трехтомное издание «Жизнь животных» А.Э. Брема, «Человек и земля» и «Вселенная и человечество» Ж.Э. Реклю, «Путешествия» Н.М. Пржевальского. В 1901 году Сойкин выпустил четырехтомное собрание сочинений Н.А. Добролюбова, в основу которого было положено первое издание сочинений великого русского критика, подготовленное Н.Г. Чернышевским. В дальнейшем это собрание сочинений неоднократно переиздавалось.

Заслуженой Сойкина является издание полных собраний сочинений Ч. Диккенса, М. Твена (первое в России), Эркмана-Шатриана, польского писателя Ю.И. Крашевского. Для маленьких читателей Сойкин выпускал три серии: «Библиотека для юношества», «Для детей среднего возраста» и «Библиотека-крошка», состоявшая из сказок народов мира, – для малышей.

Сойкин проявлял интерес и к марксистской литературе. Под марксистским влиянием находился журнал «Научное обозрение», который Сойкин издавал с 1898 года. Редактором журнала был известный ученый, доктор философии М.М. Филиппов. С журналом сотрудничали многие видные русские ученые-материалисты: Н.Н. Бекетов, В.М. Бехтерев, Д.И. Менделеев, О.Д. Хвольсон, В.А. Вагнер, К.Э. Циолковский, С.П. Глазенап и другие.

В конце 1890-х и в начале 1900-х годов на страницах «Научного обозрения» систематически помещались марксистские статьи на философские, социально-экономические и общественные темы. Здесь были опубликованы некоторые работы К. Маркса и Ф. Энгельса, статьи Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, В.И. Ленина. В 1899 году Сойкин выпустил отдельным изданием работу К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль».

Будучи одним из крупнейших издателей в дореволюционной России, Сойкин сочетал в своей деятельности идейный и коммерческий подход. Так, в расчете на прибыль Сойкиным издавалась религиозно-нравственная литература, выпускался журнал «Русский паломник» с приложениями. Книжный магазин Сойкина находился на Невском проспекте, 96.

После Октябрьской революции типография и издательство Сойкина были национализированы, но сам он не отошел от книжного дела. В «Кратких автобиографических сведениях» Сойкин писал об этом так: «В марте 1918 года были национализированы мои предприятия – типография и издательство со всеми запасами бумаги и книг. Со дня национализации я не оставался праздным, бездеятельным, не проживал капитал или какие-либо ценности, которых у меня и не было, так как все прибыли и за все время своей деятельности я не выбирал из дела, а оставлял на расширение того же дела»³⁸.

В 1918 году Сойкина пригласили работать в Бюро печати, а позднее – в Петроградское отделение Госиздата и Редакционно-издательский отдел Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ). 7 июля 1922 года он был назначен заведующим полиграфической секцией ВСНХ. В том же году Сойкин получил разрешение на аренду своей бывшей типографии, которая в то время именовалась 5-й Государственной типографией им. Гутенберга. По соседству с типографией, в доме № 8 по Стремянной улице обосновалось и издательство «П.П. Сойкин».

В 1920-х годах Сойкин вновь обратился к изданию общедоступных научных журналов. В 1923 году вышел «Журнал для усовершенствования врачей», на страницах которого печатались статьи лучших советских специалистов по всем отраслям медицины: В.М. Бехтерева, В.С. Груздева, П.П. Лазарева, В.А. Оппеля, А.Р. Лурия, Н.А. Семашко и многих других. В качестве приложений к журналу и отдельными изданиями были выпущены десятки ценных медицинских книг.

Широкую известность приобрел журнал «Вестник знаний», который Сойкин стал издавать с 1925 года. Редакторами журнала были академики В.М. Бехтерев, С.Ф. Платонов, известный ученый и общественный деятель Н.А. Морозов. С журналом активно сотрудничали крупнейшие советские ученые, академики Н.И. Вавилов, К.Д. Глинка, А.Ф. Кони, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, Н.Я. Марр, Ю.М. Шокальский, профессора С.И. Вавилов, С.П. Глазенап, Н.С. Державин, П.И. Ляшенко, А.И. Малеин, В.Г. Тан-Богораз, М.Н. Новорусский и многие другие. В качестве приложений к журналу выходил ряд серий – «Классики мировой науки», «Итоги науки», «Вселенная и человечество», «Библиотека знания», «История искусств всех времен и народов».

Были изданы десятки научных изданий, в том числе и «Новейший энциклопедический словарь» в двенадцати выпусках (1926–1927). В 1920-х годах выходила серия книг-монографий «Природа и люди» под редакцией самого П.П. Сойкина и Н.А. Морозова. Особый интерес в этих изданиях представляли описания экспедиций советских и зарубежных ученых и путешественников, составленные их непосредственными участниками. Всего Сойкиным было издано свыше 1000 названий периодических изданий и книг общим тиражом 80 миллионов экземпляров.

Почетный академик Н.А. Морозов писал: «П.П. Сойкин всегда был идейным, а не капиталистическим издателем. Он видел в своем деле возможность просвещать массы, отдавал этому делу и все свое время, и труд, и все, что получал за него»³⁹.

16 ноября 1930 года издательство «П.П. Сойкин» вошло в Ленинградское областное издательство, которое продолжило выпуск журнала «Вестник знаний» и ряда книг, подготовленных к печати Сойкиным. Последние годы жизни Сойкин провел в Детском Селе, работая корректором в местной типографии. За заслуги в области издательско-просветительной деятельности ему была назначена персональная пенсия.

Умер П.П. Сойкин 5 января 1938 года, похоронен в городе Пушкине, на Кузьминском кладбище. После Великой Отечественной войны его могила долгое время считалась утраченной. В настоящее время она найдена и отмечена плитой⁴⁰.

М.М. Стасюлевич

Публицист, историк и либеральный общественный деятель Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) с 1866 по 1908 год был издателем и редактором журнала «Вестник Европы», названного так в память об одноименном журнале Н.М. Карамзина. По этому поводу Стасюлевич писал профессору П.А. Плетневу: «Название моего журнала заставит Вас приятно улыбнуться, напомнив Вам старое доброе имя. В 1766 году родился Карамзин; и в будущем году будет его первый столетний юбилей, и в память его я называю свой журнал “Вестник Европы”»⁴¹. Программа журнала, помещенная в первом номере, включала следующие разделы: 1) Критические исследования важнейших вопросов исторической науки и жизни, монографии, биографии и историческая беллетристика; 2) Анализ лучших новейших исторических произведений и вновь издаваемых памятников; 3) Общий обзор хода ученой исторической литературы и деятельности ученых исторических обществ и академий; 4) Педагогическая литература и преподавание исторической науки; 5) Историческая хроника.

В «Вестнике Европы» печатались произведения многих тогдашних известных писателей, особенно часто публиковались сочинения И.С. Тургенева. По его рекомендации постоянным корреспондентом журнала был Эмиль Золя, и он же рекомендовал в качестве автора Ги де Мопассана. Публиковались здесь и произведения других зарубежных писателей – Ф. Шпильгагена, Брет Гарта, Э. По, Г. Флобера. Многие переводы, отличавшиеся «изысканством и легкостью языка», принадлежали Анне Николаевне Энгельгардт.

Получая от издания «Вестника Европы» прочный и солидный доход, Стасюлевич замыслил создание собственного издательского комплекса. В 1872 году он организовал типографию на 2-й линии Васильевского острова, 7, а спустя 10 лет купил дом на 5-й линии, 28, где разместил новую типографию, книжный магазин и издательство, и приступил к систематической книгоиздательской деятельности. Так, М.М. Стасюлевич опубликовал ряд ценных научных трудов и художественных произведений. Большой его заслугой является выпуск в общедоступной серии «Русская библиотека» произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого. Главную цель «Русской библиотеки» Стасюлевич видел в том, чтобы «сделать общедоступными произведения наших великих и лучших писателей в извлечениях из них того, что наиболее составляет их славу и вместе сможет оказывать самое просветительное влияние на умы читателей»⁴². Каждый том «Русской библиотеки» открывался портретом писателя и кратким биографическим очерком.

Пресса встретила начинание Стасюлевича сочувственно. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Первый том «Русской библиотеки» включает в себе выбор из сочинений Пушкина. В составлении этого тома и редактировании его принимали участие гг. Некрасов, Ефремов, Гаевский, Стасюлевич и Пыпин... Внешность издания первого тома «Русской библиотеки» не оставляет желать ничего лучшего.

Бумага, печать, внимательная корректура – все это удовлетворительно вполне... Цена книги не только умеренная, но положительно выходящая из ряда обыкновенных цен: красиво изданный том, более двадцати пяти листов убористой печати, стоит 75 коп., а в коленкорovém изящном переплете – 1 руб. ... Вообще, первый том «Русской библиотеки» заслуживает полного успеха, который несомненно и будет иметь это прекрасное и полезное предприятие»⁴³.

Всего за пять лет было выпущено десять томов и два из них («Лермонтов» и «Грибоедов») вышли вторыми изданиями. В работе над «Русской библиотекой» принимали участие лучшие литературоведы и библиографы своего времени, известные писатели и общественные деятели: П.В. Анненков, В.П. Гаевский, П.А. Ефремов, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров.

В 1876 году Стасюлевич выпустил первое в России «Полное собрание стихотворений» А.К. Толстого в двух томах, выдержавшее затем два переиздания. В предисловии к нему говорилось, что это издание, «хотя и посмертное, является в свет тщательно просмотренное самим автором, и с текстом, не только исправленным им собственноручно, но местами и измененным...»⁴⁴.

В типографии Стасюлевича был напечатан целый ряд классических произведений русской и мировой литературы – роман «Его превосходительство Эжен Ругон» и «Парижские письма» Э. Золя, поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и его «Стихотворения», ряд произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина («Убежище Монрепо», «История одного города», «В среде умеренности и аккуратности»), а также полное собрание сочинений писателя.

Помимо художественной литературы Стасюлевич издавал также учебную и научную литературу, в частности, произведения крупных русских и европейских историков, социологов и экономистов (Н.И. Костомарова, А.Н. Острогорского, Н.И. Зиберы, А.Ф. Петрушевского, С.Н. Южакова, Н.И. Кареева). Он выпустил собрания сочинений Н.К. Михайловского в шести томах и «Социологические этюды» С.Н. Южакова в двух томах.

Типография Стасюлевича, оборудование для которой он приобрел в Германии, являлась одной из крупнейших в Санкт-Петербурге. В конце XIX века в ней имелись одна паровая, две газомоторные и девять скоропечатных машин. Их обслуживали 102 рабочих. Типография славилась высоким качеством полиграфического исполнения. В 1883

году к юбилею В.А. Жуковского здесь в спешном порядке отпечатали монографию К.К. Зейдлица «Жизнь и поэзия В.В. Жуковского», доход от продажи которой предполагалось использовать на сооружение памятника поэту. Получив отпечатанную книгу, известный критик П.В. Анненков написал издателю: «Готовьтесь выслушать дифирамб за великолепную книгу Зейдлица о Жуковском, которую надо столько же читать, сколько и просто созерцать. Это ведь своего рода типографское прохождение Венеры мимо солнца, у нас не видимое»⁴⁵. Столь же высокую оценку современников получило и выпущенное Стасюлевичем собрание сочинений А.Н. Плещеева, в рецензии на которое И.А. Бунин писал в 1894 году: «Типография г. Стасюлевича за подобного рода издание на предстоящей выставке печатного дела смело могла бы рассчитывать на высшую награду»⁴⁶.

В типографии Стасюлевича, помимо названных, печатались собрания сочинений В.Г. Белинского, В.В. Стасова, Н.И. Пирогова и других известных деятелей науки и культуры. Всего Стасюлевичем было отпечатано в собственной типографии около 4000 названий книг, разошедшихся по всей стране благодаря активной деятельности принадлежавшего Стасюлевичу книжного склада.

Успех предприятия М.М. Стасюлевича во многом определялся его высокой издательской культурой. Близко знавший Стасюлевича А.Ф. Кони писал: «Он весь был поглощен своим делом и, входя во все мелочи, любил все делать сам. Ни одна строчка, ни один знак препинания не проходили в «Вестнике Европы» без его тщательной проверки. То же самое применял он и к разным изданиям, проходившим через его строгие и требовательные в смысле точности руки»⁴⁷. «Идеальным издателем» назвал Стасюлевича его сотрудник П.В. Анненков.

К.Л. Риккер

В 1860-х годах в Санкт-Петербурге стали появляться первые специализированные издательства и книжные магазины. В 1861 году на Невском проспекте, 14, обосновалась книжная фирма Карла Леопольдовича Риккера (1833–1895), выходца из Германии. Посвятивший себя по желанию отца торгово-промышленной деятельности, Риккер основательно изучил книжное дело в фирме своего дяди А. Риккера, затем совершенствовал свои знания в Праге – у Г. Клейнберга, в Цюрихе – у Хора, в Вене – у Лебена. В 1858 году Карл Риккер был приглашен в качестве опытного дельца петербургским книгопродавцем А. Мюнksom, занимавшимся (с 1853 года) торговлей иностранными книгами и одним из первых вступившим в прямые отношения с зарубежными фирмами. В 1861 году по болезни он передал дело Риккеру, который вскоре значительно рас-

ширил его. Торгуя книгами, Риккер одновременно развернул книгоиздательскую деятельность.

При этом особое внимание он уделял выпуску книг и периодических изданий по медицине. К переводу книг им привлекались многие крупные ученые. Первым его изданием был специальный медицинский журнал на немецком языке «*Pharmaceutische Zeitschrift*» (1862–1885). С тех пор медицинская тематика стала преобладающей в деятельности этого издателя.

В 1868 году начал издаваться «Календарь для врачей всех ведомств» (с 1875 – «Медицинский календарь»). Вслед за ними вышли «Фармацевтический журнал» (1870–1885), «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» (1883–1885), «Труды Общества русских врачей в Санкт-Петербурге» (1882–1885) и другие периодические издания. Одним из них стала газета «Врач», выходившая с 1879 года под редакцией профессора В.А. Манассеина. В этом еженедельном издании публиковались материалы по «всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиены и всем вопросам врачебного быта»⁴⁸. Успех газеты в медицинской среде был велик, число ее подписчиков росло из года в год.

Постепенно Риккер расширил тематику изданий, начав выпускать литературу по естествознанию, сельскому хозяйству, технике, литературоведению и филологии. Те же изменения наблюдались и в выпускавшейся им периодике. Так, в 1882–1885 годах он издавал «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества». На высоком научном и полиграфическом уровне печатал Риккер труды по медицине и естественным наукам.

И поныне сохраняют свое научно-справочное значение такие принятые им капитальные издания, как «Картины из жизни насекомых» ботаника и зоолога А.Б. Ганике (1869), «Руководство к частной патологии и терапии» швейцарского патолога и терапевта Г. Эйхгорста (1883–1885), «Ботаника» немецкого естествоиспытателя А. Де Бари (1880), «Клинические лекции» русского терапевта С.П. Боткина (1885), пятитомный превосходно изданный коллективный труд «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал» (1870). С интересом было встречено и другое капитальное издание Риккера – «Всеобщая история литературы» (1880–1886) под редакцией историка литературы В.Ф. Корша и профессора А.И. Кирпичникова. Цель этого издания была сформулирована в предисловии «От редакции»: «Мы не имеем притязания на какие-нибудь самостоятельные изыскания или открытия. Наша задача и без того нелегка: мы поставили себе целью познакомить читателей с литературно-общественными идеалами в их историческом развитии, – познакомить на основании литературных памятников прошлого и новейших исследований, принадлежащих специалистам»⁴⁹.

Современники отмечали высокие нравственные черты Риккера, его принципиальность, целеустремленность, бескорыстие. Известный врач-терапевт и общественный деятель В.А. Манассеин в некрологе, написанном в связи с кончиной Риккера, так характеризовал его: «В лице покойного редакция «Врача», а вместе с нею и все, кому дорого печатное дело, потеряли идеального издателя... Но К.Л. был не только идеальный издатель и книгопродавец, тщательно оберегавший выгоды авторов, доверявших ему свои труды, но и человек в полном смысле этого слова: редкая доброта, непобедимая преданность долгу и честность *quand tete* (тем не менее. – И.Б.), вот те качества, благодаря которым всякий, имевший какие-либо отношения к К.Л., становился его искренним поклонником»⁵⁰.

После смерти К.Л. Риккера фирма продолжала успешно работать под руководством его жены – О.А. Риккер, а в 1900 году даже удостоилась золотой медали на Всемирной выставке в Париже. В 1912 году издательство отметило 50 лет своего существования. За это время фирма Риккера выпустила около 900 названий книг. По поводу этого юбилея журнал «Нива» вновь вспомнил теплым словом ее основателя: «К Риккеру шли все те, кто предпринимал крупный научный труд и не имел средств для его опубликования. И Риккер издавал подобные труды и сплошь и рядом с убытком для себя, руководствуясь только полезностью и значительностью издания»⁵¹. В 1917 году фирма была национализирована и прекратила свое существование.

А.Ф. Девриен

На 4-й линии Васильевского острова, в собственном доме № 13 в предреволюционные годы располагалась главная контора издательства А.Ф. Девриена. Швейцарец по происхождению (он родился в Лозанне в 1842 году), Альфред Федорович Девриен изучал постановку книжного дела в Мангейме, в Париже (в фирме Ашетта) и в Лондоне (у Трюбнера). В Санкт-Петербурге он обосновался в 1872 году. Первоначально торговал книгами в доме жительства на Васильевском острове (3-я линия, 8), а в 1881 году приобрел и перестроил четырехэтажный дом напротив Румянцевского сада (2-я линия, 1), где разместил новый книжный магазин. В 1903 году он вместе с сыновьями Альфредом и Вильгельмом учредил торговый дом «А.Ф. Девриен» и спустя десять лет начал строительство упомянутого выше нового большого здания для этой фирмы с шестиэтажным складским корпусом.

Широкую известность приобрели издания Девриена по сельскому хозяйству, естествознанию и географии. Подобно изданиям Риккера, их отличали высокий научный уровень и тщательность полиграфиче-

ческого исполнения. Если основными покупателями у Риккера были врачи, медицинский персонал и инженерно-технические работники, то девриеновские издания предназначались для специалистов сельского хозяйства, студентов и преподавателей университетов и высших учебных заведений. В качестве авторов и переводчиков издательство приглашало авторитетных ученых и специалистов. Издательство, считая своей основной задачей выпуск сельскохозяйственной литературы, стремилось в своей деятельности учитывать специфику того или иного сельскохозяйственного региона России. В каталогах и на обложках таких книг указывалось, для какого района данное издание предназначалось.

Об обстановке, царившей в издательстве, написала в своих воспоминаниях писательница М.В. Ямщикова, выступавшая под псевдонимом Ал. Алтаев: «Девриен принимал авторов в большой, удивительно светлой и чистой комнате, заставленной конторками. Его окружали хорошо причесанные и хорошо выбритые, в добротных костюмах, молодые люди иностранного облика и такие же аккуратные и бесцветные девицы.

Высокий, полный, с розовым улыбающимся лицом, Девриен удивительно гармонировал со своими нарядными книжками, большей частью «подарочного» типа. Издавалось и много детских книг, а также популярных по ботанике, зоологии и сельскому хозяйству, вплоть до поваренной книги Александры Николаевны Толиверовой. При отборе материала Девриен руководствовался одним критерием: никаких волнений, кроме «приятных». Основываясь на этом, он отвергал все те мои рассказы, где хотя бы сквозила тень социальной темы, не говоря уже об открытых страданиях. «Нужно жить с улыбкой радости» было лозунгом этого прекрасного издателя»⁵².

Среди многочисленных изданий Девриена особое место занимает «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства» в одиннадцати томах (1900–1912), в которой приняли участие более 230 специалистов. Около 200 отдельных статей были иллюстрированы 7957 полиптиками, картами, схемами. Другое его примечательное издание – многотомный труд «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга» (1899–1914), которое Девриен предпринял по примеру М.О. Вольфа. Общее руководство изданием осуществлял выдающийся русский географ и путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шаньский. Значительным вкладом в сельскохозяйственную литературу явились выпущенные Девриеном «Справочная книга русского сельского хозяина» (1892), «Учебник агрономии» С.М. Богданова, «Почвоведение» К.Д. Глинки и другие издания.

Издательство Девриена уделяло большое внимание выпуску научно-популярной литературы и книгам справочно-энциклопедического характера по различным областям знаний. Превосходно были изда-

ны «Жизнь пресных вод» немецкого зоолога К. Ламперта (1899), «Птицы Европы» зоолога Н.А. Холодковского (1901), «Царство минералов» профессора Гессенского университета Р. Браунса (1906), «Русские лекарственные травы» ботаника В.К. Варлиха (1912), «Атлас бабочек и гусениц Европы» (1913), «Жуки России и Западной Европы» (1914).

В начале 1880-х годов Девриен приступил к выпуску книг для детей и юношества. Он писал: «Из всех подарков, которыми заботливые родители и воспитатели украшают праздничный стол своих малюток, первое место бесспорно принадлежит книге.

Она может просуществовать дольше всякого другого подарка. Она переходит зачастую к младшим братьям и сестрам и может иногда доставлять полезное развлечение даже детям тех, кому она была впервые подарена. Хорошая книга целыми неделями, месяцами может занимать ребенка и не прискужит ему. Но этого мало: она проникает в свежее впечатлительное сердце и душу маленького читателя, влияет на его внутренний мир и живет в нем. Как часто взрослый до самой старости сохраняет в себе воспоминания о тех свежих радостных впечатлениях, о том наслаждении, которое доставила ему в детстве хорошая книга»⁵³.

Среди гимназической молодежи пользовалась успехом серия «Путешествия». В ней были опубликованы книги, посвященные выдающимся путешественникам: Н.М. Пржевальскому, Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, Г.Н. Потанину, Ф. Нансену, С.А. Гедину и другим. Решением Министерства народного просвещения эти книги рекомендовались для награды учащимся гимназий и реальных училищ. Детские издания Девриена отличались высоким уровнем полиграфического исполнения, их иллюстрировали такие известные художники, как Н.Н. Каразин, Е.М. Бем, Е.П. Самокиш-Судковская, М.О. Микешин, Л.С. Бакст.

По некоторым данным, А.Ф. Девриен в 1917 году уехал в Берлин, а его издательство было национализировано и прекратило свое существование.

В.С. Эттингер

В 1884 году на Большом Сампсониевском проспекте Выборгской стороны в доме № 61 открылся новый книжный магазин, владельцем которого был Василий Сергеевич Эттингер (1843–1915). Сын врача, Эттингер еще юношей предпринял издание популярного в свое время «Руководства к топографической анатомии» австрийского анатома И. Гиртля. Систематическая издательская деятельность В.С. Эттингера началась в 1884 году, когда им было основано издательство «Прак-

тическая медицина». Ее главным предприятием явился выпуск одноименного ежемесячного журнала, выходявшего в 1885–1928 годах.

Эттингер первым предпринял попытку удешевить медицинскую книгу, стоившую до этого времени очень дорого. Журнал «Практическая медицина» представлял собой по существу серию книг – специальных руководств и крупных монографий – по всем основным вопросам медицины, выпускавшихся в форме ежемесячного периодического издания с предварительной подпиской. Таким образом Эттингеру удалось снизить стоимость медицинской литературы для своих подписчиков с 10–15 копеек до 3–4 копеек за один печатный лист.

Обращение редакции журнала к читателя раскрывало цели и задачи нового издания: «При той громадной литературе, которою может в настоящее время похвалиться каждая отрасль медицины, многозанятому практическому врачу не представляется физической возможности по каждой специальности изучать многотомные сочинения; а между тем нельзя отказать ему в законном желании стоять на уровне современной науки. Отсюда логически вытекает необходимость дать врачам целый ряд коротких монографий по всем отраслям медицины, которые, выходя из-под пера выдающихся авторов, освещали бы соответствующую специальность с новейшей научной точки зрения и давали возможность, не теряя много времени, пользоваться последним словом науки»⁵⁴.

Подводя итоги своей четырехлетней деятельности, редакция «Практической медицины» писала: «Далекие от мысли считать успех безусловным мерилom достоинств, мы тем не менее видим в возрастающей поддержке и сочувствии к нашему изданию доказательство того, что наши стремления вполне согласуются с желаниями читателей, видим в них залог будущего упрочения положения журнала, которое позволит нам идти дальше по пути к совершенствованию нашего дела»⁵⁵.

В 1891 году Эттингер предпринял издание перевода многотомной «Реальной энциклопедии медицинских наук» профессора нервных болезней в Берлине А. Эйленбурга. Перевод был значительно пополнен статьями, представлявшими особый интерес для русского читателя. В их написании и редактировании приняли участие крупные русские ученые – профессора М.И. Афанасьев, Д.О. Отт, Э.Ю. Петри, С.А. Пржибытек, Г.И. Турнер и другие. Издание было завершено в 1898 году и составило 21 том.

В течение 20 лет, начиная с 1891 года, Эттингер издавал «Медицинский календарь», пользовавшийся успехом у читателей. Издательство выпускало также медицинские атласы и серию массовых научно-популярных книг по вопросам гигиены. Отдельными выпусками был издан капитальный труд «Русская хирургия». Главным инициатором издания являлся видный русский хирург Л.Л. Левшин. Редак-

торами и авторами «Русской хирургии» стали профессора и преподаватели университетов, Военно-медицинской академии, Психоневрологического института, некоторые практикующие хирурги (профессора П.И. Дьяконов, В.И. Разумовский, М.С. Субботин, А.А. Бобров, Ф.И. Синицын, Р.Р. Вреден, А.П. Крылов, А.А. Кадьян, женщина-хирург В.И. Гедройц – всего 38 человек).

Издательство Эттингера приобрело большую известность своими периодическими изданиями. В 1893 году вышел первый номер «Ежегодника практической медицины», переименованной в 1901 году во «Врачебную газету». В 1903–1906 годах выходил журнал «Терапия». Эттингер издавал также орган Санкт-Петербургского отоларингологического общества «Ежемесячник ушных, горловых и носовых болезней», а с 1910 года – журнал «Хирургический архив».

Издательство имело собственную типографию, которая помещалась на Малой Итальянской улице (ныне ул. Жуковского) в доме № 13, и переплетную мастерскую. В 1900 году В.С. Эттингер передал дела сыну – Федору Васильевичу Эттингеру (1876–1916). Издательство закрылось в 1929 году.

В.А. Березовский

К 1879 году относится начало книгоиздательской деятельности Владимира Антоновича Березовского, создавшего первое специализированное частное издательство военной литературы в России. В.А. Березовский родился в 1852 году во Владимирской губернии, в офицерской семье. После окончания Александровского военного училища он был назначен командиром лейб-гвардии Павловского полка и участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. После тяжелого ранения служил старшим адъютантом по хозяйственной части Штаба Гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге. Служба в армии помогла Березовскому увидеть и осознать, что русские солдаты и офицеры нуждаются в пособиях и руководствах по военному делу. С целью обеспечения их необходимой литературой он организовал в 1879 году в Санкт-Петербурге специальное военное издательство (с 1886 года находилось на Колокольной ул., 14).

Для распространения грамотности среди солдат Березовский в 1882 году начал издание серии «Библиотека для солдатского чтения». Серия пользовалась успехом в армии и выходила вплоть до 1917 года. В 1886 году Березовский вышел в отставку, чтобы всецело заняться книгоиздательской деятельностью.

Особой заслугой Березовского является издание сочинений видных русских военных деятелей: М.И. Драгомирова, А.К. Пузыревского, Д.Ф. Масловского, Н.П. Михневича, А.Е. Бережанского, Г.А. Леера.

Большое значение придавал Березовский изданию книг по военной психологии и педагогике. Значительное место занимала в его изданиях и военно-историческая литература – книги о Суворове, о русско-японской войне.

В 1888 году Березовский начал издавать «Листок конторы и книжного склада» фирмы, который с 1889 года был преобразован в военно-библиографический журнал «Разведчик». В дальнейшем журнал переключился на освещение злободневных вопросов военной жизни. Биограф Березовского А.В. Старчевский так характеризовал этот журнал: «Стоит только просмотреть хотя один его номер, чтобы оценить вполне умелость, так и вкус, с которым издается этот во всех отношениях изящный журнальчик, подобного которому нет ни в одной европейской военной литературе и по всей справедливости его можно назвать военно-литературной бонбоньеркой, в которой вы найдете все живое, современно-занимательное и весьма эстетически скомпонованное»⁵⁶.

С «Разведчиком» сотрудничали многие прогрессивные военные деятели, теоретики и практики военного дела. В журнале печатались статьи М.И. Драгомирова, А.Н. Куропаткина, В.А. Сухомлинова, Н.П. Михневича, Г.А. Леера и других.

Вскоре после появления «Разведчика» стал выходить и другой военно-библиографический журнал «Вестовой» (с 1894). На его страницах было опубликовано немало ценных материалов по истории книжной торговли и издательского дела в России. Для солдат издавался журнал «Витязь» (1907–1916), в котором печатались статьи образовательного характера, материалы по истории войн, рассказы о военных деятелях. Журнал был богато иллюстрирован рисунками известных художников – Ф.А. Бруни, В.В. Верещагина, В.М. Васнецова, К.Е. Маковского, И.Е. Репина, К.А. Савицкого, В.И. Сурикова.

К 1914 году книгоиздательская деятельность Березовского достигла расцвета. Полностью сосредоточив в своих руках издание непериодической военной литературы, он выпустил такие ценные издания, как «Энциклопедия военных и морских наук» под редакцией Г.А. Леера, «Атлас сражений XIX в.», воспоминания художника В.В. Верещагина «На войне в Азии и Европе». Популярностью пользовались серии «Жизнеописания русских военных деятелей», «Солдатская библиотека» (первоначально – «Чтение для солдат и народа»). Последняя представляла собой собрание иллюстрированных «военно-нравственных рассказов» стоимостью в 3–6 копеек за выпуск. Книги этой серии и других серий рекомендовались Ученым комитетом Министерства народного просвещения для гимназий и реальных училищ.

Так, руководство Оренбургского учебного округа написало следующий отзыв о «Солдатской библиотеке»: «Книги рассмотренной библиотеки, изданной г. Березовским, именно принадлежат к числу про-

буждающих деятельность учеников. Нужно видеть, с какими радостными лицами возвращают ученики прочитанные книги, как оживленно рассказывают о прочитанном, с каким нетерпением ожидают часа выдачи книг, чтобы судить, насколько велико действие их на детей, насколько они соответствуют духу и понятиям их. В частности же, книги Березовского, пробуждая чувства бодрости, много содействуют развитию патриотизма в самом чистом смысле слова, заставляющего с уважением смотреть на людей иных национальностей, видеть в них братьев, искать и перенимать у них все доброе, а худого остерегаться и относиться к ним не с презрением, а с добродушным русским юмором»⁵⁷.

Книжный склад Березовского предлагал широкий ассортимент книг для армии, где офицеры всех родов войск, военные врачи, войсковые части, штабы и учреждения, военно-учебные заведения находили все, что им было необходимо. Известный военный писатель А.П. Скугаревский писал в 1917 году: «Ротные, эскадронные, батарейные школы и учебные команды всей русской армии дают знания обучаемым по книгам в большинстве издания В.А. Березовского. Все обучение и подготовка офицерского состава, подготовка в военные академии по военным наукам идет по книгам его же»⁵⁸. 21 февраля 1917 года В.А. Березовский скончался. Некоторое время издательство продолжало существовать и после смерти его владельца, утратив специфически военный характер. В декабре 1918 года в условиях послевоенных хозяйственных трудностей издательство и склад Березовского прекратили свою деятельность.

Н.П. Карбасников

Литейный проспект, 48. Здесь до революции помещалось популярное петербургское издательство Н.П. Карбасникова. Николай Павлович Карбасников родился в Санкт-Петербурге 6 декабря 1852 года, окончил уездное училище, затем служил мальчиком в книжном магазине Н.А. Серно-Соловьевича, оставшись там и после ареста владельца, когда магазин перешел в руки А.А. Черкесова. В конце 1860-х годов Карбасников поступил приказчиком в фирму Н.О. Фена, которая торговала учебниками для средних школ, но уже в начале 1870-х годов он ушел от Фена и в 1871 году основал собственное издательство.

Карбасников начал с издания беллетристики. Одной из первых выпущенных им книг стал роман Э. Золя «Подачка собакам», отпечатанный без предварительной цензуры в 1874 году и подвергшийся конфискации и уничтожению. Министр внутренних дел в докладе Комитету министров отмечал: «Хотя автор как будто ставит себе целью

бичевать пороки французского общества и высказывать отвращение к выведенным им лицам, но роман этот, в высшей степени реалистический, написан так, что способен гораздо более возбуждать дурные страсти, нежели такое отвращение»⁵⁹.

В дальнейшем Н.П. Карбасников издавал литературу по различным отраслям знаний: по медицине, истории, географии, юриспруденции, по технике и фотографии, философии и социологии. Но в основном он специализировался на издании учебно-педагогической литературы, беллетристики и истории литературы, причем выпускал преимущественно книги, уже вышедшие первым изданием в России или за границей.

В области учебной литературы Карбасников издавал пособия для детей дошкольного и младшего школьного возраста и их родителей. Особенно много вышло учебников и учебных пособий, составленных педагогом-методистом, преподавателем коммерческих училищ в Санкт-Петербурге Г.Г. Тумимом. После Октябрьской революции Г.Г. Тумим работал в советской школе и продолжал свою деятельность по составлению учебных пособий по русскому языку.

Учебные пособия в издании Н.П. Карбасникова пользовались большой популярностью и часто переиздавались, так как отличались хорошим полиграфическим исполнением и продавались по доступным для широких слоев населения ценам.

Значительное место среди изданий Карбасникова занимали беллетристические издания, книги по истории и теории литературы. Большой популярностью пользовалась в свое время серия «Классики в школе», книги которой отличались простотой оформления и невысокой ценой. Каждая книга включала биографию писателя, полный текст произведения, критические статьи о нем. В этой серии вышли, в частности, «Элегии» и «Избранные баллады» В.А. Жуковского, «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина, «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Карбасников выпустил также отдельными изданиями «Благонамеренные речи» (1883) и «Пошехонские рассказы» (1885) М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Заметным событием в российской культуре стало появление изданных Карбасниковым книг выдающегося библиографа и книговеда Н.А. Рубакина. Первая из них вышла в 1895 году и называлась «Этюды о русской читающей публике». В ней Рубакин систематизировал и обобщил статистические данные о состоянии книжного дела в России за период с 1886 по 1892 год. Вторая книга Н.А. Рубакина, вышедшая в издательстве Карбасникова, – «Письма к читателям о самообразовании» – была обращена к самым широким слоям населения. По словам автора, «цель этой книжки практическая, в ней идет речь о том, как экономизировать время и труд и вообще своими сила-

ми, работая над самообразованием, как подходить к этой работе, не со стороны книги, а со стороны жизни, обыденщины, и вести ее в тех самых условиях, в каких приходится волей-неволей существовать»⁶⁰. Тему книговедения Карбасников развивал и в издававшихся им журналах — «Книжные новости» и «Книжный вестник».

Из литературоведческих изданий, осуществленных Карбасниковым, определенный интерес и в наши дни представляет трехтомник профессора Санкт-Петербургского университета О.Ф. Миллера «Русские писатели после Гоголя (1888—1890)».

После октября 1917 года Карбасников занимался в основном переизданием старых книг. В 1918 году его издательство было национализировано, а сам издатель переехал на жительство в Вятку. Здесь он и скончался 15 декабря 1921 года. «Это был неутомимейший работник книжного дела», — написал о нем Н.А. Рубакин в 1924 году⁶¹.

«Общественная польза»

В 1858 году в Санкт-Петербурге начал действовать «Торговый дом под фирмою Ст.Дм. Струговщикова, Гр.Дан. Похитонова, Ник.Ив. Водова и Ко»⁶², ставивший своей целью издание общедоступной литературы по различным отраслям естествознания и организацию публичных общеобразовательных лекций. Новое предприятие было хорошо оснащено: в его распоряжении имелись типография, литография, словолитня, переплетная мастерская, книжный магазин и фотографический павильон. Начав с выпуска руководств для обучения грамоте, среди которых основное место занимали труды известного педагога В.А. Золотова, «Торговый дом» приступил затем к изданию капитальных трудов европейских ученых — французских физиков и астрономов Д.Ф. Фраго, П.С. Лапласа, немецкого химика Ю. Либиха и других. Публичные образовательные лекции проводились в здании «Пассажа», в котором тогда помимо торговых помещений имелись и залы для общественных мероприятий.

В начале 1860 годов «Торговый дом» был преобразован в товарищество на паях под названием «Общественная польза». Отказавшись от чтения публичных лекций, новое товарищество ограничило свою деятельность выпуском общедоступных книг по различным отраслям знания, «лишь бы эти сочинения отвечали основной задаче: служить на пользу общую, на просвещение народа»⁶³. Активное участие в делах издательства принимали известные ученые — Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, А.М. Бутлеров, К.А. Тимирязев.

До 1875 года товарищество «Общественная польза» арендовало помещение у Круглого рынка, в запасном доме дворца великого князя Михаила Николаевича (наб. реки Мойки, 5). Затем оно переехало в

М.О. Вольф

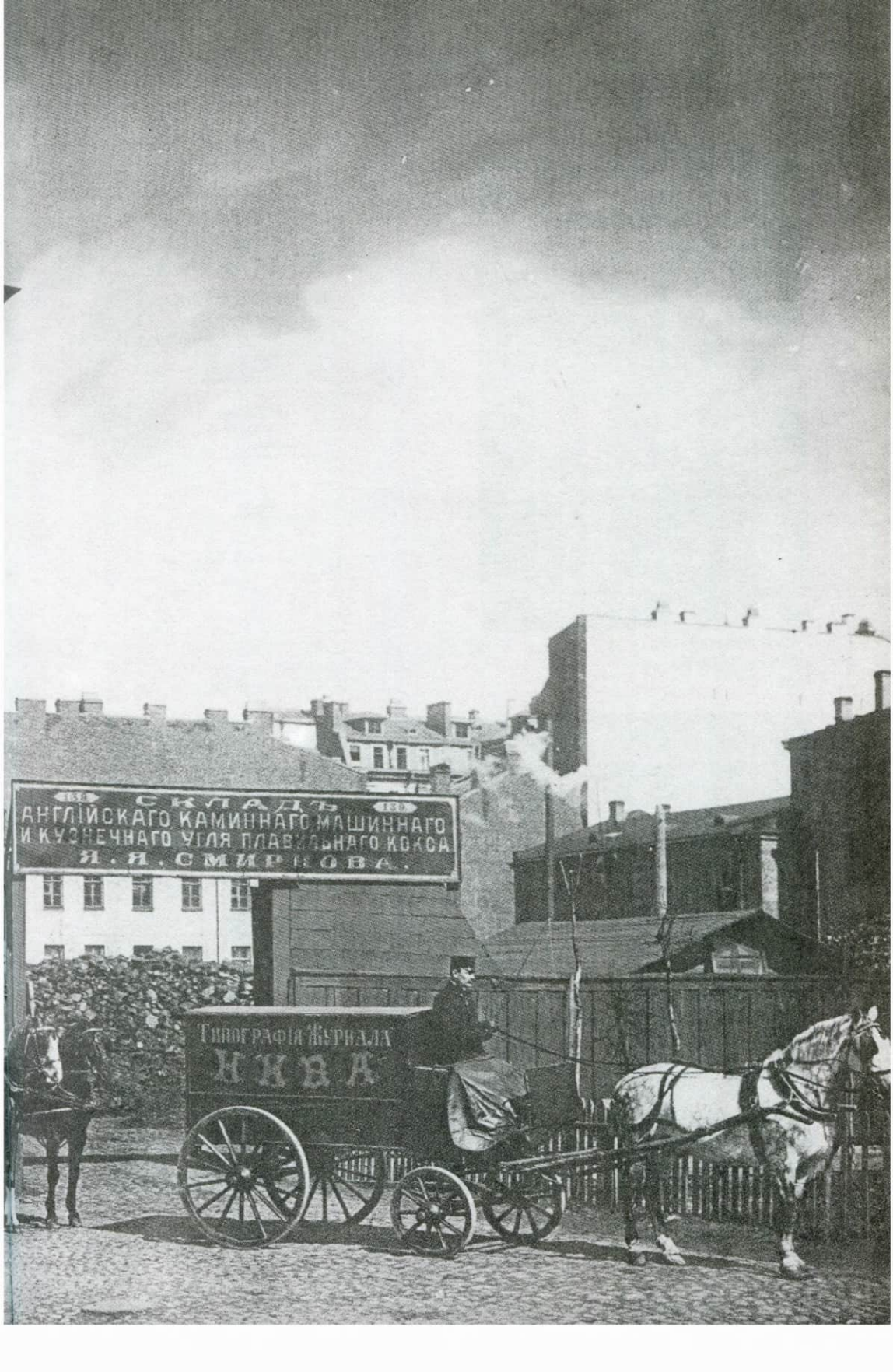
Данте Алигьери.
«Божественная комедия».
Издание М.О. Вольфа

Невская линия Большого Гостиного двора.
Начало 1900-х. Слева над галерейей второго этажа
надпись: «Книжный магазин М.О. Вольфа»

Развозка журнала «Нива». 1900-е

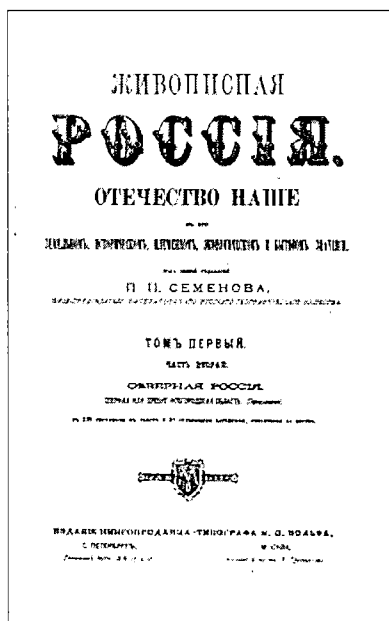

СКЛАДЪ
АНГЛІЙСКАГО КАМИННАГО МАШИНАГО
И КУЗНЕЧНАГО УГЛЯ ПЛАВІЛЬНАГО КОКСА
Я. Я. СМІРНОВА.

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА
И К В А

«Живописная Россия».
Издание М.О. Вольфа.
Переплет

«Живописная Россия».
Издание М.О. Вольфа.
Т. I. 1881. Титульный лист

Типография газеты «Новое время»
(Эртелев пер., 13). 1910-е

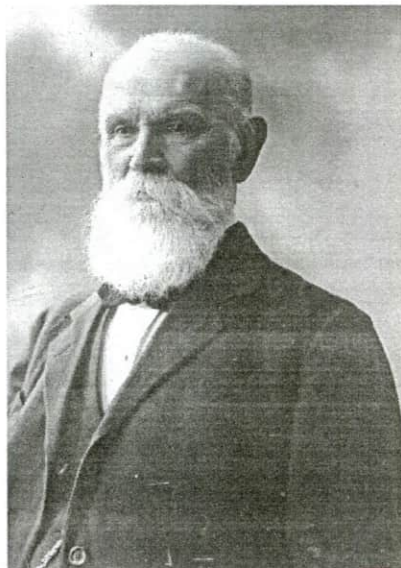
П. П. Сойкин

Издательство
П. П. Сойкина
(Стремянная ул., 12).
1900-е

А. Ф. Маркс

М. М. Стасюлевич

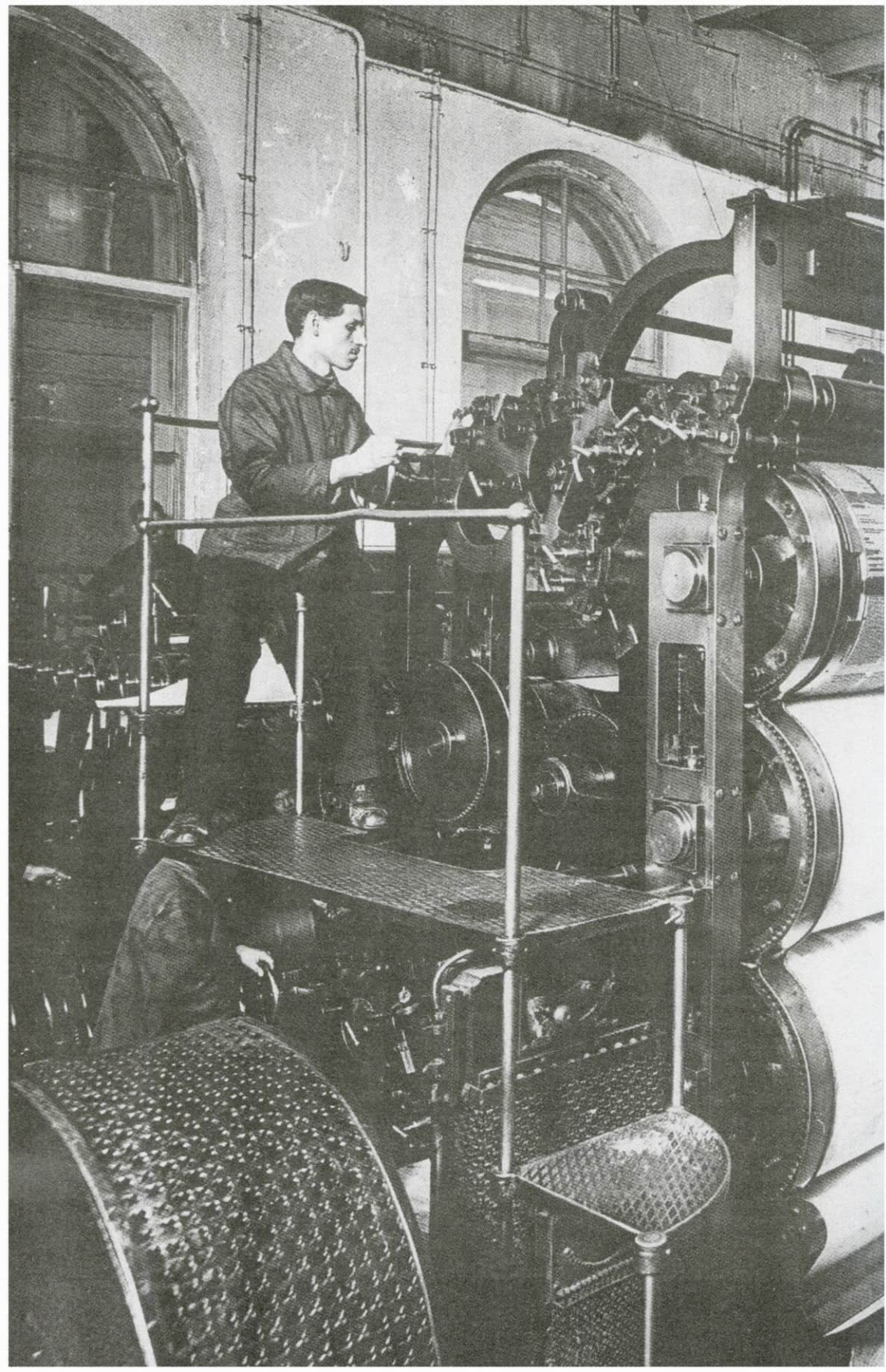
Фасад здания Товарищества А. Маркса
(Измайловский пр., 29). Начало 1900-х

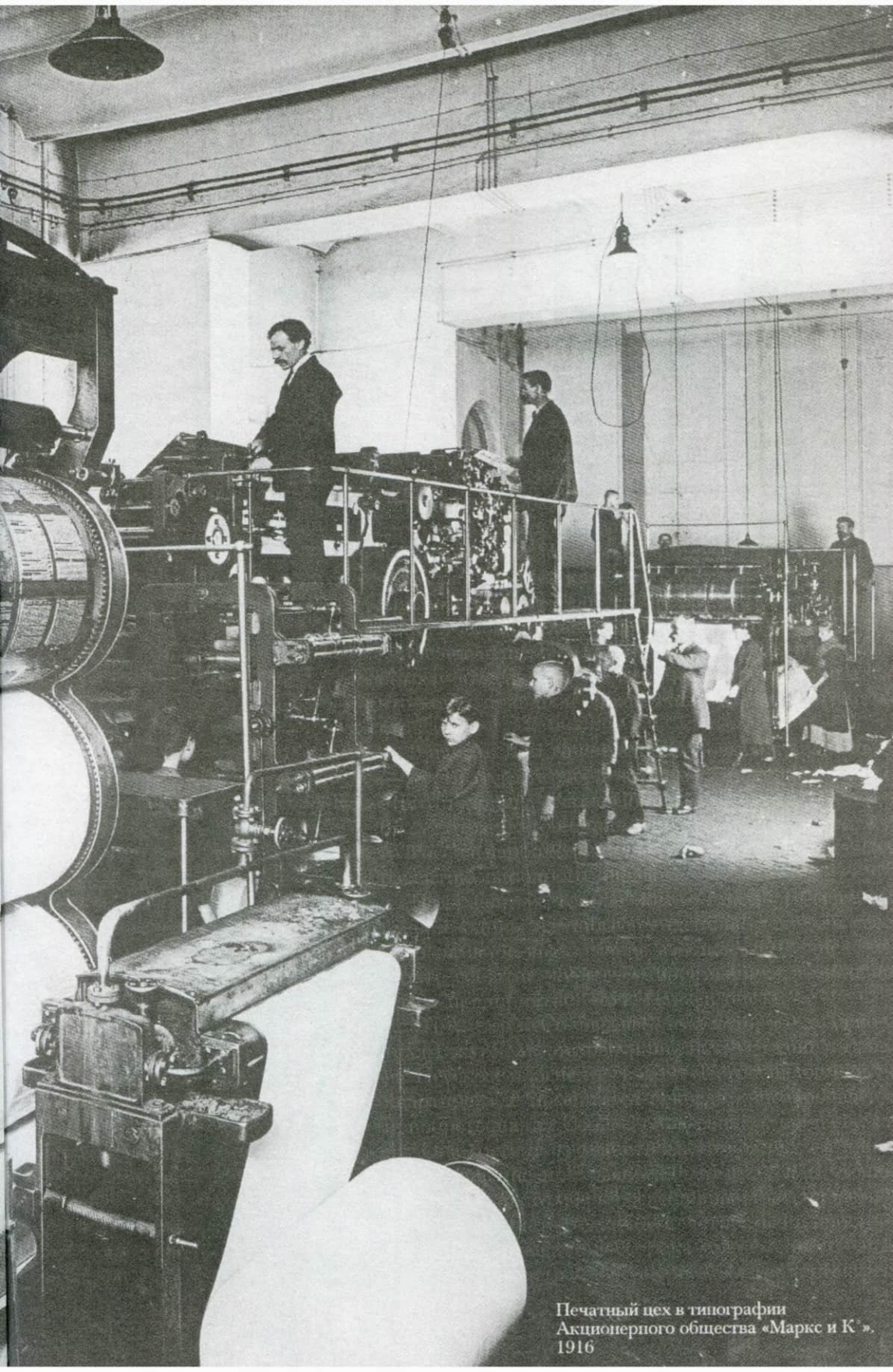

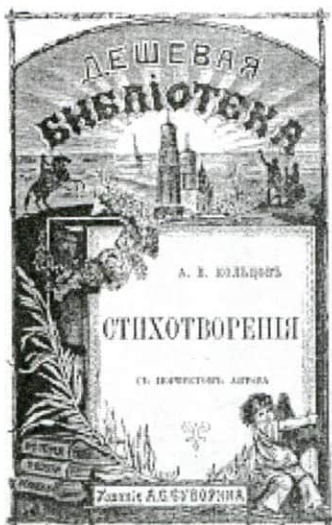
В.У.И.М.
САУДЕНА ПРАВА
КАТЕДРА
ПРАВА

ТИПОГРАФИЈА
ЛИТОГРАФИЈА
ХИМИЈА
КАТЕДРА
ЗАВЕШТАЊЕ
К. 778111
К. 778111

Печатный цех в типографии
Акционерного общества «Маркс и К».
1916

А.В. Кольцов. «Стихотворения».
Серия «Дешевая библиотека».
Издание А.С. Суворина. Обложка

В. Гете. «Фауст».
Серия «Дешевая библиотека».
Издание А.С. Суворина. Обложка

А.П. Чехов (сидит внизу справа) в гостях
у А.С. Суворина (слева вверху в центре). Начало 1890-х

Контора изданий А.С. Суворина
(Невский пр., 40). 1900-е

Киоск Контрагентства А.С. Суворина и К°
на Николаевском вокзале в Санкт-Петербурге. 1900-е

Работники типографии
Товарищества «Общественная польза»
(Большая Подьячская ул., 39), 1914

Интерьер книжного магазина А.С. Суворина
(Невский пр., 40). 1900-е

Марка издательства
«Практическая медицина»

К.Л. Риккер

В.С. Этгингер

собственный дом на Большую Подьяческую улицу, 39. Там же работал книжный магазин и типография «Общественной пользы».

Хотя товарищество «Общественная польза» поставило своей целью издание книг «для чтения простому люду и применительно к его разумению», для него было характерно незнание реальных потребностей читателей из народа. Успешной деятельности «Общественной пользы» в декларированном направлении препятствовала также и либерально-просветительская ограниченность. Так, особый раздел в тематических планах издательства составляли книги «для детей и народа» – сочинения писателей и педагогов В.А. Золотова, М.Б. Чистякова и других, практически не делавшие различия между этими двумя читательскими категориями.

Значительно более представительным был ассортимент научных изданий – это и естественнонаучные издания (в том числе ряд трудов Д.И. Менделеева и книги, вышедшие под его редакцией), солидные исторические труды (Н.И. Костомарова, П.П. Пекарского). В 1890-х годах были изданы такие капитальные труды, как «Жизнь животных» А.Э. Брема в десяти томах, «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, «Земля и люди» французского географа Ж.Э. Реклю. Выпускались книги для детей и юношества (сказки Л.Н. Толстого и В.М. Гаршина, «Дон Кихот», «Робинзон Крузо», сочинения Майн Рида).

В последние годы своего существования, уже испытывая финансовые трудности, товарищество издавало «Философскую библиотеку», в которую вошли «История философии» К. Фишера, работа Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», сочинения Аристотеля, Руссо. Выходили также «Историческая библиотека» и «Библиотека общественных вопросов».

Издательская деятельность товарищества «Общественная польза» продолжалась 55 лет. Здание на Большой Подьяческой улице, где помещалось издательство, было хорошо известно деятелям русского просвещения, педагогам, издателям и книготорговцам. Последние публикации Товарищества относятся к 1915 году. Резкое сокращение спроса на капитальные издания, порожденное экономическими проблемами военного времени, привело издательство к краху. «Общественная польза» прекратила свое существование.

Комитет грамотности

В 1861 году при Вольном экономическом обществе (ВЭО) после ряда неудачных попыток был организован петербургский Комитет грамотности. Его первое заседание состоялось 7 апреля того же года. Программа Комитета, в обсуждении и разработке которой приняли

участие демократически настроенные писатели и педагоги, была достаточно обширной. В основу ее лег проект Общества для распространения грамотности, составленный И.С. Тургеневым (при участии П.В. Анненкова).

Особое внимание уделялось в нем изданию книг для народного чтения. «...Наши издания, – писал Тургенев, – назначаются исключительно для людей, желающих обучиться грамоте, и для людей, только что обучившихся ей; а потому они должны быть: а) многочисленны, по мере возможности дешевы, всюду и всякому доступны, в) они и содержанием и изложением своим должны соответствовать степени развития того народного слоя, для которого они назначены. Едва ли следует упоминать о совершенной неуместности в них всякого прибаутного и сказочного тона: с народом должно обращаться искренне, честно и с полным уважением»⁶⁴.

Первыми членами Комитета были Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, профессор истории П.В. Павлов, педагоги И.И. Паульсон, А.Н. Страннолюбский, экономист И.В. Вернадский, известные ученые и общественные деятели. При Комитете работала специальная Комиссия экспертов (Комиссия по одобрению книг) – первая в России библиографическая организация, в которую входили бывший петрашевец, педагог и библиограф Ф.Г. Толль, педагоги И.И. Паульсон и В.А. Золотов, писатель А.Ф. Погосский.

Общие собрания Комитета происходили в одном из небольших залов Вольного экономического общества. Здесь в 80–90-х годах XIX века выступали с докладами по различным проблемам народного образования и распространения грамотности издательница А.М. Калмыкова, писатель П.И. Вейнберг, известные деятели народного образования и педагоги Н.В. Чехов, Г.А. Фальборг, В.И. Чарнолуский, Н.Ф. Бунаков, Н.А. Рубакин, издатель и книготорговец М.М. Ледерле.

Первые 20 лет деятельность Комитета ограничивалась по преимуществу рассылкой книг по школам и библиотекам, составлением списка книг для народного чтения, одобренных Комиссией экспертов. Первая книга, изданная Комитетом, – «Краткое наставление неопытным учредителям и учителям народных школ» – вышла в 1864 году, затем вышел «Список книг, одобренных Комитетом грамотности». Всего же за этот период было издано шестнадцать книг, предназначенных для руководителей чтения и начинающих учителей.

В середине 1880-х годов, когда в Комитет пришли новые молодые силы, представители радикально настроенной интеллигенции – братья Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, А.М. Калмыкова, Н.А. Рубакин и другие, издательская деятельность Комитета активизировалась: он приступил к осуществлению своей основной задачи – печатанию книг для народа. Инициатива в этом отношении принадлежала тогдашнему председателю Комитета Н.Ф. Фан-дер-Флигу, который еще в 1860-х годах

вступил в борьбу с лубочной литературой, издавая произведения Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова и других классиков. Среди так называемых «народных изданий», выпущенных Комитетом с 1880 по 1895 год, — произведения Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Короленко, С.Т. Аксакова, Д.В. Григоровича, В.М. Гаршина, И.А. Крылова, К.М. Станюковича, А.Ф. Погосского, В.И. Немировича-Данченко, Н.А. Рубакина, Т.Г. Шевченко, из иностранных — Ч. Диккенса, Жорж Санд, В. Гюго, Э. Золя, Э. де Амичиса, С. Бьенстерне-Бьернсона. Особое внимание Комитет обращал на издание книг, которые показывали «тяжелые картины» многотрудной жизни простых людей и «неравную борьбу людей высшего развития с тягостными, давящими их условиями действительности».

Свои издания Комитет грамотности распространял через принадлежавший ему книжный склад на Забалканском проспекте (ныне — Московский пр.), 33, находившийся в доме Вольного экономического общества. Активная деятельность Комитета вызывала настороженное внимание различных правительственных учреждений, ведавших вопросами просвещения и печати. В цензурных донесениях Комитет характеризовался как «крайне тенденциозное издательство для народа» и «наиболее опасное». Многие издания Комитета не были допущены к выпуску или подверглись конфискации. Среди них — юбилейное издание басен И.А. Крылова, ряд произведений Л.Н. Толстого, Т.Г. Шевченко, А.Ф. Погосского, Г.И. Успенского, Марко Вовчка (М.А. Вилинская-Маркович).

Особое совещание в составе министров внутренних дел, просвещения, земледелия, государственных имуществ и представителя Синода, созванное в конце 1895 года для того, чтобы «оградить грамотную часть населения от пропаганды в ее среде путем печати каких-либо вредных учений и умствований ничтожной кучки заблуждающихся и злонамеренных людей, покушающихся извратить здравый смысл народа»⁶⁵, решило закрыть Комитет грамотности при ВЭО, а его функции передать Министерству народного просвещения.

В последний год своего существования петербургский Комитет грамотности выпустил более 700 000 экземпляров книг по различным отраслям знания. За 1880–1895 годы им было издано 126 названий книг общим тиражом около 2 миллионов экземпляров.

Дела, книги и денежные средств Комитета передавались новому Петербургскому обществу грамотности при Министерстве народного просвещения. Издательская деятельность новой организации была сведена почти к нулю. Своей главной задачей она поставила «содействие распространению среди народа книг, признанных для того пригодными правительственными учреждениями»⁶⁶. Уже независимо от Комитета грамотности ВЭО опубликовало в 1905–1906 годах ряд об-

зоров по аграрному вопросу, а в 1907–1911 – анкеты об отношении крестьянства к стольпинской аграрной реформе, которая была неоднозначно воспринята русским обществом.

В 1919 году Вольное экономическое общество было формально ликвидировано. В его здании в 1928 году открылся мемориально-просветительский центр «Дом Плеханова», где разместились архив и библиотека Плеханова (около 8000 томов), вывезенные вместе с обстановкой его кабинета из-за границы.

Среди раритетов этого книжного собрания – издания с автографами Ф. Энгельса: третий том «Капитала» Маркса («Товарищу по борьбе – Плеханову. Ф. Энгельс. Лондон. 11 декабря 1894») и «Классовая борьба во Франции. 1848–1850 гг.» К. Маркса («Моему другу Плеханову. Ф. Энгельс. Лондон. 12 апреля 1895»).

глава 6

«ЛЮДИ МЫСЛИ
И ДОБРА»

В 50-е–начале 60-х годов XIX века Россия переживала серьезный экономический и политический кризис. Тяжелым бременем легла на народные массы Крымская война. В 1856 году шеф жандармов князь А.Ф. Орлов докладывал недавно вступившему на престол императору Александру II, что война «чрезвычайно тягостна для России; рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность»¹.

В народе росло возмущение. С 1851 по 1861 год в стране было учтено 591 крестьянское волнение. Крепостная система изжила себя. Страх перед революцией побуждал правительство пойти на отмену крепостного права. «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу»². Эти слова принадлежат Александру II.

В 1861 году крепостное право пало. Однако крестьяне не получили всей земли, на которой они работали, и выступления вспыхнули с новой силой. Волновалось студенчество. «Освобождение» крестьян дружно осудили вожди революционной демократии – Н.Г. Чернышевский и А.И. Герцен. В Санкт-Петербурге и Москве, в других городах страны начали возникать тайные кружки и общества, в которые объединялись революционно настроенные разночинцы, студенческая молодежь.

Самой крупной революционной организацией 1860-х годов являлось тайное общество «Земля и воля», во главе которого стояли в России – Н.Г. Чернышевский, братья Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичи, А.А. Слепцов, Н.Н. Обручев, А.Д. Путята, в Лондоне – А.И. Герцен и Н.П. Огарев. Между обоими центрами существовала тесная связь.

Основным пунктом программы «Земли и воли» было ниспровержение самодержавия и созыв бессловного «Земского собора» или

«Народного собрания». Конспирация в этой организации была жесткой: она строилось по принципу «пятерок», и только один из членов «пятерки» знал представителей другой такой ячейки.

Землевозльцы развернули активную пропагандистскую и агитационную деятельность. Завели тайные типографии, в которых печатали прокламации и листовки. Наряду с нелегальной деятельностью «Земля и воля» использовала различные легальные каналы – библиотеки, воскресные школы, культурно-просветительские общества. Особое внимание уделялось изданию и распространению книг.

В программном документе «Цель, методы и организация Общества», составленном Огаревым, в десятом пункте упоминалось такое направление работы, как «распространение здравых понятий, научных, теоретических и популяризация их во всех прикладных вещах. Для этого издание книг равно в Лондоне и в России...»³.

Н.А. Серно-Соловьевич

Зимой 1862 года в доме № 24 по Невскому проспекту открылся новый книжный магазин, а при нем библиотека для чтения. Хозяином магазина был «купец первой гильдии» Николай Александрович Серно-Соловьевич.

...Начиналось это так. В кабинет петербургского генерал-губернатора графа А.А. Суворова вошел элегантно одетый молодой человек. Представился: купец первой гильдии Николай, сын Александров Серно-Соловьевич. Содержание их беседы известно по воспоминаниям Н.В. Шелгунова:

«Суворов любил заговаривать на иностранных языках. Увидев пристойного и благовидного купца, Суворов заговорил с ним по-французски. Серно-Соловьевич ответил. Суворов заговорил по-немецки. Серно-Соловьевич ответил.

– Кто вы такой? – повторил свой вопрос немного изумленный Суворов.

– Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

Суворов начал по-английски, Серно-Соловьевич ответил. Суворов делает ему вопрос по-итальянски и получает ответ итальянский.

– Фу ты! – говорит озадаченный Суворов, – да кто же вы такой?

– Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

– Где вы учились?

– В Лицее.

– Служили вы где-нибудь?

– Служил.

– Где?

– В Государственном совете.

Суворов совсем вышел из себя от изумления: ничего подобного он не мог себе представить»⁴.

На самом деле Н.А. Серно-Соловьевич, родившийся в Санкт-Петербурге 13 декабря 1834 года, происходил из дворянской семьи: его мать – потомственная дворянка из рода Кириллиных, а отец получил дворянское звание за долгую службу в Сенате и в Военном министерстве. В 1853 году Николай с серебряной медалью окончил Александровский лицей (бывший Царскосельский, в котором учился Пушкин). В 20 лет он уже стал надворным советником и служил в Государственном совете, приводил в порядок материалы Главного комитета по крестьянскому делу. Затем некоторое время являлся делопроизводителем Калужского губернского Комитета по устройству быта помещичьих крестьян. В 1859 году Н.А. Серно-Соловьевич возвратился в Санкт-Петербург, сотрудничал в «Журнале для акционеров» как публицист. Совершил кратковременную поездку в Европу, побывал в Германии, Бельгии, Франции.

На формирование взглядов молодого человека большое воздействие оказали события Крымской войны, героизм защитников Севастополя, простых русских воинов. Позднее он выразил свое credo в стихах:

*Две страсти знал я:
Любовь к свободе и к добру.
Я веровал в свое призванье
И с этой верою умру.
Я в людях только братьев видел,
Бесстрашно истины искал,
Всем сердцем рабство ненавидел
И тиранию презирал»⁵.*

В это время Серно-Соловьевич еще был полон либеральных иллюзий, верил в освобождение крестьян «сверху». В 1858 году, находясь в Калуге, он написал докладную записку «Очерк общего положения в государстве, очерк далеко не светлый» и собственноручно вручил ее царю. Александр II прочел и начертал: «В нашем молодом поколении много хорошего, истинно благородного. Россия должна много от него ожидать, если оно получит надлежащее направление, но иначе выйдет совершенно противное»⁶. Царь даже велел председателю Государственного совета князю А.Ф. Орлову поцеловать Серно-Соловьевича.

Серно-Соловьевич вращался среди передовой петербургской молодежи, много читал – произведения Белинского, Чернышевского, Добролюбова. В одном из писем этого времени он признавался: «“Современнику” отдаю предпочтение перед “Русск[им] вестником”»; гово-

ря собственно о политике, Чернышевского ставлю положительно во главе наших публицистов»⁷.

В январе 1860 года Серно-Соловьевич, оставив службу, снова поехал за границу. В Лондоне он сошелся с Герценом и Огаревым. Лондонские изгнанники были им очарованы. Редкое благородство, самоотверженность, что-то рыцарское было в этом блестящем молодом человеке. С первого же свидания Герцен назвал его «маркиз Поза» (так звали благородного героя драмы Шиллера «Дон Карлос»). «Вам, Н.А., последнему нашему Маркизу Позе, от всей души посвящаю этот очерк», – гласит сделанное Герценом печатное посвящение на статью «Император Александр I и В.Н. Каразин». Статья была выбрана случайно: Каразин, подобно Серно-Соловьевичу и герою Шиллера, обратился к царю с письмом, в котором подробно изложил план государственных преобразований.

За границей, как было установлено нами, Серно-Соловьевич напечатал на французском языке брошюру «Россия и Восточный вопрос». Анонимно, а затем под его полным именем в Берлине вышло исследование «Окончательное решение крестьянского вопроса». В предисловии к последнему автор писал: «Я публикую его под своим именем – потому что думаю, что пора нам перестать бояться... потому что тот, кто хочет правды и справедливости, должен уметь безбоязненно стоять за них»⁸.

В начале 1861 года Серно-Соловьевич вернулся в Санкт-Петербург, а спустя год открыл в столице книжный магазин. Объясняя выбор этого поприща, Серно-Соловьевич писал: «Книжную торговлю я избрал потому, что ее предмет – то производство, в умножении которого Россия наиболее нуждается, которое может сильно содействовать развитию народного образования»⁹.

Появление в столице нового книжного магазина и библиотеки во главе с одним из просвещеннейших деятелей своего времени произвело немалое впечатление в обществе. В числе первых откликнулся на это событие журнал «Современник», вложивший часть средств в новое предприятие. И.И. Панаев писал:

«Н.А. Серно-Соловьевич, имя которого должно быть известно читателям журнала, открыл книжный магазин и библиотеку для чтения на Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви, в той самой квартире, где помещался некогда книгопродавец Лури. Библиотека, приобретенная г. Серно-Соловьевичем, принадлежала некогда Ольхину. Она состоит из значительного количества книг и журналов.

Помещение прекрасное. В комнате для чтения посредине огромный круглый стол, ярко освещенный газовой лампою в несколько рожков. Эта комната отличается уютностью и простором вместе. Г. Соловьевич выписывает до сорока повременных изданий и в том числе несколько иностранных журналов. Библиотека его будет пополнять

ся с каждым годом, и дела новой книжной лавки будут ведены с знанием дела, с терпеливостью и аккуратностью, за что ручается нам уже одно имя просвещенного владельца библиотеки, к которому все наши известные литераторы и журналисты имеют полную уверенность и обещали ему свое содействие. У г. Серно-Соловьевича будут главные конторы всех изданий гг. Тиблена, Огрызко, Бакста, Кулиша, «Русского слова», переводы «Всемирной истории» Шлоссера и так далее.

Но что всего замечательнее – в магазине г. Соловьевича конкретными текущими делами будет, между прочим, заниматься *дама*, принадлежащая к обществу, которая, отвергнув общественные предрассудки, решила взять на себя эту обязанность для того, чтобы быть полезной своему семейству. Эта новость утешительнейшая из всех наших новостей и имеющая большое значение.

Мы от всей души сочувствуем предприятию г. Серно-Соловьевича и искренне желаем ему полных успехов»¹⁰.

Приобретенная в 1861 году Н.А. Серно-Соловьевичем библиотека ранее принадлежала купцу Л.И. Жебелеву, который в 1844 году открыл собственную торговлю книгами, однако вскоре оставил ее и купил библиотеку, принадлежавшую М.Д. Ольхину (см. с. 105–106.). Ольхину же значительная часть книг досталась в 1842 году от разорившегося Смирдина. В 1847 году Ольхин также разорился, и его библиотеку купили по частям П.И. Крашенинников, В.П. Печаткин и Л.И. Жебелев. Таким образом в фонде библиотеки-читальни, открытой Серно-Соловьевичем, имелись книги из собрания Смирдина–Ольхина.

По подсчетам самого Н.А. Серно-Соловьевича библиотека насчитывала более 350 годовых, полугодовых и месячных подписчиков¹¹.оборот библиотеки и магазина по покупке и продаже книг и прочим торговым операциям составлял 7-8 тысяч рублей в месяц. Особо тесными были связи с прогрессивными издателями и книготорговцами – Н.Л. Тибленом, И.П. Огрызко и О.И. Бакстом.

Основными посетителями магазина и библиотеки являлись студенты. Участник освободительного движения 1860-х годов Н.Я. Николадзе вспоминал: «Штаб-квартирою студенчества, по закрытии университета (в связи со студенческими волнениями осенью 1861 г. – *И.Б.*), стал книжный магазин и библиотека для чтения Н.А. Серно-Соловьевича... Тут мы имели возможность иметь все что угодно... Здесь же можно было узнать все политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и познакомиться с ними»¹².

Привлекали читателей и обширное помещение, и тщательно подобранный состав книг, и, особенно, необычные служащие магазина – не простые приказчики, а образованные люди, члены «Земли и воли» – товарищи Серно-Соловьевича по лицу Александр Рихтер и Павел Апрельев, двоюродный брат Чернышевского Сергей Пыпин. За кон-

торкой сидела дочь лексикографа и знаменитого гитариста Н.П. Макарова Анна Николаевна Энгельгардт – жена артиллерийского офицера, впоследствии известного профессора-химика Александра Николаевича Энгельгардта. Это было непривычно и расценивалось некоторыми чуть ли не как оскорбление общественной морали. Сослуживцы А.Н. Энгельгардта едва не вызвали его на дуэль.

О составе книжного фонда магазина можно судить по опубликованным Серно-Соловьевичем каталогам. Сквозь сухие, бесстрастные библиографические сведения отчетливо проступает очень продуманная, очень ясная и целенаправленная программа осуществления плана легальной пропаганды, намеченная руководителями «Земли и воли». В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Т.Г. Шевченко, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Н.А. Островский, Ф.М. Достоевский, Н.В. Успенский, Марко Вовчок, В. Шекспир, Ф. Шиллер – это писатели. Историки, социологи, философы – Н.И. Костомаров, П.В. Павлов, Д.И. Мейер, Ф.К. Шлоссер, Г.Г. Гервинус, Т.Б. Маколей, Д.С. Милль, естествоиспытатели – А.Н. Бекетов, К. Фогт, Л. Бюхнер, Я. Молешотт... То, что было запрещено цензурой (особенно произведения Герцена) и в легальную продажу идти не могло, шло из-под полы, из рук в руки: «Колокол», «Полярная звезда», прокламации, листовки.

Тайное общество пустило крепкие корни в провинции. Его «филиалы» существовали в Вятке, Перми, Казани, Харькове, Екатеринбурге, Одессе, Чернигове. Н.П. Огарев в письме к Н.А. Серно-Соловьевичу настойчиво убеждал: «Живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях – ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому что все, что он ни сделает, будет иметь результат тот же – отместку провинций. Уясните цели провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых менее всего понятна коренная цель – земской земли...»¹³.

Связи у книжного магазина Серно-Соловьевича с провинциальными книготорговцами множились. Его книги доходили даже до Сибири. Велась и совместная книжная торговля. И самая прочная и эффективная – с Николаем Петровичем Баллиным, женатым на сестре активного землевольца С.С. Рымаренко. Н.П. Баллин – последователь Чернышевского, социалист, организатор полулегальных просветительских обществ на Украине, открыл книжный магазин в Харькове. Съездил в Санкт-Петербург, договорился с Серно-Соловьевичем, выписывал его издания, у него же держал склад своих книг.

«Магазин Серно-Соловьевича, – писал в своих воспоминаниях Н.П. Баллин, – имел физиономию дела, широко организующегося. Мне особенно нравился кабинет в нем для чтения: большая комната с большим круглым столом посередине. Ничего подобного

в Петербурге до того не было. Из всех интересных лиц, с которыми я познакомился в Петербурге в это время, никто не оставил о себе более яркого воспоминания, чем Н.Г. Чернышевский... Он был в кабинете как у себя дома»¹⁴.

Властям этот странный книготорговец из дворян, его магазин, приказчики и посетители с самого начала казались подозрительными. За Серно-Соловьевичем установили слежку, под видом приказчиков и слуг засылали в магазин и на квартиру шпионов.

Кроме книжного магазина на Невском проспекте, у Серно-Соловьевича имелась открытая совместно с Александром Слепцовым книжная лавка с читальней в его собственном доме на Обуховском проспекте (ныне Московский пр.), 31. Вновь открытое заведение предназначалось для солдат и офицеров Гатчинского полка, квартировавшего в этом районе. III Отделению, которому стало известно, что в читальне хранился одно время печатный станок, заказанный членом «Земли и воли» С.С. Рымаренко и Ю.Ю. Гюбнером с целью «печатания воззваний к народу», удалось пристроить туда на место заведующего своего человека, некоего Ивана Федорова. Друг Серно-Соловьевича И.Г. Борщов, заподозрив что-то, предупреждал его в письме: «На Ивана Федорова обрати внимание: есть повод думать, что с ним надо быть не слишком доверчивым. Вот еще образчик того, как можно ошибаться в человеке»¹⁵.

Тем временем торговля шла успешно. Приступил Серно-Соловьевич и к издательской деятельности. Оставаясь и здесь верным своим революционным и просветительским убеждениям, он в меру своих сил и с учетом цензурных условий стремился распространять социалистические и материалистические идеи, боролся с крепостническими пережитками.

Поэт-революционер М.Л. Михайлов в 1860 году передал Серно-Соловьевичу, которого хорошо знал, право на издание своих произведений. Вскоре Михайлова арестовали за антиправительственную пропаганду, но Серно-Соловьевич решил все же осуществить свое намерение. Он обратился в Петербургский цензурный комитет за разрешением издать сборник сочинений поэта с его портретом. Цензурный комитет запросил III Отделение. Главноуправляющий III Отделением князь В.А. Долгоруков ответил: «Издание оных ныне я признаю несвоевременным»¹⁶. Ссылаясь на его письмо, Управление цензуры постановило: «Не допустить издания сочинений Михайлова, как государственного преступника»¹⁷.

Получив отказ, Серно-Соловьевич решил осуществить задуманное издание за границей, воспользовавшись для этого своим пребыванием в Берлине летом 1861 года. Ему помогали близкий друг поэта Л.И. Шелгунова и поэт-переводчик Н.В. Гербель. Сборник вышел в Берлине, в издательстве Георга Штильке в 1862 году под названием

«Стихотворения М.Л. Михайлова. Подражание восточному. Из английских поэтов. Из немецких поэтов. С венгерского. С малороссийского. С польского. Народные песни». В России это издание произведений «государственного преступника» было занесено в списки «недозволенных к обращению».

Немного книг успел издать Серно-Соловьевич, но каждая из них примечательна. «Издание книжного магазина Серно-Соловьевича» – значилось на двух напечатанных им сборниках произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина – «Невинные рассказы» (1863) и «Сатиры в прозе» (1863). Великий сатирик знал Серно-Соловьевича лично, часто бывал в его магазине.

Другое издание – повесть детской писательницы С.Ф. Буткевич (Буташевской) «Дневник девочки» – связано с именем И.С. Тургенева. В предисловии к ней Тургенев отметил: «Мы позволяем себе рекомендовать «Дневник девочки» родителям и наставникам. Мысль, которая положена в основании книги г-жи Буташевской и которая состоит в том, чтобы, направляя внимание детей на окружающие их знакомые предметы – посредством изучения этих самых предметов открывать им постепенно весь тот мир, в котором они живут, – эта мысль верна и правдива и – едва ли не в первый раз – с такой полнотой и отчетливостью – применяется у нас»¹⁸.

Тургенев обещал Буткевич найти покупателя на ее рукопись. На следствии по делу Серно-Соловьевича писатель показал: «Серно-Соловьевич, к которому я пришел после отказа двух или трех других книгопродавцев, купил у меня эту рукопись и напечатал ее впоследствии вместе с моим предисловием»¹⁹. Книжка Буткевич пользовалась успехом у юных читателей и дважды переиздавалась – в 1881 и 1897 годах.

В 1863 году (уже после ареста Серно-Соловьевича) вышел подготовленный им для печати «Сборник рассказов в прозе и стихах», в составлении которого приняли участие видный деятель «Земли и воли» А.Д. Путьята и Н.Г. Чернышевский (им была намечена программа сборника)²⁰. Внешне это было безобидное издание – хрестоматия для народа, составленная из произведений (в отрывках) Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Никитина, Достоевского и других авторов. Включенные в сборник сочинения ранее уже проходили цензуру. Но составители подобрали отрывки таким образом, чтобы у читателя составилось представление о «развеселом житье» (так назывался отрывок из рассказа Салтыкова-Щедрина) крепостных крестьян, дворовых, работного люда – всех тех, над кем измывались помещики-самодуры и которых беззастенчиво грабили фабриканты, лавочники и трактирщики. Картины народной жизни, одна безотраднее другой, сменяли друг друга. У вдумчивого читателя невольно возникал вопрос, который и подсказывали составители сборника нарочито подобранной

концовкой («Акушкин муж» – из рассказа каторжанина в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского): «Вот так люди гибнут! А ведь надо уже все сказать: ведь этот народ – необыкновенный народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват!»²¹. Естественно, тенденциозность сборника обратила на себя внимание III Отделения: пропустивший книгу цензор В.Н. Бекетов был уволен со службы.

В 1862 году вышел «Букварь, составленный Советом С.-Петербургских воскресных школ». И хотя на его титуле значилось «Издание Л. Демиса», в действительности изданием букваря занимался Н.А. Серно-Соловьевич, а составили его землепользители С.С. Рьмаренко, А.Ф. Погосский и граф М.Я. Ростовцев, уволенный с военной службы за связь с Герценом. Букварь этот – своеобразное и оригинальное издание. Его составители применили новый метод обучения грамоте. Идя от простого к сложному, они положили в основу букваря рассказ, начинающийся словами: «Жители села Фокино жили худо...». Изучение букв, слогов и самого процесса чтения осуществлялось в тесной связи с законченным, цельным текстом. В букваре применялись шрифты различного кегля, а в качестве упражнений давались наиболее сложные звуко сочетания, приводились слова, облегчающие переход от легких грамматических случаев к трудным.

Сам рассказ посвящен пользе грамоты и науки для народа. В нем просто и доступно, в живой форме рассказывалось, как крестьяне этого села, которые долгое время «жили худо», овладев грамотой, начали жить светлой, содержательной жизнью: улучшился их быт, нравы, стало более сознательным их отношение к жизни.

Попутно читателю внушалась мысль о полезности общественной складчины, запасного капитала, чтобы «ссужать из него на поддержку хозяйств, расстроженных не по собственной вине хозяев».

Для самостоятельного чтения в букваре предлагались две сказки А.Н. Афанасьева, стихотворение А.В. Кольцова «Косарь», рассказ А.Ф. Погосского «Сибирлетка», отрывок из рассказа И.С. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи», «В деревне» Н.А. Некрасова. Букварь содержал также рекомендательный список литературы – «Книги для чтения».

Агентура III Отделения доносила: «Продажа букваря исключительно поручена г. Серно-Соловьевичу и Сеньковскому»²². За издателями и распространителями букваря велся тайный надзор.

Помимо названных, Серно-Соловьевичем были изданы также «Сборник песен Самарского края» В.Г. Варенцова, биографический очерк П.А. Бибикова «О литературной деятельности Н.А. Добролюбова», «Всемирная история» Ф.К. Шлоссера, «История XIX века от времени Венского конгресса» Г.Г. Гервинуса. В переводе и издании исторических трудов Шлоссера и Гервинуса принимали участие мно-

гие писатели, журналисты, публицисты – участники революционного движения 1860-х годов: Н.А. Серно-Соловьевич, Н.В. Шелгунов, М.Л. Михайлов, В.А. Обручев, В.А. Зайцев. Большинство из них было арестовано, судимо, сослано. «Всемирную историю» Шлоссера, как уже отмечалось, удалось завершить лишь в 1869 году в издательстве М.О. Вольфа, уже под редакцией В.А. Зайцева.

Так и не увидели света другие начатые Серно-Соловьевичем издания: стихотворения Т.Г. Шевченко, этнографические сборники П.И. Якушкина и С.В. Максимова, рукопись «О коммунизме и социализме» (автор ее скрылся под криптонимом «Юрий Кост-ко»), «История мироздания» Бурмейстера, «Теория налогов» Прудона, сочинения Герцена.

В 1862 году был арестован Павел Ветошников, который вез из Лондона в Россию письма Герцена, Огарева и Бакунина, адресованные революционным деятелям. Об этом донес тайный агент полиции некий Г.Г. Перетц. В числе других в багаже арестованного нашли письмо на имя Николая Серно-Соловьевича. В приписке к нему было сказано: «Мы готовы издавать Совр[еменник] здесь с Черньш[евским] или в Женеве – печатать предложение об этом. Как Вы думаете?»²³.

Ветошникова заключили в Петропавловскую крепость, а 7 июля 1862 года были арестованы Черньшевский и Серно-Соловьевич. «Погром 62-го года... среди многих жертв поглотил в один день Н. Черньшевского и Н. Соловьевича, учителя и ученика», – писал земледелец Н. Утин в журнале революционной эмиграции «Народное дело»²⁴.

Пошли долгие месяцы заключения, допросов. 10 декабря 1864 года Сенат вынес определение: «За участие в злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского правительства, за распространение заграничных сочинений их преступного содержания» лишить Серно-Соловьевича «всех прав состояния и сослать на каторжную работу в крепостях на двенадцать лет, а затем поселить в Сибири навсегда»²⁵. Государственный совет, учтя просьбу матери, смягчил приговор, постановив поселить его в Сибири навсегда, не ссылая в каторжные работы.

Сначала Серно-Соловьевич был доставлен в Красноярск, где ожидал отправки на место поселения в Иркутск. По дороге в Сибирь он разработал план народного восстания, создал в Красноярске тайную организацию и возглавил ее руководящий центр. Велись активные переговоры между ссыльными – русскими и поляками – и этим центром, но из-за предательства восстание сорвалось.

Следуя в Иркутск, Серно-Соловьевич заболел тифом. Его, уже больного, подмяла под себя лошадь, а до этого его избил ружьем жандарм за то, что он заступился за одного из своих спутников. В начале февраля (9-го или 10-го) 1866 года Н.А. Серно-Соловьевич скончался. Потрясенный его гибелью, Герцен писал в «Колоколе»: «Благород-

нейший, чистейший, честнейший Серно-Соловьевич – и его убили... Последний Маркиз Поза, он верил своим юным, девственным сердцем, что их можно вразумить, он человеческим языком говорил с государем, он его тронул и – и умер в Иркутске, изнеможенный истязаниями трехлетних каземат... Враги, заклятейшие консерваторы по положению, члены Государственного совета были поражены доблестью, простотой, геройством Серно-Соловьевича... Это был один из лучших весенних провозвестников нового времени в России... И он убит...»²⁶. Но у дела, начатого Серно-Соловьевичем, остались продолжатели: его книжный магазин перешел в другие – надежные – руки.

А.А. Черкесов

20 марта 1862 года Новгородской жандармерии было предписано проверить: действительно ли прибывший в Череповецкий уезд чиновник Министерства государственных имуществ Александр Черкесов собирался распространять вредные идеи и ложные понятия относительно прав владения землею?

А вскоре были арестованы студенты петербургской Медико-хирургической академии Сергей Рымаренко, Юлий Гюбнер, Помпей Мультиановский и другие по обвинению в распространении прокламации «Чего мы хотим» и в попытке организовать подпольную типографию в имении Черкесова «для печатания воззваний к народу, имеющих быть выпущенными к тысячелетию России»²⁷.

Черкесова арестовать не успели. Он заблаговременно выехал за границу, сославшись на болезнь и желание посетить Всемирную выставку в Лондоне.

...Александр Александрович Черкесов (1838–1911 или 1913) – сын урожденной княжны Девлеткильдиевой – был другом братьев Серно-Соловьевичей. Вместе с ними он обучался в Санкт-Петербурге в Александровском лицее. Затем служил в Государственной канцелярии и в ярославской Палате государственных имуществ. В 1860 году Черкесов вышел в отставку, якобы «по болезни», и возвратился в столицу. Одно время он жил в доме Серно-Соловьевичей, а когда Николай открыл свой книжный магазин, проводил в нем целые дни, составляя каталог книг. Вступил он и в тайное общество «Земля и воля».

Все это стало известно III Отделению. На посланное ему требование вернуться из-за границы, Черкесов благоразумно ответил отказом, сославшись, как и прежде, на «болезнь». За границей Черкесов сошелся с Герценом и Огаревым, с русской революционной эмиграцией; содействовал польским повстанцам, участвовал в издании и распространении пропагандистских листовок и брошюр, в организации транспортировки агитационной литературы. Он писал о себе Герце-

ну: «Я переехал в Цюрих слушать лекции в Политехнической школе. Но это нисколько не охладило моей ревности к другой специальности – приносить посильную пользу своему родному делу... Сделайте одолжение, пришлите мне несколько строк, удостоверяющих, что Вы меня знаете, как человека готового честно работать для русского и польского освобождения»²⁸.

Особенно сблизился Черкесов за границей с Александром Серно-Соловьевичем. Тот мучился тяжелым нервным недугом. Черкесов ухаживал за ним, помог устроиться в психиатрическую клинику.

А в Санкт-Петербурге книжное дело после ареста Николая Серно-Соловьевича повел А.А. Рихтер, его товарищ по лицу и сотрудник. Но дела шли туго. Особенно тяготила Рихтера забота о продаже дома на Обуховском проспекте. Ему было уже не до политики. На все это Рихтер жаловался в своих отчетах за границу, еще более усугубляя болезненное состояние А. Серно-Соловьевича.

Последний решил заменить Рихтера и поручил заняться судьбой магазина купцу Николаю Пестереву, близкому к революционным кругам, бывавшему у Герцена, но у того ничего не получилось²⁹. Тогда за дело взялся А.А. Черкесов. В 1863 году, переведя на счет магазина 10 000 рублей, он стал, по существу, его владельцем. А когда Рихтер сообщил, что «дела лопнули» и просил прислать кого-нибудь для их сдачи, решено было, что Черкесов рискнет вернуться в Россию³⁰: прямых улик против него у III Отделения не имелось. Тем не менее в августе 1865 года при пересечении российской границы Черкесов был арестован на Вержоловской таможне.

Как и предполагалось, Следственная комиссия не нашла юридических оснований для производства формального дознания. Сенат, в свою очередь, счел возможным освободить Черкесова на поруки, а затем и вообще освободил его от всякой ответственности, но с учреждением за ним негласного надзора. Теперь можно было братья за дела, главным из которых являлся книжный магазин.

Два года добивался Черкесов разрешения на открытие книжной торговли, и лишь в 1867 году оно было наконец получено. Он снял новое помещение на Невском проспекте (дом № 54), где ранее находился известный книжный магазин Д.Е. Кожанчикова.

За каждым шагом Черкесова неусыпно следили шпики, проникавшие под видом прислуги даже в его дом. В 1866 году III Отделение доносило, что Черкесов «самый опаснейший в настоящее время деятель в противоправительственном направлении, ибо при уме и замечательной сдержанности, он обладает большими материальными средствами»³¹.

Вскоре после возвращения из-за границы Черкесов женился на Вере Ивашевой – дочери декабриста, сосланного в Сибирь. Она помогала мужу по магазину, занималась переводами, литературным трудом.

Ее племянница О.К. Буланова-Трубникова писала в своих воспоминаниях: «Книжное дело Черкесов повел, преследуя те же цели, что и братья Серно-Соловьевичи: снабжение «здоровой книгой» студенчества и провинции по пониженным ценам, а при случае, при содействии надежных контрагентов, и распространение запрещенной литературы»³².

В 1868 году Черкесов приобрел книжный магазин в Москве, а в следующем году в Санкт-Петербурге к нему перешли библиотека и кабинет для чтения купчихи Крашенинниковой³³, унаследованные ею от Смирдина. Приказчиками в магазинах Черкесова работали нигилисты, участники подпольных обществ. Так, в петербургском магазине на Невском проспекте служил отставной инженер-поручик Василий Яковлевич Евдокимов. По отзыву III Отделения, это был «совершенный представитель типа, известного под именем «нигилист». Идеи свои Евдокимов выражал открыто и распространял всюду, в видах чего занимался легковым извозом, не нуждаясь в насущном хлебе»³⁴. Московским магазином Черкесова ведал Петр Гаврилович Успенский – участник московских революционных кружков 1860-х годов, один из учредителей тайного общества «Народная расправа», основанного С.Г. Нечаевым.

Оба книжных магазина Черкесова были предметом пристального внимания полиции и жандармерии, поскольку по донесениям соглядатаев сюда из-за границы регулярно поступали в большом количестве печатные воззвания и листовки. Время от времени в магазинах устраивались обыски. Во время одного из них на чердаке московского книжного магазина было обнаружено 95 листов с оттиском печати «Народной расправы», жестяная коробка с подушкой и синей краской для печати, свинцовый набор, составлявший фразу «Русский отдел Всемирного революционного союза, бланка для публики», и две рукописи с изложением программы революционного действия с целью поднять народное восстание весной 1870 года. И уже во время следствия в стене между книжным магазином и соседним домом обнаружили медную печать с изображением топора и надписью: «Комитет Народной расправы 19 февраля 1870 г.».

Черкесов, Успенский с женой и Евдокимов проходили в числе 152-х человек, арестованных по делу нечаевцев. 67 из них были освобождены. На свободе оказались и Евдокимов с Черкесовым. Последний продолжал заниматься пропагандистской деятельностью, торговал запрещенными книгами. Он установил связь с кружком чайковцев, членов «Большого общества пропаганды» – революционной организации народников, названной по имени его активного участника Н.В. Чайковского, поставлял им социалистическую литературу. Однако полицейские преследования Черкесова не прекратились. При обыске в его петербургском магазине в ноябре 1871 года были найдены 300 экземпляров запрещенной книги «Азбука социальных наук» В.В. Берви-Флеровского. Магазин опечатали и усилили наблюдение.

«Все более и более подтверждается, – сообщил агент III Отделения в июне 1872 года, – что Черкесов производит торговлю запрещенными книгами, которые распространяет между студентами в Петербурге и Москве»³⁵. Тем временем дела магазина шли все хуже. Для его спасения понадобилось объединить усилия единомышленников. В 1875 году в состав новой администрации вошли В.О. Ковалевский, муж Софьи Ковалевской, ученый и революционер, занимавшийся книгоиздательской деятельностью, либеральный книгопродавец Д.Е. Кожанчиков и В.Я. Евдокимов. Начиная с 1876 года в инспекторских отчетах фирма значилась под названием «Черкесов и К^о».

Это объединение было в глазах современников явлением глубоко идейным, чуждым коммерческого духа предприятием, хранителем демократических традиций 60-х годов. Публицист Г.З. Елисеев, в прошлом член «Земли и воли», писал в 1876 году: «Черкесов и Кожанчиков представляют редкое и, можно сказать, особенно счастливо комбинированное целое – и нет сомнения, что, если они будут дружно работать для общей цели, они могут вывести свои дела на хорошую дорогу»³⁶.

В 1877 году Кожанчиков умер. А спустя три года магазин Черкесова, перешедший после ликвидации Товарищества в собственность В.Я. Евдокимова, прекратил свое существование³⁷.

Кроме магазина и библиотеки на Невском проспекте, Черкесов одно время имел в собственности еще один магазин на Васильевском острове (5-я линия, 6), открытый в 1871 году, и работавшую при нем «Невскую библиотеку». Состав изданий в двух его собраниях, судя по каталогам «Невской библиотеки» за 1872 и 1874 годы, почти аналогичен.

По уточненным сведениям, «Невская библиотека» и книжный магазин перешли в руки дворянина Николая Тяпкина (ранее предполагалось, что в его собственности оказались библиотека и магазин на Невском проспекте)³⁸. Дальнейшая судьба «Невской библиотеки» не прослеживается. Возможно, ее книги перенесли в библиотеку на Невском проспекте, а заведение на Васильевском острове было закрыто³⁹.

Первая же библиотека Черкесова, клонившаяся в последние годы к упадку, стала собственностью прогрессивной издательницы О.Н. Поповой, но ее продолжали именовать Черкесовской. Попова значительно пополнила книжный фонд. В 1911 году библиотеку у наследников Поповой приобрел не чуждый демократическим идеям коммерсант Н.К. Ломковский и перевел книжное собрание на Гороховую улицу, 23. В 1919 году бывшая Черкесовская библиотека была национализирована и преобразована в Центральную коммунистическую библиотеку Петрограда (ныне Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского, наб. Фонтанки, 44).

С конца 1860-х годов Черкесов занялся издательской деятельностью. Под маркой книжного магазина он выпустил ряд ценных книг по естествознанию, медицине и социальным наукам. Издания Черке-

сова пользовались большой популярностью в передовых кругах русской интеллигенции. Он напечатал вторым изданием «Историю XVIII столетия...» Шлоссера. В первом томе «Истории...» было помещено написанное Чернышевским предисловие к первому изданию. С именем Чернышевского связана также выпущенная Черкесовым книга «Париж и провинция 2 декабря 1851. Исторические этюды Эжена Тено и рассказ о перевороте 2 декабря (Из «Истории Крымской войны» А.В. Кинглека)». Сочинение Кинглека в свое время привлекло внимание Чернышевского и послужило основанием для составления «Рассказа о Крымской войне». Этот рассказ опубликован в десятом томе полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского.

В 1868 году Черкесов выпустил книгу Эрнеста Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению». На книгу был наложен арест, а ее редактора и автора примечаний публициста П.Н. Ткачева заочно привлекли к суду (он, как и Черкесов, находился в это время за границей).

В обвинительном акте указывалось: «Социальная пропаганда в этой книге слишком ясно формулирована, даже без того замаскирования, к которому нередко прибегают к сокрытию своих предосудительных целей, г. Ткачев, не останавливаясь на достижениях Бехером своих идеалов усилиями правительственной власти, указывает беззастенчиво от своего собственного лица на необходимость насильственных переворотов. В этом случае г. Ткачев остался совершенно верен тому кружку «Современника» и «Русского слова», к которому он принадлежал, когда издавались эти два журнала, и самое имя его, в появившейся книге, не может не иметь значения известного знамени»⁴⁰. Отпечатанные листы предисловия и примечаний были по постановлению суда сожжены.

Книжный магазин Черкесова значился издателем выпущенного в 1872 году под редакцией П.А. Ефремова двухтомного собрания сочинений А.Н. Радищева, в которое вошло и «Путешествие из Петербурга в Москву», хотя и с купюрами. Ответственным за издание являлся Н.П. Поляков, против которого и возбудили судебное преследование. По-видимому, это было совместное издание, предпринятое дружественными демократическими издателями. Комитет министров запретил распространение собрания сочинений, признав его вредным, ибо оно «заключает в себе не только резкие порицания всего государственного строя и существовавшего в России в конце прошлого столетия порядка управления, но и ожесточенные нападки на такие начала и учреждения, которые и доньше составляют основы нашего государственного быта и управления»⁴¹. Оба тома собрания сочинений Радищева были уничтожены «посредством обращения в массу».

Даже книги для детей Черкесов использовал в целях просвещения в демократическом духе. Об этом свидетельствует сборник «Дет-

ские рассказы и стихотворения. Для детей от 8 до 12 лет», сочинителем которого был писатель-демократ В.И. Водовозов.

Текст рассказов сопровождался вопросами, побуждавшими ребенка задуматься о том, как и кем создаются привычные вещи, о работах наемного труда и их хозяевах, о неравенстве людей, о социальных противоречиях в окружающем его мире. Вот вопросы к рассказу «Город и деревня»: «Что значит ремесло, торговля?.. Что делают кухарка, носильщик, извозчик? Какие это люди, богатые или бедные? Какая разница между богатым и бедным?.. Так ли как ты живут крестьянские дети?»

К рассказу «Горка»: «Когда ты имеешь право назвать вещь своею? Что можно сказать про вещи, добытые без труда?» К сказке «Несмеяна-царевна»: «А прав ли был бы работник, если требовал настоящей платы за труд? Прав ли был бы хозяин, если б отказал ему в этой плате?»⁴².

Издавал магазин Черкесова и другие примечательные книги. Им были выпущены «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокая, а из произведений художественной литературы – «Русские женщины нового времени» Д.Л. Мордовцева, «Повести и деревенские рассказы» Б. Ауэрбаха, роман Ф. Шпильгагена «Молот и наковальня».

Черкесов привлекал в качестве редакторов, переводчиков и ответственных за издания видных демократов, участников тайных обществ, революционеров. Кроме уже называвшихся П.Н.Ткачева, Н.П. Полякова, В.О. Ковалевского, с ним сотрудничали И.М. Сеченов, Л.П. Шелгунова, П.Д. Баллод. Печатались все издания в типографиях, принадлежавших сочувствовавшим демократическому движению владельцам, – О.И. Баксту, Ф.С. Сушинскому, Н.А. Неклюдову, М.А. Куколь-Яснопольскому, А.М. Котомину, А.Ф. Головачеву.

Строжайший полицейский надзор за неблагонадежным Черкесовым продолжался практически до конца его дней. «Лишь под старость, – вспоминала Буланова-Трубникова, – полиция, наконец, оставила его в покое, и он снова мог устроиться мировым судьей в провинции, что было для него крайне необходимо в виду полного разорения»⁴³. По словам Е.П. Ивашевой (сказанным в беседе с автором), внушки декабриста В.П. Ивашева и племянницы В.В. Ивашевой, Черкесов в последние годы служил мировым судьей в Ковно⁴⁴ и Шавле⁴⁵. Умер он по одним источникам в 1911 году, по другим – в 1913-м.

И.П. Огрызко

Часть нынешнего Лермонтовского проспекта между каналом Грибоедова и Фонтанкой до 1859 года называлась Грязной улицей. Затем ее переименовали в Могилевскую. Здесь на углу Могилевской (ныне Лермонтовский пр.) и Канонерской улиц, в доме № 2 Петрашевского

(ныне дом № 1 по Канонерской ул.) в 1861 году было нанято помещение для типографии. Владелец типографии И.П. Огрызко поселился в этом же доме. До этого типография размещалась в Коломне, близ Аларчина моста, в доме Харламова⁴⁶.

Иосафат Петрович Огрызко родился в 1826 году в семье небогатых польских дворян – помещиков Минской губернии. Учась на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, он примкнул к польскому студенческому кружку, группировавшемуся вокруг Зигмунта Сераковского. По окончании университета Огрызко поступил на государственную службу в Департамент горных и смоляных дел. Он пользовался неограниченным доверием начальства, слыл «ревностным чиновником» и имел «большие связи в русском обществе и даже в высших его слоях»⁴⁷. В 1858 году Огрызко совершил поездку за границу, официальным мотивом которой была закупка оборудования для типографии и привлечение сотрудников и корреспондентов для организуемого в Санкт-Петербурге издания газеты на польском языке. За границей он встретился с видным польским общественным деятелем Иоахимом Лелевелем и завязал тесные связи с представителями польской революционной эмиграции.

Возвратившись в столицу, Огрызко приступил к организации типографии. С самого начала это было крупное и хорошо поставленное предприятие, оборудованное пятью скоропечатными машинами. Типография имела большой запас шрифтов на всех европейских (в том числе – на польском и русском) и даже на некоторых восточных языках. В ней можно было печатать самые различные издания – и дешевые массовые брошюры, и солидные академические труды, снабженные сложными таблицами, картами, схемами, иллюстрациями, вкладными листами, палеографические и библиографические издания.

31 января 1858 года Главное управление цензуры признало возможным позволить И.П. Огрызко издавать в Санкт-Петербурге на польском языке ежедневную газету под названием «Слово» с ежемесячным приложением «с исключением из оной частных объявлений»⁴⁸. Ведущими сотрудниками нового издания стали профессора Санкт-Петербургского университета – Балтазар Калиновский, Владимир Спасович и Антоний Чайковский, поэт Эдвард Желиговский, ученый археолог и палеограф Антоний Бялецкий, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» Юлиан Рехневский, офицеры Зигмунт Сераковский и Ян Станевич. Газета «Слово» становилась печатным органом польских патриотов, мечтавших о восстановлении независимости Польши. Ее выход был сочувственно встречен как в рядах польской прогрессивной общественности, так и в среде русской революционной демократии. Однако существование газеты было недолгим. Неожиданно по личному повелению Александра II подвергся конфискации 15-й номер «Слова», а 26 февраля 1859 года появилось «высочайшее

повеление»: «Выдаваемую в С.-Петербурге г. Огрызко газету на польском языке «*Słowo*» воспретить издавать»⁴⁹. Поводом для этой крутой меры послужило опубликование газетой письма Иоахима Лелевеля, главного идеолога польского национально-освободительного движения, снабженное редакционным примечанием, в котором редакция благодарила «нашего отца истории» за оказанную честь и просила его «благословения на дальнейшем пути жизни и труда»⁵⁰.

Огрызко взяли под стражу и заключили в Петропавловскую крепость. Его арест получил широкую огласку, так как это был первый факт подобного рода в царствование Александра II. Из уста в уста передавался экспромт Н.А. Некрасова: «Плохо, братцы, беда близко, арестован уж Огрызко». Под давлением общественного мнения и в результате заступничества достаточно влиятельных лиц царю пришлось дать указание об освобождении издателя газеты. «Давно ли было дело Огрызки, – комментировал «Колокол» действия Александра II, – оно всех удивило и всего больше государя. Он был поражен своей жестокостью, реакционностью и, покраснев до ушей, велел выпустить Огрызку»⁵¹.

Типография Огрызко продолжала работать и приобрела широкую известность в столице. К ее услугам охотно обращались многие министерства и ведомства, различные научные организации, в том числе и Академия наук. За время ее существования из типографии Огрызко вышло более 100 названий книг самого разнообразного содержания. Все они имели большую научную ценность. Среди наиболее примечательных изданий, предпринятых Огрызко, следует назвать ряд томов «Всемирной истории» Ф.К. Шлоссера, издававшейся братьями Серно-Соловьевичами под редакцией Н.Г. Чернышевского; труды по народному просвещению К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова, их последователя педагога А.Г. Филонова, книги для народного чтения популярного в те годы писателя, члена «Земли и воли» А.Ф. Погосского.

Печатал Огрызко и художественную литературу, книги по естествознанию и технике. В числе осуществленных им изданий – первое собрание сочинений Н.А. Добролюбова, подготовленное к печати Н.Г. Чернышевским, а также очерк П.А. Бибикова «О литературной деятельности Н.А. Добролюбова», изданный на средства Н.А. Серно-Соловьевича.

Особый интерес представляют издания по социально-политическим вопросам, в частности, по крестьянскому, отстаивающие идеи освобождения крестьян с землей. Ряд изданий был напечатан на польском языке. Это «Литературный сборник» в двух томах, составленный из произведений известных польских писателей и историков (К. Левальда, Я. Станевича, В. Сырокомли, И. Корженевского, И. Шейноха, Ю. Бартошевича, Ф. Скарбка, С. Лагуна и других авторов). В 1859–1860 годах Огрызко издал свод польских древних законов

«*Volumina Legum*» в восьми томах. В типографии Огрызко печатались такие известные русские журналы, как «Архитектурный вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Горный журнал», «Народная беседа» и «Солдатская беседа» А.Ф. Погосского.

Арест не повлиял на Огрызко, который и после освобождения из Петропавловской крепости продолжал заниматься активной противоправительственной деятельностью. Он установил связи с Польским центральным комитетом в Варшаве и получил назначение быть его агентом в Санкт-Петербурге. Огрызко был также тесно связан с «Землей и волей», участвовал в тайных переговорах между польской и русской революционными организациями в 1862 году.

В начале 1860-х годов типография Огрызко стала своего рода полиграфической базой польского и русского революционного движения. За деятельностью типографии был установлен тайный жандармский надзор. Агентура III Отделения доносила, что в типографии «хотя работы и мало, но когда она бывает, то всегда очень спешная. В наборщики или типографщики, как говорят, туда попасть весьма трудно; надо иметь особую и надежную рекомендацию»⁵². По свидетельству современников и по данным III Отделения, в типографии Огрызко тайно печатались русские и польские прокламации, в том числе знаменитая прокламация-газета «Великоросс». В период январского восстания 1863 года И.П. Огрызко напечатал для нужд польских повстанцев двумя изданиями брошюру об оказании первой помощи раненым.

Связь И.П. Огрызко с польскими и русскими революционными кругами не осталась незамеченной III Отделением: оно давно уже обратило внимание на «странное» поведение видного петербургского чиновника. Когда однажды публицист консервативного толка князь В.П. Мещерский при встрече с шефом жандармов князем В.А. Долгоруковым выразил свое изумление по поводу поведения И.П. Огрызко, Долгоруков лишь усмехнулся в ответ: «Мы знаем больше вас про Огрызко, – сказал князь по-французски, – но что прикажете нам делать, когда министр финансов его берет в свои вице-директоры»⁵³. Как крупный государственный чиновник, обладавший широкими связями, И.П. Огрызко был близок к так называемому «либеральному кругу» высшей петербургской аристократии, к которому, в частности, принадлежали В.А. Долгоруков, П.А. Валуев (министр внутренних дел), а также генерал-губернатор Санкт-Петербурга А.А. Суворов. Многие факты говорят о том, что И.П. Огрызко умело пользовался покровительством властей, оставаясь в течение довольно длительного времени недостижимым для полиции.

В типографии Огрызко часто бывали Н.Г. Чернышевский и Н.А. Серно-Соловьевич. Чернышевский относился к Огрызко с большим уважением, ценил его деятельность, его организаторские способности. В свою очередь, Огрызко также питал добрые чувства к выдающемуся рус-

скому литератору, глубоко уважал его. Уже будучи в ссылке, терпя нужду и лишения, Огрызко проявлял заботу о Чернышевском, помещенном в тот же острог в Вилуйске, в котором до него содержался Огрызко. Он писал в 1874 году своим друзьям в Санкт-Петербург: «Подумайте... нельзя ли как-нибудь помочь человеку, занявшему мое место, хотя в сравнении со мной он и пользуется там гораздо большей свободой, но одиночество и климат действуют на него, я это знаю, убийственно. Неужели нет никакой возможности выхлопотать для него перевод хотя бы на один градус южнее?»⁵⁴.

И.П. Огрызко поддерживал тесные контакты с Н.А. Серно-Соловьевичем и его книжным магазином на Невском проспекте, где на видном месте висело объявление о продаже польских изданий Огрызко. В свою очередь обширный проспект об открытии книжного магазина Н.А. Серно-Соловьевича был напечатан в типографии Огрызко. Здесь же печатались и некоторые издания, предпринятые братьями Серно-Соловьевичами и другими демократическими петербургскими издателями.

Судьба И.П. Огрызко была не менее трагичной, чем судьба его друзей – Чернышевского и Серно-Соловьевича. За участие в революционном движении Огрызко в 1865 году был судим и приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги. Из Сибири он уже не вернулся. Умер Огрызко в Иркутске в 1890 году.

Еще до ареста, в конце 1863 года, Огрызко продал свою типографию титулярному советнику В.А. Рогальскому и «провизору фармации» Ф.С. Сущинскому, каждому в равной части. Продажа типографии объяснялась, по-видимому, политическими соображениями – началом реакции, поражением польского восстания, широкой волной репрессий против его участников и пособников, арестами руководителей «Земли и воли».

В.А. Рогальский недолго оставался совладельцем типографии – уже в 1865 году он перепродал свою часть прав на типографию Ф.С. Сущинскому.

Ф.С. Сущинский

Фердинанд Семенович Сущинский (1827–1890) был связан с польскими и русскими прогрессивными кругами в Санкт-Петербурге. Его жена Ф.А. Сущинская оказывала активное содействие польским повстанцам, за что была осуждена и приговорена к ссылке в Сибирь, но затем ссылку заменили бессрочным особым гласным надзором⁵⁵.

Сущинский не только унаследовал типографское заведение Огрызко, но и продолжил дело «идейного» книгоиздательства. Когда в 1866 году, после покушения Каракозова на Александра II, усилились гоне-

ния на печать, в числе тех издательско-полиграфических предприятий, которые подверглись репрессиям, оказалась и типография Сущинского. По приказанию петербургского обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова типография была закрыта, «вследствие отзыва управляющего III Отделением... о том, что провизор Сущинский человек вполне неблагонамеренный»⁵⁶. Сущинскому, остававшемуся под надзором полиции, удалось, однако, добиться открытия типографии, а в 1873 году он открыл на имя своей жены библиотеку для чтения. В конце 70-х годов супругам разрешили открыть при библиотеке книжную торговлю. Торговля производилась также и в магазине при типографии Сущинского, которая была переведена на новое место – Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова), № 178 (по другим источникам – № 168).

В 1860–1870-х годах здесь печатались разнообразные сочинения по социальным и естественным наукам, по вопросам просвещения, беллетристика, справочные издания, календари, библиографические указатели. Сущинский сохранил связи со многими авторами, которые печатались у Огрызко (В.И. Водовозов, К.Д. Ушинский, А.Г. Филонов, В.Л. Спасович, М.М. Стасюлевич и другие). В числе постоянных клиентов Сущинского были видные представители демократического дела в Санкт-Петербурге – В.О. Ковалевский, А.А. Черкесов, Ф.Ф. Павленков, М.П. Наденин, Н.П. Поляков, Н.В. Гербель, О.И. Бакст, Д.Е. Кожанчиков, участники освободительного движения 1860-х годов Ф.Д. Гриднин и И.А. Рождественский. К услугам типографии Сущинского обращались также издатели М.О. Вольф и К.Л. Риккер. В качестве переводчиков и редакторов книг, печатавшихся Сущинским, выступали Д.И. Писарев, М.А. Антонович, П.Д. Баллод, прогрессивная общественная деятельница М.К. Цебрикова, А.Л. Михайлов (Шеллер), писательница Н.А. Белозерская, то есть деятели демократического лагеря и близкие к нему лица. Не приходится удивляться, что многие книги, печатавшиеся в типографии Сущинского, подвергались арестам и уничтожению, среди них – «Кто виноват?» Герцена, сочинения Д.И. Писарева, «История февральской революции» Луи Блана, «П. Марат – друг народа» французского публициста, деятеля Парижской Коммуны О.Ж. Вермореля, «Положение рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровского (в издании Н.П. Полякова, см. с. 234, 243–245) и другие.

Типография Сущинского продолжала работать под его руководством до 1890 года, оставаясь одной из крупнейших в Санкт-Петербурге. К этому времени ее оборудование состояло из одной паровой машины, четырех скоропечатных и двух ручных станков. В типографии имелось 182 реала и 917 пудов шрифта и было занято 23 рабочих⁵⁷.

После смерти Ф.С. Сущинского в 1890 году предприятие перешло к известному петербургскому типографу Р.Р. Голике, отец которого, Р.Б. Голике, открыл свое дело еще в 1852 году (на Большой Садовой

ул., 16, квартира 54). С 1903 года в деле участвовал А.И. Вильборг, имевший художественную фототипию и цинкографию на Мещанской (ныне Гражданской) улице, 2. Действуя как акционерное общество, «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» специализировалось на выпуске дорогостоящих высокохудожественных изданий и приобрело известность своими книгами по искусству («Русская школа живописи» и «Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны» А.Н. Бенуа) и роскошно иллюстрированными изданиями сочинений русских классиков: «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого с иллюстрациями Е.Е. Лансере, «Пиковая дама» А.С. Пушкина с иллюстрациями А.Н. Бенуа и другие. Всего им было издано около 50 названий. На базе типографии «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг», помещавшейся на Звенигородской улице, 11, издавались художественно-литературные журналы «Аполлон» (1909–1917) и «Мир искусства» (1899–1904). Товарищество, являвшееся одним из лучших полиграфических предприятий России, удостоилось звания поставщика императорского двора. После революции типография «Р. Голике и А. Вильборг» была национализирована и получила название 15-й Государственной типографии. В день пятилетия Советской власти, 7 ноября 1922 года ее переименовали в типографию им. Ивана Федорова.

Н.Л. Тиблен

В конце 50-х–начале 60-х годов XIX века известной фигурой в столице был молодой издатель и владелец типографии Николай Львович Тиблен (1825 – ?). Родился он в Санкт-Петербурге, в семье архитектора Льва Тиблена, француза итальянского происхождения, служившего при дворцовом управлении. Мать Николая Тиблена была француженкой. Не окончив гимназического курса, Тиблен поступил в Михайловское артиллерийское училище. Принимал участие в Крымской войне, в одном из сражений был контужен. После возвращения в столицу вышел в отставку и поступил на службу в Министерство внутренних дел секретарем Департамента общих дел. По выходе в отставку с этой службы, Тиблен открыл на Васильевском острове типографию (8-я линия, 25). Средствами для этого он обладал достаточными, так как, женившись на дочери известного врача Карла Задлера (который первым из докторов был приглашен к постели смертельно раненного Пушкина), получил 30 тысяч рублей приданого.

По свидетельствам современников, типография Тиблена представляла собой большое по тем временам предприятие, оснащенное тремя скоропечатными машинами⁵⁸. В феврале 1861 года она перешла к сыну К. Задлера – Егору, а с июля 1863 года распорядителем типографии стал сам глава семьи – Карл Карлович Задлер⁵⁹. При типогра-

фии имелась также литография; все заведение именовалось фирмой «Николай Тиблен и К^о». Передав управление типографией родственникам, Тиблен сосредоточил все свое внимание на издательской и общественной деятельности.

В начале 1860-х годов широкую известность приобрели устраивавшиеся им литературные вечера, частым посетителем которых был член «Земли и воли», будущий книгоиздатель Л.Ф. Пантелеев. У Тиблена собиралось крайне разнообразное общество, но преимущественно профессора, литераторы, университетская молодежь. На этих вечерах Пантелеев встречал Н.Г. Чернышевского, Н.И. Костомарова, П.Л. Лаврова, издателя «Химического журнала» Н.Н. Страхова, ученого-химика Н.Н. Соколова, А.Н. Энгельгардта, публициста Н.В. Соколова (впоследствии автора «Отщепенцев»), редактора-издателя журнала «Время» М.М. Достоевского, украинского писателя П.А. Кулиша и других.

Л.Ф. Пантелеев вспоминал: «Если на вечерах у Штакеншнейдера (архитектора. – *И.Б.*) еще сказывался тон старого общества – иные приходили даже во фраке, – то у старого Тиблена уже царили начинавшие тогда проявляться простота и непринужденность. Общих разговоров обыкновенно не было, а все разбивалось на небольшие группы»⁶⁰.

Имя Тиблена значится наряду с именами Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова, А.Н. Пыпина, П.П. Пекарского и других известных ученых, писателей и журналистов в «Книге для записи добровольных пожертвований на сооружение В.Г. Белинскому надгробного памятника, предпринятое женою покойного, под распоряжением К.Т. Солдатенкова и В.И. Касаткина», хранящейся в Рукописном отделе архива Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)⁶¹.

Тиблен, совместно с А.А. Серно-Соловьевичем, был распорядителем скандально знаменитого вечера, устроенного 2 марта 1862 года в зале Руадзе (современный адрес – набережная реки Мойки, 61). На этом вечере с чтением своих произведений выступили Н.Г. Чернышевский, поэт В.С. Курочкин, а профессор П.В. Павлов прочитал речь о тысячелетии России, за которую вскоре был сослан в Ветлугу⁶².

Деятельность Тиблена на общественном поприще довольно скоро привлекла к себе внимание III Отделения. Николай Тиблен находился в сношениях с «лондонскими агитаторами» – Герценом и Огаревым, а по словам литератора А.П. Пятковского, наборщики типографии Тиблена распространяли по городу антиправительственные воззвания⁶³. Н.Л. Тиблен попал в «черный» список лиц, у которых весной 1862 года предполагалось сделать «одновременный строжайший обыск». Против фамилии Тиблена значилось: «На него падает подозрение в распространении и даже печатании воззваний»⁶⁴. Типогра-

фия Тиблена, наряду с типографией Огрызко, считалась одним из вероятных поставщиков наборного материала для «Великорусса» и некоторых других нелегальных изданий начала 1860-х годов. О радикальных настроениях Тиблена свидетельствует и его выступление с речью на похоронах Н.А. Добролюбова. Чернышевский вынужден был даже останавливать его несколько раз за резкие выпады против врагов умершего критика⁶⁵.

На издательском поприще Тиблен выступил как один из первых петербургских «идейных» издателей. По мнению Г.З. Елисеева, «способный, деятельный, предприимчивый, Тиблен стоял в уровень со своим временем не только как книгопродавец, но и как издатель, отличавшийся тактом в выборе сочинений для издания»⁶⁶. Он публиковал сочинения западноевропейских мыслителей, историков, философов, социологов – Ф. Гизо, Т.Б. Маколея, Г.Т. Бокля, немецкого философа К. Фишера, английского философа Г. Спенсера, французского экономиста Ж.Г. Курсель-Сенеля, английского экономиста Д.С. Милля, бельгийского экономиста Г. Молиари, французского публициста А. Карреля, Ж.-Ж. Руссо и других. С сочинениями этих авторов русский читатель часто впервые ознакомился именно благодаря изданиям Тиблена.

Вторая линия издательской деятельности Тиблена была связана с пропагандой передовой русской общественной мысли и литературы. Он издавал сочинения Н.И. Костомарова («Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях»), лекции профессора Д.И. Мейера («Русское гражданское право»). В 1862 году Тиблен осуществил первое полное (без купюр) издание «Горя от ума» с иллюстрациями М.С. Башилова и в том же году выпустил второе исправленное издание гениальной комедии Грибоедова по рукописи, принадлежавшей другу писателя А.А. Жандру и правленной автором. Высоко оценил тибленовское издание известный книговед А.А. Сидоров: «Иллюстрированное Башиловым «Горе от ума» превосходно по живости, по наглядности и реалистической убедительности»⁶⁷. Тиблен выпустил также второе издание книги Марко Вовчка «Повістки» (1861) и популярный поэтический сборник «Русская лира», составленный из стихотворений А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, И.С. Никитина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Полежаева, Н.П. Огарева, Ф.И. Тютчева и других известных поэтов.

Тиблен, подобно другим издателям демократического лагеря, проявлял интерес к естественным наукам. Им были изданы книги английского биолога, соратника Ч. Дарвина Т.Г. Гексли «О положении в ряду органических существ», «Анатомия человеческого тела» немецкого биолога, основоположника клеточной теории Т. Шванна, «Учение о здоровье» немецкого врача О. Шраубе. В 1864 году Тиблен выпустил отдельным изданием «Беседы о земле, воздухе и разных тва-

рях» профессора А.Н. Бекетова, предназначенные для читателя из народа.

Высокую оценку получила издательская деятельность Тиблена из уст Н.Г. Чернышевского, периодически выступавшего с рецензиями на выпущенные им книги. «В последнее время, – писал Чернышевский, – стали являться у нас издатели, каких прежде не было: люди, по своим знаниям могущие вполне судить о достоинствах издаваемых ими книг, и притом совершенно добросовестные в выборе книги для издания. Первого из таких издателей нашла литература в г. Тиблене. Нет надобности говорить, какую пользу книжному делу приносит издательская предприимчивость, когда находится в соединении с такими качествами»⁶⁸. В своей издательской практике Тиблен руководствовался указаниями Н.Г. Чернышевского, прислушивался к его мнению и советам.

Артиллерист, участник обороны Севастополя, Тиблен охотно печатал в своей типографии книги по военному искусству, по артиллерийскому делу. Им были изданы «Описание обороны г. Севастополя» и «Осада Севастополя 1854–1856». В типографии «Н. Тиблен и К^о» печатался «Оружейный сборник», который издавали В.Н. Бестужев-Рюмин и В.Л. Чебышев, «Артиллерийский журнал» и «Инженерный журнал». В начале 1860-х годов в типографии Тиблена печатался революционно-демократический журнал «Русское слово», издававшийся Г.А. Кушелевым-Безбородко, украинофильский журнал «Основа», а также детские и юношеские «временные» издания – «Час досуга» и «Калейдоскоп». В 1868 году Тиблен предпринял издание периодических «Сборников произведений новых писателей» и журнала «Современное обозрение». Создание нового печатного органа было связано с попыткой объединить публицистов демократического лагеря после закрытия правительством «Современника» и «Русского слова». В журнале «Современное обозрение» сотрудничали А.А. Слепцов, П.Л. Лавров, Н.К. Михайлов, Н.А. Демерт, П.А. Ровинский, П.А. Ефремов, А.Н. Энгельгардт, П.И. Якушкин, А.Н. Пыпин и другие известные литераторы, ученые, публицисты.

Накопившиеся долги привели к тому, что с осени 1863 года управление типографией «Н. Тиблен и К^о» принял на себя член «Земли и воли» Л.Ф. Пантелеев, который затем арендовал ее совместно с Н.А. Неклюдовым и В.О. Ковалевским. Вместе со своей женой он жил в доме, где помещались издательство и типография Тиблена. Другой член «Земли и воли» А.А. Жук, женатый на сестре Тиблена, одно время управлял его книжным магазином. Он также жил в доме Задлера⁶⁹.

В 1864 году Неклюдов совместно с Пантелеевым и В.О. Ковалевским арендовал типографию «Н. Тиблен и К^о». С 1865 года, после ареста Пантелеева, он стал ее владельцем⁷⁰ (см. с. 199–204), а в 1868

году Н.Л. Тиблен неожиданно уехал за границу. По-видимому, причины разорения и отъезда Тиблена следует искать в том неблагоприятном положении, в котором находилось демократическое книжное дело в конце 1860-х годов. Постоянные цензурные и полицейские преследования, слежка, штрафы, конфискации, аресты, угрозы – все это делало «идейное» книжное дело занятием малоприбыльным, рискованным, ненадежным. Обыгрывая то обстоятельство, что в Санкт-Петербурге так называемые «либеральные» книжные магазины (Печаткина, Черкесова, Яковлева, Кожанчикова и других) оказались расположенными на солнечной стороне Невского проспекта, известный публицист-демократ Г.З. Елисеев в статье «Либеральные книжные магазины» писал: «...Основывать книготорговлю здесь (на солнечной стороне. – И.Б.) небезопасно, равно как небезопасно иметь дела с теми, кто здесь основывает свою торговлю»⁷¹.

25 января 1869 года Н.С. Лесков писал П.К. Шебальскому: «Носятся слухи, что сбежавший редактор Тиблен «был виден» в Нью-Йорке, где он намеревался издать какую-то книгу о России»⁷². «Бедному малому, как я потом слышал, очень плохо приходится за границей», – писал о Тиблене Н.К. Михайловский⁷³.

7 августа 1869 года Тиблен составил в Берлине прошение, в котором доверял Н.П. Полякову ходатайствовать об утверждении в качестве нового редактора «Современного обозрения» его самого или какого-либо другого лица по его выбору⁷⁴. 17 августа 1869 года, получив доверенность Тиблена, Н.П. Поляков обратился в цензуру со следующим письмом: «Представляя при сем прошение редактора-издателя журнала «Современное обозрение» коллежского секретаря Николая Тиблена, засвидетельствованное в императорской миссии в Швеции, я покорнейше прошу Главное управление по делам печати возвратить мне залог по прекратившемуся журналу «Современное обозрение», право собственности на который передано мне представляемым прошением»⁷⁵. В ответ на это письмо Полякову сообщили, что залог 2540 рублей уже выдали другому поверенному Тиблена – присяжному стряпчему Е.П. Печаткину – осенью 1868 года⁷⁶.

Таковы последние документы, относящиеся к периоду эмиграции Тиблена. О какой-либо дальнейшей деятельности Тиблена за границей, как и вообще о его дальнейшей судьбе, ничего не известно. Скорее всего он отошел от всякой политической жизни. В то же время упомянутые выше документы свидетельствуют о прочных связях Тиблена с Печаткиным и Поляковым, единомышленниками и соратниками по книжному делу.

Н.А. Неклюдов

Как уже говорилось, типография Н.А. Тиблена перешла в 1865 году под управление Николая Адриановича Неклюдова (1840–1896). Впоследствии видный криминалист, обер-прокурор Сената и товарищ министра юстиции, в начале 1860-х годов Неклюдов был одним из активных деятелей демократического движения в Санкт-Петербурге. По свидетельству А.Ф. Кони, Неклюдов одно время учился в Пензенской гимназии, где преподавал И.Н. Ульянов, отец В.И. Ленина и, по утверждению того же Кони, «любимый учитель» Неклюдова⁷⁷.

Поступив на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, Неклюдов затем перешел на юридический факультет и окончил его в 1863 году. Большое влияние на формирование его взглядов оказал профессор К.Д. Кавелин – глава русского либерализма 60-х годов. В 1861 году во время студенческих беспорядков Неклюдов был в числе «вожачков». Наиболее полные сведения об этом периоде его жизни содержатся в «Воспоминаниях» Л.Ф. Пантелеева. По утверждению Пантелеева, Неклюдов являлся непременным участником всех значительных студенческих демонстраций, входил в состав комиссии, избранной для выработки устава студенческой корпорации⁷⁸. За участие в студенческих выступлениях Неклюдов осенью 1861 года был подвергнут аресту и заключен в Петропавловскую крепость⁷⁹.

Как и других активных участников студенческих беспорядков, его исключили из университета, но все же дали возможность сдать выпускные экзамены. Весной 1862 года Неклюдов выехал за границу для продолжения занятий по уголовному праву. Получить заграничный паспорт помог ему генерал-губернатор Санкт-Петербурга князь А.А. Суворов, известный своими либеральными взглядами.

Осенью того же года Неклюдов прибыл в Гейдельберг, где слушал лекции и занимался статистикой, посещал знаменитую читальню, устроенную братьями Бакстами. В апреле 1863 года он переехал в Берлин и учился некоторое время в Берлинском университете на естественном и юридическом факультетах, а в марте 1864 года уже обосновался в Париже, где работал над своей магистерской диссертацией «Уголовно-статистические этюды». В августе 1864 года Неклюдов вернулся в Санкт-Петербург.

Выше уже упоминалось, что в 1864 году он совместно с Пантелеевым и В.О. Ковалевским арендовал типографию «Н. Тиблен и К^о», а с 1865 года, после ареста Пантелеева, стал ее владельцем⁸⁰. Впервые имя Неклюдова на отпечатанных здесь изданиях появилось в 1865 году. При этом в выходных сведениях указывалось: «Типография Н. Тиблена и К^о (Неклюдова)». В дальнейшем, вплоть до отъезда Тиблена за границу, его фамилия продолжала фигурировать в выходных сведе-

ниях книг, напечатанных Неклюдовым. Затем, до 1872 года, когда Неклюдов перепродал типографию кронштадтскому мещанину Евсею Мордуховскому⁸¹, указывалась только фирма Неклюдова, иногда с оговоркой в скобках: «бывшая Тиблена и К^о».

Типография Тиблена и К^о (Неклюдова) на всем протяжении ее существования являлась предметом бдительного полицейского – явного и тайного – надзора. Этот надзор особенно усилился после 1866 года в связи с покушением Каракозова на Александра II⁸².

Неклюдов вел дело в одном с Тибленом направлении. Об этом свидетельствуют как осуществленные им издания, так и книги, напечатанные в принадлежавшей ему типографии. Как издатель, Неклюдов фигурировал лишь на нескольких вышедших из его типографии книгах. Это лекции Р. Вирхова «О воспитании женщины согласно ее призванию» (1865), «Учебник уголовного права» А.Ф. Бергера (1865), Р. Вирхов, К. Бернар, Я. Молешотт, Пидеритт, А. Вагнер «Общий вывод положительного метода» (1866), «Этюды философические. I. Смысл истории. II. Дух и материя» (1865), К. Бернар «Лекции физиологии и патологии нервной системы» (1866), «Краткий очерк истории философии права» А. Гейера (1866), «Руководство к социальной науке» Г.Ч. Кэри (1866, совместно с кн. Л.Н. Шаховским⁸³), «Учебник психологии» С. Автократова (1866), «Теория вексельных курсов» Г. Гёшена (1867), «Огюст Конт и положительная философия» Д.Г. Льюиса и Д.С. Милля (1867, совместно с Н.Л. Тибленом). К этому перечню следует прибавить принадлежавшие перу самого Неклюдова «Уголовно-статистические этюды» (1865).

Основное место в печатной продукции типографии Тиблена и К^о (Неклюдова) занимали сочинения философского, исторического и естественнонаучного характера. Среди последних – серьезные труды по физиологии, анатомии, химии, зоологии, геологии, геодезии и т. п., научно-популярные издания, книги, предназначавшиеся для самообразования (Т.Г. Гексли, В. Вундт, Ч. Ляйелл, А.Э. Брем и другие). В числе работ русских авторов в этом ряду нельзя не назвать магистерскую диссертацию А.О. Ковалевского «История развития *Amphioxus Laucolatus* или *Brachiostoma Lubricum*» (1865) и книгу Н. Шухвостова «Основные начала рационального сельского хозяйства, примененные к северной полосе России» под редакцией Д.И. Менделеева (1869).

Вторую по численности группу составляли произведения художественной литературы и историко-литературные труды, книги по военному делу, учебная и справочная литература. В типографии Тиблена и К^о (Неклюдова) печатались многие издания, подготовленные деятелями демократического лагеря и близкими к нему людьми: А.Н. Пыпиным, В.О. Ковалевским, О.И. Бакстом, Н.П. Поляковым, Е.И. Лихачевой и А.И. Сувориной, Н.П. Баллиным, А. Заленским и В. Любарским, П.А. Гайдебуровым, В.Д. Спасовичем, В.А. Зайцевым, П.И. Вейн-

бергом, С.И. и В.И. Ламанскими, С.Н. Ткачевой, Н.И. Билибиним, А.А. Черкесовым, Е.П. Печаткиным, А.С. Гиероглифовым, Ф.Ф. Павленковым. В качестве редакторов и переводчиков привлекались участники нелегальных и полуправильных кружков – Н.С. Курочкин, В.А. Зайцев, М.Ф. Негрескул, Л.Н. Симонов, Л.Н. Шаховской и другие.

В типографии Неклюдова было напечатано второе издание магистерской диссертации Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», осуществленное А.Н. Пыпиным в 1865 году. Работа вышла без указания имени автора. Здесь же увидело свет первое собрание сочинений Д.И. Писарева в издании Ф.Ф. Павленкова.

В числе напечатанных в типографии Тиблена и К^о (Неклюдова) изданий – несколько литературных сборников для детей и юношества. Так, в 1866 году вышел в свет сборник «Между делом», составленный из рассказов, стихотворений и статей научно-популярного характера. В него вошли отрывки из произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Плещеева, Никитина, Тютчева, Фета, Льва Толстого, Островского, Левитова, Марко Вовчка, Сырокомли, научно-популярные рассказы по Брему, Россмеллеру, Вундту, а также отрывки из сочинений Н.И. Костомарова, С.В. Максимова, Д.Б. Мертвого («Пугачевщина»). Подбор произведений был осуществлен таким образом, чтобы внушить детям любовь к родине и свободе, содействовать их материалистическому и атеистическому воспитанию. Автором сборника «Полезные занятия для детей», вышедшего из типографии Неклюдова в 1870 году, был участник революционного подполья 1860-х годов И. (Джон) Герд.

В 1869 году из типографии Тиблена и К^о (Неклюдова) вышла «Карманная книжка сравнительной статистики (сравнительного описания) России, с картою промышленности и железных дорог Европейской России». Сочинение это принадлежало перу профессора П.В. Павлова. Издатели воспользовались случаем, чтобы напомнить читателю имя человека, пострадавшего за свои прогрессивные убеждения. На обложке «Карманной книжки» рекламировались вышедшие еще в начале 1860-х годов такие известные работы Павлова, как «Тысячелетие России» и «Об историческом значении царствования Бориса Годунова».

Книги, печатавшиеся в типографии Тиблена и К^о (Неклюдова), встречали серьезные цензурные препятствия, подвергались аресту, конфискации и уничтожению. Так, были уничтожены следующие издания (в хронологии постановлений): «Всякие. Очерки современной жизни» А. Бобровского (1866), «Семейство. Мать» Е. Пеллетана (1866), «Левиафан» Т. Гоббса (1863), «Философия истории» Вольтера (1863), «Записки декабриста» А.Е. Розена (1870), «О причинах упадка Франции. Из сочинений П.Ж. Прудона и А.И. Герцена» (1871),

«Сочинения А.Н. Радищева» (1872), «Романы и повести» Д. Дидро (1872), «Социальная статистика» Г. Спенсера (1872)⁸⁴.

Другие книги хотя и не были уничтожены, но подвергались тем не менее цензурному преследованию – конфискации, изъятиям из продажи. Это «История французской революции» О. Минье, «Душа человека и животного» В. Вундта, «История крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Пролетариат во Франции» А.Д. Михайлова. Одной из первых книг, конфискованных в типографии Тиблена и К^о (Неклюдова), стали «Всякие. Очерки современной жизни» А. Бобровского⁸⁵. Автором и издателем книги в действительности являлся А.С. Суворин, будущий знаменитый книгоиздатель, а в те годы – журналист, сотрудник «Современника», «Отечественных записок» и других столичных общественно-политических журналов демократического направления. В глазах властей Суворин в это время был личностью явно неблагонамеренной. «В 3-м Отделении частным образом известно, – докладывал шеф жандармов Н.В. Мезенцов, – что Суворин в политическом отношении крайних убеждений»⁸⁶.

Книга «Записки декабриста. Материал для истории возмущения 14 декабря 1825 г. и участников его» – сочинение барона А.Е. Розена, была отпечатана в типографии Тиблена и К^о без предварительной цензуры тиражом в 1800 экземпляров и представлена в Цензурный комитет 24 октября 1869 года. В предисловии издатель книги А.С. Гиероглифов указывал, что «Записки декабриста» представляют собой перевод отпечатанного в Лейпциге в 1869 году сочинения «*Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen*», дозволенного к обращению в России. Цензурный комитет не нашел в ней ничего противоречащего цензурным установлениям. Однако министр внутренних дел А.Е. Тимашев уже 25 октября 1869 года распорядился о приостановлении распространения книги «в публике» и о немедленном ее аресте «во исполнение объявленной ему графом Шуваловым высочайшей воли»⁸⁷.

Журналист-демократ А.С. Гиероглифов был также издателем книги «О причинах упадка Франции. Из сочинений П.Ж. Прудона и А.И. Герцена. Т. 1. Политические противоречия П.Ж. Прудона. Т. 2. Мнение и заметки о Франции А.И. Герцена», отпечатанной в типографии Неклюдова в 1871 году и частично уничтоженной «по высочайшему повелению».

Пропагандистским духом была отмечена вышедшая из типографии Неклюдова в 1870 году брошюра В.И. Водовозова «О том, как стал Петербург и откуда пошла русская наука (жизнь и дела Петра Великого)». История русского государства представлена в ней как постепенное, со временем все усиливавшееся закрепощение народных масс, крестьянства. «Под тяжелым гнетом... неправды, – писал Водовозов, – народ становился глух и равнодушен ко всяким улучшениям, упорствовал и в своем старом невежестве»⁸⁸.

Воздавая должное Петру I, его государственному гению, его разно-сторонней реформаторской деятельности, Водовозов в то же время отнюдь не идеализировал «царя-плотника». О введенной Петром подушной подати он писал, что она «была очень тягостна для народа»; «власть помещиков над крестьянами, вследствие подушной переписи усилилась»⁸⁹. Водовозов осудил также жестокости Петра, которые «были ошибкою и не повели к цели». Говоря об Астраханском мятеже и восстании под руководством Булавина, Водовозов расценивал их как ответ народа на усиление эксплуатации. Хотя при Петре, благодаря его заботам, наука сделал успехи, «простой... народ, – писал Водовозов, – как есть оставался безграмотным»⁹⁰.

Хорошо знавший Неклюдова юрист В.Д. Спасович писал: «Его друзья внушили ему баллотироваться в столичные мировые судьи, из судей он поступил в председатели съезда, сделался высоким чиновником в Министерстве юстиции. Если и после того он издавал еще книги от времени до времени, то эти книги имеют главным образом практический характер, они представляют громадные труды исторического и юридического сырца и содержат в себе великолепную, порою весьма редкую, критику наших законов и порядков»⁹¹.

В 1869 году началась профессорская деятельность Неклюдова – его пригласили читать уголовное право в военно-юридической академии. По словам современников, он был «выдающимся профессором», любимцем слушателей. «Законник» – так характеризовал его академик права В.Д. Кузьмин-Караваев⁹².

Шаг за шагом шел Неклюдов «по ступеням лестницы, ведущей к вершинам власти и государственного управления»⁹³. Говоря о Неклюдове – крупном государственном чиновнике, Спасович писал: «Я уверен, что в существе своем он оставался прогрессивным человеком, я уверен, что несмотря на свой властный порывистый темперамент (*temperament autoritaire*) в нем была еще закваска того либерализма, которым мы некогда гордились, пока само наименование не превратилось чуть ли не в бранное слово. По странной иронии судьбы он умер именно тогда, когда, по-видимому, есть некоторые порывы к иному и к лучшему»⁹⁴.

Судьба сыграла с Неклюдовым еще одну злую шутку. Именно ему было поручено выступить обвинителем по делу 1 марта 1887 года о покушении на царя А.И. Ульянова и его товарищей из террористической фракции партии «Народная воля». Характеризуя поведение Неклюдова на суде, А.Ф. Кони писал: «Хотя последний (Неклюдов. – И.Б.) уже давно положил право руля и в своих законодательных и кассационных заключениях поплыл по фарватеру, проложенному грубым и близоруким «миротворцем» (Александром III. – И.Б.), но тем не менее он, нервный и впечатлительный, не мог отрешиться от лучезарного прошлого своей юности. Автор не допущенной к защите

диссертации «Уголовно-статистические этюды», издатель Милля и Льюиса, блестящий комментатор Берне и популярный мировой судья не мог, конечно, и думать в свое время, что ему придется требовать смертного приговора. Он был совсем раздавлен данным ему поручением, тем более, что один из подсудимых, выдающийся по таланту студент-математик Ульянов, был сыном его собственного любимого учителя в Пензенской гимназии»⁹⁵.

Кони живописует нравственные муки Неклюдова, который тем не менее «в судебном заседании успел себя настроить в унисон с общим деланным настроением верноподданнического ужаса» и «так вошел в свою роль, что в заседании общего собрания Сената, куда поступали кассационные жалобы осужденных, горячо настаивал на невозможности смягчить наказания за преступления, обложенные смертною казнью»⁹⁶.

Завершая наш рассказ об издательской деятельности Неклюдова, приведем еще одно высказывание Кони, которое, на наш взгляд, объясняет многое в эволюции одного из активных участников общественного движения 1860-х годов. Говоря о смерти Неклюдова, Кони заключил: «Мне была совершенно ясна одна из сильнейших причин, заставивших разбиться это когда-то благородное сердце, обладатель которого увлекся пагубной мыслью, путем сделок с совестью, недостойных уступок и компромиссов, достичь возможности занять такое положение, в котором можно было бы начать осуществлять мечты своей юности, заставив этим забыть грехи своих зрелых лет. На границе обетованной земли, быть может накануне получения звания министра, судьба сказала ему: «Довольно!», вменив в ничто благородные мечты молодости и заставив испытать всю горечь политических грехов стареющего человека»⁹⁷.

О.И. Бакст

Осип Игнатьевич Бакст (1834—1895) после окончания Санкт-Петербургского университета служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1860 году он открыл типографию⁹⁸, одно время помещавшуюся на Стремянной улице. В 1866 году Бакст перевел ее на угол Невского проспекта и Николаевской улицы (ныне улица Марата), в дом № 71/2, квартира 33. К этому времени в ней имелось 4 печатные машины (в том числе одна скоропечатная), 16 наборных касс-реалов, 224 пуда шрифта. Обслуживали типографию десять наборщиков и пять рабочих. При этой сравнительно скромной технической оснащенности обращала на себя внимание большая численность обслуживающего персонала. Это позволяло Баксту обеспечивать быстроту выполнения заказов, но ограничивало возможности по количеству выпускаемых наименований, поскольку одновременное прохождение нескольких заказов было затруднительно.

Два брата Осипа Бакста – Владимир и Николай, причастные к революционному движению, уехав в эмиграцию, основали знаменитую читальню в Гейдельберге и русскую типографию в Берне. За О.И. Бакстом с 1862 года велось негласное наблюдение III Отделения. Подозревали, что в его типографии печатали «возмутительные воззвания и что он не чужд революционных происков»⁹⁹. Подозрения не были безосновательными: по утверждению Л.Ф. Пантелеева, все оборудование для нелегальной типографии «Земли и воли», созданной летом 1862 года в Санкт-Петербурге, «любезно доставил молодой и популярный издатель О.И. Бакст»¹⁰⁰. III Отделение особое внимание обращало на его дружбу с Е.П. Печаткиным: в квартире его матери Бакст поселился в конце 1863 года. В агентурном донесении от 22 апреля 1864 года сообщалось, что Бакст переехал на Торговую улицу, на квартиру Печаткиной, «сын которой, бывший студент университета, принадлежит также к обществу ультралиберальных юношей»¹⁰¹.

Имя Бакста вновь всплыло в делах III Отделения в связи с покушением Каракозова: была установлена связь Бакста с одним из главных обвиняемых по делу ишутинцев И.А. Худяковым. Квартира Бакста служила местом встреч ишутинцев. Здесь, в частности, состоялось знакомство Худякова с Е.П. Печаткиным, также привлекавшимся к дознанию в связи с событиями 4 апреля 1866 года. Взаимоотношения Бакста и Худякова не ограничивались личным знакомством, но простирались на их совместную литературно-издательскую деятельность. Именно это обстоятельство побудило III Отделение обратить в 1866 году на типографию Бакста «особенное внимание»¹⁰². Кроме того, Бакст являлся одним из инициаторов организованного в 1865 году наборщиками ряда типографий Санкт-Петербурга Общества вспомоществования. В числе его «заправил», кроме Бакста, III Отделение называло Печаткина, князя А.С. Голицына и офицера путей сообщения П.В. Михайлова – «известного нигилиста». «Эти лица, – говорилось в справке III Отделения, – стремились распространять свое влияние на людей, через которых они могут действовать на народ и сблизиться с ним, согласно наставлениям Герцена»¹⁰³.

2 июня 1866 года на квартире у Бакста произвели внезапный обыск, в результате которого были изъяты письма и «Русская книжка» И.А. Худякова¹⁰⁴. Надзор за типографией Бакста усилился. Через месяц подверглась тщательному осмотру типография в связи дознанием по поводу перевода ее «без установленного дозволения на новое место». С Бакста взяли подписку, обязывавшую его не производить в новом помещении никаких типографских работ до соответствующего дозволения¹⁰⁵.

Чувствуя, по-видимому, что над ним собирается гроза и испытывая к тому же материальные затруднения в связи с приостановкой рабо-

ты типографии, Бакст в 1866 году продал свое печатное заведение некоему Ландсбергу¹⁰⁶. Затем в течение шести лет Бакст обходился без собственной типографии, продолжая, однако, издательскую деятельность. В 1873 году он вновь откупил типографию и стал хлопотать о разрешении открыть ее вместе с литографией. Это ему было дозволено¹⁰⁷. Бакст содержал типографию до 1881 года. С 1877 года его компаньоном стал отставной поручик Шаристанов¹⁰⁸. В это время оборудование типографии состояло из трех машин и 300 пудов шрифта; обслуживали типографию четырнадцать рабочих, но спустя год их осталось лишь семь¹⁰⁹. Можно предположить, что в конце 1870-х годов типографские дела Бакста шли туго.

Помимо типографии, Бакст имел собственную книжную торговлю, продолжавшуюся до 1889 года¹¹⁰. Магазины находились в нескольких местах – на Невском проспекте (дом № 10), на Литейном (дом № 26) и на углу Большой Итальянской и Екатерининского канала (ныне набережная канала Грибоедова, 6). Характер книжной торговли Бакста определялся прежде всего его собственной издательской деятельностью и был подчинен задачам просвещения общества. Уже первые издания, предпринятые Бакстом в 1862 году, показали, что на издательском поприще проявился еще один принципиальный «идейный» издатель в числе тех, о которых с удовлетворением писал Н.Г. Чернышевский.

Открыла издательскую деятельность Бакста капитальная «История XIX века» немецкого историка Г.Г. Гервинуса. В этом труде историческое развитие эпохи 1815–1830-х годов рассматривалось с точки зрения освободительных тенденций, направленных на установление конституционного строя и национальной независимости народов. Общую редакцию издания осуществил М.А. Антонович. В этом коллективном предприятии в качестве переводчиков принимали участие Н.Г. Чернышевский и Н.А. Серно-Соловьевич, находившиеся уже в заключении в Петропавловской крепости.

В 1866 году Бакст издал в переводе и под редакцией М.А. Антоновича книгу Э. Пфейффера «Об ассоциации. Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть», получившую широкую известность среди приверженной социалистическим идеям молодежи 60-х годов. В 1865 году в типографии Бакста печаталась «История Франции от низвержения Наполеона I до восстановления Империи. 1814–1852 гг.» А.Д. Рохау, перевод и издание которой были осуществлены М.А. Антоновичем и А.Н. Пыпиным. Предполагалось, что она станет первой в задуманной ими серии публикаций по современной истории европейских государств. Предварявшее книгу Рохау предисловие «От издателей», обстоятельно излагавшее цели и задачи серии, по своему содержанию очень сходно с тем, что писал в свое время Н.Г. Чернышевский о назначении издававшейся при журнале «Современник» «Исторической библиотеки».

Рядом с сочинениями Гервинуса и Рохау следует назвать «Историю революции 1848 года», написанную участником этих событий во Франции Л.А. Гарнье-Паже, и «Историю французской революции и ее времени» Г. Зибеля, начатые Бакстом в 1862–1863 годах. Эти многотомные издания, выпуск которых растянулся на несколько лет, явились плодом усилий большого количества переводчиков, редакторов, издателей и типографов, игравших заметную роль в освободительном движении 60-х годов (А.Д. Путяга, В.Я. Ососов, А.С. Голицын, М.А. Куколь-Яснопольский).

Привлекла внимание цензуры книга К.Ф. Неймана «История Американских Соединенных Штатов». Первый том не встретил препятствий и увидел свет еще в 1864–1866 годах. Иная судьба постигла второй том, изданный Бакстом после большого перерыва, в 1873 году. Цензор А.И. Смирнов в своем докладе обращал внимание на восхваление автором «радикальных республиканских принципов», «грубое порицание монархических принципов вообще и в особенности принципов Священного Союза и веротерпимости»¹¹¹. В постановлении Главного управления по делам печати за подписью министра внутренних дел А.Е. Тимашева говорилось следующее: «Книга, подобная сочинению Неймана, не может уже по однородности своего направления, принадлежащего одной лишь радикальной партии, и по исключительному подбору фактов быть полезным руководством к изучению русским читателем истории Североамериканских штатов, для чего существует немало обстоятельных сочинений на разных языках, и где читатели могут найти действительно историю штатов, а не описание и изложение некоторых фактов, извлеченных из оной с целью осуждать резко все несогласное с крайними республиканскими мнениями. Из этого видно, что выбор для перевода истории именно Неймана имеет целью не что иное, как пропаганду радикальных теорий, тем более, что издатель оной Бакст давно и неоднократно был уже замечен во вредной тенденциозности издаваемых им книг»¹¹². Книга Неймана, «как крайне вредная по своему антимонархическому и антирелигиозному направлению», была запрещена и 17 декабря 1873 года уничтожена «посредством обращения в массу» на картонной фабрике В. Крылова.

В 1863 году Бакст издал в переводе А.Н. Пыпина «Всеобщую историю литературы» известного немецкого писателя и историка литературы И. Шерра. В 1866 году на второе издание этой книги был наложен арест. Цензор нашел, что в ней «слишком подробно... изложена французская литература XVIII столетия», особенно «излишне» – творчество Руссо и Вольтера¹¹³. Одним из интереснейших изданий Бакста этого периода стала «Русская книжка» И.А. Худякова (1868). Выдающийся просветитель, педагог и фольклорист, Худяков принимал уча-

стие в студенческом движении и близко сошелся с революционерами Москвы и Санкт-Петербурга. Несмотря на молодость, он уже приобрел известность в научных кругах своими трудами по фольклористике. В 1860 году Худяков выпустил сборник «Великорусские сказки», получивший положительный отзыв в прессе. В 1862–1863 годах появился новый сборник сказок и были опубликованы «Материалы для изучения народной словесности». К этому же ряду работ фольклорного характера относилась изданная Бакстом «Русская книжка». Как и последующие издания для народа, эта работа носила пропагандистский характер. «Худяков, – писал исследователь его творчества Л.Н. Пушкарев, – был первым, кто использовал «литературу для народа» в пропагандистских, просветительных целях... Худяков первый умело и со вкусом использовал фольклор для пропагандистской работы. Его подбор пословиц, например, был классово направлен и заострен»¹⁴.

В 1864 году Бакст начал издавать новую работу этого писателя – серию «Рассказы о старинных людях». Первый выпуск посвящался древним индейцам и египтянам. Всего в этой серии было опубликовано четыре выпуска (второй – о финикийцах и ассирийцах, третий – о древних греках, четвертый – о древних римлянах). В них нашли отражение антимонархические, республиканские идеи автора. Начиная со второго выпуска издание этой серии перешло к Женской издательской артели (см. с. 261–266), но печаталась она по-прежнему у Бакста. Агентура III Отделения, доносившая о выходе в свет «Рассказов...» Худякова, считала необходимым «обратить особенное внимание на типографию Бакста, где печатались означенные рассказы, и на самого Бакста». «Братя Бакст, – подчеркивалось в донесении, – постоянно находились в сношении с Герценом и компанией»¹⁵. Бакст печатал в своей типографии и другое сочинение И.А. Худякова – «Рассказы о великих людях средних и новых времен» (1866, издание П.А. Гайдебурова). Построенную как изложение биографий выдающихся деятелей прошлого – Абеяра, Данте, Яна Гуса, Колумба, Дж. Бруно, Галилея, Вашингтона, Беранже, Линкольна и других – книгу Худякова пронизывали идеи народовластия, свободы, веротерпимости.

В 1863 году в типографии Бакста был отпечатан уже упоминавшийся «Сборник рассказов в прозе и стихах», в издании которого принял участие Н.А. Серно-Соловьевич. Десять тысяч экземпляров «Сборника» подверглись конфискации. Из других сочинений, изданных Бакстом в 1860-х годах, следует назвать «Историю умственного развития Европы» американского историка Д.В. Дрэпера, «О законах исторического знания» немецкого историка Г. Зибеля, «Историю общего государственного права и политики» швейцарского правоведа и историка И.К. Блунчли.

В 1865 году Бакст совместно с П.И. Вейнбергом предпринял издание серии под названием «Классические иностранные писатели в русском переводе». Удалось издать четыре выпуска, в которые вошли «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Сентиментальное путешествие» Д. Стерна, «Песни о невольничестве» Г.У. Лонгфелло, «Поминки» А. Мицкевича, «Эмилия Галлоти» Г.Э. Лессинга.

Цикл естественнонаучных изданий О.И. Бакста органично вошел в общее русло пропаганды материалистического мировоззрения, которой демократы 1860-х годов уделяли так много внимания. Это были труды известных и популярных в кругах русской прогрессивной интеллигенции европейских ученых – английского физика М. Фарадея, немецкого ботаника М.Я. Шлейдена, немецкого физика и физиолога Г.Л. Гельмгольца, французского физиолога К. Бернара, бельгийского социолога А. Кетле и других. Книги, издававшиеся Бакстом, часто подвергались цензурным преследованиям и конфискациям. По этим же причинам ряд интересно задуманных публикаций осуществить не удалось.

Так, в 1874 году был наложен арест на второе издание романа И.В. Омулевского (Федорова) «Шаг за шагом». Впервые этот роман о разночинцах был напечатан с некоторыми цензурными изъятиями в журнале «Дело». В 1871 году он вышел отдельным изданием под заглавием «Шаг за шагом. Светлов, его взгляды, характер и деятельность». В нем были восстановлены сделанные в журнальном варианте купюры. Однако второе издание романа Цензурный комитет признал «подлежащим запрещению в целости». Совет Главного управления по делам печати нашел, что это произведение «заключает в себе... крайне вредную тенденцию, так как в нем проводятся мысли самого нигилистического свойства относительно существующего строя нашего общества, семейной жизни и прав женщины»¹¹⁶. Тираж издания (2195 экземпляров) был уничтожен 23 марта 1876 года «посредством обращения в массу».

В 1883 году подверглись запрещению и уничтожению изданные Бакстом «Стихотворения» Николая Минского, как отличавшиеся «крайне вредным направлением, осуждающим все правильное и законное, чем держится порядок и нравственность...»¹¹⁷. Последним выявленным изданием Бакста следует считать книгу Г.В. Штолля «Великие римские писатели», опубликованную в 1889 году (ранее в 1879 году, он выпустил книгу того же автора «Великие греческие писатели»).

Услугами типографии Бакста пользовались многие издатели-демократы Санкт-Петербурга – А.А. Черкесов, М.А. Антонович, А.Н. Пыпин, П.И. Вейнберг, Д.Е. Кожанчиков, известные общественные деятели и издательницы М.В. Трубникова и Н.В. Стасова, Е.И. Лихачева и А.И. Суворина и другие.

М.А. Куколь-Яснопольский

В 1865 году в Санкт-Петербурге появились первые книги, помещенные типографской маркой М.А. Куколь-Яснопольского¹¹⁸. Уроженец Харьковской губернии, бывший студент Медико-хирургической академии¹¹⁹ коллежский регистратор Михаил Александрович Куколь-Яснопольский получил свидетельство на содержание типографии в столице 7 декабря 1864 года¹²⁰. Типография эта помещалась в доме Бенардаки, в Столяровом переулке. С самого начала она привлекла к себе внимание III Отделения, агент которого уже 20 января 1865 года доносил: «Принадлежность Куколь-Яснопольского к обществу Печаткина, друга Утина и поборника Герцена и комп[ании], а также то обстоятельство, что в устраиваемой типографии занимаются студенты Медицинской академии, наводит на мысль, что означенная типография утверждается не без тайной цели»¹²¹. В донесении от 8 февраля 1865 года обращалось внимание на то, что в типографии Куколь-Яснопольского «принято за правило рабочих не нанимать: все работы должны будут производиться людьми, близкими Яснопольскому, преимущественно из студентов Медико-хирургической академии. Сих последних в настоящее время там занимается трое; один уже отошел. Эти господа, вероятно, не умеют обходиться со станками, ибо большой станок, стоящий 2 т[ысячи] р[ублей] с[еребром], ими уже испорчен и теперь починяется»¹²².

III Отделение относило Куколь-Яснопольского к лицам «самого крайнего направления»¹²³. В одном из секретных документов, относящихся к началу 1868 года, он был охарактеризован «...как друг домашнего учителя Худякова (осужденного) и всей Печаткинской К^о и вообще личность чрезвычайно вредная»¹²⁴. Здесь же говорилось о «крайней неблагонадежности» Куколь-Яснопольского¹²⁵. Из агентурных сведений видно, что в число лиц, с которыми он был близок, кроме названных выше Печаткина и Худякова, входили также Ткачев, Иштугин, Черкесов, Михайлов, Бакст, жена Печаткина Варвара Глушановская, Голицын, Тиблен, Неклюдов – активные деятели революционной партии, «отъявленные нигилисты», по терминологии III Отделения. Особенно дружен был Куколь-Яснопольский с Е.П. Печаткиным и даже предоставил в феврале 1865 года свою квартиру для собрания Общества взаимного вспомоществования, организованного из наборщиков петербургских типографий при активном участии Печаткина¹²⁶. Судя по агентурным данным, типография Куколь-Яснопольского была открыта на деньги Е.П. Печаткина¹²⁷. По данным инспекторского отчета за 1865 год ее оборудование состояло из одной скоропечатной машины, двух станков и 244 пудов шрифта¹²⁸. В ноябре 1867 года Куколь-Яснопольский продал типографию подданному Вюртембергского княжества Теодору Гаушу, который,

в свою очередь, передал ее в собственность прусскому подданному Герману Мюллеру¹²⁹.

Обратимся теперь непосредственно к издательской деятельности Куколь-Яснопольского. В 1865–1867 годах принадлежавшая ему типография была одной из самых продуктивных в Санкт-Петербурге. За время своего существования она успела выпустить около 50 названий книг. Продукция типографии по своему содержанию составляла несколько тематических групп: 1) книги по истории, социологии, праву; 2) книги по вопросам народного образования и педагогике; 3) естественнонаучная литература и 4) словесность. Наиболее представительны первый и третий разделы, менее всего печаталось в типографии Куколь-Яснопольского беллетристики.

Воспитанник Медико-хирургической академии, сохранивший и по ее окончании связь с *alma mater*¹³⁰, Куколь-Яснопольский особенно охотно печатал книги по естествознанию и медицине. Среди вышедших из его типографии книг мы находим сочинения И.И. Мечникова (магистерская диссертация «История эмбрионального развития *Sepiolo*», 1867), Т.Г. Гексли («Современные вопросы антропологии», 1867), Д.Г. Льюиса («Сердце и мозг», 1866), Р. Вирхова («Учение об опухолях», 1866), Д. Тиндаля («Устройство Вселенной», 1866), К. Фогта («Чтение о полезных и вредных животных», 1865), А. Россмелера («Лес», 1866), А. Гано («Полный курс физики», 1865), В. Кюне («Учебник физиологической химии», 1867). Сюда же примыкают научно-популярные издания: «Рассказы о жизни животных из Бранделя и Брема» (1866), «Рассказы о семи лесных четвероногих» Дж. Гринвуда (1865), «История чайной чашки» А. Кампфьена (1866).

Среди книг социально-исторической тематики ряд изданий посвящен истории гражданской войны в США и Французской революции XVIII века: «История американской войны 1861–1865 гг.» Г.Ч. Флетчера (1867), «Авраам Линкольн и великая борьба между северными и южными американскими штатами в продолжение 1861–1865 годов» М. Ланге (1867), «Гражданское развитие Америки. Мысли о будущей гражданской политике Америки» Дж.В. Дрэпера (1866), «История французской революции и ее времени. 1789–1795» Г. Зибеля (1865). Выпуск Куколь-Яснопольским этих сочинений не был, разумеется, случайным. Он отражал интерес русской разночинной демократии к революционным событиям прошлого и современности, к борьбе французского и американского народов за торжество идей свободы и подлинной демократии.

Из других изданий социальной тематики назовем «Литературные майораты» П.Ж. Прудона (1865), «Очерки русской истории» В. Санина (1866), «Тайны женских монастырей в Неаполе. Записки Энрикетты Караголло из рода князей Фарнезе, бывшей монахини Бенедиктинского ордена» (1867), «Этнографические материалы из Средней Азии и Оренбургского края» М.Н. Галкина (1867).

Привлекали внимание Куколь-Яснопольского вопросы гражданского права, реформы судебных учреждений, состояние судопроизводства в странах Европы и Америки. Этим актуальным проблемам были посвящены следующие издания: «Законоположение о присяжном судопроизводстве и судопроизводстве важнейших государств Европы и Америки» (1865–1866), «Высочайше утвержденное положение о введении в действие гласного судопроизводства по уставу 2 ноября 1864 г.» (1865), «Наши офицерские суды» Ф.Ф. Павленкова (1865). Интерес разночинных демократов к ассоциациям и артельным обществам нашел отражение в напечатанном Куколь-Яснопольским «Уставе высочайше утвержденного 15 августа 1865 года Общества городского молочного хозяйства» (1865) (учредители – И.А. Рождественский, О.И. Бакст, И.К. Герд).

Не менее показательна и группа изданий по вопросам народного образования, самообразования, воспитания, психологии и педагогики. Здесь прежде всего должен быть назван знаменитый «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» И.А. Худякова (1865). Среди прочих книг: «Индукция и дедукция» Ю. Либиха (1865), «Публичные лекции Эдуарда Лабулэ о самообразовании, о народном воспитании и народных библиотеках» (1867), «Книги для первоначального чтения» А. Филонова и А. Радонежского (1866), «Образование человеческого характера» (1865), «Дитя и мир» (1866).

Небольшой раздел словесности представлен «Опытom исторического обозрения русской словесности с хрестоматиею» О. Миллера (1865–1866), очерком В.И. Ламанского «Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865 г.» (1865), популярной повестью Жюль Верна «Англичане на Северном полюсе. Приключения капитана Гаттераса» (1866–1867).

О том, сколь не случаен был отбор изданий, печатавшихся в типографии Куколь-Яснопольского, можно судить и по их издателям, переводчикам и редакторам. Все это были видные деятели демократического лагеря, либо непосредственно участвовавшие в тайных обществах, либо очень близко стоявшие к ним – А.Д. Путята, Е.П. Печаткин, В.О. Ковалевский, Л.П. Шелгунова, Ф.Ф. Павленков, И.М. Сеченов, Н.И. Ламанский, А.А. Черкесов, Г.А. Немиров, В.Я. Ососов и другие.

Тенденциозность изданий, выпущенных типографией Куколь-Яснопольского, не осталась незамеченной цензурным ведомством и III Отделением. Особое внимание цензуры привлекли сочинение И.А. Худякова «Древняя Русь» и его знаменитый «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте».

Особенно показательна история с «Самоучителем...». «На эту книгу, – писал Худяков в своей автобиографии, – без сомнения, я потратил бы гораздо больше труда, если бы не мысль, что эту книгу могут

запретить и, стало быть, все равно труд пропадет даром. Книга была написана так, что возбуждала интерес к естественным наукам, изменяла весь строй мирозерцания читателя, и я был доволен этим»¹³¹. О «Самоучителе...» с похвалой отозвался Герцен. «Превосходно составленный учебник, т.е. из ряда вон, очень жалею, что я его не знал прежде», – писал он в феврале 1866 года Огареву. По учебнику Худякова Герцен занимался со своей дочерью Лизой¹³².

Книга вышла из типографии Куколь-Яснопольского в августе 1865 года, была представлена в Цензурный комитет и разрешена к выпуску в свет цензором Лебедевым. Однако, как и многие другие издания, вышедшие из типографии Куколь-Яснопольского, открытой, по убеждению III Отделения, на деньги «неблагонадежного» Печаткина¹³³, она сама и ее автор привлекли внимание этого учреждения. В агентурном донесении от 26 сентября 1865 года говорилось: «О домашнем учителе Худякове в экспедиции нет сведений, известно только, что он еще прежде издал «Книгу для чтения», очень недурно составленную»¹³⁴.

Цензурное разрешение на книгу Худякова подверглось пересмотру. На этот раз было обнаружено, что «она по своему направлению в высшей степени преступна и будучи по своей цене (25 копеек) доступна для масс народа, может повести к последствиям самым гибельным»¹³⁵. Особенно опасной представлялась антимонархическая, материалистическая и антирелигиозная направленность «Самоучителя...». «Отдел, в котором излагается общественная история человека, – говорилось в новом заключении цензоров, – проникнут исключительно стремлением представить превосходство народного правления и всемерно унижить монархическое начало. С этой целью лучшей эпохой процветания жизни общественной признается время республики в Греции и Риме; в новом мире передовое развитие общей жизни в Англии объясняется участием народа в делах своей страны, а в заключение представлены Американские штаты как идеал общественного устройства. Напротив того, управление монархическое выставлено в виде опеки»¹³⁶.

22 октября 1865 года министр внутренних дел Валуев признал необходимым запретить «обращение «Самоучителя...» в продаже и изъять его из всех книжных магазинов, лавок, библиотек и у лиц, занимающихся разносной торговлей»¹³⁷ на том основании, что в книге Худякова были собраны рассказы, «явно направленные к поколебанию в народе религиозных и политических убеждений»¹³⁸. Однако значительная часть тиража к тому времени разошлась по рукам, и из 10 тысяч отпечатанных книг удалось конфисковать лишь 5913¹³⁹.

Вспоминая о полицейской расправе над «Самоучителем...», Худяков в своей автобиографии привел следующий любопытный разговор между двумя книготорговцами: «Слышишь ты, – говорил один

мелкий букинист другому. – Худякова запретили: «Букварь для русской грамоты».

– За что запретили?

– Да, вишь, говорят, что там написано, что цари брали податей вшами...»¹⁴⁰.

«Древняя Русь» вышла в свет в 1867 году, когда Худяков находился уже в ссылке и по этой причине имя автора не было указано на обложке. Цензор А.И. Смирнов в своем докладе писал: «Книга эта содержит в себе краткое обозрение исторического быта Древней Руси до времен Петра Великого. Особенность этого обозрения состоит в подборе фактов, рисующих быт государства с самой неблагоприятной стороны. Князья и цари представляются хитрыми властолюбцами, притеснителями народа; бояре – пронырливыми корыстолюбцами; духовенство – крайне невежественным; народ – загнанною и забитою массою, без малейшего понятия о достоинстве человека. Все, что было худого в древнем быте Руси, тщательно собрано в этом обозрении и некоторые факты неправильно истолкованы... Хорошего о Древней Руси автор почти ничего не нашел сказать. Вообще нельзя не убедиться, что автор нарисовал такую мрачную картину преднамеренно и в читателе этой книги может сложиться весьма неблагоприятное мнение о социальной и политической жизни наших предков допетровского периода. Особенно эта книга не может быть одобрена для юношества»¹⁴¹.

Любопытно, что несмотря на столь недвусмысленную характеристику, книга все же не подверглась запрету. Репрессии обрушились на второе издание (1898), которое было запрещено к распространению и уничтожено. Ссылаясь на дополнительный закон о печати от 7 июня 1872 года, блюстители «нравственности и порядка» на этот раз не пожелали терпеть «злоумышленное извращение отечественной истории», – как докладывал министр внутренних дел И.Л. Горемыкин в представлении Комитету министров¹⁴².

Выпуск первого издания «Древней Руси» стал единственной подобной акцией, предпринятой «Рублевым обществом»¹⁴³. Этот кружок революционной молодежи, названный так по величине членского взноса, был основан в 1867–1868 годах Г.А. Лопатиным и его друзьями по Санкт-Петербургскому университету. В него входили Н.Ф. Даниельсон, М.Ф. Негрескул, Н.Н. Любавин, Н.Ф. Киришбаум, Ф.В. Волховский и другие. Куколь-Яснопольский был, надо полагать, в курсе пропагандистских замыслов «Общества», содействуя с помощью своей типографии их осуществлению.

11 ноября 1866 года из типографии Куколь-Яснопольского на рассмотрение Цензурного комитета поступил первый том книги Луи Блана «Письма об Англии» (перевод под редакцией М.А. Антоновича, издание П.В. Щапова). После прочтения цензором Еленевым на

книгу наложили арест, и весь тираж, поступивший уже в переплетную Печаткиной, был там же арестован 14 ноября 1866 года¹⁴⁴. Цензурный комитет определил возбудить судебное преследование против редактора и издателя книги по следующим мотивам: «1) за выражение мыслей, отрицающих божественное происхождение и авторитет Св. Писания, подрывающих веру в основные истины христианской религии и чрез то проводящих в общество начала безбожия и безответственности (ст. 181 Улож[ения] о наказ[аниях] издания 1866 г.); 2) за оскорбительные отзывы о неограниченном монархическом правлении, установленном у нас коренным законом Империи (ст. 245 Уложения о наказ. издания 1866 г.) и 3) за напечатание без разрешения цензуры мест, подлежащих рассмотрению духовной цензуры (ст. 1024 Ул[ожения] о наказ[аниях] изд. 1866 г.)»¹⁴⁵.

Министр юстиции, ссылаясь на то, что суждения автора о монархическом правлении не касаются существующего в России образа правления, не считал возможным возбуждать против них преследование на основании 245-й статьи Уложения о наказаниях. Он находил также, что разбор христианской религии сделан «в приличной форме» и если бы даже «мог быть отнесен к числу преступлений против веры, предусмотренных статьей 181 Уложения, то едва ли можно было бы ожидать успеха подобных обвинений перед судом с участием присяжных заседателей, ввиду уже одной несоразмерности преступного действия с тяжестью наказания»¹⁴⁶. Дело ограничилось перепечаткой нескольких мест на 22-й и 334-й страницах. Арест с книги был снят¹⁴⁷.

Типография Куколь-Яснопольского доставляла немало хлопот инспекторскому надзору. Вот как характеризовалась деятельность ее владельца в секретной справке, составленной обер-полицмейстером Санкт-Петербурга генерал-адъютантом Треповым: «Михаил Куколь-Яснопольский замечен в постоянном и упорном нарушении установленных для содержателей типографий правил, в неисполнении законных требований подлежащих властей, в непрерывных сношениях с подозрительными в политическом отношении лицами и в принятии в свою типографию людей, состоящих на замечании полиции...»¹⁴⁸.

Несмотря на то, что типография Куколь-Яснопольского, как и ее владелец, пользовались дурной славой в политическом отношении, несмотря на бесконечные придирки, осмотры, обыски, судебные преследования, Куколь-Яснопольскому длительное время удавалось ускользать из рук административной власти. Лишь в 1868 году он был выслан в город Макарьев Костромской губернии под надзор полиции¹⁴⁹. В 1871 году ему было разрешено вновь свободно проживать в столице, но по-прежнему под надзором полиции¹⁵⁰. О дальнейшей судьбе этого энергичного деятеля демократической книги 1860-х годов ничего не известно.

Типография А.Ф. Головачева – А.М. Котомина – В.И. Головина

К числу демократических книгоиздателей 60–70-х годов XIX века следует причислить А.Ф. Головачева, А.М. Котомина и В.И. Головина, выпустивших в своих типографиях немало изданий прогрессивного направления. Остановимся прежде всего на типографии А.Ф. Головачева, которая до 1865 года принадлежала А.С. Голицыну (см. с. 227–230).

Об Аполлоне Филипповиче Головачеве (? – 1877) известно следующее. Либерально настроенный помещик, благодаря протекции М.Е. Салтыкова-Щедрина – тогда тверского вице-губернатора – он был принят секретарем в редакцию «Современника»¹⁵¹. Участница радикальных кружков 1860-х годов Е.И. Жуковская (Ценина) отзывалась о нем так: «Очень умный и начитанный... писал иногда весьма дельные библиографические заметки. В редакции он сошелся со Слепцовым (писателем В.А. Слепцовым. – И.Б.), своим дальним родственником, и подобно ему увлекся мыслью осуществить коммуну»¹⁵². Судя по воспоминаниям Жуковской, Головачев являлся одним из самых активных участников знаменитой Слепцовой (Знаменской) коммуны – бытового объединения представителей трудящейся интеллигенции обоего пола. Организованная осенью 1863 года, она просуществовала до июля 1864-го. В том же году Головачев женился на А.Я. Панаевой, расставшейся к этому времени с Н.А. Некрасовым¹⁵³.

Типография под «фирмой» Головачева работала с 1865 по 1869 год¹⁵⁴. В этот период она, несомненно, являлась одним из наиболее продуктивных полиграфических предприятий Санкт-Петербурга. В числе издателей, редакторов и переводчиков, с которыми сотрудничал Головачев, преобладали активные деятели революционного подполья, в том числе связанные с организацией ишутинцев, и лица, близкие к нему: А.И. Рождественский, Н.В. Сорокин, И.К. Герд, В.О. Ковалевский, В.В. Яковлев, Ф.Ф. Павленков, М.В. Трубникова и Н.В. Стасова, В.С. Курочкин, А.В. Заленский и Е. Любарский, Н.К. Михайловский, И.М. Сеченов.

Не менее красноречив и перечень авторов, чьи сочинения печатались в типографии Головачева: Д.И. Писарев, Ю.Г. Жуковский, А.Н. Энгельгардт, И.М. Сеченов, В.С. Курочкин, из зарубежных – Д.С. Милль, Д.Л. Мотлей, П.Ж. Прудон, Ч. Дарвин, Р. Вирхов. Уже по одному этому перечню можно судить, в каком направлении шла деятельность Головачева, явно сочувствовавшего идеям социализма, материализма, демократических общественных преобразований. Соответственно этому и тематика книг, вышедших из типографии Головачева, распределялась по двум основным руслам – социальные науки и естественные. Печатались также произведения художественной литературы, книги для детей и некоторые другие.

Социальные науки представлены у Головачева капитальными сочинениями П.Ж. Прудона («Французская демократия», перевод под редакцией Н.К. Михайловского, 1867; «Искусство, его основание и общественное назначение», перевод под редакцией В.С. Курочкина, 1865); Д.Л. Мотлея («История Нидерландской революции и основание Республики соединенных провинций», т. 1–2, 1865–1866, издание книжного магазина В.В. Яковлева), Ж. Бэко («Организация уголовной юстиции в главнейшие исторические эпохи», 1867, редакция и дополнения И.А. Рождественского, издание Н.В. Сорокина), Г.Ч. Флетчера («История американской войны 1861–1865 гг.», т. 1, 1865, издание А.Ф. Головачева), Г. Данкварта («Гражданское право и общественная экономия», перевод П.П. Цитовича, 1866, издание А.В. Заленского и Е. Любарского). В 1865 году вышел второй том «Оснований политической экономии» Д.С. Милля в переводе Н.Г. Чернышевского (издание А.Н. Пыпина)¹⁵⁵.

В 1865–1866 годах в типографии Головачева печатался «Краткий курс политической экономии»¹⁵⁶, содержащий много ссылок на сочинения социалистов-утопистов, а также Г. Бабефа, Л. Блана, Ф. Лассаля, Д.С. Милля. Составители «Краткого курса...» являлись сторонниками принципа производительных ассоциаций. «Ассоциации с различными целями, – пишут они, – составляют наиболее сильное средство для современного, радикального изменения в положении рабочего класса»¹⁵⁷.

Среди изданий общественной тематики, отпечатанных типографией Головачева без предварительной цензуры, две книги, выпущенные в серии «Материалы для общественной науки»¹⁵⁸, принадлежали перу Ю.Г. Жуковского «...Жуковский, – писал Б.П. Козьмин, – был одним из первых наших публицистов, воспринявших до известной степени идеи Маркса. Если позже, в 70-х годах, Жуковский выступил на страницах «Вестника Европы» в качестве критика экономической теории К. Маркса, то раньше, в 60-х годах, он находился под несомненным воздействием его идей. В своей работе «Политические и общественные теории XVI века», напечатанной в 1861 году в «Современнике», а в 1866 году вышедшей отдельным изданием, Жуковский исходил из признания зависимости права и политики от экономических условий: правовые и политические явления, по его мнению, определяются в конечном счете экономическими отношениями»¹⁵⁹.

Разнообразны книги по естественнонаучным вопросам, печатавшиеся в типографии Головачева. Здесь в первую очередь должны быть названы труды Ч. Дарвина и книги, популяризовавшие его учение. Это «Путешествие вокруг света на корабле Бигль» (перевод под редакцией А.Н. Бекетова. т. 1-2, 1865, издание А.С. Голицына – т. 1, и книжного магазина В.В. Яковлева – т. 2) и «Дарвинизм или теория появления и развития животных и растительных видов» Дж. Омбони (перевод Н.Н. Макарова, 1867, издание книжного магазина Ф.Ф. Пав-

ленкова). Печатались также переводы сочинений Р. Вирхова («Четыре лекции о жизни и болезненном состоянии», 1865, издание книжного магазина В.В. Яковлева; «Душевные болезни, для врачей и учащихся», 1867, издание В.О. Ковалевского) и ряд других сочинений по вопросам медицины, гигиены и санитарии.

Помимо серьезных научных трудов, из типографии Головачева вышло немало популярных книг естественнонаучного характера. Это – «Лесные животные. Звери, птицы и пресмыкающиеся» А.Э. Брема и Е. Россмесслера (перевод Н.Н. Страхова, 1867), «Натуралист на Амазонской реке» Г.В. Бэтса (1865), «Микроскопический мир. Популярное описание явлений и форм, открытых микроскопом» Г. Егера (перевод и примечания А.Н. Бекетова, 1866). В этом ряду следует также назвать книгу А.Н. Энгельгардт «Сборник общепонятных статей по естествознанию» (1867, издание Н.Н. Макарова). Книга эта интересна и именем автора – известной переводчицы, сотрудницы Н.А. Серно-Соловьевича по книжной торговле, и тем, что издателем ее выступил отец Анны Николаевны Энгельгардт. Несколько популярных практических руководств для взрослых и юных любителей природы вышли в переводе, под редакцией и в издании Н.В. Сорокина – активного участника революционного подполья 1860-х годов¹⁶⁰.

Из произведений художественной литературы и литературной критики в типографии Головачева были напечатаны «Сочинения» Д.И. Писарева в издании Ф.Ф. Павленкова (1866–1869), «Полное собрание сказок Андерсена» (1867, издание М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой), «Собрание стихотворений» В.С. Курочкина (1866), «Клод Ге» В. Гюго (1867).

В качестве издателя Головачев значится лишь на одной из известных нам книг («История американской войны 1861–1865 гг.» Г.Ч. Флетчера). Это, конечно, не значит, что он не мог быть издателем и некоторых других сочинений, печатавшихся в его типографии. Многие из принятых Головачевым к печати книг имели серьезные затруднения с цензурой, были арестованы и конфискованы. К ним относятся, кроме «Сочинений» Д.И. Писарева (в широко известном издании Ф.Ф. Павленкова), «Рефлексы головного мозга» И.М. Сеченова, «Собрание стихотворений» В.С. Курочкина и «Клод Ге» В. Гюго.

Книга «Рефлексы головного мозга» была представлена в Цензурный комитет 4 апреля 1866 года. Признав, что «книга И.М. Сеченова вредна как изложение самых крайних материалистических теорий», Главное управление по делам печати дало указание книгу арестовать и дело об ее издании передать в суд¹⁶¹. 7 апреля 1866 года весь тираж книги в количестве 3000 экземпляров был опечатан в женской переплетной мастерской В.И. Печаткиной, куда она была сдана Головачевым¹⁶². И.М. Сеченову, однако, удалось избежать судебного процесса. 13 сентября 1867 года арест с книги сняли¹⁶³.

В 1866 году Головачев напечатал в своей типографии тиражом в 3000 экземпляров стихотворный сборник поэта-переводчика В.С. Курочкина. В связи с арестом автора по делу Каракозова выпуск книги в свет был приостановлен. К тому времени Головачев, вопреки существовавшим правилам, запрещавшим передачу бесцензурных сочинений в переплет до тех пор, пока установленное число экземпляров не будет представлено в Главное управление по делам печати, успел передать весь тираж книги в переплетную мастерскую. Книге угрожала конфискация¹⁶⁴. Спас ее не кто иной, как И.А. Гончаров, бывший в это время членом Совета Главного управления по делам печати. Мнение Гончарова о стихотворениях В.С. Курочкина было самое неслестное. «...По бездарности переводчика, – писал он в своем отзыве, – вышел бесхарактерный сбор неуклюжих стихов, ни к чему не относящихся, каких-то темных, местами непонятных, намеков, и вся книга вообще едва стоит выше наших старых песенников, услаждавших досуги лакейских и девичьих»¹⁶⁵. И далее: «Книга г. Курочкина выходит шестым изданием и, вероятно, повредила уже многим, дав образцы изложенных в переводе мыслей и стихов и дурно действуя на эстетическое развитие ее читателей, но по этой особенно причине она всего менее представляет вреда в цензурном отношении»¹⁶⁶.

Столь резкий отзыв о поэте, чьи стихи и переводы пользовались в 1860-х годах огромным успехом, можно, конечно, отнести за счет личных вкусов маститого автора «Обломова» и «Обрыва». Но, учитывая обстановку, в которой писались эти слова (разгул реакции после выстрела Каракозова, опасность, которая угрожала лично Курочкину), нам кажется, что Гончаров умышленно сгущал краски, изображая Курочкина «бездарным» пиитом, а его книгу «сбором неуклюжих стихов», пытаясь таким образом усыпить бдительность цензуры и отвести от автора более серьезные обвинения.

Судьба книги «Клод Ге» В. Гюго оказалась менее счастливой. Будучи по своему объему подцензурным изданием, она была одобрена к печати цензором А.А. де Роберти 28 января 1867 года. Демократическая печать с удовлетворением встретила появление в русском переводе этого известного произведения выдающегося французского писателя. «Рассказ о работнике, которого недостатки общественного устройства побудили к воровству, а недостатки современной администрации навели на убийство», – так, крайне «дерзостно», комментировал «Книжный вестник» публикацию в России рассказа Гюго¹⁶⁷. Острое социальное содержание «Клода Ге» позволило русским революционерам использовать его в пропагандистских целях. Именно это обстоятельство побудило в 1875 году Главное управление по делам печати по согласованию с министром внутренних дел и главным начальником III Отделения признать эту брошюру подлежащей изъятию из продажи и уничтожению¹⁶⁸.

Деятельность Головачева, как и его предшественника Голицына, вызвала крайне настороженное отношение со стороны Министерства внутренних дел и III Отделения. Типография Головачева значилась в перечне тех заведений книжного дела в Санкт-Петербурге, за которыми в 1866 году был установлен особенно бдительный инспекторский надзор.

В 1869 году типография Головачева перешла в руки «потомственного гражданина» А.М. Котомина¹⁶⁹. Судя по некоторым агентурным донесениям, III Отделение числило А.М. Котомина среди «неблагонадежных» лиц. В его типографии печатались преимущественно книги социально-экономического и естественнонаучного содержания – сочинения Д.С. Милля, Ф.К. Шлоссера, Л. Штейна, О. Вермореля, Э. Бехера, А.К. Михайлова, Ю.Г. Жуковского, И.А. Рождественского, В.Ф. Лугинина, Ч. Дарвина, А.Э. Брема, А.Н. Бекетова. В качестве издателей книг выступали известные деятели демократического лагеря.

Почти каждое из выпущенных типографией Котомина изданий оставило заметный след в истории общественной мысли в России. Многие из них подвергались полицейскому и цензурному преследованию, конфискации и уничтожению. В числе прочих, вышедших из типографии Котомина книг, преследованиям подверглись следующие: Ф. Гарридо, «Современная Испания. Ее умственный и материальный прогресс в XIX столетии» (перевод с немецкого под редакцией И.А. Рождественского, 1869, издание А.М. Котомина); А. Бут, «Биография и деятельность Роберта Овена (Оуэна. – И.Б.), основателя социализма в Англии, автора «Образование человеческого характера» и «Книги нового нравственного мира»» (перевод с английского, 1870, издатель Е.А. Корш); Э. Бехер, «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению» (перевод под редакцией П.Н. Ткачева, 1869–1871, издатель А.А. Черкесов); «Сборник рассказов в прозе и стихах. Рассказы и стихотворения Марко Вовчка, Н. Благовещенского, Н. Некрасова, И. Никитина, Г. Успенского, Н. Успенского, Н. Флеровского, А. Голицынского, Ф. Решетникова и др.» (1871, издатель К.Е. Смердынский); Л. Штейн, «История социального движения во Франции с 1789 года. Том 1. Основное понятие общества и социальная история французской революции до 1830 г.» (перевод с немецкого, 1872, издатель Д.Г. Фридберг).

Остановимся подробнее на истории некоторых из них. Книга Артура Бута «Биография и деятельность Роберта Овена...» была представлена в Цензурный комитет 15 октября 1870 года. На нее был наложен арест, а против издателя Е.А. Корша возбудили судебное преследование. В представлении министра внутренних дел А.Е. Тимашева Комитету министров 7 января 1873 года по этому поводу говорилось следующее: «...Появление в печати на русском языке настоящего сочинения, заключающего в себе явное порицание и полное осуж-

дение главных основ всякого общества: религии, собственности и брака, которые Овен называет «троицею ада», не может не произвести вредного влияния на умы молодежи с неустановившимися еще убеждениями; ...дерзкие суждения и резкие выражения о Боге и религии оскорбляют религиозное чувство верующих»¹⁷⁰. На этом основании Комитет министров постановил запретить книгу А. Бута, и 20 февраля 1873 года она была уничтожена.

В 1871 году из типографии Котомина вышел «Сборник рассказов в прозе и стихах», составленный из ранее опубликованных произведений писателей-демократов: Н. Успенского («Старое по-новому», «Путешествие Краюхина» – из повести «Егорка пастух»), Н. Некрасова («Орина, мать солдатская»), Н. Флеровского («Работник бродяга»), Н. Благовещенского («На ткацкой фабрике»), А. Голицынского («Небывалая рыба и особого устройства машины»), Г. Успенского («Михаил Иванович» – из повести «Разорение»), И. Никитина («Тарас», «Пахарь», «Песня бобья»), Марко Вовчка («Кармелюк», «Два сына»), Ф. Решетникова («На железной дороге» – из романа «Где лучше?»), А. Левитова («Расправа»). Обращало на себя внимание уже само название сборника, повторявшее название другого, сходного по характеру, выпущенного еще в 1863 году А.Д. Путьтой при содействии Н.А. Серно-Соловьевича¹⁷¹. Как и в первом случае, составитель нового «Сборника рассказов в прозе и стихах» (издателем его значился К.Е. Смердынский) задался целью осуществить пропагандистский замысел тенденциозным подбором ранее разрешенных к печати сочинений и отрывков из них. На этот раз цензура (книгу цензуровал Н.Е. Лебедев) сразу «раскусила» подлинную суть издания. 19 августа 1871 года на книгу был наложен арест и одновременно возбуждено судебное преследование против ее издателя, а также против Марко Вовчка, Г. Успенского, Н. Флеровского. Судебное решение, однако, не было вынесено, и сборник передали на рассмотрение Комитету министров. «В сей книге, – писал в своем представлении А.Е. Тимашев, – статьи подобраны так, что по колориту и выражению составляют одно цельное, имеющее крайне тенденциозное направление»¹⁷². В докладе Тимашева особое внимание обращалось на повесть Марко Вовчка «Кармелюк», очерк Г. Успенского «Михаил Иванович» и на статью Н. Флеровского «Работник бродяга».

В заключении своего представления министр внутренних дел писал: «Такой тенденциозный подбор статей книги и цена ее (40 к.) очевидно доказывают, что она предназначена для чтения того самого класса людей, в котором статьи сего рода могут вызвать жгучее впечатление, самое тяжелое и враждебное чувство»¹⁷³. «Сборник рассказов в прозе и стихах» был запрещен и уничтожен на основании постановления Комитета министров 22 мая 1873 года.

Такая же участь постигла и перевод книги Лоренца Штейна «История социального движения во Франции с 1789 года. Т. 1. Основное

понятие общества и социальная история французской революции до 1830 г.». Постановлением Комитета министров книга Л. Штейна была запрещена и уничтожена 17 января 1873 года «посредством обращения в массу» на писчебумажной фабрике В. Крылова¹⁷⁴.

Пристальный интерес к жгучим современным проблемам, к рабочему вопросу, пропаганде социалистических идей, популяризация кооперации и ассоциации – вот что характерно для изданий, вышедших в конце 1860–начале 1870-х годов из типографии Котомина. Несомненно, Котомин в эти годы сочувствовал народническому учению, идеям утопического социализма и своей деятельностью содействовал распространению этих идей в русском обществе.

В 1876 году типография Котомина перешла в руки В.И. Головина. До этого времени у Головина по данным инспекторских отчетов имелась своя типография, к которой и была присоединена типография Котомина. В дальнейшем Котомин, очевидно, стал совладельцем типографии, но уже не единоличным: на выпущенных ею книгах значится «А.М. Котомин и К^о».

Надворный советник Владимир Иванович Головин был близок к кругу издателей-демократов. О Головине известно, что он окончил Санкт-Петербургский университет и одно время служил чиновником по особым поручениям при министре статс-секретаре Великого княжества Финляндского. В 1867 году ему было 32 года¹⁷⁵. Первое упоминание о типографии Головина в инспекторских отчетах относится к 1865 году¹⁷⁶. Она причислялась властями к числу «неблагонадежных».

Типография Головина была для своего времени хорошо оснащенным полиграфическим предприятием. В 1869 году в ней имелось 19 скоропечатных машин, 7 ручных печатных станков, 1491 пуд шрифта. Типографию обслуживало 80 рабочих¹⁷⁷.

Вышедшие из типографии издания вполне согласовывались с общей линией демократического книгоиздательского дела 1860-х годов. Это книги по актуальным общественным и экономическим проблемам, сочинения писателей-демократов (Н.В. Соколова, А.К. Михайлова), передовых русских педагогов (К.Д. Ушинского, П.М. Перелесского), популярного среди молодежи немецкого романиста Ф. Шпильгагена и другие. Среди авторов, составителей и редакторов книг, печатавшихся у В.И. Головина, – участники революционного движения 1860-х годов и близкие к нему лица – Н.Н. Обручев, В.А. Зайцев, Н.А. Бибииков.

С типографией Головина связано издание нескольких весьма примечательных сочинений. Это, во-первых, знаменитые «Отщепенцы» Н.В. Соколова и, во-вторых, не менее известное шигинское издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Предпринятое в 1868 году книгопродавцем Н.А. Шигиным издание книги

Радищева явилось, как известно, вторым в России изданием этого выдающегося произведения (после публикации 1790 года)¹⁷⁸.

Шигинское издание не содержало полного текста радищевского «Путешествия» – это было невозможно в условиях цензурного запрета, все еще лежавшего на книге. Сын Радищева, Н.А. Радищев, дважды – в 1860 и в 1861 годах – ходатайствовал о дозволении выпустить в свет знаменитое «Путешествие...» наряду с другими сочинениями своего отца, но ему в этом было отказано. Руководствуясь прежде всего коммерческим расчетом, Н.А. Шигин сделал все возможное, чтобы обезопасить себя в цензурном отношении. Отпечатанное по его заказу в типографии Головина издание называлось «Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву. С.–Петербург», 1790 г.» Книга состояла из предисловия издателя, биографии Радищева, написанной И.А. Кушевским, и «выдержек» из «Путешествия...».

В литературе принято осуждать издание Шигина как спекулятивную торгашескую поделку. Известно, что так же расценила это издание либеральная и демократическая печать 1860-х годов. Но русский читатель, по существу, впервые за восемьдесят лет смог, наконец, получить пусть неполное, изуродованное, но все же сохранившее свой антикрепостнический характер произведение великого русского писателя-революционера: осуществленное А.И. Герценом в 1858 году в Вольной русской типографии в Лондоне переиздание «Путешествия...» находилось под запретом в России. Кроме того, появление издания Шигина имело важные последствия. Как отметил Н.П. Смирнов-Сокольский, «спекуляция Шигина привлекла пристальное внимание к имени Радищева и позволила ряду литераторов под видом рецензий на изданную книгу напомнить общественности о подлинных фактах из биографии писателя и о его труде – подвиге, именуемом “Путешествие из Петербурга в Москву”»¹⁷⁹. Наконец, нельзя не отметить, что именно шигинское издание повлекло за собой высочайшее повеление о снятии запрета, наложенного на «Путешествие...» Радищева, публикации которого отныне подчинялись общим правилам о печати.

Составленная из нескольких глав, заимствованных из книги Жюль Валлеса «*Les refractaires*», из сочинений Ламенне и некоторых других переводных работ в вольном изложении самого Соколова, книга «Отщепенцы» была отпечатана в 1866 году в типографии В.И. Головина. Цензор Скуратов в своем докладе писал: «Книга «Отщепенцы» по своему характеру едва ли имеет себе подобных на русском языке. Она представляет сборник самых неистовых памфлетов, имеющих целью подкопать все основы цивилизованного общества... Она опасна особенно потому, что в ней коммунистические и революционные доктрины представляются в непосредственной связи с первобытным христианством, как логическое и естественное развитие истинного учения Спасителя и Апостолов»¹⁸⁰.

Цензурный комитет нашел, что «...собранные в книге статьи направлены против самых существенных основ общественного порядка: религии, правительственной власти, права собственности и начал нравственности...»¹⁸¹. Против автора и издателя книги было начато судебное преследование. Санкт-Петербургская судебная палата, считая, что составленное Н.В. Соколовым сочинение заключает в себе «порицание христианской веры и церкви, косвенное возбуждение к неповиновению верховной власти и оспаривание начал собственности», определила: «Подвергнуть... Соколова заключению в крепости на один год и четыре месяца; преступного же содержания книгу... «Отщепенцы», на основании ст. 1045 Уложения о наказаниях, уничтожить»¹⁸². В.И. Головину удалось избежать наказания: приговором судебной власти он был оправдан.

Из агентурных донесений ясно, что некоторое количество корректурных листов книги Соколова попало в руки студентов университета и Технологического института. «Много их уже переписано и в таком виде ходит по рукам между юношами», – сообщалось в донесении от 23 декабря 1866 года¹⁸³.

Из числа выпущенных В.И. Головиным книг преследованию подверглась также «Политическая история новейшего времени. 1816–1863» Вильгельма Мюллера, опубликованная в 1872 году. Типография Головина в 1886 году прекратила свою деятельность по неизвестным нам причинам¹⁸⁴.

Е.П. Печаткин

Влиятельной фигурой в идейном книжном деле 1860-х годов был Евгений Петрович Печаткин (1839–1918). III Отделению он доставлял не меньше хлопот, чем А.А. Черкесов, Н.Л. Тиблен, О.И. Бакст, А.С. Голицын, В.В. Яковлев и другие идейные издатели и книгопродавцы этого периода.

Потомственный почетный гражданин, выходец из купеческого рода (отцу его принадлежала Красносельская писчебумажная фабрика, основанная еще в XVIII веке), Е.П. Печаткин, окончив в 1858 году Санкт-Петербургское коммерческое училище, спустя два года поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Печаткин был активным участником университетских студенческих волнений 1861 года и два месяца содержался в каземате Петропавловской крепости. После освобождения он вошел в состав комитета, созданного для защиты интересов студенчества. В это время в Санкт-Петербурге появились первые печатные прокламации. В их издании и распространении полиция (не без оснований) подозревала и Е.П. Печаткина. Его имя было включено в «Список лиц, у которых

предполагалось сделать одновременный строжайший обыск». Член петербургского отделения «Земли и воли», Печаткин входил в «пятёрку», организованную Н.И. Утиным. III Отделение было обеспокоено, что оба друга – Печаткин и Утин – находились в «предсудительных отношениях» с Чернышевским¹⁸⁵.

Печаткин часто навещал знаменитого критика, беседовал с ним о делах тайного общества. Он занимался также пропагандистской работой в воскресных школах, среди рабочих и крестьян. В 1862 году Печаткин привлекался к следствию по делу так называемой «Карманной типографии» П.Д. Баллода, работавшей нелегально. По высочайшему повелению, объявленному 3 июля 1865 года, он подлежал надзору III Отделения по подозрению в содействии к побегу «политического преступника», члена польского революционного комитета в Санкт-Петербурге П.Э. Юндзилла. Этот побег был делом особого землепользовательского «Спасательного отряда», занимавшегося освобождением из тюрем и переправкой за границу наиболее видных членов «Земли и воли». Печаткин принял активное участие в этой операции¹⁸⁶. Выйдя из заключения в феврале 1863 года, он сдал в университете экзамен для получения степени кандидата, а осенью того же года женился на Варваре Ивановне Глушановской и начал готовиться к магистерскому экзамену по политической экономии¹⁸⁷. В апреле 1865 года Е.П. Печаткин перекупил у своего брата Вячеслава книжный магазин, помещавшийся на Невском проспекте, в доме Армянской церкви¹⁸⁸. В компаньоны Е.П. Печаткин пригласил своего родственника Николая Кудиновича, участника студенческого движения, привлекавшегося к следствию по политическим делам.

За год до приобретения книжного магазина Печаткин открыл в Коломне, на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов) женскую переплетную мастерскую на имя своей жены В.И. Глушановской. Это заведение напоминало швейную мастерскую Веры Павловны – героини романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Мастерская представляла собой артель, членами которой являлись революционно настроенные девушки. Начав деятельность небольшим числом членов и с небольшим капиталом, женская переплетная Глушановской приобрела вскоре широкую известность в кругах передовой молодежи Санкт-Петербурга. Агентура III Отделения с беспокойством доносила, что «к ней примыкает все больше членов из партии передовых молодых людей, как мужчин, так и женщин, которые распространяют учение Чернышевского по плану Герцена. В запретных книгах у них нет недостатка...»¹⁸⁹. В мастерской проводились читки запрещенной литературы, делались доклады о женском труде в духе идей Чернышевского. Запрещенные книги хранились на квартире типографа М.А. Куколь-Яснопольского, который одновременно исполнял обязанности кассира переплетной артели¹⁹⁰. Книги доставлялись из магази-

на Печаткина, где продавалась литература, выпускавшаяся издателями-демократами – Н.Л. Тибленом, О.И. Бакстом, М.А. Куколь-Яснопольским и другими. В магазине можно было достать произведения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, революционно-демократические журналы «Современник» и «Русское слово», издания Вольной русской типографии А.И. Герцена, сочинения Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского, естественнонаучные книги материалистического характера.

Магазин Печаткина охотно посещала молодежь – студенты, офицеры, журналисты, он являлся постоянным местом встреч сотрудников «Русского слова», приверженцев Д.И. Писарева. На средства Печаткина были организованы типографии А.С. Голицына, М.А. Куколь-Яснопольского, печатавшие пропагандистскую по своему характеру литературу. Е.П. Печаткин сотрудничал также с первым русским издателем «Капитала» К. Маркса – Н.П. Поляковым в основанной им фирме «Русская книжная торговля»¹⁹¹.

Компаньонами Печаткина по книжной торговле были также некий Келчевский и отставной капитан В.А. Александров. В жандармской справке Александров характеризовался как «человек совершенно не надежный в политическом отношении. Он крайний из крайних нигилистов... едва ли не опаснее самого Печаткина. Костюм Александрова, состоящий из красной рубашки, подобранных брюк и поддевки, соответствует его убеждениям»¹⁹².

Книжный магазин и переплетная мастерская доставляли много хлопот властям. О них доносили как о местах сбора «нигилистов», где «развивается постепенное зло, которым заражены многие члены молодого поколения»¹⁹³. Деятельность этих новых центров демократического книжного дела взята была под «особо бдительный надзор». Власти постоянно искали повод, чтобы запретить книжную торговлю Печаткина. 30 апреля 1866 года на квартире, где он проживал, и в принадлежавшем ему магазине был произведен обыск, а через две недели Печаткина арестовали по подозрению в причастности к делу Каракозова. Ему ставились в вину знакомство с И.А. Худяковым и издание его «Самоучителя для начинающих обучаться грамоте» (см. с. 212–214). Вскоре, однако, Печаткина из-под ареста освободили, но закрыли магазин. Одновременно усилился надзор за женской переплетной мастерской.

Книгоиздательская деятельность Е.П. Печаткина, как и его книжная торговля, были поставлены на службу освободительного движения. Как издатель Печаткин проявлял особый интерес к естественным и точным наукам. Его привлекала возможность распространять материалистические знания. В издании книг Печаткину помогали в качестве переводчиков и авторов его товарищи и сподвижники по революционной деятельности: писатель И.А. Худяков, участница не-

легальных кружков С.Н. Ткачева (сестра П.Н. Ткачева), издатель-демократ Н.П. Поляков, участники иштугинской издательской артели П.В. Михайлов, А.М. Никольский и другие.

Среди книг, выпущенных Печаткиным, следует назвать «Образование человеческого характера» Р. Оуэна (совместно с Н.И. Билибиным), собрание сочинений Г. Спенсера, «Учение об опухолях» немецкого патолога Р. Вирхова, «Устройство Вселенной» английского физика Д. Тиндаля, «Путешествие на Север» немецкого естествоиспытателя К. Фогта, «Очерки и рассказы» Г.И. Успенского, роман популярного в демократических кругах писателя П.Д. Боборыкина «Сolidные добродетели» и сборник «Стенографические отчеты. Замечательные уголовные дела», составленный С.Н. Ткачевой.

По данным инспекторского отчета за 1867 год в переплетной мастерской Глушановской работало всего пять рабочих «женского пола». Объяснялось это закрытием типографии Куколь-Яснопольского, снабжавшей артель работой. В отчете отмечалось, что работницы мастерской, «насколько можно судить по их наружности, не принадлежат к простому званию»¹⁹⁴. В конце 1869–начале 1870 года Печаткин передал основанную им женскую переплетную мастерскую В.А. Иностранцевой¹⁹⁵, сестре известного геолога.

По-видимому, в дальнейшем Е.П. Печаткин отошел от активной общественной и издательской деятельности. Умер «друг Утина и сборник Герцена», как его охарактеризовал агент III Отделения, в 1918 году в Петрограде, став свидетелем Октябрьской революции и победы народа, во имя светлого будущего которого он боролся и трудился на поприще книжного дела.

В.В. Яковлев и А.С. Голицын

В 1861 году (почти одновременно с открытием книжного магазина Н.А. Серно-Соловьевича) книжный магазин Л.И. Жебелева, помещавшийся в доме Казанского собора (Невский пр., 25/1), приобрел сын отставного генерала, выпускник Училища правоведения, мировой судья Василий Васильевич Яковлев. «Покупка подобного магазина, особенно Яковлевым, человеком молодым еще и без всяких средств, удивила многих, знакомых с торговлею этого рода, – доносил жандармский агент. – Оказалось, однако ж, что деньги на покупку Яковлев получил от Серно-Соловьевича в виде займа»¹⁹⁶.

Вскоре В.В. Яковлев перевел книжный магазин к Аничковому мосту (угол Караванной ул. и Невского пр.). Здесь же он открыл читальню, которая «только и посещалась студентами и всякого рода нигилистами»¹⁹⁷. В ней бывал до своего ареста Н.Г. Чернышевский. Посещали читальню И.А. Худяков, В.А. Слепцов, братья В.С. и В.С. Курочки-

ны и другие известные деятели демократического движения. Яковлев поддерживал постоянный контакт с книжным магазином Н.А. Серно-Соловьевича – фонды читальни пополнялись из его запасов.

Яковлев сменил всех старых приказчиков, работавших у Жебелева, приняв на их место «своих» людей. При наступлении срока платежа по займу, полученному у Серно-Соловьевича, Яковлева ссудил деньгами А.С. Голицын, который таким образом стал совладельцем магазина.

Князь Александр Сергеевич Голицын, подобно Яковлеву, окончил в 1864 году Училище правоведения¹⁹⁸. Голицын был фиктивным мужем Варвары Александровны Зайцевой, родной сестры публициста-демократа В.А. Зайцева. Связанная с революционными кругами, она находилась под надзором полиции «за проявление ею учения своего о нигилизме»¹⁹⁹. Рассказывая о женитьбе Голицына на Зайцевой, Е.И. Жуковская (Ценина) характеризует его как молодого состоятельного человека, воодушевленного «благими намерениями быть полезным человечеству»²⁰⁰.

Яковлев и Голицын приняли «в пай» бывшего студента Московского университета Якова Андреевича Сулина. В 1861 году он привлекался по делу о Первой русской вольной типографии, устроенной в Москве, и был причастен к выпуску запрещенной литературы, в том числе и воззвания Н.Г. Чернышевского «Барским крестьянам». Сулин являлся также членом тайного общества «Библиотека казанских студентов», основанного студентами Московского университета, покинувшими Казанский университет. В 1863 году он вновь подвергся аресту по обвинению в причастности к «Земле и воле» и в 1866 году был сослан в Нарымский край. Яковлев и Голицын отсылали Сулину в Сибирь его часть доходов. Связь между ними осуществляла двоюродная сестра Сулина Мария Сошальская, служившая одно время приказчицей в магазине Яковлева, а после осуждения Сулина последовавшая за ним в Сибирь²⁰¹.

В справке, составленной 26 июля 1866 года III Отделением, о Яковлеве и принадлежавшем ему книжном магазине говорилось следующее: «Яковлев не раз обращал на себя внимание как человек в высшей степени зараженный духом нигилизма и противоправительственным направлением... Открыв книжный магазин с особою читальнею, Яковлев сделал его местом сборища нигилистов и нигилисток, не служащего и ничего не делающего народа, собирающегося туда под предлогом чтения книг и газет»²⁰². В перлюстрированном письме полковнику Н.Н. Коптеву в Москву от его сына сообщалось, что магазин на углу Караванной улицы и Невского проспекта охотно посещает молодежь 15–17 лет. Сам магазин изображен как «рассадчик» нигилизма²⁰³.

Здесь после закрытия магазина Серно-Соловьевича работала приказчицей А.Н. Энгельгардт. Одно время при библиотеке трудилась Е.И. Жуковская (Ценина). В III Отделение неоднократно поступали

донесения о том, что Яковлев и Голицын «занимались противозаконными действиями», а в справке от 26 июля 1866 года прямо указывалось, что «книжный магазин, руководимый Яковлевым, не приносит ничего кроме вреда»²⁰⁴. Все это, особенно после апрельских событий 1866 года, не могло не настораживать власти. В магазине неоднократно устраивались обыски, а 29 июля 1866 года вышло распоряжение «о безотлагательном прекращении книжной торговли и закрытии библиотеки для чтения в столице»²⁰⁵. Несмотря на это, Яковлев некоторое время продолжал торговлю книгами, за что был приговорен к «денежному взысканию в пользу устройства мест заключения в количестве ста рублей серебром»²⁰⁶.

В сентябре того же года о разрешении на приобретение книжного магазина и библиотеки для чтения Яковлева ходатайствовал Нестор Иванович Ламанский. Ему было отказано на том основании, что «по отзыву управляющего III Отделением, имеются сведения, служащие не в его пользу»²⁰⁷.

Помимо книжной торговли Яковлев и Голицын занимались также издательской деятельностью. Это облегчалось тем обстоятельством, что в распоряжении Голицына имелась собственная типография, которая помещалась по адресу: Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова), 81. Он приобрел ее в 1864 году на деньги, полученные в наследство (90 тысяч рублей).

9 января 1865 года Яковлев и Голицын устроили в помещении «Пасажа» «домашний» (любительский) спектакль. Обер-полицмейстер выдал разрешение «с тем, чтобы не продавать билетов и не выпускать афиш». Однако билеты все же были отпечатаны и, по донесению полицейского агента, «скрытно продавались за высокую цену»²⁰⁸. На спектакле, где шли сцены из пьес «Наталка-Полтавка» Н.В. Лысенко и «В чужом пиру похмелье» А.Н. Островского, в числе зрителей находились, как подчеркивал агент, «стриженные работницы» из переплетной мастерской Печаткиной. Сбор от этого спектакля, составивший 900 рублей серебром, предназначался в пользу осужденных на каторжные работы Н.Г. Чернышевского и М.Л. Михайлова²⁰⁹.

Книжный магазин Яковлева и Голицына служил постоянным местом встречи «Издательской артели», организованной ищутинцами в 1865 году. Она была создана с целью издания главным образом переводных научных трудов из разных областей знаний без посредничества издателей. Руководителями и членами артели являлись демократические деятели 1860-х годов: П.Л. Лавров, член «Земли и воли» А.Д. Путята, А.А. Черкесов, поэт И.А. Рождественский, инженер-поручик П.В. Михайлов, журналист А.Ф. Головачев, земледелец В.Я. Евдокимов, Ю.Г. Жуковский, Е.И. Жуковская (Ценина) и другие, всего около 60 человек²¹⁰. «Издательская артель» служила легальным прикрытием тайного общества, ее члены замыслили ряд

антиправительственных актов, в том числе побеги Н.Г. Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича из ссылки.

Участники артели входили в библиотеку для чтения Яковлева, где происходили заседания, «поздно вечером, с черного хода... и оставались там до 3 и 4 часов утра»²¹¹. Официального разрешения на открытие артель не имела, и в связи с покушением Каракозова многие члены артели были арестованы. Это также повлияло на судьбу магазина²¹².

Типография А.С. Голицына работала до 1865 года. В ней под маркой книжного магазина Яковлева вышел ряд книг социально-экономического и естественнонаучного характера. В качестве издателей выступали В.О. Ковалевский, А.Н. Пыпин, Л.П. Шелгунова, О.И. Бакст, Я.А. Сулин, П.И. Вейнберг. Ряд изданий был посвящен истории революции конца XVIII века и революции 1848 года во Франции, а также нидерландской революции XVI века. В 1865 году в типографии Голицына печаталась книга «Основания политической экономии» Д.С. Милля в двух томах — первое полное издание перевода, осуществленного Н.Г. Чернышевским. «Издание книги Милля на русском языке в ее полном составе, окончательно приготовленное, переводчик предоставлял себе сделать впоследствии — говорилось в предисловии «От издателя». — В настоящее время мы исполняем его желание, печатая его полный перевод сочинений Милля»²¹³. Имя переводчика — «государственного преступника», естественно, не указывалось, но издателью книги А.Н. Пыпину, удалось сохранить значительную часть подстрочных примечаний к сочинению Милля, сделанных Чернышевским. Предупреждая читателей, что дополнения Чернышевского не вошли в настоящее издание, Пыпин обещал, что они «быть может при благоприятных обстоятельствах будут собраны и изданы в виде дополнительного тома»²¹⁴. Осуществить этот замысел не удалось, так как «благоприятные обстоятельства» так и не представились.

В 1865 году типография Голицына перешла в собственность Аполлона Филипповича Головачева (см. с. 216–220), писателя и общественного деятеля, сотрудника «Современника»²¹⁵. Голицын ушел, но типография оставалась в «надежных» руках. «Голицын, — писала Жуковская, — заслуживает доброй памяти уже потому, что это один из немногих, не погрешивших на деле против своих взглядов и убеждений»²¹⁶.

В.О. Ковалевский

Литературно-издательская деятельность выдающегося ученого-палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842–1883) теснейшим образом переплетена с деятельностью А.А. Черкесова, Е.П. Печаткина, О.И. Бакста, Н.Л. Тиблена и других передовых издателей и книготорговцев 60-х годов XIX века. Окончив Училище правоведе-

ния в 1861 году, Ковалевский начал службу в Сенате и одновременно посещал в качестве вольнослушателя лекции в Медико-хирургической академии. В начале 60-х годов он находился за границей и сблизился в Лондоне с Герценом и революционными эмигрантскими кругами. По возвращении в Санкт-Петербург Ковалевский занялся издательской деятельностью, которая протекала параллельно с его палеонтологическими исследованиями, высоко оцененными специалистами. В 1868 году Ковалевский женился на Софье Корвин-Круковской. Брак с выдающимся ученым-математиком Софьей Ковалевской в немалой степени определил его судьбу.

Начало литературно-издательской деятельности Ковалевского относится к 1864 году. Уже первые издания показали, что основная область его издательских интересов – естественные науки. В то же время он шел навстречу потребностям общественного развития России. Если, издавая книги по физике, химии, астрономии, ботанике, зоологии, антропологии, геологии, гистологии, он ставил своей задачей пропаганду научно-материалистического понимания природы и передовых естественнонаучных идей, то выпущенные им сочинения по социальным наукам имели целью распространение передовых общественных взглядов, пропаганду наиболее прогрессивных форм общественного развития. В числе первых Ковалевский издал сочинения Т.Г. Гексли, А. Келликера, Г. Моля, О. Уле и других популярных в те годы естествоиспытателей. В 1865 году он начал издание много томного труда А.Э. Брема «Иллюстрированная жизнь животных» (вышло пять томов). Этот масштабный проект стал плодом усилий большого коллектива редакторов, переводчиков, корректоров, иллюстраторов, а также типографов и книгопродавцев. Д.И. Писарев в своей известной статье «Реалисты» дал восторженный отзыв об «Иллюстрированной жизни животных». «Эта книга, – писал он, – задумана в громадных размерах, написана самым простым и увлекательным языком с удивительным знанием дела, с удивительным пониманием характера и ума различных животных и самую здоровую, неподкрашенную любовью к природе и к жизни во всех ее проявлениях... Читаешь и оторваться не хочется»²¹⁷. Писарев признавался, что, приобретая эту книгу, в течение нескольких дней ни о чем не мог думать, кроме Брема, «просто ошалел от радости». «И эту великую, именно великую книгу переводят на русский язык», – радовался Писарев.

Критик советовал выпустить не только богатое издание с картинками, идентичное немецкому оригиналу, но и «другое, дешевое, на серой бумаге, без картин, с тем, чтобы Брем проник в каждое грамотное семейство»²¹⁸. «Невозможно представить себе, какое море живой мысли и свежего чувства хлынет вместе с этою книгою в умы всего читающего человечества», – заключил Писарев свой отзыв о Бреме²¹⁹.

Издания по социальным наукам этого периода представлены книгами Д.С. Милля, Д.Ф. Стифена, Д.Г. Льюиса. Во второй половине 60-х годов были изданы «История цивилизации Германии» И. Шерра, «Отрывки из “Царствования королевы Елизаветы”» Г.Т. Бокля, «История Греции» и «История Рима» О. Йегера и другие. Ковалевскому удалось осуществить переиздание повести Герцена «Кто виноват?». Ее второе издание (1871) было уничтожено на основании высочайшего повеления о недопущении в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества.

Изданная Ковалевским книга «Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском» И.И. Панаева также была признана «вредной» за то, что в ней упоминались имена политических эмигрантов — Герцена, Огарева и Бакунина, о которых автор к тому же отзывался сочувственно. После того, как Ковалевский согласился перепечатать места, не отвечавшие цензурным требованиям, разрешение на выпуск книги в свет было получено.

В 1870-х годах он продолжил выпуск естественнонаучной литературы. Внимание Ковалевского-издателя привлекли труды Ч. Дарвина. Он лично знал великого английского естествоиспытателя, был убежденным дарвинистом и много сделал для популяризации его идей в России.

Знаменитая книга Дарвина «Происхождение видов» переводилась и издавалась выпусками, параллельно с ее публикацией в Англии. При этом русский перевод начал выходить раньше, чем английское издание. В объявлении, помещенном на обложке книги, Ковалевский писал: «Автор согласился передать нам право на печатание его нового сочинения в русском переводе; он был так добр, что начал посылать издателю корректурные листы еще до напечатания в Англии и прислал клише со всех рисунков сочинения; это дает возможность, начавши выпускать книгу даже раньше английского подлинника, окончить ее совершенно параллельно с оригиналом». Общую редакцию осуществлял профессор И.М. Сеченов.

В ноябре 1872 года в Англии вышел новый труд Дарвина по теории эволюции — «О выражении ощущений у человека и животных», который сразу же привлек внимание Ковалевского. Он взялся за его перевод совместно с М.А. Боковой (Сеченовой). Завершая свою работу об антракотерии²²⁰, Ковалевский обратился к Дарвину с просьбой о разрешении посвятить ему свой труд. Дарвин ответил письмом от 21 мая 1873 года, единственным, адресованным Ковалевскому, которое дошло до нас. Дарвин писал: «Мой дорогой сэр. Благодарю Вас за Ваше чрезвычайно интересное письмо. Вашу статью в «Известиях Королевского общества» я считаю очень ценным вкладом в науку и если бы Ваш адрес был мне известен, я написал бы Вам тогда же.

Но что гораздо важнее моего личного мнения, это то, что профессор Флауер, по моим сведениям, цитирует некоторые из Ваших обобщений на своих лекциях и вообще с ними согласен.

Мне чрезвычайно приятно слышать, что Ваши дальнейшие исследования протекают успешно. Посвящение, о котором Вы говорите, будет для меня очень лестно, и я смотрю на него как на высокую честь»²²¹.

Ковалевскому принадлежит честь создания первого в мире дарвинистского руководства для средней школы – «Краткого учебника зоологии». В числе последних издательских предприятий Ковалевского следует отметить выпуск так называемого «маленького» или «народного» Брема в трех томах (именно это советовал сделать Писарев) и серию «Древние классики для русских читателей». «Рядом небольших томов, – говорилось в предисловии издателя к «Илиаде» Гомера, – мы намерены дать лицам, не получившим основательного классического образования, возможность ознакомиться с великими греческими и римскими писателями, с содержанием их произведений и отличительными чертами их изложения»²²².

По своей издательской деятельности Ковалевский был связан с типографиями Н.Л. Тиблена, А.М. Котомина, М.А. Куколь-Яснопольского, Ф.С. Сущинского, А.С. Голицына, В.И. Головина, А.Ф. Головачева, с книжными магазинами Е.П. Печаткина и М.П. Надеина. Особенно близкие отношения установились у него с А.А. Черкесовым и В.Я. Евдокимовым, которым он поручил ведение своих издательских начинаний. В 1876 году он вошел в состав администрации, которая была учреждена для управления пришедшим в упадок магазином Черкесова.

10 марта 1876 года старший инспектор по надзору за типографиями и книжными магазинами доносил о разрешении титулярному советнику В. Ковалевскому содержать книжный магазин в 1-м участке Спасской части, в доме Армянской церкви (современный адрес – Невский пр., 40). К этому же времени относится сотрудничество Ковалевского с газетой «Новое время», приобретенной А.С. Сувориным. Тогда же на имя Ковалевского была приобретена типография для печатания газеты. Но уже в следующем году она перешла в собственность В.И. Лихачева и А.С. Суворина, а еще через год, в 1878 году, единоличным собственником типографии и книжного магазина, который ранее был в совместной собственности, стал Суворин. Так распалась компания Лихачева–Суворина–Ковалевского и одновременно началась головокружительная карьера Суворина.

В 1875 году С.В. Ковалевская писала А.О. Ковалевскому, брату Владимира Онуфриевича: «Володя потратил лучшие годы своей молодости на издания, и, как говорят здесь единогласно все *Fachkennner* (знатоки. – И.Б.), вел дело очень недурно и вероятно достиг бы пре-

красных результатов, если бы по недостатку выдержки и потому, что я в то время была неразумным, ничего не смыслящим в житейских делах птенцом, не бросил дело в самую горячую минуту на производ судьбы. Это была, конечно, большая ошибка...»²²³.

В.О. Ковалевский, разойдясь с Сувориным, брался то за одно, то за другое дело, вступил в Товарищество нефтяного производства Рагозиных в качестве технического директора и, наконец, в 1883 году сломленный многолетней борьбой за существование, преследуемый кредиторами и сплетнями, он в состоянии душевной депрессии кончил жизнь самоубийством. Так завершился жизненный путь В.О. Ковалевского, в котором тесно переплелись талант ученого и, как он сам себя называл, «заядлого издателя».

Н.П. Поляков

В середине 1860-х годов на издательское поприще вступил один из самых интересных представителей демократического книжного дела Санкт-Петербурга второй половины XIX века Николай Петрович Поляков (1843–1905). «...Человек нигилистического направления, живший в кругу людей, оставшихся после Чернышевского и разделявший его воззрения», – так характеризовал Н.П. Полякова хорошо знавший его В.В. Берви-Флеровский²²⁴.

Родился Поляков в селе Верхняя Добринка Камышинского уезда Саратовской губернии. Отец его, Петр Федорович Поляков, разночинец по происхождению, дослужился до звания потомственного дворянина. В 1860 году Н.П. Поляков окончил 2-ю петербургскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1861 году ему пришлось уйти с третьего курса в связи со студенческими волнениями, в которых он, судя по всему, принимал участие²²⁵. Возможно, позднее Поляков завершил учебу в университете, но уже в качестве вольнослушателя, при этом он получил звание юриста²²⁶. В справке III Отделения от 11 августа 1866 года утверждалось, что Поляков «получил воспитание в здепнем университете»²²⁷. В этой же справке говорилось, что «Поляков «принадлежит к шайке Тиблена, Печаткина и К^о» и участвовал в переводе третьего тома «Истории цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля, изданной Н.А. Тибленом. Поскольку два тома вышли в 1864 году, можно предположить, что знакомство его с Тибленом состоялось еще до их выхода в свет.

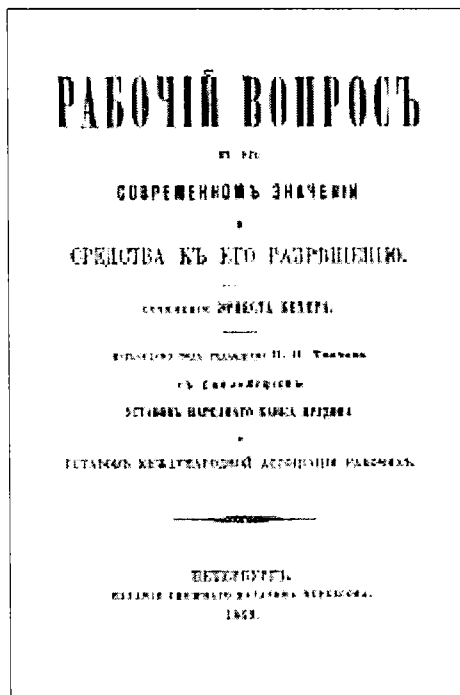
В марте 1866 года Поляков приобрел книжную торговлю Н.А. Тиблена, внеся за нее 15 тысяч рублей, а также часть книжной торговли Е.П. Печаткина и взял на арендное содержание типографию и литографию Н.А. Неклюдова на Васильевском острове²²⁸. Однако III Отделение и министр внутренних дел отказали Полякову в праве владения книжным магазином и типографией, как лицу «неблагонадежному»²²⁹.

Н.А. Серно-Соловьевич

А.А. Черкесов

Э. Бехер. «Рабочий вопрос». Издание А.А. Черкесова. 1869. Титульный лист

Невский проспект, 24. Начало 1900-х. Здесь в 1862 г. открылись книжный магазин и библиотека для чтения Н.А. Серно-Соловьевича

И.П. Огрызко

А.И. Вильборг

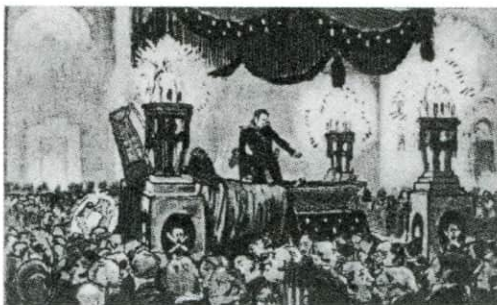
Р.Р. Голике

Здание типографии Н.А. Тиблена (В.О., 8-я линия, 25).
Современная фотография

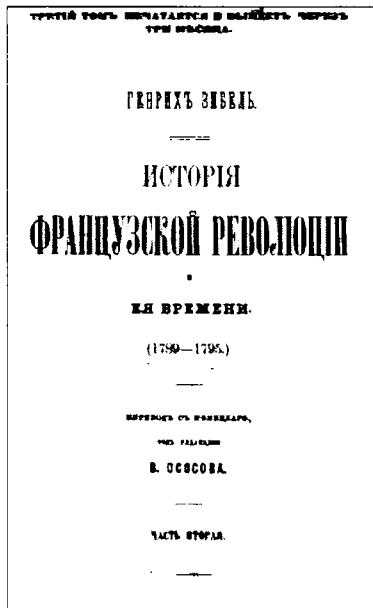

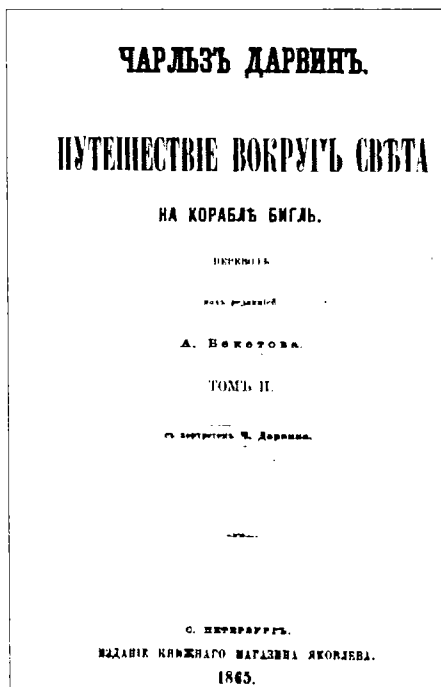
Здание Товарищества А.И. Вильборга
(Гражданская ул., 2). До 1904 г.

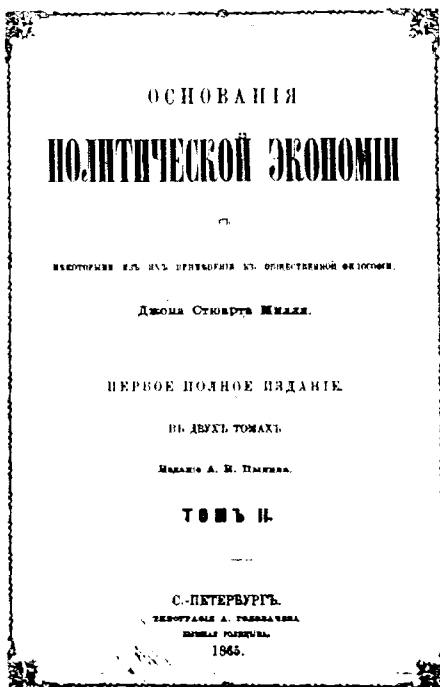
А.С. Пушкин. «Пиковая дама».
Издание Товарищества Р. Голике
и А. Вильборг. 1911.
Иллюстрация.
Художник А.Н. Бенуа

Г. Зибель. «История Французской революции». Типография А.С. Голицына. 1864. Титульный лист

Ч. Дарвин. «Путешествие вокруг света на корабле “Бигль”». Издание книжного магазина В.В. Яковлева. 1865. Титульный лист

Д.С. Милль. «Основания политической экономии». Типография А.Ф. Головачева. 1865. Титульный лист

Группа студентов Санкт-Петербургского университета. (Сидят: слева направо Л.Ф. Пантелеев (пятый), Н.А. Неклюдов (седьмой); стоят: слева направо П.А. Гайдебуров (первый), Н.И. Уткин (третий), Е.П. Печаткин (четвертый)

Ф.Ф. Павленков

Д.Е. Кожанчиков

Л.Ф. Пантелев

Вид на дом 36 по Невскому проспекту, где располагался книжный магазин П.А. Гайдебурова–Ф.Ф. Павленкова.
Литография. 1850-е

Объединенная книжная торговля Тиблена, Печаткина и Полякова именовалась с 1866 года как «Русская книжная торговля». Эта марка значится на ряде книг, изданных Поляковым в 1867–1869 годах. Встречается и другая марка – «Н. Поляков и К^о» (на изданиях 1866–1867 годов). Под «К^о» надо понимать тех же – Тиблена, Неклюдова и Печаткина, с которым Поляков продолжал вести дела и под вывеской «Русской книжной торговли». Объединенная «Русская книжная торговля» помещалась в доме Армянской церкви (Невский пр., 42) в бывшем магазине Е.П. Печаткина. В дальнейшем Поляков продолжал негласно сотрудничать с «Русской книжной торговлей», которая просуществовала до 1875 года. В 1876 году он вошел в состав администрации, к которой перешли дела В.Я. Евдокимова и Д.Е. Кожанчикова (фирма «Черкесов и К^о»)²³⁰.

Издательская деятельность Полякова продолжалась менее десяти лет, с 1865 по 1873 год. В основном он издавал книги по социальным вопросам, интересовавшим передовое русское общество, при этом все его издания были связаны с большим риском: Поляков настойчиво выпускал книги тех авторов, которые подвергались полицейским и цензурным преследованиям, – сочинения Н.А. Добролюбова, П.Л. Лаврова, А.П. Щапова, В.В. Берви-Флеровского и других. Изданные им книги иностранных писателей также встречали большие цензурные препятствия. В качестве переводчиков Поляков приглашал лиц, зарекомендовавших себя как носители революционно-демократических убеждений (Г.А. Лопатин, Н.Ф. Даниельсон, В.А. Зайцев, М.А. Бакунин, братья А.А. и П.А. Кропоткины и другие). Поляков щедро оплачивал труд авторов и переводчиков. Публицист В.А. Зайцев, находившийся в это время за границей и испытывавший большую нужду, существовал практически только за счет предоставлявшихся ему Поляковым переводов.

Поляков был связан с кружком чайковцев, который в основном занимался распространением среди молодежи прогрессивной литературы по доступным ценам. В.В. Берви-Флеровский вспоминал: «Молодые люди, создавшие организацию, работали в ней с полным самоотвержением. Они ворочали большим капиталом, а сами часто голодали или брали ничтожные деньги за переводы серьезных книг, издававшихся чуть ли не исключительно Поляковым. Всю работу издания и распространения книг они производили окончательно и безвозмездно... У них были агенты во всех городах, даже в медвежьих углах, где был какой-нибудь десяток интеллигентных молодых людей, и все эти агенты действовали с тем же самым самоотвержением, как и центральная организация»²³¹.

С конца 1860-х годов Поляков издавал книги по взаимной договоренности с чайковцами. Хотя на многих изданиях из конспиративных соображений не указывалось имя издателя, тем не менее причастность к ним Полякова удавалось установить и он неоднократно при-

влекался к суду, а изданные им книги подвергались, как правило, конфискации и сожжению. Это «Сочинения» Ф. Лассаля (1870), «Левиафан» Т. Гоббса (1868), «Философия истории» Вольтера (1868), «Романы и повести» Д. Дидро (1872), «Азбука социальных наук» В.В. Берви-Флеровского (1871) и другие.

В 1869 году Поляков выпустил книгу известного русского экономиста-народника В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», получившую высокий отзыв К. Маркса. «Книга Флеровского... – писал Маркс Лафаргам, – выдающийся труд... Здесь впервые полностью обрисовано экономическое положение России»²³². С именем Полякова связано также первое русское издание «Капитала» К. Маркса. Идея перевода «Капитала» зародилась в кружке революционной молодежи, уже упоминавшемся «Рублевом обществе». В связи с разгромом группы в 1868 году перевод «Капитала» было решено доверить М.А. Бакунину, жившему в эмиграции и испытывавшему большую нужду. Член «Рублевого общества» Н.Н. Любавин обратился к Н.П. Полякову с просьбой обеспечить Бакунина необходимыми для этой работы книгами и деньгами. Однако Бакунин перевел только первую часть первой главы и в 1870 году прекратил работу. Тогда за эту работу взялся Лопатин, близко сошедший с Марксом и его семьей. Но ему также не удалось закончить перевод «Капитала» (он успел подготовить две трети первого тома), так как ему пришлось выехать в Сибирь для организации побега Чернышевского из Вилюйской тюрьмы. Дело, начатое Лопатиным, продолжил и завершил русский народник Н.Ф. Даниельсон. В работе принимал участие также друг Лопатина и Даниельсона Н.Н. Любавин. Главная заслуга перевода на русский язык терминологии «Капитала» принадлежит Г.А. Лопатину.

Издание русского перевода первого тома «Капитала» Маркса было осуществлено Поляковым, который еще 4 августа 1868 года поместил в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление о предстоящем выходе книги. «Капитал» Маркса в переводе Даниельсона вышел в Петербурге в 1872 году тиражом 3000 экземпляров. Царская цензура не смогла воспрепятствовать изданию «Капитала». Один из цензоров книги писал так: «Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее. При том же исследование автора относится исключительно к заграничным порядкам фабричной промышленности, преимущественно английской, о русских фабриках упоминается только вскользь в двух или трех местах»²³³.

8 апреля 1872 года в магазине Черкесова на Невском проспекте появились первые экземпляры только что вышедшего из печати русского перевода «Капитала». Книжный магазин Черкесова оповестил читателей о выходе «Капитала» через газету «Санкт-Петербургские ведомости», затем подобные же объявления появились и в других петербургских и московских газетах и журналах. В течение двенадцати

месяцев со дня выхода «Капитала» было распродано около 1000 экземпляров. Получив присланный Даниельсоном экземпляр перевода, Маркс отметил: «Перевод сделан мастерски»²³⁴. Друг Маркса рабочий Леснер вспоминал: «Когда готовый экземпляр русского «Капитала» дошел, наконец, из Петербурга, то это событие, как важное знамение времени, превратилось для Маркса, его семьи и для его друзей в настоящее торжество»²³⁵. В дальнейшем «Капитал» в России выходил и в других переводах (В.В. Струве, И.И. Скворцова-Степанова).

Постоянные конфискации, аресты, штрафы, судебные процессы подрывали материальную базу издательства. На судьбе Полякова сказался и разгром организации чайковцев – тайного распространителя и заказчика его изданий. Отдельные попытки Полякова продолжить издательскую деятельность во второй половине 1870-х годов и в дальнейшем успеха не имели. Поляков оказался разорен: выпущенных им изданий было уничтожено на сумму 665 тысяч рублей.

Поляков собрал уникальную библиотеку редких книг, в основном уничтоженных царской цензурой и сохранившихся в ничтожно малом числе экземпляров, а также не законченных печатанием по цензурным обстоятельствам. Его собрание, которое принесло ему славу одного из крупнейших библиофилов Санкт-Петербурга, включало рукописи, имевшие историческое значение, секретные документы. В своем первоначальном виде библиотека Полякова не сохранилась. О ее составе можно судить по составленному им рукописному каталогу. По некоторым сведениям последние годы жизни Поляков служил управляющим помещьем у члена Государственного совета барона Д.Г. фон Дервиза, выдающегося юриста, отличавшегося либеральными взглядами.

О последних месяцах жизни Полякова поведал библиограф С.Р. Минцлов: «Собирая справки по библиографическому вопросу, зашел я сегодня к известному Николаю Петровичу Полякову – человеку, истратившему в семидесятых годах целое состояние на издание книг, из которых огромное число было уничтожено цензурой, не увидав света. Типичный, похожий на Владимира Соловьева старик, с длинной седою бородою и еще черными, густыми, клокастыми бровями – принял меня лежа в постели, с которой не сходит уже седьмой месяц»²³⁶.

Поляков скончался 10 марта 1905 года «от старческого истощения сил» в своей петербургской квартире на Васильевском острове (5-я линия, 34, квартира 16) и погребен на Смоленском православном кладбище.

Д.Е. Кожанчиков

Невский проспект, 54. Здесь, напротив Императорской публичной библиотеки, в доме Демидова, в 1858 году открылся «Магазин русских и иностранных книг Комиссионера Императорских университе-

тов Св. Владимира (в Киеве. – И.Б.), Дерптского²³⁷ и Харьковского, Археографической комиссии, Археологического общества Д.Е. Кожанчикова».

Сын крепостного крестьянина, Дмитрий Ефимович Кожанчиков (ок. 1821–1877) не получил систематического образования. В гимназию он поступил уже юношей. Рано женившись и уйдя из гимназии, он некоторое время работал в Дирекции московских театров кассиром. Его страстью стала современная литература. Увлёкся он также теориями французских социалистов-утопистов и даже выучил французский язык, чтобы читать их произведения в оригинале. По словам его близкого знакомого К.А. Манна, у Кожанчикова «был шкаф, битком набитый запрещенными книгами на французском языке, проповедующими теории самые крайние, невозможные»²³⁸.

В 1853 году Кожанчиков переехал в Санкт-Петербург, приняв на себя управление конторой изданий А.А. Краевского. Здесь он сошелся со многими известными литераторами, одновременно постигая искусство вести издательские и книготорговые дела.

Дмитрий Ефимович Кожанчиков был, по характеристике Г.З. Елисеева, «человек, понимающий торговое дело, осторожный, одаренный... ловкостью найти всюду нужные входы и выходы и умением не упустить своего интереса там, где он сколько-нибудь наклеивается»²³⁹. По словам того же Елисеева, в начале шестидесятых годов книжный магазин Кожанчикова был «самый блестящий из всех петербургских магазинов. Он пользовался не только сочувствием всей образованной публики новых воззрений, но около него группировалась почти вся литературная пресса того времени»²⁴⁰. Действительно, в 1860-х годах при книжном магазине Кожанчикова находились конторы известных демократических и либеральных изданий – «Отечественные записки», «Юридический вестник», «Искра», «Современное слово», «День», «Голос».

Д.Е. Кожанчиков был близок ко многим передовым деятелям своего времени. Среди них – Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич, А.А. Черкесов, В.О. Ковалевский, Н.Л. Тиблен, И.А. Худяков и другие. Известны также контакты Кожанчикова с участниками революционного подполья. Имя Кожанчикова фигурирует в материалах политических процессов 1860–1870-х годов. Он, в частности, привлекался к следствию по делу Н.А. Серно-Соловьевича («Процесса 32-х»). Известно, что во время тайного приезда политического эмигранта В.И. Кельсиева в Россию по делам революционного подполья в 1862 году Кожанчиков сопровождал его в Москву.

Главным приказчиком в магазине Кожанчикова был Матвей Яковлевич Свириденко – один из активных деятелей общественного движения конца 1850-х–начала 1860-х годов. Юрист по образованию, он являлся одним из наиболее влиятельных членов кружка «вертепников»,

созданного преподавателями и студентами Московского университета и действовавшего в 1855—1858 годах с целью изучения пропаганды демократических и социалистических идей, а затем вошел в состав «Земли и воли». Свириденко являлся убежденным социалистом и агитатором, который смотрел на книжное дело как на средство революционного служения²⁴¹. Чернышевский в письме к В.Д. Костомарову от 2 июля 1861 года писал: «У меня теперь там (в Москве. – *И.Б.*) кроме Котляревского, есть еще добрый знакомый Свириденко, человек вполне порядочный...»²⁴². В ноябре 1861 года Свириденко переехал в Санкт-Петербург, а уже 21 января 1862 года московский обер-полицмейстер граф Г.К. Крейц доносил в III Отделение: «Кожанчиков, книгопродавец в Петербурге, и приказчик его Свириденко имеют большой склад запрещенных книг, служат местному комитету («Земли и воли». – *И.Б.*) для распространения изданий тайного общества по России и ведут переписку с обществом на юге России»²⁴³. За Свириденко был установлен тайный полицейский надзор.

По свидетельству современников, Кожанчиков был душой своеобразного литературного клуба «Балабаевка». Так назывался трактир в доме Балабина на Садовой улице, рядом с Публичной библиотекой. «Туда сходилось все, что только работало в литературе, – вспоминал Н.И. Костомаров, – ...велись оживленные беседы, споры, составлялись предположения, утопии, – и кого только здесь не перебывало... Не будь там Дмитрия Ефимовича Кожанчикова, не сходились бы туда все господа... Кожанчиков был как бы фокусом, соединявшим весь круг лиц... Можно было бы подумать, что каждодневное сиденье книгопродавца в трактире вредно действовало на его торговые занятия, – не то показывали результаты»²⁴⁴.

Книготорговая и книгоиздательская деятельность Кожанчикова демонстрировали его оппозиционность властям. Среди его изданий преобладали книги исторического характера, произведения прогрессивной художественной литературы. Им были изданы сочинения Н.И. Костомарова, Ф.И. Буслаева, французского историка А. Токвиля, «Записки» переводчика и театрала С.П. Жихарева. Подобно Н.А. Серно-Соловьевичу, Кожанчиков выпускал этнографические сборники, составленные из трудов близких к демократическим кругам авторов, – В.В. Варенцова, П.И. Якушкина, С.В. Максимова²⁴⁵.

Учитывая интерес, который деятели революционного движения проявляли к раскольниковству как оппозиционной силе, Кожанчиков выпустил несколько книг по этой теме («Раскольниковьи дела XVIII столетия» историка Г.В. Есипова, «Житие протопопа Аввакума» и другие). Из произведений художественной литературы им были изданы сочинения И.С. Тургенева, А.Н. Островского, «Обломов» И.А. Гончарова (1859), «Тысяча душ» А.Ф. Писемского (1858). Заслужено Кожанчиков является издание «Кобзаря» Т.Г. Шевченко (1867). По совету

Н.Г. Чернышевского и под его редакцией Кожанчиков выпустил «Новые повести и рассказы» украинской писательницы революционно-демократического направления Марко Вовчка (1861).

В 1862 году Кожанчиков предпринял попытку легального переиздания в России сочинений Герцена. Он обратился к Герцену с письмом, которое было доставлено в Лондон А.И. Ничипоренко. При этом Кожанчиков сумел заручиться поддержкой «либерального» министра народного просвещения А.В. Головнина, однако Герцен к этому времени передал право на издание своих сочинений Н.А. Серно-Соловьевичу, и задуманное Кожанчиковым издание не было осуществлено²⁴⁶.

В 1875 году произошло объединение книжных магазинов Черкесова и Кожанчикова, а в 1876 году была учреждена коллективная администрация. Однако совместная книжная торговля велась недолго. 12 декабря 1877 года Д.Е. Кожанчиков скоропостижно скончался от апоплексического удара. Погребен он на Волковом кладбище – последнем пристанище многих русских писателей и петербургских книжников.

П.А. Гайдебуров

К прогрессивных книготорговцам и издателям 1860-х годов принадлежал и Павел Александрович Гайдебуров (1841–1893), в дальнейшем издатель народнической газеты «Неделя».

В начале 1860-х годов Гайдебуров активно участвовал в студенческом движении в столице и некоторое время находился под гласным надзором полиции. 2 марта 1863 года агент III Отделения доносил начальству, что «студент Гайдебуров намерен открыть на Васильевском острове книжный магазин и при нем кабинет для чтения, чтобы дать студентам возможность к обмену мыслей»²⁴⁷. Разрешение на открытие книжного магазина и кабинета для чтения на Васильевском острове (1-я линия, 6) было дано Гайдебурову 25 апреля 1863 года. Затем он перевел магазин на Невский проспект, 36, где ранее торговал В.Е. Генкель.

Магазин Гайдебурова вел преимущественно иногороднюю книжную торговлю. За ним был учрежден тайный полицейский надзор, поскольку он наряду с магазинами Печаткина, Черкесова, Яковлева, типографиями Головачева, Тиблена, Куколь-Яснопольского значился в числе «неблагонадежных».

Гайдебуровым было выпущено несколько книг, тематика которых типична для демократического издательского дела 1860-х годов: «Душа человека и животных» В.М. Вундта (т. 1–2, 1863–1866), «Человек и место его в природе» К. Фогта (т. 1–2, 1863–1865), «Рассказы о великих людях средних и новых времен» И.А. Худякова (1866).

На титульном листе последней имя автора отсутствовало. Скорее всего именно поэтому она ускользнула от внимания цензуры. Постро-

енная как изложение биографий выдающихся деятелей прошлого – Абельяра, Данте, Колумба, Рамуса, Джордано Бруно, Галилея, Яна Гуса, Вашингтона, Беранже, Линкольна, книга Худякова, подобно другим его сочинениям, имела определенно тенденциозный характер, хотя сразу это и не бросалось в глаза. Истинный замысел автора маскировал и подбор имен, казалось бы, весьма несхожих и чуть ли не полярных друг другу деятелей. Это ввело в заблуждение даже «Книжный вестник», который сначала дал отрицательный отзыв о книге, а затем (после получения «разъяснений» от Худякова) изменил свое мнение. Вот что писал во втором отзыве этот демократический журнал: «Общая мысль, связывающая в этом сборнике имена, по видимому, не имеющие между собой ничего общего (Гус и Беранже, Абельяр и Линкольн): одинаковая энергия убеждений, сила характера и т.д., выдвинувшая этих людей на удивление потомства. Общая участь – всевозможные преследования современников (пытка, казни в более отдаленное время, клевета, доносы, заключение, изгнание, смерть от руки наемных убийц в более близкое), общечеловеческое родство непреклонной мысли – вот те черты их сходства, которые позволили составителю соединить их биографии в один сборник»²⁴⁸.

В 1867 году магазин перешел к Павленкову и Надеину, а Гайдебуров целиком посвятил себя литературно-журнальной и публицистической деятельности.

Ф.Ф. Павленков

Среди книгоиздателей, начавших свою деятельность в 1860-х годах, выделяется Флорентий Федорович Павленков (1839–1900). Н.А. Рубакин так характеризовал его: «Павленков был одним из тех фанатичных издателей, которые поставили своей задачей создавать книгу в целях создания кадров глубоко честных (да, не только сведущих и умных, но и честных) созидателей нового строя борьбы против строя старого»²⁴⁹.

Ф.Ф. Павленков родился в Тамбовской губернии в дворянской семье. Окончив Первый кадетский корпус, а затем Михайловскую артиллерийскую академию в Санкт-Петербурге, Павленков некоторое время служил в Киевском и Брянском арсеналах. В конце 1865 года Павленков переехал в столицу и подал в отставку. Здесь он познакомился с семьей Д.И. Писарева, с его сестрой – Верой Ивановной, которая впоследствии стала его женой. Еще 1863 году в Киеве Павленков выпустил на свои средства первую книгу, им же переведенную с французского языка – «Собрание формул для фотографии» Е. Бертрана. В Санкт-Петербурге он совместно с М.П. Надеиным приобрел книжный магазин, принадлежавший либеральному журналисту и издателю П.А. Гайдебурову, который помещался на Невском проспекте, 36.

Под вывеской «Книжный магазин для иногородних» он начал функционировать с марта 1867 года.

Следующим изданием Павленкова стал осуществленный им в 1866 году совместно В.Д. Черкасовым перевод с французского языка «Полного курса физики» профессора А. Гано. Это пособие по самообразованию пользовалось успехом и быстро разошлось. Павленков, окрыленный удачей, решил осуществить свое заветное желание – издать сочинения Д.И. Писарева. Последний охотно откликнулся на это, так как сам искал издателя, а условия Павленкова – 2500 рублей за право издания его сочинений в восьми томах – литератора вполне устроили.

Первый том сочинений Писарева благополучно увидел свет в апреле 1866 года, на второй же том был наложен арест (2 июня 1866 года). По мнению цензуры, статья «Русский Дон Кихот» заключала в себе «осмеяние нравственно-религиозных верований и отрицание необходимости религиозных основ в просвещении»²⁵⁰, а статья «Бедная русская мысль» представляла собой иносказательное, антимионархическое «порицание» существующего в России образа государственного правления.

За издание второго тома «Сочинений» Д.И. Писарева против Павленкова было возбуждено судебное преследование. Издатель защищался сам. В своей речи на суде он полностью солидаризовался с Писаревым и мужественно отстаивал свободу слова и печати. Выиграв процесс, Павленков приобрел широкую известность в демократических кругах. «С тех пор, – писал Н.А. Рубакин, – цензура стала считать его таким противником, с которым нелегко иметь дело и неприятно связываться»²⁵¹.

В.И. Писарева, вспоминая это время, писала Павленкову 17 апреля 1885 года: «Ваше последнее письмо так живо напомнило мне того Павленкова, с которым мы читали «Дым», исправляли у Черкесова (издателя книги. – И.Б.) корректуру Гано, гуляли в рождественскую ночь по Крестовскому острову, возвращались в белые краткие весенние ночи с Большой Мещанской на Большую Итальянскую, с которым читали по частям мысль за мыслью, аргумент за аргументом, незабвенную защитительную речь о сочинениях Писарева...»²⁵².

Летом 1868 года Писарев утонул, купаясь в Финском заливе. Павленков принял на себя труд по перевозке тела покойного в Санкт-Петербург и организации похорон на Литераторских мостках Волкова кладбища. Похороны превратились в антиправительственную демонстрацию.

В начале сентября 1868 года, когда Павленков выходил из литографии Штремера с бланками для сбора пожертвований на памятник Писареву, его арестовали. В квартире и в книжном магазине был произведен обыск. Павленкова заключили в Спасскую часть, а затем перевели в Петропавловскую крепость. После десятимесячного заключения его по распоряжению царя выслали в Вятку (ныне Киров) «с учреждением

за ним полицейского надзора и воспрещением ему на будущее время издательской деятельности»²⁵³.

«Павленков, – писал вятский губернатор в рапорте министру внутренних дел, – несмотря на пятилетнюю ссылку, не только не изменился к лучшему, но еще более озлобился против правительства, так что уже не старается скрывать своих убеждений и высказывает их явно в присылаемых начальству на просмотр незапечатанных письмах к своим знакомым, в которых весьма нередко порицает действия правительства и глумится над ними»²⁵⁴.

Несмотря на запрет властей, Павленков и в ссылке продолжал издавать книги, действуя через В.Д. Черкасова и других сочувствовавших ему издателей. Так, он составил здесь «Наглядную азбуку», изданную в 1873 году одновременно в Вятке и в Санкт-Петербурге. В ее основу был положен принцип наглядности, который позволял самостоятельно, без учителя, изучать азбуку и детям, и неграмотным взрослым. Книга содержала 600 умело подобранных рисунков с подписями к ним, множество рассказов и педагогических упражнений. Павленковская «Азбука» получила одобрение как в России, так и за рубежом.

Широкую известность приобрел сборник «Вятская незабудка», в котором участвовало немало ссыльных революционеров. Сборник был конфискован и уничтожен. Имея в виду предисловие В. Гюго к изданной им «Истории одного преступления», Павленков писал в предисловии к сборнику: «Книга наша в большей своей части есть тоже «История», но не одного, а многих преступлений – явных и тайных, осознательных и неуловимых, уголовных и нравственных, преступлений против общества и отдельных личностей...»²⁵⁵.

В декабре 1877 года Павленкову разрешили возвратиться в Санкт-Петербург. Но и теперь его не оставили в покое. В 1880 году его вновь арестовали по подозрению в причастности к «Земле и воле» и в административном порядке сослали в Западную Сибирь. Писатель В.Г. Короленко, который встретился с Павленковым в пересыльной тюрьме, заметил: «За что в самом деле был выслан Павленков? В точности я не знаю, какие доносы поступили на него от офицеров и сыщиков, но основную почву составляло, конечно, то, что он был один из неблагонадежных издателей»²⁵⁶. Вновь в Санкт-Петербург Павленков вернулся в 1881 году. Негласный надзор за ним сохранился.

В 1880-х годах книгоиздательская деятельность Павленкова приобрела новый размах. Он задумал и осуществил много ценных просветительских серий, выпустил собрания сочинений русских писателей, массу книг по различным областям знаний. «Главная заслуга Павленкова, – писал Н.А. Рубакин, – в издании целого ряда научно-популярных книг по естествознанию, политической экономии, социологии, психологии, истории, литературе, юридических, публицистических, философских, по этике, географии, педагогике, а также книг

для детей, для юношества и (по тогдашней терминологии) для читателей «из народа»²⁵⁷.

Одно из самых популярных издательских начинаний Павленкова – серия «Жизнь замечательных людей», выходявшая с 1889 года. Это было первое издание подобного рода в России. Серия состояла из небольших по формату и объему, скромно оформленных брошюр, каждая из которых содержала биографию какого-либо выдающегося деятеля науки, истории, литературы, искусства. В составлении биографий принимали участие видные ученые, писатели, педагоги, публицисты: В.В. Берви-Флеровский, А.М. Скабичевский, публицист народнического направления С.Н. Кривенко, публицист и экономист, либеральный народник С.Н. Южаков, экономист и историк М.И. Туган-Барановский, ученый-естественник и писатель М.М. Филиппов, критик и историк литературы Е.А. Соловьев, писатель-популяризатор А.А. Бахтиаров и другие.

При жизни издателя вышло 200 таких биографий, общим тиражом свыше 1,5 миллионов экземпляров. В серии были представлены биографии преимущественно прогрессивных деятелей мира. Публикация биографий нескольких откровенных реакционеров (Каткова, Меттерниха и ряда других) преследовала цель дать адекватную оценку их деяниям. Цензура расценила серию «Жизнь замечательных людей» как явно крамольную. Некоторые книги запрещались, цензоры требовали убрать портреты, эпитафии, урезали текст.

Успех серии у читателей был велик. Оценивая это предприятие Павленкова, Рубакин писал: «Ни одно из павленковских дел... не может сравниться с тем огромным влиянием, которое оказала на русских читателей всех слоев, классов и рангов изданная Павленковым и почти законченная (если только можно ее закончить) «Биографическая библиотека, или Жизнь замечательных людей»²⁵⁸.

Именно она вдохновила М. Горького уже в советские годы приступить к выпуску аналогичной, но более фундаментальной серии «ЖЗЛ». Не меньшим успехом пользовалась у русских читателей и другая павленковская серия, начатая им в 1899 году, – «Научно-популярная библиотека для народа», выходявшая под редакцией профессора В.В. Лункевича.

Немало выпустил Павленков и произведений художественной литературы. Особое внимание он уделял изданию сочинений писателей-демократов – Г.И. Успенского, Ф.М. Решетникова, Н.В. Шелгунова, а 1896 году выпустил собрание сочинений В.Г. Белинского в четырех томах. Павленков положил начало изданию дешевых однотомников сочинений писателей-классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова). Общедоступный характер носили такие его издания, как «Иллюстрированная Пушкинская библиотека» и «Иллюстрированная Лермонтовская библиотека».

Своим любимым детищем называл Павленков составленный им и изданный впервые в 1899 году однотомный «Энциклопедический словарь». Седьмое – последнее – дополненное издание этого словаря вышло в 1923 году. Содержавший массу полезных сведений из самых различных областей знаний, словарь был для наглядности проиллюстрирован фотографиями, рисунками, портретами, географическими картами и т.п. Это должно было облегчить читателям понимание отдельных слов. По словам Рубакина, «Энциклопедический словарь» явился как бы маленькой народной энциклопедией, общий дух которой уже никак не вязался по существу с тогдашним настроением царского правительства и социально-экономическим строем»²⁵⁹.

В 1899 году Павленков выпустил известный труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Им был издан также ряд работ К. Каутского, в том числе популярный очерк «Экономическая система Карла Маркса с научной стороны» (1895). Постоянно увеличивая тиражи изданий, Павленков стремился к их удешевлению, чтобы они могли быть доступны широкому читателю. Этому он добивался умелой организацией издательства, сокращением затрат на набор и оформление изданий.

Вот как описывал работу издательства Павленкова хорошо его знавший Рубакин: «Превосходный организатор... Павленков умел работать один за десятерых и в короткое время ухитрялся заканчивать такие работы, за которыми другие сидят во много раз больше, чем он. Вся канцелярия Павленкова помещалась в одной комнате, похожей на студенческую. Единственным канцеляристом был он сам. В его тесной и довольно неудобной квартирке на Малой Итальянской (нынче – ул. Жуковского) мне пришлось провести в течение девяти лет немало часов в беседах с этим замечательным человеком, бесед всегда содержательных и вместе с тем душевных. Павленков никогда не заботился о своих удобствах, о комфорте и никогда не тратил больших денег на самого себя. Все доходы, им получаемые от издательства, он всегда пускал на развитие своего дела и на удешевление книг... Рукописи авторские, а иногда и корректуры он правил сам, рисунки подбирал сам. Многочисленные письма писал сам. И это выпуская по 20–30 названий в год, а иногда того больше»²⁶⁰.

Перед кончиной Павленков завещал основную сумму денег, вырученных при ликвидации фирмы, употребить на открытие в наиболее бедных деревнях и поселках бесплатных народных читален. Всего было открыто 2018 таких читален. Некоторые из них продолжают существовать и в наше время. На могиле Павленкова на Литераторских мостках Волкова кладбища, недалеко от могил Белинского, Добролюбова и Писарева, поставлен памятник с бронзовым бюстом издателя. На памятнике высечены названия двух книг – «Физики» А. Гано и последнего выпущенного им издания «Энциклопедического словаря».

Преемники Павленкова, его друзья и помощники – Н.А. Розенталь, В.Д. Черкасов и В.И. Яковенко – некоторое время продолжали издательскую деятельность. В 1901 году они получили разрешение на выпуск сочинений А.И. Герцена, которого безуспешно добивался Павленков, приобретя в 1894 году право на издание собрания сочинений Герцена у наследников писателя. Семитомное собрание сочинений Герцена, выпущенное в 1905 году с исключением по требованию цензуры всех «неподходящих мест», стало первым в России.

М.П. Надеин

Петербургский книготорговец и издатель Митрофан Петрович Надеин родился в 1839 году в Брянском уезде Орловской губернии. Учился первоначально в Орловском кадетском корпусе, а затем перевелся в Константиновский кадетский корпус в Санкт-Петербург. Получив чин подпоручика, Надеин находился на военной службе два года. Тогда же он сдружился со своим однополчанином Ф.Ф. Павленковым. Эта дружба продолжилась и в последующие годы, определив в значительной мере выбор им жизненного пути.

Выйдя в 1859 году в отставку, Надеин поселился в своем орловском поместье, но вскоре вернулся в Санкт-Петербург и в 1867 году совместно с Павленковым купил у П.А. Гайдебурова «Книжный магазин для иногородних». Он стал ближайшим помощником Павленкова во всех его издательских и книготорговых начинаниях. После ареста в 1868 году Павленков передал все права на «Книжный магазин для иногородних» Надеину.

Историк В.Е. Кельнер усматривает прогрессивную роль магазина Надеина в том, что вся его работа была направлена на распространение по стране передовой художественной и научной литературы²⁶¹. В этом отношении его деятельность лежала в общем русле идейного книжного дела шестидесятых годов. Подобно Н.А. Серно-Соловьевичу, А.А. Черкесову, Е.П. Печаткину, Н.П. Полякову, Н.Л. Тиблену, Ф.С. Сущинскому и многим другим издателям и книгопродавцам-демократам, связанным с нелегальными и полунелегальными революционными обществами, Надеин установил контакт с чайковцами, использовавшими книжное дело в пропагандистских целях. Агент III Отделения, сообщая о «противозаконных делах и планах» чайковцев, докладывал: «Компания эта вошла в сношения с книготорговцем Надеиным, рассчитывая на его содействие в распространении революционных сочинений и надеясь завязать через него постоянные сношения с женевакской эмиграцией»²⁶². Большая часть книг, которыми располагал магазин Надеина, совпадал со списками книг, издававшимися чайковцами. Это были произведения В.В. Берви-Флеровского,

В.Г. Белинского, А.И. Герцена, П.Л. Лаврова, Луи Блана, Милля, Прудона, «Капитал» К. Маркса – литература, на которой воспитывалось не одно поколение революционно настроенной молодежи.

В 1872 году за Надеиным был учрежден строгий негласный контроль полиции. В докладе III Отделения министру внутренних дел (апрель 1875 года) обращалось особое внимание на то, что «...содержатель «Книжного магазина для иногородних» Надеин по требованию своих клиентов о высылке им для торговли каких-либо книг наиболее, по их мнению, удобных для этой цели, высылает им преимущественно тенденциозные издания для народного чтения...»²⁶³.

Помимо книжной торговли, Надеин занимался и изданием книг. Всего им было выпущено около двадцати названий. По поручению находившегося в ссылке Павленкова, он, преодолевая сопротивление цензуры, выпустил в свет семь томов сочинений Д.И. Писарева (два из них – четвертый и седьмой были уничтожены цензурой). Надеин предпринял новое, четырехтомное собрание сочинений Н.А. Добролюбова, повторив без изменений издание, выпущенное И.П. Огрызко в 1862 году.

Постоянным спросом пользовались выпускавшиеся Надеиным сборники законов по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству, в издании которых принимали участие видные криминалисты – Н.М. Таганцев и А.П. Чебышев-Дмитриев. Особо следует упомянуть знаменитый в свое время «Сборник арифметических задач» В.А. Евтушевского, неоднократно переиздававшийся. Уничтожению подверглась книга П. Ланжеле и П. Коррье «История революции 18 марта», рассказывавшая о Парижской коммуне и изданная Надеиным при участии кружка чайковцев.

Идейное книжное дело не приносило доходов. Изменение политической обстановки, разгром общества чайковцев, усилившаяся конкуренция с коммерческими предприятиями – все это обусловило финансовый крах Надеина. В 1876 году Надеин был обманут неким Николичем, ставшим его компаньоном, но не выполнившим своего обещания оплатить обязательства магазина авторам и другим лицам. Магазин перешел в полное владение Николича, который перепродал его А.Я. Панафидину. Однако участие Надеина в революционном книжном деле продолжалось. В 1879 году он с группой участников тайных обществ был арестован по обвинению «в устройстве социально-революционной типографии на Гутуевском острове». Проведя в Петропавловской крепости почти год, Надеин после своего освобождения занялся санитарно-гигиеническим делом, основал «Мастерскую новых санитарных приспособлений», которая размещалась на набережной реки Фонтанки, 53.

Умер Надеин в 1916 году. В некрологе, помещенном в газете «Речь», он был назван «одним из выдающихся людей 60–70-х годов XIX века».

Автор некролога Н.В. Чайковский писал, что Надеин «в течение многих лет вел просветительскую и издательскую деятельность, выпустил много популярных и научных книг и распространял их по захолустным углам России. Его магазин был приютом для жаждущих знания и для просвещения молодежи того времени, которая пользовалась у него книгами для дарового чтения»²⁶⁴.

Л.Ф. Пантелеев

К числу либерально-демократических издателей второй половины XIX века, работавших в Санкт-Петербурге, принадлежит и Лонгин Федорович Пантелеев (1840–1919). Он родился в Сольвычегодске, в семье офицера. Юные годы его прошли в Вологде. После окончания гимназии в 1858 году Пантелеев поступил в Санкт-Петербургский университет. В начале 1860-х годов он принимал активное участие в студенческом движении, был одним из распорядителей студенческой кассы, членом совета студенческой библиотеки. В 1861 году вместе с другими студентами его арестовали и непродолжительное время содержали в Петропавловской крепости. В первой половине 1862 года по приглашению А.А. Слепцова Пантелеев вступил в организацию «Земля и воля», стал активным членом землевольческой «пятерки» Н.И. Утина (в нее входили также студенты университета – А.А. Жук, М.С. Гулевич и В.В. Лобанов).

Пантелеев принимал участие в вербовке членов в тайное общество, устанавливал контакты с периферийными центрами, с польской революционной организацией. Он являлся деятельным организатором подпольных типографий в Санкт-Петербурге, содействовал распространению нелегальных листовок, занимался сбором средств в фонд «Земли и воли». Пантелеев был знаком с Н.Г. Чернышевским, часто бывал у него на квартире по делам тайного общества и в связи с организацией легальной пропагандистской деятельности, чтением публичных лекций для студентов. О нелегальной деятельности Пантелеева были осведомлены Герцен и Огарев.

11 декабря 1864 года Пантелеева арестовали «за принадлежность к С.-Петербургской революционной организации с целью возбуждения и поддержания польского мятежа...»²⁶⁵. Он был осужден в каторжные работы, замененные затем политической ссылкой в Енисейскую губернию. Здесь Пантелеев работал на золотопромышленных приисках, ведя дела энергично и умело, и даже начал собственное дело, которое приносило ему немалый доход. В 1874 году его восстановили в правах и он возвратился в столицу.

Еще в 1863 году, до своего второго ареста, Л.Ф. Пантелеев устроился в типографию Н.А. Тиблена в качестве управляющего и наряду

с ним занимался изданием книг в пропагандистских целях. Регулярной издательской деятельностью Пантелеев смог заняться лишь после возвращения из ссылки. Первые его издания появились в 1877 году. До 1890-х годов издательство помещалось на Невском проспекте, 30, квартира 7, затем переехало на Бассейную улицу, 26 (ныне ул. Некрасова). За 30 лет Пантелеев выпустил свыше 250 названий книг, общим тиражом почти 650 тысяч экземпляров²⁶⁶. Основное ядро изданий составляла научная литература — книги по естественным наукам, социологии, истории, логике, психологии, философии, сочинения передовых русских ученых второй половины XIX века: физиолога И.М. Сеченова, ботаника А.Н. Бекетова, терапевта В.А. Манасеина, гигиениста Ф.Ф. Эрисмана, историка и социолога М.М. Ковалевского и многих других.

Заслугой Пантелеева является выпуск четвертого издания сочинений Н.А. Добролюбова, которое он сверил с первым, подготовленным Н.Г. Чернышевским. Им были изданы также сочинения революционного публициста В.А. Зайцева, сотрудника «Русского слова». В 1870-х годах Пантелеев поддерживал связь с ссыльным Н.Г. Чернышевским, поручил ему перевод книги английского естествоиспытателя В. Карпентера «Энергия и природа», намеревался выпустить новое издание «Эстетических отношений искусства к действительности», но не смог этого сделать из-за цензурного запрета. Не удалось ему издать и собрание сочинений А.И. Герцена, о чем он хлопотал в 1893 году²⁶⁷.

В списке выпущенной Пантелеевым переводной литературы значатся античные авторы — Сократ, Апулей, Тацит, Платон, мыслители эпохи Возрождения и Просвещения — Спиноза, Монтескье, Паскаль, многие представители научной мысли нового времени — американский этнограф Л. Морган, английский экономист Д. Рикардо, немецкий психолог В. Вундт, французский археолог Г. Масперо, английский биолог Т.Г. Гексли, английский физик Д. Максвелл, писатели А. Лесаж, А. Мицкевич и другие.

В 1901 году Пантелеев подписал коллективный протест по поводу спровоцированного полицией избиения студентов на Казанской площади. В ответ власти провели обыск на его квартире. В связи с этим Пантелеев обратился к министру внутренних дел Д.С. Сипягину с письмом, в котором возмущался действиями полиции. Он писал: «Моя деятельность совершенно открытая, в течение 25 лет у всех на виду; она может Вам нравиться или нет — это другое дело. Вы даже можете раздавить меня. Но я не прячусь: я дал свою подпись под двумя протестами по поводу избиения 4 марта и от нее никогда не откажусь... Можно не стоять на высоте своего положения и, однако, понимать такие простые вещи, что издевательство над человеческим достоинством в прах роняет значение власти и сильнее всяких анархических идей разлагает общественный строй»²⁶⁸. За это письмо Пантелееву грозила вы-

сылка из Санкт-Петербурга на три года. Спасло то, что он находился в это время в Италии, в Триесте, где и провел весь этот срок.

В 1907 году в связи с наступлением реакции и полицейскими преследованиями Пантелеев принял решение прекратить издательскую деятельность. Материальная часть издательства была передана Литературному фонду, организованному в 1859 году для помощи нуждающимся литераторам и ученым. Умер Л.Ф. Пантелеев 16 декабря 1919 года. Большое научное значение имеют написанные им «Воспоминания», дважды издававшиеся (последнее издание вышло в 1958 году). Оба издания подготовлены С.А. Рейсером.

ПОДВИЖНИЦЫ
КНИГИ

Женская издательская артель

В 1863 году в Санкт-Петербурге возникла первая и единственная в истории русского книжного дела женская переводческая и издательская артель. Ее создание было связано с борьбой за женское равноправие, за эмансипацию, энергично поддержанной передовыми общественными деятелями России, в числе которых были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Д.И. Писарев, М.Л. Михайлов, К.Д. Ушинский и многие другие.

Идея, которая в 1860-х годах овладела умами общества, состояла в том, что женщина имеет не меньше прав, чем мужчина, на труд, образование, самостоятельность, материальную независимость. Одна за другой женщины «из общества» появлялись в конторах и швейных артелях, в библиотеках и переплетных мастерских, в типографиях и за прилавками книжных магазинов. Среди молодых женщин, добровольно объединявшихся в коммуны, существовала, как писала П.С. Стасова¹, «сильная потребность деятельной умственной работы». Выход был найден в организации женской переводческой и издательской артели, инициатива создания которой исходила от известных деятельниц русского женского движения Марии Васильевны Трубниковой и Надежды Васильевны Стасовой.

Мария Васильевна Трубникова, старшая дочь декабриста В.П. Ивашева, родилась в Восточной Сибири в 1835 году. По возвращении в Санкт-Петербург она в девятнадцать лет вышла замуж за К.В. Трубникова, который приобрел вскоре известность как издатель «Журнала для акционеров» и газеты «Биржевые ведомости». Через своих двоюродных братьев Ермоловых и Головинских Трубникова свела знакомство с группой молодых лицейстов, многие из которых стали активными участниками общественного движения 60-х годов. Осо-

бенно близко Трубникова сошлась с братьями Серно-Соловьевичами, к мнению и советам которых она внимательно прислушивалась. На вечерах в доме Трубниковых на Конногвардейском бульваре (дом Мельникова) шли оживленные дискуссии по злободневным общественным проблемам. Здесь читали и горячо обсуждали произведения А.И. Герцена, К.А. Сен-Симона, Луи Блана, П.Ж. Прудона, Ж. Мишле. Под влиянием идей утопического социализма М.В. Трубникова задумала в 1859 году основать благотворительное общество для оказания помощи нуждающимся семьям столицы под названием «Общество дешевых квартир».

Она приняла также участие в устройстве первых народных воскресных школ в Санкт-Петербурге. Эти школы создавались общественностью на частные пожертвования как средство борьбы с неграмотностью и бескультурьем рабочего люда.

Вокруг Трубниковой сплотилась дружная плеяда молодых энергичных женщин с передовыми взглядами. К этому кружку принадлежали сестра М.В. Трубниковой Вера Васильевна Ивашева (Черкесова), А.П. Философова², М.А. Менжинская³, Н.А. Белозерская⁴ и др. Одним из наиболее авторитетных членов кружка была Н.В. Стасова, верный друг и соратник М.В. Трубниковой во многих ее начинаниях.

Дочь известного архитектора В.П. Стасова, Надежда Васильевна получила превосходное домашнее образование. Захваченная общественным подъемом 1860-х годов, она бралась за любую работу, которая могла бы принести непосредственную практическую пользу народу. Мысль предоставить женщинам возможность зарабатывать на жизнь литературным трудом была естественной для кружка Трубниковой и Стасовой, все участницы которого владели иностранными языками.

На предложение устроить переводческую артель откликнулось 36 женщин⁵. В состав артели вошли, помимо Трубниковой и Стасовой, А.Н. Энгельгардт, А.П. Философова, Н.А. Белозерская, поборница высшего женского образования М.Г. Ермолова, литератор и переводчица Е.Г. Бекетова (будущая бабушка А.А. Блока), В.И. Печаткина (Глушановская), П.С. Стасова (племянница Н.В. Стасовой), В.В. Ивашева, М.А. Менжинская, Е.А. Штакеншнейдер и другие. Был избран комитет для отбора книг, предназначавшихся к изданию, в составе Н.А. Белозерской, А.Н. Энгельгардт, М.А. Менжинской. Кассиром артели избрали В.В. Ивашеву (Черкесову).

Первый параграф устава артели гласил: «Женское издательское общество имеет целью улучшить и обеспечить материальное положение женщин, существующих литературным трудом, переводами, корректурой и пр.». Для достижения этой цели, — говорилось во втором параграфе устава, «Общество предпринимает издание книг в видах доставления работы своим членам и образует для них кассу ссуд из запасного капитала..., а по мере увеличения средств может

также устроить свои переплетные, книжные лавки и типографию»⁶. Хотя устав артели под названием «Женское издательское общество» не был утвержден министром внутренних дел А.Е. Тимашевым в полном объеме, она продолжала существовать с ограниченными функциями (перевод и издание книг).

Административно-управленческую работу в артели поделили между собой ее учредительницы, обладавшие уже известным литературным опытом: М.В. Трубникова приняла на себя редакторские обязанности и бухгалтерскую часть, а также все взаимоотношения с переводчицами. «Двери ее квартиры, — вспоминала П.С. Стасова, — не закрывались, принимая постоянно новых и новых членов. Эту записать, той дать работу, принять готовый труд, выплатить гонорар, — целый день кипела у Марии Васильевны работа...»⁷. Непосредственной помощницей М.В. Трубниковой была А.Н. Энгельгардт, имевшая опыт работы в книжном магазине Н.А. Серно-Соловьевича. Н.В. Стасова взяла на себя труд по сношению с типографиями, переплетными мастерскими и бумажными складами. Разъезжая без усталы по городу, она выбирала образцы бумаги, шрифты, материалы для обложек и переплетов. Вот как описывала П.С. Стасова полную хлопот, тревог и радостных ожиданий обстановку, предшествовавшую выпуску первой книги Общества переводчиц: «Между Моховой⁸, где жила Надежда Васильевна, и Конногвардейским бульваром — квартирой Марии Васильевны, то и дело скакали гонцы с записками. Одна писала: «...готов ли у вас, получен ли перевод весь, если нет, когда остальное?». Другая — в свою очередь: «...получены ли клише, в каком виде пришли, хороши ли первые пробы отпечатанные?» — вопросы с той и другой стороны лихорадочные, — надо, чтобы к известному сроку книга вышла, а то ведь будет фиаско, если не выпустят к празднику, когда всем дорог на елку хороший подарок читающему юношеству. Наконец, все это готово, но еще одна душевная тревога — книга у цензора, — что-то будет? Вдруг задержка: цензор нашел нужным послать одну картинку в духовную цензуру. Надежда Васильевна просто изнывает от тревоги — дорого время, а тут препятствие и такое неожиданное! Но вот и эти Цицлла и Харибда миновали — и Надежда Васильевна, сияющая, показывает всем участницам экземпляры первого труда женщин-переводчиц»⁹.

Главным складом изданий Общества служил книжный магазин Н.А. Серно-Соловьевича на Невском проспекте, 24. Консультантами и рецензентами переводческой артели выступали русские педагоги, ученые, литераторы: А.М. Бутлеров, А.Н. Бекетов, В.В. Стасов, И.М. Сеченов, М.Е. Салтыков-Щедрин. К их мнению переводчицы прислушивались с большим вниманием, сохраняя в то же время полную самостоятельность в принятии того или иного решения.

Первой книгой, выпущенной женской артелью в 1863 году, стало «Полное собрание сказок Андерсена». Она была отмечена обще-

ственностью. «Издание полного собрания сказок Андерсена, – говорилось в рецензии, опубликованной в журнале «Современник», – имеет для русской публики особый специальный интерес. Вся работа по этому изданию есть дело товарищества переводчиц, и самая книжка в том виде, в какой она явилась в свет, есть плод женского труда. Поэтому появление ее имеет двойной интерес и заслуживает особого внимания»¹⁰. Затем последовали «Рассказы о временах Меровингов» французского историка О. Тьерри (1864). «Период, выбранный автором, – писал рецензент «Книжного вестника», – несмотря на свою кажущуюся кратковременность, заключают в себе самые мрачные трагические сцены из истории Франции, самые ужасные личности, как например, столь известной своей зверской жестокостью – королевы Брунгильды»¹¹.

В 1865 году вышла книга немецкого натуралиста Г. Вагнера «Из природы» и «Натуралист на Амазонской реке» английского естествоиспытателя и натуралиста Г.В. Бэтса. Книга Вагнера стала вскоре, по словам П.С. Стасовой, «любимой, почти настольной книгой учащегося юношества»¹². «Натуралист на Амазонской реке» привлек к себе внимание не только описаниями экзотической природы, но главным образом тем, что это сочинение еще в рукописи получило одобрительный отзыв Ч. Дарвина.

Не имея собственной полиграфической базы, переводчицы печатали свои книги в типографиях Н.А. Тиблена, О.И. Бакста, А.И. Голицына, М.А. Куколь-Яснопольского, Ф.С. Сущинского. Деловые отношения были установлены также с типографиями А.И. Траншеля, А.М. Котомина, Товарищества «Общественная польза», Генерального штаба и другими. Переплетные работы поручались женским же заведениям: мастерской, организованной сестрой профессора А.А. Иностранцева Варварой Александровной Иностранцевой, переплетной В.И. Печаткиной (Глушановской). Тираж изданий женской артели колебался от 1200 до 2400 экземпляров, а цена – в зависимости от объема, наличия иллюстраций и от содержания книги – от 10 копеек до 2–3 рублей. Комиссионерами артели являлись магазины Е.П. Печаткина, В.В. Яковлева, Ф.Ф. Павленкова, А.Ф. Базунова, Я.А. Исакова, а также магазин Е.С. Баллиной в Харькове.

Деятельность Общества переводчиц с самого начала привлекла к себе внимание III Отделения, прежде всего тем, что к нему принадлежали лица, известные «по своему крайнему направлению». К числу «неблагонадежных» были отнесены в первую очередь М.В. Трубникова, Н.В. Стасова, В.В. Ивашева. Наблюдение за Обществом усилилось в связи с изданием им серии брошюр «Рассказы о старинных людях» И.А. Худякова (см. с. 208). III Отделение взволновал третий выпуск «Рассказов», посвященный Древней Греции, в котором по его мнению проведена идея о том, «что образованные люди не нуждаются в царской власти»¹³. Действительно, антимонархические, респуб-

ликанские, демократические идеи пронизывали все книги серии. « В наше время, – писал Худяков, – народы достигли или по крайней мере стремятся достигнуть совершенного уничтожения рабства, полной свободы мысли и слова, полного равенства всех полов и сословий, и мечтают о братском союзе народов»¹⁴. Общество переводчиц содействовало пропаганде в народе тех самых мыслей, той любви к гражданским свободам, которыми, как писал Худяков, возвысились некогда Афины и республиканский Рим, но которых не было и не могло быть в России Александра II «освободителя».

О связи Общества переводчиц с революционными кругами говорит также издание книги «Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности» немецкого экономиста А. Дауля, вышедшей под редакцией известного народнического публициста П.Н. Ткачева (1869). В написанной им вступительной статье к книге указывалось на «теоретическое и практическое значение мер, предлагаемых Даулем для разрешения женского вопроса, и определены те условия, при которых осуществление женской равноправности станет возможным не только в теории, но и на практике»¹⁵.

Стремясь облегчить положение артели, в официальном утверждении которой было отказано, Трубникова и Стасова предложили в 1868 году всю ответственность за ее деятельность принять на себя и впредь выпускать книги под маркой «Трубникова и Стасова», а не «Издание переводчиц», как было до этого. Под новой маркой первыми появились «Новые сказки» Х.К. Андерсена (1868). Задумав перевести книгу, только что изданную в Германии, переводчицы обратились с письмом к всемирно известному сказочнику с просьбой прислать свой портрет для приложения к изданию на русском языке. Андерсен выполнил просьбу. Гравированный на дереве Л.А. Серяковым, этот портрет украсил собою русский перевод «Новых сказок». Иллюстрации к книге выполнил академик М.П. Клодт (клише гравированы Кочетовым и Гавриловым).

Артель издала и несколько книг естественнонаучного характера: «Почему и потому» немецкого естествоиспытателя О. Уле (1868), «О сохранении здоровья и развитии умственных сил ребенка в школе» профессора Лейпцигского университета, доктора К.Э. Бока (1872), «Сборник рассказов из путешествий и быта народов. Составлен по Дилицу» (1868). «Последним громким аккордом» Общества, по словам П.С. Стасовой, стали «Сказки Кота Мурлыки» зоолога и писателя Н.П. Вагнера, опубликованные в 1872 году. В годы «утасания» Общество выпустило роман «Мидльмарч» Джоржа Эллиота (псевдоним английской писательницы Мэри Анн Эванс) под редакцией М.Е. Салтыкова-Щедрина (1873) и две повести американской писательницы Луизы Олькотт – «Маленькие женщины» и «Старосветская женщина» (обе – 1875). «По нашему мнению, – писали переводчицы, – повести

этой писательницы могут служить не только для одного приятного проведения детских досугов, но и способны пробудить в умах юных читателей зародыши самостоятельности, энергии и деятельности»¹⁶.

Положение Общества резко ухудшилось после банкротства книжного магазина Черкесова, где находился основной склад изданий переводчиц. Закрытие других «идейных» книжных магазинов — основных кредиторов Общества переводчиц — повлекло за собой прекращение его деятельности. В 1879 году большинством голосов ее членов, вопреки желанию Н.В. Стасовой, было принято решение о ликвидации женской издательской артели. Неразошедшиеся издания передали на комиссию ряду петербургских книготорговых фирм (Н.П. Карбасникову, М.М. Стасюлевичу, М.О. Вольфу, А.С. Суворину и другим). В конце 1890–начале 1900-х годов все еще можно было приобрести некоторые из изданий переводчиц. В их распространении принимали участие и племянница Надежды Васильевны Елена Дмитриевна Стасова, старейший деятель большевистской партии¹⁷, и известная общественная деятельница, писательница и книгоиздатель Ольга Николаевна Попова.

Н.В. Стасова и некоторые иные наиболее деятельные члены артели мечтали о ее возрождении. В 1892 году М.В. Трубникова обратилась к П.С. Стасовой с письмом, в котором приглашала всех бывших участниц артели издать сборник в пользу голодающих крестьян. «Тряхните, дорогая, стариной, — писала она, — издайте от лица покойной артели сборник с биографиями бывших и современных друзей человечества. Наши бывшие артельщицы с радостью пожертвуют трудом для голодных: Белозерская, Каррик¹⁸ и Ваша покорная слуга»¹⁹. Однако ни этой, ни другим попыткам возродить былую славу артели уже не суждено было сбыться. Своей идейностью, социалистическими устремлениями Общество оказало влияние на деятельность ряда издательств и книготорговых предприятий, основанных в конце XIX века женщинами-подвижницами — О.Н. Поповой, Е.Н. Водовозовой, А.М. Калмыковой, М.И. Водовозовой, М.А. Малых, история которых также тесно связана с городом на Неве.

О.Н. Попова

В 1900 году в Санкт-Петербурге вышла книга английских экономистов супругов Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» в переводе Владимира Ильина. Под этим псевдонимом скрывался В.И. Ленин. На титульном листе значилось: «Книжный магазин и контора изданий О.Н. Поповой. СПб., Невский, 54».

Ольга Николаевна Попова родилась в 1848 году в интеллигентной дворянской семье. Эта прекрасно образованная женщина, писатель-

ница, переводчица владела несколькими европейскими языками. В Новгороде Попова познакомилась с ссыльным революционным демократом Н.В. Шелгуновым, под влиянием которого решила заняться издательской работой в просветительских целях.

Первые книги издательства Поповой появились в 1895 году. Она привлекла к сотрудничеству выдающихся ученых, писателей, популяризаторов, а главным редактором пригласила выдающегося просветителя и библиографа Н.А. Рубакина. В издательстве активно сотрудничали К.А. Тимирязев, возглавлявший естественнонаучный отдел, биолог А.О. Ковалевский, ботаник А.Н. Бекетов, историк литературы А.Н. Пыпин, библиограф А.В. Мезьер.

Попова издавала лишь ту литературу, которая способствовала развитию общественного сознания в духе передовых идей и на подлинно научной основе. Среди ее изданий заметное место занимали книги по общественным наукам, истории, праву, философии, педагогике, истории литературы и публицистики. Попова выпускала естественнонаучные книги, много книг для юношества, популярные издания для народа (в том числе дешевую серию «Рассказы о разных странах и народах»). Ею были переизданы сочинения В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.В. Шелгунова, труды Ч. Дарвина, И.М. Сеченова, Г. Спенсера, Дж. Гоббсона, Ж.Э. Реклю. Известностью пользовались составленные Поповой для чтения в сельской школе хрестоматия «Родной мир» и «Естественноисторическая хрестоматия».

Попова сотрудничала с русскими революционными марксистами, поддерживала связь с В.И. Лениным. При книжном магазине Поповой в Санкт-Петербурге находился книжный склад изданий В.Д. Бонч-Бруевича (см. с. 286–288). В конце 1890-начале 1900-х годов магазин Поповой являлся одним из центров легального распространения социал-демократической литературы. В 1906 году Попова выпускала еженедельное серийное издание «Тема жизни», в котором сотрудничали литераторы-большевики: А.В. Луначарский, А.М. Коллонтай, П.П. Румянцев, И.А. Давыдов. На ее средства издавался научно-литературный и политический журнал «Новое слово», где печатались революционные марксисты, писатели-реалисты – И.А. Бунин, А.С. Серафимович, начинающий М. Горький.

Стремясь к расширению своей просветительской деятельности, Попова в 1895 году приобрела знаменитую библиотеку-читальню А.А. Черкесова, значительно пополнив ее книжный фонд, в основном, за счет марксистской литературы.

Умерла О.Н. Попова в августе 1907 года. После ее смерти, в 1908 году было создано Товарищество издательского дела и книжной торговли О.Н. Поповой, просуществовавшее до 1919 года. После ликвидации Товарищества его книжный фонд был передан в Наркомпрос.

Е.Н. Водовозова

В 1890–1900-х годах на Васильевском острове, сначала на 2-й, а затем на 6-й линии в доме № 29 помещался книжный склад, владельцем которого являлась Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская, принадлежавшая к передовой петербургской интеллигенции. Она родилась 17 августа 1844 года в селе Поречье, Смоленской губернии, в небогатой помещицкой семье. Образование Е.Н. Водовозова-Семевская (в девичестве Цявловская) получила в Смольном институте. Здесь на нее большое влияние оказал великий русский педагог К.Д. Ушинский, назначенный в 1859 году инспектором в это учебное заведение.

После окончания института в 1862 году Елизавета Николаевна вышла замуж за своего бывшего учителя словесности, прогрессивного общественного деятеля и педагога В.И. Водовозова. Вскоре их дом превратился в один из известнейших литературно-политических салонов столицы. На вечерах у Водовозовых собирались революционно настроенная молодежь, представители радикальных кругов столичной интеллигенции. В разное время здесь бывали и часто выступали В.А. Слепцов, Г.З. Елисеев, П.А. Гайдебуров, поэт-сатирик В.С. Курочкин, этнограф-демократ П.И. Якушин, видные идеологи народничества П.А. Лавров и Н.К. Михайловский. Постоянными посетителями дома Водовозовых были революционер Г.А. Лопатин и видный историк В.И. Семевский, ставший после смерти В.И. Водовозова вторым мужем Елизаветы Николаевны. Водовозовские «вторники» стали неотъемлемой частью петербургской культурной жизни второй половины XIX века.

Е.Н. Водовозова получила известность как талантливая писательница. Самым значительным ее произведением являются мемуары «На заре жизни», которые она начала писать еще в 1860-х годах и которые впервые вышли отдельным изданием в 1911 году. Обилие фактов и событий, глубина их освещения, широта охвата многих явлений российской действительности – все это привлекло к мемуарам Водовозовой внимание читающей публики и прогрессивной печати. Книга «На заре жизни» была переиздана в советское время, в том числе в переработанном виде неоднократно издавалась для детей и юношества.

Известностью пользовался и другой труд Е.Н. Водовозовой – трехтомник «Жизнь европейских народов», впервые опубликованный в 1875–1889 годах. В нем подробно описывались жизнь, нравы, быт, обычаи, религии и экономическое положение народов, населявших Европу. Он, так же как мемуары «На заре жизни», неоднократно переиздавался.

На основе трехтомника Е.Н. Водовозова подготовила и опубликовала серию популярных дешевых книг в десяти выпусках, под общим названием «Как люди на белом свете живут». Книжки носили не только историко-этнографический характер, но с прогрессивных

позиций освещали политическое и государственное устройство отдельных стран, отличались ярко выраженной антиклерикальной направленностью. Сторонница эмансипации, в своих книгах Водовозова знакомила русских читателей с успехами женского движения на Западе. Е.Н. Водовозова-Семевская выступила как автор многих произведений для детей и юношества.

Подобно другим литераторам демократического направления, не желавшим зависеть от произвола частных издателей, Водовозова предпочла сама заняться изданием и распространением своих книг. Ее первым издательским предприятием явился выпуск книги «Жизнь европейских народов», бумагу для которой Водовозова получила в кредит от известного бумажного фабриканта Варгунина. С этого времени началась регулярная издательская деятельность Елизаветы Николаевны.

Рассказывая о себе, Водовозова писала: «Внешняя сторона моей жизни тесно связана с моим ремеслом, т.е. с издательством. Я веду это дело кустарным образом, домашними средствами. Если его ведение передать книгопродавческой фирме, я буду получать от моего издательства половину того, что я получаю, а так как за последнее пятилетие продажа книг, подобных моим, уменьшилась ровно наполовину, то мой доход был бы еще того меньше»²⁰.

Книжный склад, который Водовозова устроила у себя на квартире, она обслуживала сама с помощью лишь одной помощницы. Последняя «специально занята этим делом; бегаёт на почту, в библиотеки, книжные магазины, типографии, принимает, отпускает и продаёт книги, на что тратится по 4–5 часов ежедневно»²¹. Этот склад был хорошо известен в столице. Здесь наряду с книгами, изданными Водовозовой, в том числе сочинениями ее мужа – В.И. Водовозова, можно было приобрести и другие издания. В частности, через этот склад шло распространение книги В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», вышедшей в издательстве М.И. Водовозовой – невестки Елизаветы Николаевны.

Царские власти держали под постоянным контролем Е.Н. Водовозову и членов ее семьи. Полиция часто устраивала обыски на книжном складе. Все это крайне осложняло книгоиздательскую и книготорговую деятельность Водовозовой, которая не принесла ей значительных доходов.

После Октябрьской революции Е.Н. Водовозова-Семевская продолжала заниматься литературным трудом, работала над своими мемуарами. Умерла она в Петрограде 23 марта 1923 года. В опубликованном в журнале «Голос минувшего» некрологе говорилось: «Среди русских женщин второй половины XIX и начала XX вв., потрудившихся на ниве русской культуры, Елизавете Николаевне – принадлежит одно из видных и почетных мест»²².

М.И. Водовозова

В начале 1895 года в Санкт-Петербурге появились книги, на которых значилось «Издательство М.И. Водовозовой». Мария Ивановна Водовозова, в девичестве Токмакова, родилась в 1869 году в купеческой семье в Забайкалье, в городке Кяхте, служившем местом ссылки революционеров. Отец М.И. Водовозовой, И.Ф. Токмаков, в юности близко знал декабристов Бестужевых, читал и распространял подпольные издания Герцена. Его жена В.И. Теплова находилась в близком родстве с московскими издателями, братьями Сабашниковыми²³. Атмосфера семьи сказалась на формировании демократических взглядов Водовозовой.

В 1883 году семья Токмаковых переехала в Крым. В их имении в Олеизе (Мисхор) часто бывали видные деятели русской культуры и литературы Л.Н. Толстой, А. Куприн, Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, В. Немирович-Данченко, Л. Андреев. В Олеизе находили убежище агенты ленинской «Искры», матросы-потемкинцы. Здесь скрывался одно время от полиции Л.Б. Красин, оказавший большое влияние на формирование политических взглядов Марии Ивановны. В 1892 году она вышла замуж за известного экономиста Н.В. Водовозова — сына В.И. Водовозова и Е.Н. Водовозовой. Разделяя, как и ее муж, марксистские убеждения, М.И. Водовозова основала при его поддержке издательство, целью которого стала борьба с народническими теориями и пропаганда идей марксизма.

Водовозова выпускала социально-экономическую литературу, освещавшую положение рабочего класса на Западе, его борьбу, книги по политической экономии, по истории народного хозяйства и истории древнего мира. Особое значение имели изданные Водовозовой труды первых русских марксистов. Так, ею была выпущена книга одного из основателей социал-демократических кружков в России И.А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни».

Характеристике рабочего движения на Западе был посвящен сборник статей Н.В. Водовозова «Экономические этюды». Комитет министров запретил выпущенный Водовозовой труд Ю. Оффнера и Р. Зингера «Очерки социальной юриспруденции» за «вылазки против капитализма в духе учения К. Маркса»²⁴. А книга профессора Льежского университета Э. Магайма «Профессиональные рабочие союзы» подверглась цензурному преследованию на том основании, что «переводчик и автор излишне ратуют за расширение прав рабочих союзов»²⁵.

С интересом встретили читатели выпущенные в 1896 году в виде отдельных сборников основополагающие статьи из «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*» — шеститомного словаря государственных знаний, вышедшего в немецком издательстве Фишера. Сборники, по

словам Водовозовой, содержали «массу драгоценных сведений по праву, статистике, финансам и прикладной экономике»²⁶.

Характеризуя издательскую деятельность Водовозовой, М.И. Ульянова-Елизарова писала в 1925 году: «Сим подтверждаю, что, как мне известно, М.И. Водовозова (по второму мужу Хорошко) была первой издательницей легальных марксистских книг в России в конце 90-х и начале 900-х годов. В том числе ею были изданы две книги моего покойного брата Владимира Ильича Ульянова-Ленина: “Развитие капитализма в России” и “Экономические этюды”»²⁷.

Книга Ленина «Экономические этюды и статьи» вышла в свет в октябре 1898 года, тиражом 1200 экземпляров под псевдонимом Вл. Ильин. По поводу опубликования этой книги петербургское Охранное отделение сообщало в Департамент полиции: «Вышло в свет и продается в книжном магазине «Знание» новое произведение легальной социал-демократической литературы под заглавием «Экономические этюды и статьи» Владимира Ильина. Названный автор более известен под другим своим псевдонимом – «Тулин». Под таким псевдонимом печатались статьи в «Новом слове» Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это – политический ссыльный Владимир Ильич Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году»²⁸.

В 1899 году М.И. Водовозова выпустила вторую книгу В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Тираж ее по некоторым данным составил 2400 экземпляров. Книга получила широкое распространение среди социал-демократической молодежи, в рабочих кружках. Большое число экземпляров издательница передала бесплатно в рабочие библиотеки. М.И. Водовозова сообщала писателю А.И. Эртелю: «Успех моих некоторых последних изданий поразителен, я говорю о книге Ильина «Развитие капитализма в России». Я издала ее весной, и, несмотря на наступление лета и отлив молодежи из столиц перед Пасхой, эта книжка расходуется с невероятной быстротой. Успех Ильина объясняется помимо блестящих литературных и научных данных еще главным образом тем, что трактует об образовании внутреннего рынка в связи с аграрным вопросом в России и разложением крестьянства. Нельзя читать эту книгу без самого захватывающего интереса»²⁹.

Водовозовой приходилось вести постоянную и трудную борьбу с цензурой, многие издания были запрещены, изуродованы цензурным вмешательством. Она жаловалась: «Меня положительно затравила цензура, которая занимается теперь не только чтением книг, но и чтением сердец. Обо мне составилось представление, которое заставляет видеть в каждой представленной мною книге подоплеку, что ведет к самым невообразимым придиркам, упраздняет мысли, которые можно встретить в любом учебнике истории»³⁰.

С именем М.И. Водовозовой связано издание первого легального марксистского журнала в России «Новое слово», которому она оказывала большую материальную помощь. Она заведовала также беллетристическим отделом журнала «Начало», в котором публиковались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и первых русских марксистов. В 1899 году журнал был закрыт за то, что являлся «органом анархического учения, именуемого русским марксизмом и стремящегося к ниспровержению существующего государственного, религиозного и экономического строя»³¹.

В 1890-х годах Мария Ивановна вместе с сестрой Еленой Ивановной организовала в Алушке пансион для отдыха и лечения интеллигенции. В нем в 1897 году жил М. Горький. В 1900 году М.И. Водовозова, известная Департаменту полиции «своим враждебным отношением к самодержавию», была выслана из Санкт-Петербурга. Но деятельность издательства продолжалась еще несколько лет, до 1905 года. Затем Водовозова работала в библиотеке Пречистенских рабочих социалистических курсов. Прожив долгую жизнь, она скончалась в Москве в 1954 году и похоронена на Новодевичьем кладбище.

М.А. Малых

Садовая улица, 119, квартира 6 – здесь в начале 1900-х годов помещалось издательство М.А. Малых. Вышедшая из состоятельной иркутской купеческой семьи, Мария Александровна Малых (1879–1967) много читала, увлекалась идеями марксизма. Во время пребывания в Швейцарии, в Цюрихе, где она училась в университете, у М.А. Малых и у ее мужа А.Г. Эдельмана зародилась идея издания марксистских работ в России по дешевой цене, для широких масс. Эту идею поддержал знавший Малых Г.В. Плеханов.

По возвращении в Санкт-Петербург в конце 1900 года Малых напечатала первые свои издания в типографии издательства «Общественная польза» на Большой Подъяческой улице, 39. Ей удалось выпустить также (из-за цензурных сложностей это стало возможным только в Риге) «Песню о буреветнике» и «Песню о Соколе» М. Горького. Он сочувственно отнесся к издательским начинаниям Марии Малых, к ее намерению издавать хорошую дешевую книгу для народа.

Марксистскую литературу Малых издавала в серии «Современная научно-образовательная библиотека». Цензор Н.И. Пантелеев докладывал начальству в 1902 году: «Нельзя сказать, чтобы издания М. Малых были строго систематичны, в смысле тенденциозности; между брошюрами есть безразличные в этом смысле, но есть и такие, которые, по мнению моему, были бы нежелательными для общедоступного чтения, предполагаю, что книжки ценою десять—двадцать копе-

М.В. Трубникова

В.В. Черкесова

М.А. Менжинская (Шакеева)

Н.В. Стасова

А.М. Калмыкова

М.И. Водовозова

Е.А. Штакеншнейдер

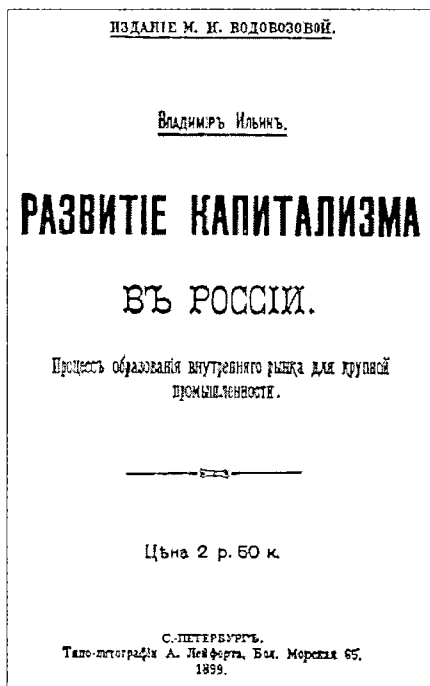
П.С. Стасова

А.П. Философова

В.И. Печаткина-Глушановская

В. Ильин. «Развитие капитализма в России». Издание М.И. Водовозовой. 1899. Титульный лист

Издательство А.М. Калмыковой (Литейный пр., 60). Современная фотография

М.А. Малых

О.Н. Попова

ек доступны всякому, так как заключающиеся в них рассказы, стихотворения и рассуждения или тенденциозны сами по себе, или таковы, что из них может добыть читатель до известной степени вредные взгляды или неудобные рассуждения»³².

В годы первой русской революции М.А. Малых приступила к выпуску сразу нескольких серий – «Пролетариат», «Научное мировоззрение» и других, ею был издан ряд произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского. Она стала почти полной монополисткой по изданию сочинений Г.В. Плеханова, впервые в России выпустила его книгу «Анархизм или социализм», а также книгу «Социализм и политическая борьба», положившую начало литературно-издательской деятельности группы «Освобождение труда», другие сочинения Плеханова.

В издательство Марии Малых на Садовую улицу приходили рабочие, партийные работники, приезжали представители ЦК РСДРП из-за границы. В эти годы частой посетительницей издательства была А.М. Коллонтай, книги которой также издавала М.А. Малых. Активно сотрудничали в издательстве Марии Малых А.И. Ульянова-Елизарова, Л.И. Аксельрод, В.И. Засулич, В.Д. Бонч-Бруевич, В.В. Воровский и другие видные марксисты.

Испытывая потребность в собственной полиграфической базе, М.А. Малых с двумя компаньонами оборудовала в 1906 году небольшую типографию на 10-й линии Васильевского острова, в доме № 43. В квартире на первом этаже находились печатные машины и брошюровочная мастерская. На втором этаже, над типографией, жила М.А. Малых с семьей, сюда же перенесли и издательство. 1906 и 1907 годы были для нее самыми плодотворными. В этот период выходили серии «Общедоступная читальня» и «Библиотека Марии Малых». Много внимания уделялось изданию «идейной беллетристики». Произведения художественной литературы М.А. Малых издавала в специальных, рассчитанных на массового читателя, сериях – «Страницы альбома», «Новый лубочник», а также в «Общедоступной читальне». В них выходили произведения Анатоля Франса, Виктора Гюго, Эмиля Золя в переводах, в том числе и самой Малых. Ею были основаны два журнала – «Знание – сила, сила – знание» и «Сокол».

Выпущенные М.А. Малых издания подвергались частым конфискациям и уничтожению, а сама издательница неоднократно привлекалась к суду. В 1909 году, спасаясь от судебной расправы (ей удалось бежать прямо из зала суда и скрыться), М.А. Малых эмигрировала в Швейцарию. Принадлежавшие ей книжный склад и типография были конфискованы. В дальнейшем, в эмиграции, она также занималась литературно-издательской деятельностью. Так, в 1911 году она приступила к выпуску нелегально доставлявшегося в Россию журнала «Авангард», который печатался гектографом на папиросной бумаге.

После Октябрьской революции М.А. Малых участвовала в обще-

ственной жизни страны, делилась с издательскими работниками своим богатым опытом. В 1927 году она стала персональным пенсионером союзного значения. Оценивая заслуги М.А. Малых, М.И. Калинин писал ей: «Вы так много сделали для нас, для рабочего класса. Мы, рабочие, учились на Ваших изданиях»³³.

А.М. Калмыкова

В доме № 60 по Литейному проспекту, в квартире № 5 в конце XIX – начале XX века находился книжный склад и квартира Анны Михайловны Калмыковой.

«Культурница и народница», по выражению старого большевика П.Ф. Куделли, замечательный педагог-просветитель, – такой предстает А.М. Калмыкова в воспоминаниях современников. Она родилась 26 декабря 1849 года в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) в просвещенной дворянской семье. После окончания в 1868 году гимназии, Калмыкова (в девичестве – Чернова) преподавала в частной женской воскресной школе, основанной прогрессивной общественной деятельницей и педагогом Х.Д. Алчевской, и одновременно сотрудничала в местной прессе, участвовала в составлении известного указателя «Что читать народу?».

В 1885 году Калмыкова переехала в Санкт-Петербург, где преподавала в воскресной вечерней школе для рабочих Фарфоровского попечительства за Невской заставой, вела в ней политическую пропаганду. Сочувствуя в юности народолюбцам, она постепенно сблизилась с русскими социал-демократами, познакомилась с марксистским учением.

В 1890 году Калмыкова основала книжный склад и одновременно приступила к издательской деятельности. «Я поставила себе целью снабжать книгами сельские школы», – писала Калмыкова в своих воспоминаниях³⁴. В числе выпущенных ею изданий – дешевые научно-популярные серии «Природа и люди», «Жизнь прежде и теперь», «Силы природы и труд человека», «Дешевые народные издания». Тираж изданий колебался от 10 до 20 тысяч экземпляров. В составлении книг принимала участие сама Александра Михайловна, а также Н.А. Рубакин.

В течение одиннадцати лет, вплоть до 1901 года, книжный склад Калмыковой обслуживал сельские школы и библиотеки – выпускал рекомендательные каталоги, подбирал необходимую литературу. Но помимо этого склад был своеобразной явкой для русских марксистов. Здесь часто собирались члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», обсуждался план издания газеты «Искра».

Писатель В.В. Вересаев вспоминал: «На Литейном проспекте недалеко от Невского, рядом с особняком обер-прокурора святейшего Синода – Победоносцева – обычный многоэтажный доходный дом;

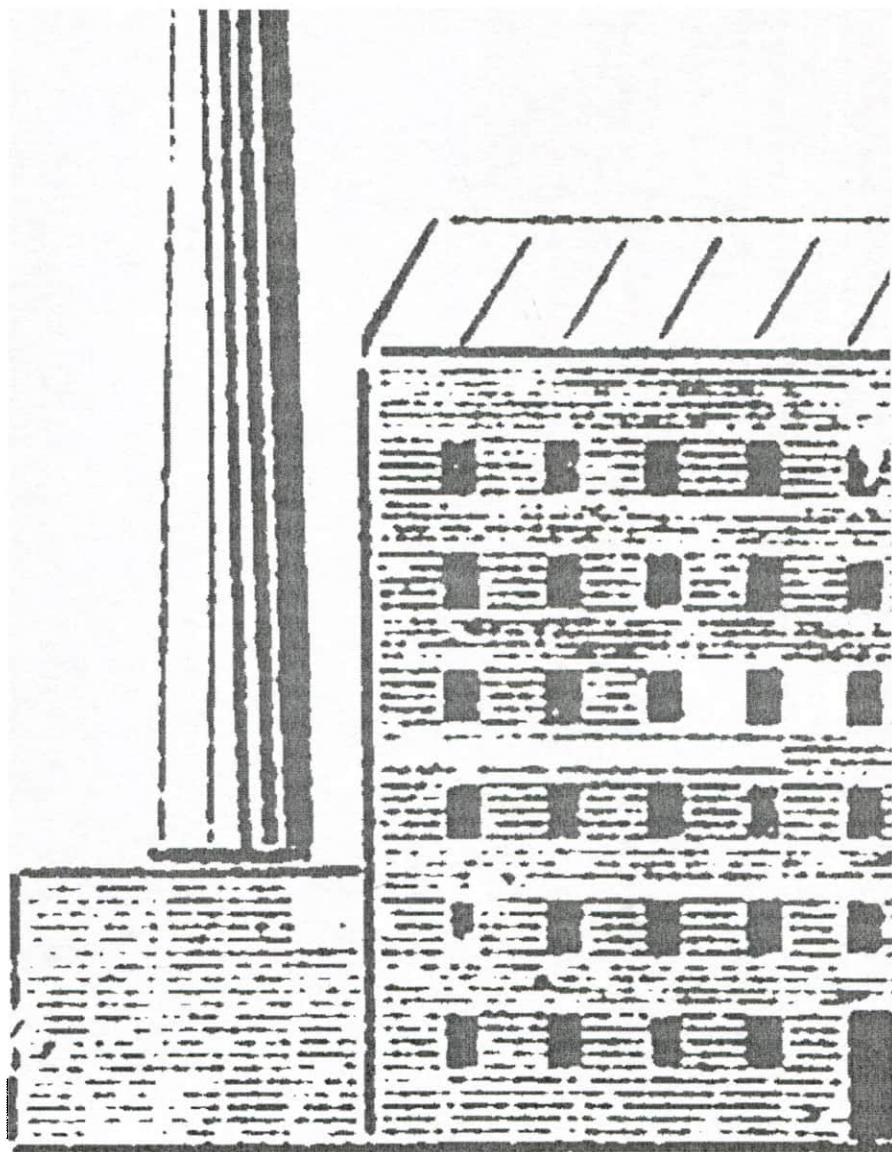
направо от ворот, над тремя окнами вывеска: «Книжный склад А.М. Калмыковой»... Некрашенные книжные полки с книгами, девицы разбирают заказы и пишут, курьер запаковывает ящики с книгами. А.М. распоряжается, делает указания. То и дело приходят люди, говорят А.М. условленную фразу, ни в ком не могущую возбудить подозрение, и она с деловым видом уводит пришедшего по длинному с загибами коридору в свою комнату. «Склад Калмыковой» – это многообразнейшая промежуточная станция, через посредство которой проводятся всякого рода революционные дела»³⁵.

В своих «Отрывках из воспоминаний» Н.А. Рубакин свидетельствовал: «В моей жизни мне пришлось видеть своими глазами все те фазы, какие А.М. прошла в развитии ее социального и индивидуального Я. Превращение почтенной вдовы царского сенатора в учительницу воскресной школы, в культурницу, стоящую в стороне от революционной работы, затем в культурницу, все более и более и все глубже проникающуюся революционными идеями; наконец превращение этой революционной культурницы в революционерку высокопоэтической и культурной марки, можно сказать, произошло на моих глазах»³⁶. По образному выражению Рубакина, Калмыкова «училась и учила фехтовать легальной книгой, подготавливая почву для понимания книжек нелегальных»³⁷.

В 1901 году за участие в коллективном протесте по поводу избиения казаками и полицией демонстрации студентов, происходившей 4 марта 1901 года на Казанской площади в Санкт-Петербурге, А.М. Калмыкова была приговорена к высылке из столицы «в места, где нет университетских городов и фабричных поселений»³⁸ под негласный надзор полиции сроком на три года. Ей удалось, правда, учитывая ухудшившееся состояние здоровья, добиться разрешения на выезд за границу. С конца 1901 по 1903 год Калмыкова находилась в Германии, где сотрудничала с русскими и немецкими социал-демократами. Возвращаясь в Санкт-Петербург, она преподавала на Петербургских педагогических курсах и в земской учительской школе.

После 1917 года Калмыкова продолжала преподавательскую деятельность, занималась редакторской работой, работала в Ленинградском отделе народного образования и в Педагогическом институте им. Ушинского. Умерла А.М. Калмыкова в 1926 году. Оценивая ее деятельность, Н.К. Крупская писала: «Партийцы, просвещенцы, политпросветчики должны почтить имя той, кому так дороги были интересы народных масс, кто хотел сделать все, что возможно, чтобы приблизить марксизм к рабочим»³⁹.

«РЕАЛИСТЫ»
И ПРОПАГАНДИСТЫ

«Знание»

Невский проспект, 92. Здесь, на первом этаже, в начале 1900-х годов помещалось издательство «Знание», организованное Константином Петровичем Пятницким (1864–1938) как паевое товарищество писателей, имевшее своей целью оградить авторов от эксплуатации издателей. В состав Товарищества входили, кроме Пятницкого, известные деятели просвещения, опытные педагоги – В.А. Поссе, Д.Д. Протопопов, О.Н. Попова, В.Д. Чернолуцкий и Г.А. Фальборг, в недавнем прошлом сотрудничавшие в петербургском Комитете грамотности (см. с. 167–169). На первых порах «Знание» выпускало научно-популярную литературу для широких читательских масс.

В 1900 году Пятницкий пригласил М. Горького вступить в Товарищество в качестве равноправного его члена. Горький, мечтавший объединить талантливую демократическую литературную молодежь, которая не имела своей издательской базы, охотно принял это предложение. Отношения между партнерами сложились доверительные. «Люблю Константина Пятницкого, – писал Горький Л. Андрееву в 1904 году, – построенной природой твердо и прочно, как рыцарский замок. В его сильном теле заключена красная душа, душа горящая всегда спокойно и ровно, как одинокий костер в безлюдной степи, тихой летней ночью»¹.

Под руководством Горького «Знание» превратилось в центр, объединивший писателей реалистического направления. Горький с большим увлечением работал в новом издательстве. Он внимательно и строго просматривал рукописи, отбирая самое лучшее в художественном отношении, помогал писателям советом, критикой. По признанию А.И. Куприна, создавая знаменитую повесть «Поединок», он испытывал прямое влияние Горького. «Теперь, наконец, когда уже все окончено, – писал он Горькому, – я могу сказать, что все смелое и буйное в моей повести принадлежит Вам. Если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это»². В таком же духе высказывался Д.Я. Айзман, автор трагедии «Терновый куст». Он вспоминал: «Когда я писал мою пьесу, я чувствовал, что зажег

меня Максим Горький, без него «Герновый куст» либо не был бы написан, либо вышел бы значительно слабее»³.

Горький стал фактически идейным главой издательства, а Пятницкий принял на себя организационную и техническую часть работы. Горький проявил большую заботу о писателях. Он по существу произвел переворот в оплате авторского труда. Впервые в истории русского литературно-издательского дела почти весь доход от издания шел автору. Издательство ввело в практику ежемесячные авансы в счет гонорара. Подобные авансы получали Серафимович, Бунин, Скиталец, Гусев-Оренбургский и другие литераторы. По сравнению с другими издательствами тиражи в «Знании» были значительно выше. Стремясь к удешевлению книги, Горький в то же время следил за качеством печати, заботился о полиграфической культуре изданий.

В 1904 году, накануне Первой русской революции «Знание» приступило к выпуску литературно-общественных сборников, знакомивших читателей с новыми произведениями русских и зарубежных писателей. Здесь впервые был напечатан роман Горького «Мать», имевший громадное воспитательное, революционизирующее влияние.

Появление сборников товарищества «Знание» стало заметным событием в литературной и общественной жизни страны. Несмотря на небывало большие тиражи, несколько тысяч экземпляров сборника расходились очень быстро. Писатель-«знаемец» Н.Д. Телешов вспоминал: «Успех необычный. Книжные магазины не только записывались на них заблаговременно, но и упрашивали знакомых писателей помочь им записаться, чтобы не пропустить очереди. Такого успеха книг я не помню»⁴.

«Знание» издавало в основном художественную литературу, книги по искусству, отчасти научные труды. Издательство выпустило девять томов сочинений Горького и отдельные его произведения, тиражом более 2 миллионов экземпляров. Были изданы сочинения Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, Н.Г. Гарина-Михайловского, С.И. Гусева-Оренбургского, А.И. Куприна, А.С. Серафимовича, Н.Д. Телешова, Е.Н. Чирикова, С.Г. Скитальца (Петрова) и других русских писателей-реалистов, а также переводы произведений зарубежных писателей – Ибсена, Роллана, Золя, Шелли, Байрона, Гете, античных авторов – Эсхилла, Софокла, Еврипида. Среди книг по искусству следует отметить «Историю живописи» немецкого историка искусств Р. Мутера, «Русскую живопись» А.Н. Бенуа, из книг по общественным наукам – «Политическую историю современной Европы» французского историка Ш. Сеньобоса.

Всего издательством было выпущено свыше 400 названий книг.

Наивысший расцвет издательской деятельности «Знания» пришелся на годы Первой русской революции, когда широкий размах приобрел выпуск политической, марксистской литературы. Благодаря тому, что во главе издательства стоял М. Горький, большевикам удалось использовать «Знание» для революционной пропаганды. Во второй половине

декабря 1905 года на квартире Е.Ф. Крит – сестры М.Ф. Андреевой состоялось совещание членов ЦК РСДРП с руководством издательства «Знание». На нем присутствовали В.И. Ленин, М. Горький, П.П. Румянцев, Л.Б. Красин и К.П. Пятницкий. По предложению ЦК РСДРП «Знание» организовало у себя большой отдел политической литературы. Выбор книг для издания осуществляла партийная редакционная комиссия, в которую вошли В.И. Ленин, В.В. Воровский, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский, М.С. Ольминский и другие. Сотрудниками отдела стали В.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Скворцов-Степанов, А.И. Ульянова-Елизарова, Я.М. Свердлов.

Социал-демократическая литература публиковалась в серии «Дешевая библиотека», основанной Горьким в 1905 году. В этой серии вышел ряд работ Маркса и Энгельса, в том числе новое издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе В.В. Воровского, а также произведения А. Бабеля, П. Лафарга, Ф. Меринга, Ж. Гедэ, К. Каутского. Социал-демократические издания «Знания» пользовались большой популярностью у демократического читателя. Доход от их распространения шел в партийную кассу. Всего в «Дешевой библиотеке» было издано 215 художественных и политических произведений.

После поражения революции 1905 года и отъезда Горького за границу в рядах «знаньевцев» произошло размежевание: часть писателей, не выдержав напора реакции, изменила прогрессивным традициям русской реалистической литературы. Из издательства ушли Е.Н. Чириков, А.И. Куприн, В.В. Вересаев, А.С. Серафимович, Д.Я. Айзман, С.С. Юткевич. Усилились разногласия между Горьким и Пятницким во взглядах на цели и задачи издательства. В 1913 году Горький порвал деловые отношения со «Знанием», и это привело к его ликвидации. В 1919 году 250 тысяч экземпляров неразошедшихся изданий «Знания», оставшихся на складах издательства, были переданы Наркомпросу для народных библиотек.

«Парус»

Лишившись «Знания», Горький предпринял шаги для организации нового универсального издательства, которое могло бы продолжить «знаньевские» традиции. Это намерение удалось осуществить лишь к весне 1915 года, уже в разгар Первой мировой войны. Издательство было основано в Петрограде под названием «Торговый дом А.Н. Тихонова и К^о. Книгоиздательство «Парус»». Горький не включил в него своего имени, чтобы не привлекать внимание цензуры и полиции. Его помощниками стали опытные организаторы книжного дела А.Н. Тихонов и И.П. Ладыхников. Контора издательства помещалась на Большой Монетной улице, 18. Редакция находилась в квартире № 4, на третьем этаже. В

центре квартиры располагалась приемная, или секретарская. Из нее можно было пройти в кабинет Горького, где он встречался с авторами. Здесь часто бывали как известные писатели – А.И. Чаплыгин, В.Я. Шишков, В.Я. Брюсов, М.М. Пришвин, А.Н. Толстой, так и молодые – В.В. Маяковский, Л.М. Рейснер, С.А. Есенин, В.Б. Шкловский.

Руководители издательства стремились охватить широкий круг проблем философии, политики, социологии, этики. При этом ставилась задача вскрыть «непримиримые противоречия двух мировоззрений»⁵, борьбу материалистического и идеалистического мировоззрений. Учитывая общеполитическую ситуацию, Горький особое значение придавал выпуску серии книг по истории внешней политики европейских государств «Европа до и во время войны». Горький определял тематику книг, намечал авторов. Для «Паруса» писали видные марксисты: о Франции – М.Н. Покровский, об Италии – А.В. Луначарский, об Америке – П.М. Керженцев. По инициативе Покровского, вводную брошюру для серии предложили написать В.И. Ленину. И хотя по содержанию книги у Ленина и Горького были некоторые расхождения, все же Ленин передал «Парусу» свою известную работу «Империализм как высшая стадия капитализма». Работа вышла в середине 1917 года. По цензурным соображениям она была напечатана под заглавием «Империализм как новейший этап капитализма». По этим же причинам на книге отсутствовала марка «Паруса». В выходных данных значилось: «Книжный склад и магазин “Жизнь и Знание”». Подобную маскировку Горький применял и в других политических изданиях. Книга пользовалась спросом у читателей. Ее тираж – 15 тысяч экземпляров – разошелся очень быстро.

С 1915 по 1917 год в издательстве «Парус» выходил журнал «Летопись». Это было по существу единственное в России легальное антиимпериалистское периодическое издание, в котором публиковались произведения, направленные против шовинизма и национализма.

Стремясь объединить в своем издательстве пролетарских авторов и писателей – представителей национальных меньшинств, Горький сразу же после организации «Паруса» занялся подготовкой сборников произведений национальных литератур. Из намеченного первоначально плана удалось осуществить выпуск лишь трех таких сборников: армянских, финских и латышских авторов. Для отбора произведений были созданы национальные комитеты. В редактировании сборников принял участие В.Я. Брюсов, которого Горький пригласил в издательство, учитывая его блестящую эрудицию и огромную культуру. Начатые в годы Первой мировой войны, эти издания способствовали сближению народов, противодействовали шовинистической пропаганде, натравливанию одной нации на другую.

Помимо сборников, издательство «Парус» публиковало отдельными книгами произведения как русских, так и зарубежных авторов. Горький содействовал публикации стихов молодого В.В. Маяковского. Он по дос-

тоинству оценил его талант и в 1916 году выпустил первую «большую» книгу поэта – «Простое как мычание». Маяковский прислушивался к мнению Горького, заменил по его совету ряд стихотворений другими. Несмотря на недоброжелательное мнение критики, Горький выпустил и вторую книгу Маяковского – «Война и мир».

В «Парусе» выходили также книги для детей, преследовавшие цели нравственного, эстетического и гражданского воспитания. К работе над детской книгой были привлечены В.Я. Брюсов, А.Н. Толстой, Саша Черный. В «Парусе» дебютировал как детский писатель К.И. Чуковский. Горький задумал издать двенадцать художественных сборников для детей младшего возраста, но удалось выпустить только один – «Елка», в котором писатель выступал как редактор и как автор. Иллюстрировали книги лучшие графики того времени – М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, С.В. Чехонин, Ю.П. Анненков, В.В. Лебедев и другие художники.

Издательство «Парус» испытывало большие материальные трудности. «Безумно возросшие цены на бумагу, типографские расходы, на содержание книжных складов, редакций, на почтовую переписку, упаковку и проч. почти приостановили издательство», – писал в 1918 году журнал «Трудовое единение»⁶. Все это привело к прекращению деятельности «Паруса». Последние книги вышли в июне 1918 года.

«Былое»

В 1900–1904 годах в Лондоне вышло шесть историко-революционных сборников «Былое», посвященных истории освободительного движения. Их издателем был Владимир Львович Бурцев (1862–1942), народоволец-публицист, позднее – эсер. В 1888–1889 годах он издавал за границей вместе с известным народником В.К. Дебогорием-Мокриевичем журнал «Свободная Россия», а в 1890–1900 годах – журнал «Народоволец». За призывы к убийству царя он был приговорен английским судом к восемнадцати месяцам каторжной тюрьмы. Затем поселился в Швейцарии, откуда был выслан за пропаганду террора, жил в Париже.

Осенью 1905 года Бурцеву удалось под чужим именем перебраться в Россию и поселиться в Санкт-Петербурге. Не получив разрешения на перевод издания исторических сборников «Былое» из Лондона в Санкт-Петербург, он совместно с историками В.Я. Богучарским и П.Е. Щеголевым приступил к выпуску журнала «Былое», используя название лондонского издания.

Журнал был посвящен истории общественного движения в России. В нем увидели свет ценные материалы о судебных процессах Н.Г. Чернышевского, М.Л. Михайлова, Д.И. Писарева, Н.А. Серно-Соловьевича, о политических процессах народников и народовольцев 1870–1880-х годов, а также ряд мемуаров.

С 1906 года Бурцев начал кампанию по разоблачению провокаторов, агентов русской политической полиции. Им был разоблачен начальник русской охранки за границей Ландейзен-Гаккельман, живший в Париже под именем действительного статского советника Гартинга, затем Азеф – один из основателей партии эсеров.

После закрытия журнала в 1907 году Бурцев перенес его издание за границу, в Париж. После Февральской революции П.Е. Щеголев при участии профессора Е.В. Тарле и писателя-публициста В.В. Водовозова возобновил издание журнала в России. Одновременно было учреждено кооперативное издательство «Былое». Бурцев после Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Издательство и контора издательства «Былое» одно время находились на Литейном проспекте, 21, квартира № 16, затем переехали на проспект 25 Октября (Невский проспект), 53⁷.

После Октябрьской революции журнал «Былое» редактировал П.Е. Щеголев, его заместителями были историк и библиограф А.А. Шилов и литературовед профессор Ю.Г. Оксман. В советский период вышло двадцать шесть номеров журнала «Былое», как и прежде большое место отводилось в нем революционному движению 1860–1880-х годов, в том числе воспоминаниям. Кроме журнала издательство выпускало ряд историко-революционных книжных серий: «Историческая библиотека», «Историко-революционная библиотека», «Библиотека социалистической мысли», «Библиотека революционных мемуаров». В составе серий и помимо них были изданы ценные монографии и мемуары П.Е. Щеголева, Е.В. Тарле, К.А. Пажитнова, П.А. Валуева, М.И. Муравьева-Апостола, П.М. Рутенберга. В серии «Библиотека издательства “Былое”», предназначавшейся для широкого читателя, печатались произведения О.Ф. Форш, М.М. Зощенко, М.Л. Слонимского, Д.И. Заславского, Н.Н. Никитина, Л.Н. Клейнборта, и других писателей и публицистов. Издательство «Былое» прекратило свою деятельность в 1927 году как несостоятельный должник⁸, не реализовав многое из задуманного.

«Вперед»

В годы Первой русской революции в Санкт-Петербурге появились легальные издательства, организованные большевиками. Страна переживала революционный подъем, была завоевана фактическая свобода печати. Революция благоприятствовала активизации издательской деятельности.

В конце 1905 года ЦК РСДРП поручил Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу (1873–1955) организовать в столице партийный книгоиздательский центр. Сначала обустроили типографию, в которую перевезли оборудование, хранившееся опытным подпольщиком И.Я. Львовым в Ве-

ликом Устюге, затем приступили к выпуску журнала «Наша мысль». Редактором журнала значился А.Г. Циммерман, в действительности же им являлся В.Д. Бонч-Бруевич, приехавший по паспорту Циммермана нелегально в Россию в начале 1905 года. Редакция и контора журнала помещались на Литейном проспекте, 60, квартира 9.

Журнал «Наша мысль» выходил меньше месяца – в феврале 1906 года его выход был приостановлен судебными властями. Тогда Бонч-Бруевич решил организовать издательство политических брошюр с тем же названием. Под маркой «Наша мысль» вышли брошюры «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» В.И. Ленина, «Победа кадетов и задачи рабочей партии» и «Кадетская партия и Государственная Дума» П. Орловского (В.В. Воровского). «Мы, – вспоминал Бонч-Бруевич, – изменили формат нашего журнала, перешли на брошюрный и предполагали в каждой книжечке его давать те или другие статьи наших ближайших товарищей, откинув помещение иллюстраций, или во всяком случае не считая это для себя обязательным»⁹. Вышло два таких выпуска. Первый состоял из статей П. Орловского, во второй вошли стихи и проза о вооруженном восстании в Москве в 1905 году.

Выпустила «Наша мысль» новинку – листовки с картинками из жизни французского пролетариата и портретами К. Маркса, Г.В. Плеханова, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, П.П. Шмидта. Эти издания хорошо расходились в рабочей среде.

В связи с запрещением журнала выпуск книг под маркой «Наша мысль» пришлось прекратить. В апреле 1906 года был создан новый журнал «Библиотека наших читателей». Одновременно Бонч-Бруевич занимался подготовкой к открытию в Санкт-Петербурге нового крупного издательства, появившегося в апреле 1906 года под названием «Вперед», а вскоре к нему присоединились еще два небольших партийных издательства – «Утро» и «Марксист». На Караванную улицу, 9, где разместились книжный склад и магазин нового крупного издательства, поступили не разошедшиеся издания «Нашей мысли». Книжки, выпущенные новым издательством, выходили под маркой «Книгоиздательство “Вперед”» с подзаголовком «Соединенное издательство “Марксиста”, “Нашей мысли” и “Утра”». С ним сотрудничали В.В. Воровский, А.И. Ульянова-Елизарова, А.В. Луначарский, М.С. Ольминский. Они были авторами, составителями и редакторами книг, выпущенных издательством. Общее руководство издательством осуществлялось ЦК РСДРП (на основании решений IV Стокгольмского объединительного съезда).

Издания, выпускавшиеся под маркой «Книгоиздательство “Вперед”», стоили дешево и были доступны самым широким слоям населения. Местным партийным организациям предоставлялась скидка 40 процентов, многие издания вообще распространялись бесплатно.

Издательству «Вперед» удалось установить связь с несколькими столичными типографиями. Ведущую роль сыграла легальная партийная

типография «Дело». Она начала функционировать с марта 1906 года и размещалась на набережной реки Фонтанки, 96. В 1970 году здесь установили мемориальную доску.

Официальными владельцами этого полиграфического предприятия числились М.И. Бруснев, С.Б. Красина-Лушникова – сестра Л.Б. Красина, организатора типографии, и сочувствовавшая большевикам О.А. Мухина, владелица меблированных комнат на Большой Морской улице. Заведовал типографией А.А. Беляков, бывший участник марксистского кружка в Самаре. Наборщиками и печатниками работали переброшенные из нелегальной Бакинской типографии опытные подпольщики – А.С. Енукидзе, Г.Ф. Стуруа, С.Я. Годрия, В. Болквадзе.

Преследования Охранного отделения вынудили издательство публиковать многие брошюры под фиктивными марками («Наш голос», «Новая волна», «Вторая Дума», «Новая Дума», «Борьба классов», «Пролетарское дело» и другие). Текст часто печатался в одной типографии, а обложка – в другой. Книгу выпускали порой под разными обложками, ставили вымышленные выходные сведения, использовали другие способы конспирации. И все же в 1907 году издательство «Вперед» было разгромлено полицией.

«Зерно»

К этому времени удалось подготовить открытие еще одного легального партийного издательства. Организовал его Михаил Сергеевич Кедров (1878–1941), которому поручались самые рискованные операции. Именно он участвовал в подкопе под баню Таганской тюрьмы, чтобы освободить из заключения Николая Баумана. В октября 1905 года Бауман вышел на свободу и работу прекратили. Во время революции 1905 года Кедров снабжал московские боевые дружины оружием, лично организовал такие дружины в Костроме. После поражения Декабрьского вооруженного восстания он получил другое партийное задание – распространение социал-демократической литературы. Для этой цели были использованы деньги, полученные Кедровым в наследство от умершего отца – известного адвоката Московского окружного суда. Несколько десятков тысяч рублей пошли на организацию издательства и книжного склада¹⁰. Под названием «Зерно» новое издательство оформилось в 1906 году. Оно располагалось в доме № 110 по Невскому проспекту. Место было избрано не случайно: поблизости находились конспиративные явки.

Активное участие в работе издательства «Зерно» принимали видные партийные деятели – Н.С. Ангарский (Клестов), Н.Н. Батурин (Замятин), Н.И. Подвойский.

«Зерно» выпускало в основном массовую политическую литературу, в том числе серию агитационных социал-демократических брошюр

«Книжки для всех». Чтобы обмануть полицию, брошюры печатали попеременно то в Санкт-Петербурге, то в Москве, и каждый раз в другой типографии. Цифры тиража в типографских книгах занижали в десятки раз – это помогало утаить значительную часть изданий от конфискации. В целях конспирации меняли заглавия книг. Так, конфискованная брошюра Ю. Равицкого «Казна и народ (Долой косвенные налоги)» была напечатана вновь под названием «О податях и налогах» без указания типографии. Серия «Книжки для всех» пользовалась популярностью.

Издательство «Зерно» предприняло выпуск собрания сочинений В.И. Ленина «За 12 лет». Предполагалось выпустить четыре тома. В первый вошли крупные труды: «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Вскоре после его выхода в свет полиция конфисковала книгу, издателя привлекли к ответственности. Комитет по делам печати пришел к заключению, что опубликованные статьи «заклучают в себе изложение учения социал-демократии и отличаются явно революционным направлением»¹¹.

Для дальнейшего осуществления замысла издательству пришлось отказать от общего названия издания – «За 12 лет». Второй том разбили на две части. В первую вошли все легальные статьи, во вторую – нелегальные. В марте 1908 года первая часть вышла под заглавием «Вл. Ильин. Аграрный вопрос. Ч. 1». Во вторую часть включили статью «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов». Корректурные оттиски вместе с рукописью были конфискованы прямо в типографии.

Кедрова вызвали на допрос к жандармскому ротмистру.

– Вы издатель этой книги?

Кедров ответил утвердительно и сразу же стал возмущаться: книга научного содержания, явно не предназначенная для широкого читателя, и к тому же находится в наборе, задерживается печатанием.

– По-видимому, задержка эта делается умышленно, чтобы разорить издательство?

Ротмистр обиделся. Он отводит приписываемые ему низменные побуждения. Означенная рукопись является явно преступной.

– Вот, прочтите!

Это была переписанная от руки статья В.И. Ленина из нелегального журнала «Заря» «Аграрная программа русской социал-демократии», написанная в 1902 году. Жандармы уловили в ней несколько «страшных» слов о революции. Этого было достаточно, чтобы уничтожить рукопись¹².

В письме Н.А. Рубакину от февраля 1913 года Ленин сообщал: «Книга «За 12 лет» конфискована, и найти ее вряд ли возможно. Впрочем, я попытаюсь порасспросить кое-где и в случае удачи пришлю Вам»¹³. У Ленина сохранился черновик статьи «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», и работу уда-

лось издать, но уже после Февральской революции 1917 года.

Издательство «Зерно» выпустило первый массовый рабочий «Календарь для всех» на 1908 год, вышедший гигантским по тем временам тиражом – 60 тысяч экземпляров. Он содержал самые разнообразные материалы – статистические данные, хронику революционных событий в России, очерки о профсоюзах, о русских политических партиях, об избирательном праве, библиографические сведения. В календаре была помещена статья Ленина «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», специально написанная по просьбе издательства. «Можно с уверенностью сказать, что ни одна статья товарища Ленина не имела такого широкого распространения вплоть до 1917 года», – констатировал Кедров¹⁴.

Через своих активистов издательство «Зерно» мгновенно распространило календарь по фабрикам и заводам, среди солдат и матросов. Когда полиция нагрянула, она нашла всего несколько экземпляров, «предусмотрительно оставленных ей на съедение» – шутил Кедров¹⁵.

Последним изданием «Зерна» стал сборник «Карл Маркс», выход его был приурочен к 25-летию со дня смерти Маркса. В него вошли работа В.И. Ленина «Марксизм и ревизионизм», статья В.В. Воровского «К истории марксизма в России», статьи Розы Люксембург, М.А. Сильвина. Весь тираж книги – 3150 экземпляров – удалось пустить в продажу. Сборник охотно раскупался.

Скрыть связи издательства с большевистским революционным подпольем не удалось. Пошли обыски, слежки. Сын Кедрова академик Б.М. Кедров вспоминал: «Однажды к нам в “Зерно” пришел полицейский. Увидев портрет Маркса, он спросил мою мать: “Это что же: Ваш родственничек будет?” Не знаю, что она ему ответила, но потом она всегда со смехом рассказывала про это и добавляла: “Пришли проверить, нет ли нелегальной марксистской литературы, а Маркса приняли за нашего родственника”»¹⁶.

В апреле 1908 года издательство «Зерно» было разгромлено, Кедрова и других ответственных работников издательства арестовали и заключили в тюрьму. Деятельность социал-демократических издательств в России прекратилась на несколько лет.

«Жизнь и знание»

Лишь в 1910 году удалось организовать новое партийное издательство. За дело снова взялся В.Д. Бонч-Бруевич. Издательство, названное «Жизнь и знание», разместилось на набережной реки Фонтанки, 38, квартала 19. Особое внимание издатели уделяли культурно-просветительской работе в массах. Для усиления бдительности властей начали с выпуска книг невинного характера. В январе 1910 года впервые под мар-

кой «Жизнь и знание» вышли две книжки. Одна из них – «Что рассказывала мама о полезных вещах, которые были у детей в комнате. Рассказы для младшего возраста» – представляла собой переложение с английского, которое сделала жена В.Д. Бонч-Бруевича Вера Михайловна Величкина. Вторая – «Человек стал летать: прошлое, настоящее и будущее авиации». Затем были напечатаны еще несколько книг сходного характера. Среди них – написанные В.М. Величиной «Швейцария. Швейцарские горы; швейцарские города и деревни; жизнь швейцарского народа» и «Друг детей. Рассказ о замечательном швейцарском учителе Генрихе Песталоцци».

Литература для подрастающего поколения выпускалась в двух сериях – «Детская библиотека» и «Библиотека для юношества». За детскими книгами последовали более серьезные – политическая литература, произведения писателей-реалистов.

Стали выходить популярные серии – «Библиотека обществоведения», «Библиотека наших читателей», «Общедоступная библиотека», «Библиотека мемуаров», работы Карла Маркса, Энгельса, Ленина, Крупской, Коллонтай.

Для широких масс в 1913 году Бонч-Бруевич задумал «Копеечную библиотеку». Она стала выходить с 1915 года под названием «Дешевая библиотека». Книжечки маленького формата в художественных обложках стоили от 3 до 10 копеек, а тираж каждой составлял 10–15 тысяч экземпляров. Тематика изданий была самой разнообразной: произведения М.Ю. Лермонтова и В.М. Гаршина; брошюры на общественные темы («Биржи труда»), по санитарному просвещению («Отчего происходят заразные болезни и как их лечат («Микробы)»), «Как действуют спиртные напитки на человека», «Почему действительно нельзя пить денатурированный спирт, политуру и одеколон».

После Февральской революции появилась возможность печатать политические брошюры, которые раньше цензура не пропускала. Одна за другой вышли такие популярные в рабочей среде книжки, как «Христианство и социализм» А. Бебеля, «Пауки и мухи» В. Либкнехта, «Кто чем живет» С.Р. Дикштейна. Обновилось содержание и «Библиотеки обществоведения». Особое внимание обращалось на разоблачение империалистического характера войны, которую не желало прекращать Временное правительство. Этому способствовали книги «Сельскохозяйственные рабочие и война», «Война после мира», «Что такое империализм?» и другие. Издательство в то время помещалось в Поварском переулке, 2, квартиры 9 и 10.

Бонч-Бруевич пригласил М. Горького возглавить литературно-художественный отдел издательства. Горький очень заинтересованно относился к работе, часто посещал книжный магазин «Жизнь и знание», читал письма заказчиков, расспрашивал, что говорят покупатели. В издательстве «Жизнь и знание» вышло одиннадцать томов собрания сочине-

ний Горького. Уже одно это сделало издательство известным. Спрос на сочинения Горького был велик. Сотрудница магазина О.К. Матюшина вспоминала:

«Спокойную атмосферу обычного делового дня нарушил крик упаковщика Югана:

– «Горького» привезли! «Горького»!

Юган пробежал через магазин и широко открыл парадную дверь. Как будто сговорившись, мы бросились на лестницу, всем хотелось принять участие в выгрузке первой книги Горького. Встали цепочкой по всей лестнице, и пачки, как белые птицы, перелетали из рук в руки.

Быстро окончилась разгрузка. Высокий штабель книг вырос посередине склада. Шура все сосчитала, проверила. Развязала первую пачку, вынула самый хороший экземпляр и подала Владимиру Дмитриевичу. Он прочел медленно и торжественно:

– «Максим Горький. Жизнь ненужного человека»... Это большая победа издательства, год назад совсем неизвестного! Владимир Дмитриевич прервал общее молчание:

– Друзья, начинайте работать с первой книгой из собрания сочинений Алексея Максимовича!»¹⁷.

С издательством сотрудничали многие русские писатели-реалисты – «демократическая поэтическая братия» – как называл их Бонч-Бруевич¹⁸. Издательство заключило договора с писателями С.И. Гусевым-Оренбургским, С.С. Юшкевичем, А.М. Федоровым, Д.Я. Айзманом, С.Г. Скитальцем. Дружественные отношения сложились между Бонч-Бруевичем и Демьяном Бедным. «Жизнь и знание» выпустило несколько книг пролетарского поэта – «Диво дивное и другие сказки», «Пирог да блин», «Всякому свое. Басни», «Мошна тута, всяк ей слуга. Басни» и другие.

При издательстве работали книжный магазин и склад. Здесь принимались заказы на литературу других книжных магазинов и складов в столице и в разных городах России, подбирались библиотечки для рабочих, расширялись существовавшие и составлялись новые библиотеки и читальни. Работы было много, и она приносила столь нужные для деятельности издательства доходы.

Одновременно книжный склад и магазин «Жизнь и знание» служили удобным местом для партийных явок и встреч. О.К. Матюшина вспоминала: «Первые книги из тиража мы рассылали по тюрьмам в самые отдаленные, глухие места. Отыскивали книголюбов, которые сумели бы пропагандировать книгу, рассказать о ней, составить картотеки. Мы всегда умели разыскать требуемую книгу в других магазинах, издательствах, на складах»¹⁹.

Деятельность издательства продолжалась до лета 1918 года. За послеоктябрьский период им было выпущено 70 названий книг, преимущественно по общественным вопросам.

М. Горький, К.П. Пятницкий и С.Г. Скиталец (Петров). 1900–1901

Марка
издательства
«Белое»

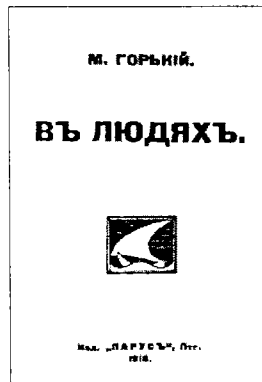

Марка
издательства
«Парус»

Д. Бедный. «Про землю,
про волю, про рабочую долю».
Издательство «Прибой».
1918. Обложка

М. Горький.
«В людях».
Издательство
«Парус».
1918. Обложка

Невский проспект. Вид на дом № 92,
где находилось издательство «Знание». 1903.

«Прибой»

В 1913 году в Санкт-Петербурге появилось еще одно легальное партийное издательство – «Прибой». Книги с его маркой начали выходить с января 1913 года. Во главе издательства стояли М.С. Ольминский, А.И. Елизарова, М.А. Савельев, Ф.И. Драбкина и другие видные партийные литераторы. Идейное руководство издательством осуществлял ЦК РСДРП.

Всего несколько месяцев просуществовало это издательство до начала Первой мировой войны. В это время большевистская фракция Государственной Думы проводила так называемую «страховую кампанию», имевшую политический характер. Издательство включилось в нее, выпустило ряд книг по вопросам социального страхования рабочих. И среди них – капитальный труд «Страхование рабочих в России и на Западе». Это многотомное, по замыслу энциклопедическое издание должно было охватить все вопросы теории и практики страхования рабочих в России и за рубежом. В связи с закрытием издательства в полной мере этот замысел осуществить не удалось. Но и вышедшие тома привлекли широкое внимание демократической общественности.

В 1914 году «Прибой» выпустил книгу «Марксизм и ликвидаторство», большая часть материалов которой принадлежала В.И. Ленину. Цензор, просмотревший издание, всполошился: сборник был явно направлен «к преступному подстрекательству рабочих масс», провоцировал их «к ниспровержению существующего государственного и общественного строя»²⁰. Постановили – сборник конфисковать и уничтожить. Правда, издательство успело к этому времени вывезти из типографии почти весь тираж, конфисковать удалось лишь несколько десятков экземпляров.

Издательство «Прибой» выпустило также первый популярный карманный справочник-календарь для рабочих – «Спутник рабочего на 1914 год». В нем можно было найти много полезных в политико-образовательном отношении материалов: перечень профессиональных союзов и рабочих просветительных обществ, сведения о рабочей прессе, о порядке издания законов, о фабричном законодательстве, страховые законы, сведения о смертности по различным профессиям, справки о политических партиях в Государственной Думе и другие разнообразные сведения по вопросам политики и экономики.

Пропагандистский характер «Спутника» не укрылся от внимания дотошной цензуры. В постановлении Петербургского комитета по делам печати по докладу цензора говорилось: «Как ни старается автор календаря быть осторожным в изложении намеченной им социал-демократической программы, как ни старается он избежать выставления определенных пролетарских лозунгов, тем не менее даже в

таких заметках, как биографии Августа Бебеля, Карла Маркса, Фердинанда Лассалья, Н.Г. Чернышевского и др., проглядывает сочувствие автора к учению перечисленных лиц и даже призыв к практическому осуществлению их заветов и продолжению их деятельности»²¹.

На книгу наложили арест, но было уже поздно: весь тираж «Спутника...» – 5 тысяч экземпляров – разошелся молниеносно, в течение одного дня. Полностью спрос на книгу удовлетворить не удалось. 1 марта 1914 года вышло второе издание «Спутника...». Издательство на этот раз «пошло навстречу» цензуре и изъяло ряд неугодных ей материалов, кое-что внесло дополнительно. Это помогло – цензурного запрета не последовало, и 12 тысяч экземпляров «Спутника...» вновь полностью разошлись.

В начале 1914 года издательство «Прибой» выпустило несколько политических брошюр о жизни рабочих в России и за рубежом: «Безработица и локауты», «Доля шахтера», «Наша армия», «Рабочее движение во Франции» и другие, сыгравшие немалую агитационно-пропагандистскую роль в условиях военного времени.

Под редакцией М. Горького в 1914 году в издательстве «Прибой» вышел первый «Сборник пролетарских писателей». Инициатива этого издания принадлежала газете «Правда». При ее редакции в 1913 году возникло первое литературное объединение пролетарских авторов. Узнав об этом, М. Горький писал с Капри своему другу А.Н. Тихонову, в то время заведовавшему беллетристическим отделом «Правды»: «Кружок беллетристов дело столь хорошее, столь близкое мне, что когда я прочитал письмо Ваше, меня прямо рвануло в Питер, – всем существом рвануло! Ой, как бы я был там на месте!»²².

Вскоре эта возможность ему представилась. В связи с трехсотлетием Дома Романовых 21 февраля 1913 года была объявлена амнистия, и в канун 1914 года Горький возвратился в Россию. А спустя некоторое время стало известно, что сборник произведений пролетарских писателей выйдет под его редакцией.

В начале 1914 года в «Правде» появилось первое извещение о подготовке к изданию сборника пролетарских поэтов – сотрудников газет «Звезда» и «Правда». В адрес издательства «Прибой» (Измайловский проспект, 9, квартира 91) отовсюду стали поступать стихи, рассказы, пьесы. В течение трех месяцев было получено свыше 450 рукописей, посланных 94 авторами, среди которых преобладали рабочие, ремесленники, крестьяне, приказчики. Случались и курьезы. Так, среди корреспондентов оказались беллетрист-извозчик, поэт-городовой и даже – торговец свечами в епархиальной лавке одного из губернских городов! Шли письма даже из тюрем и мест ссылки.

Весь этот огромный материал был внимательно и терпеливо просмотрен Горьким. Отобрали лучшие рукописи, отмеченные печатью дарования, хотя порой и неказистые на первый взгляд. Горький тща-

тельно их редактировал, правил, сокращал, а иногда и переделявал отдельные места. В вводной статье к сборнику пролетарских писателей он писал: «Кто знает будущее? – возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы»²³.

В марте 1914 года на петербургской квартире Горького состоялась его беседа с пролетарскими писателями. В ней приняли участие будущие авторы сборника – около полутора десятков рабочих поэтов и беллетристов. Встреча носила конспиративный характер, так как за Горьким и пролетарскими писателями велась полицейская слежка. Атмосфера этой встречи была «самая задушевная и товарищеская», царило радостное возбуждение – волновались рабочие писатели, расстроган и взволнован был и сам М. Горький.

Литературовед и книговед С.М. Брейтбург обнаружил один из протоколов заседаний литературного кружка пролетарских поэтов и беллетристов. В нем говорилось: «На заседании группы авторов, 1 апреля (1914 года), признаны годными произведения:

Д. Гордеева – Божья пряжа (рассказ) – принят с поправками.

В. Торский – На порубке (Миниатюра).

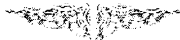
Ив. Ерошин – Мой путь, Весна (Стихотворения).

Як. Бердников – Весна, Ну, смелее же пой (Стихотворения).

В. Кириллов – Звезды (Стихотворение).

Произведения эти авторы обещались доставить в редакцию «Путь Правды». Д. Одинцов»²⁴.

«Сборник пролетарских писателей» стал одной из последних книг, выпущенных издательством «Прибой» до начала Первой мировой войны, когда издательство «Прибой», так же как «Жизнь и знание», вынуждено было прекратить свою деятельность. Возобновили они ее лишь после Февральской революции. В 1918 году на их основе образовалось одно из первых советских партийных издательств «Коммунист», которое стало работать в Москве.

ЭСТЕТЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

«Брокгауз и Ефрон»

От набережной реки Мойки до улицы Декабристов проходит Прачечный переулок. Свое название он получил еще в 1769 году, когда здесь располагались общественные бани и прачечные. В этом переулке в доме № 6 с 1889 года размещалось немецко-русское Акционерное общество «Брокгауз и Ефрон», организаторами которого являлись российский предприниматель Илья Абрамович Ефрон и лейпцигский издатель Фридрих Арнольд Брокгауз.

И.А. Ефрон (1847–1917), потомственный почетный гражданин, владел Семеновской типографией, находившейся близ Царскосельского (ныне Витебского) вокзала, на набережной реки Фонтанки, 92. Однако это довольно тесное помещение, и находившиеся в нем четыре станка не обеспечивали необходимый размах работ. В связи с этим Ефрон продал типографию А.М. Вольфу и приобрел трехэтажный кирпичный дом в Прачечном переулке (в настоящее время здесь располагается типография № 8 Федерального государственного унитарного предприятия «Техническая книга»). На первом и частично на втором этажах размещались типография и книжный склад, остальные помещения были заняты издательством. Новая типография Ефрона имела четырнадцать скоропечатных машин и два печатных станка и входила в десятку крупнейших типографий Санкт-Петербурга.

Началом функционирования издательства «Брокгауз и Ефрон» следует считать соглашение об издании в русском переводе немецкого энциклопедического словаря «Большой Брокгауз», заключенное между фирмой «Ф.А. Брокгауз» и Ефроном в апреле 1889 года. При подготовке первых томов возникла идея создания русского универсального справочного издания. Стремясь сосредоточить весь производственный цикл этого издания в Санкт-Петербурге, издательство вскоре отказалось от услуг зарубежных фирм, печатавших наиболее слож-

ные чертежи, рисунки, карты, иллюстрировавшие словарь. В связи с этим по просьбе фирмы Сенатом 3 июля 1898 года был утвержден устав нового Акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз и Ефрон», с капиталом в 1 миллион рублей, разделенным на 4000 акций по 250 рублей каждая. Для того, чтобы стать членом Акционерного общества, необходимо было обладать как минимум 25-ю акциями. Брокгауз имел 2000 акций, И.А. Ефрон с сыновьями – 1750. Председателем правления первоначально был избран К.К. Арсеньев, владевший 25-ю акциями, а с 1899 года до конца жизни эти функции выполнял И.А. Ефрон, являвшийся также и директором-распорядителем Общества. Членом правления был присяжный поверенный, кандидат права Г.Т. Терк, кандидатами в члены правления являлись Н.А. Богданов и сын И.А. Ефрона И.И. Ефрон.

Фирма «Брокгауз и Ефрон» приобрела широкую известность своими энциклопедическими изданиями. В 1890 году она приступила к выпуску энциклопедического словаря, завершеного в 1907 году и составившего 86 полутомов. В редактировании словаря принимали участие выдающиеся деятели отечественной науки – Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, почетный академик юрист К.К. Арсеньев, климатолог А.И. Воейков, физик Ф.Ф. Петрушевский. Один из ведущих отделов словаря – отдел истории литературы – возглавлял С.А. Венгеров. Во главе секретариата редакции в 1890 году встал историк М.М. Марголин. Особо тщательно готовила редакция словаря статьи, посвященные России, – ее истории, науке и культуре, народным обычаям. Параллельно с многотомным словарем был подготовлен и издан Малый энциклопедический словарь в трех томах (1899–1902).

В 1911 году издательство начало выпуск также многотомного, но более доступного по цене и компактного «Нового энциклопедического словаря», однако из намеченных первоначально 48 томов удалось издать лишь 29. Выпуск словаря прекратился в 1916 году. Наряду с универсальными энциклопедическими изданиями печатались и специальные – «Энциклопедический медицинский словарь» доктора А. Виларе в трех томах (1892–1894), «Энциклопедия практической медицины» в пяти томах (1907–1915), «Еврейская энциклопедия» в шестнадцати томах (1908–1913), а также ряд справочных и учебных изданий: «Справочная и записная книга для едущих на Одесские и Крымские курорты» (1890), «Семеновский железнодорожный календарь» (1891), «Новый медицинский календарь на 1891 год» доктора Г.М. Герценштейна, «Элементарный учебник анатомии и физиологии человека» французских врачей М. Дюваля и П. Константена (1893).

Не меньшей известностью пользовались серийные издания Брокгауза и Ефрона: «Библиотека великих писателей» в двадцати томах – роскошно иллюстрированное издание собраний сочинений А.С. Пушкина.

кина, В. Шекспира, Дж. Байрона, Ф. Шиллера, Ж.-Б. Мольера (под редакцией С.А. Венгерова), «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время» (36 выпусков) под редакцией профессоров Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого. Были изданы так же такие капитальные издания, как «Общая история европейской культуры» (1908), «Человек и Земля» Ж.Э. Реклю в шести томах (1906–1907), «История инквизиции» Г. Чарльза Ли в трех томах (1911–1914), «Эллинская культура» в двух томах (1906–1907).

В издательстве Брокгауза и Ефрона выходили серии, предназначенные для самообразования: «Дешевая библиотека самообразования» и «Дешевая библиотека естествознания», «Библиотека промышленных знаний» (под редакцией Д.И. Менделеева). Стремясь к увеличению числа подписчиков и, соответственно, к росту прибылей, издательство Брокгауза и Ефрона впервые в России ввело в практику продажу книг в рассрочку. Издания высылались покупателям с таким расчетом, чтобы их суммарная стоимость при минимальном месячном взносе в один рубль могла быть выплачена в течение 10–12 месяцев.

Фирма Брокгауза и Ефрона в своей дореволюционной деятельности знала и счастливое время бурного расцвета, и тяжелые годы катастрофического упадка. Если в первые пять лет своего существования (1898–1903) общество получало в среднем до 100 тысяч рублей чистой прибыли, то в 1905 году она упала до 7736 рублей. После Первой русской революции положение дел несколько улучшилось, однако уже с 1911 года издательство едва сводило концы с концами, а 1914 год закончило с убытком в 1044 рублей. Начавшаяся Первая мировая война привела к застою и сокращению книгоиздательской деятельности. Наряду с острым недостатком бумаги и других материалов, ощущалась и нехватка квалифицированных рабочих-полиграфистов. Продажа книг, особенно многотомных изданий научно-популярного характера, резко сократилась.

Привлечь новый капитал издательству не удалось, а 19 апреля 1917 года скончался И.А. Ефрон, в лице которого, как говорилось в некрологе, «русское издательство утратило одну из крупнейших и оригинальнейших фигур»¹. Созданная им фирма, ненадолго прекратившая свою деятельность, возродилась в 1918 году под названием «Акционерное общество “Издательское дело”», а с 1919 года вновь стала именоваться «Издательство “Брокгауз и Ефрон”». Во главе его стояли предприниматели А.Ф. Перельман и Н.Е. Гартштейн. В 1920-х годах издательство сосредоточило свое внимание на выпуске учебно-педагогической, технической и историко-географической литературы. Продолжалось издание мировой классики. В это время издательство размещалось внутри Большого Гостиного двора, лавка № 124. В 1931 году издательство «Брокгауз и Ефрон» прекратило свое существование из-за финансовой несостоятельности.

«Просвещение»

В число крупнейших книгоиздательских акционерных обществ в Санкт-Петербурге в конце XIX–начале XX века входило издательство «Просвещение». Оно было основано в 1896 году просветителем, учредителем школы печатного дела Русского технического общества Натаном Сергеевичем Цетлиным совместно с немецким издательством «Библиографический институт» (Лейпциг), основанным в 1826 году Й. Мейером. Городская контора издательства находилась на Невском проспекте, 50. Основной книжный склад – в доме № 75 по Забалканскому проспекту (ныне Московский проспект, 91). Издательство «Просвещение» выпускало капитальные научно-популярные издания, в основном переводы на русский язык трудов немецких ученых. Так, в серии «Вся природа» им были выпущены «Жизнь животных» А.Э. Брема, «Человек» Л. Ранке, «Народоведение» Ф. Ратцеля, «История земли» М. Неймайра.

Издательство широко пользовалось кредитом российских банков, некоторые из которых являлись владельцами его акций. В 1905 году они помогли выкупить пай издательства «Библиографический институт», и формальными владельцами фирмы стали братья Н.С. и Л.С. Цетлины. «Просвещение» предпринимало все возможные меры, чтобы завоевать потребителей в разных слоях населения. Розничным покупателям предоставлялись льготы: например, лица, покупавшие комплект «Большой энциклопедии», выпущенной под редакцией известного публициста и экономиста С.Н. Южакова², могли предварительно в счет оплаты этой покупки сдать в букинистический отдел магазина комплект словаря Брокгауза и Ефрона или любой другой энциклопедии. Широко применялась торговля книгами по почте, систематически выпускались каталоги.

Издательство «Просвещение» получило известность не только благодаря своей «Большой энциклопедии», выдержавшей четыре издания, но и ряду популярных серий. Так, большим спросом пользовалась выпускавшаяся им дешевая серия «Всемирная библиотека», состоявшая из собраний сочинений выдающихся писателей-классиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Добролюбова, Ф.М. Достоевского, Ч. Диккенса, Э. Золя, Г. де Мопассана и других. Некоторые выпуски «Всемирной библиотеки» выделялись среди прочих дореволюционных изданий своей полнотой, наличием комментариев, лучшей текстологической подготовкой. К ним относятся «Полное собрание сочинений» И.А. Крылова, «Полное собрание сочинений и писем» И.С. Никитина, «Полное собрание сочинений» А.Н. Островского и другие.

Помимо «Всемирной библиотеки» «Просвещение» выпускало также серию «Современная библиотека», составленную из отдельных произведений известных русских и зарубежных авторов, а также се-

рию «Библиотека «Просвещения», где были опубликованы некоторые работы К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бабеля и Р. Люксембург. Издавались им также книги по искусству – «История искусства всех времен и народов» К. Вермана, «Сокровища искусства» и «Новое искусство». Издательство прекратило свое существование в 1922 году.

Кружок любителей русских изящных изданий

В начале XX века в Санкт-Петербурге стали возникать библиофильские объединения и издательства. К их числу следует отнести созданный в 1903 году Кружок любителей русских изящных изданий – первую в России юридически оформленную библиофильскую организацию. Его основателями были библиофил и библиограф В.А. Верещагин, автор книги «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870)», типограф Р.Р. Голике, книгопродавцы-антиквары В.И. Клочков, Н.В. Соловьев, богатый любитель книги купец Н.К. Синягин и другие известные петербургские библиофилы.

В.А. Верещагин вспоминал: «В один из осенних вечеров 1903 года собралось нас несколько любителей у И.В. Ратькова-Рожнова, обладателя в то время перворазрядного собрания французских иллюстрированных изданий XVIII века – блестящего юноши, подававшего большие надежды и неожиданно скончавшегося после тяжелой болезни 3-го января 1907 года. Были с нами в тот вечер: А.М. Остроградский, Е.В. Тевяшов, П.Е. Рейнбот – все трое тонкие знатоки и собиратели, И.И. Леман, хозяин большой словолитни и просвещенный коллекционер, и П.П. Вейнер, впоследствии издатель «Старых годов»³.

Первое время члены кружка собирались в ресторане гостиницы «Северная» на Знаменской площади, принадлежавшей отцу Н.В. Соловьева. В 1907 году после кончины И.В. Ратькова-Рожнова его отец передал кружку в память о своем покойном сыне 10 000 рублей. «Этот капитал – сообщил В.А. Верещагин, – дал кружку возможность обзавестись, благодаря второму нашему секретарю, энергичному П.П. Вейнеру, уютной квартиркой в доме его матери, на Сергиевской⁴, меблировать ее и почувствовать впервые твердую и незыблемую почву. Переехали мы туда в 1908 году»⁵.

Цель кружка была сформулирована в его уставе следующим образом: «Содействовать развитию художественной стороны издаваемых в России произведений печатного и графического искусства и способствовать взаимному сближению собирателей означенных произведений»⁶.

Все издания кружка можно разделить на две группы: самостоятельные издания, напечатанные в типографии «Голике и Вильборг», и каталоги выставок, ежегодно с 1910 года устраивавшихся кружком

в собственном помещении. Выставки работали около месяца, по три дня в неделю. Экспонаты для них предоставляли из своих собраний члены кружка. Графические работы развешивались по стенам, книги располагались в витринах.

Среди собственных изданий кружка – «Невский проспект» Н.В. Гоголя с иллюстрациями Д.Н. Кардовского (1905), «Четыре басни И.А. Крылова» с рисунками А.О. Орловского (1907), «Казначейша» М.Ю. Лермонтова, обложку и иллюстрации для которой выполнил М.В. Добужинский (1914), «Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий» В.А. Верещагина (1908). В 1913 году вышло капитальное издание «Гравюра и литография» И.И. Лемана – подробное историческое и техническое описание различных способов гравирования на меди и на дереве.

Во второй группе изданий – шесть каталогов выставок: «С.Ф. Галактионов и его произведения», «Русская женщина в гравюрах и литографиях», «Русская жизнь в эпоху Отечественной войны», «Придворная жизнь. 1613–1913», «Русская и иностранная книга XV–XIX веков» и «Французская и английская гравюра XVIII века». Каждое такое издание включало в себя помимо подробной каталожной части обширную вступительную статью. Тираж каталогов составлял 500–600 экземпляров. «Все эти издания, – писал Верещагин, – отпечатанные в типографии Ревильона⁷, в одинаковом формате средней восьмушки, на отличной бумаге, с многочисленными воспроизведениями в тексте и вне текста, могут по справедливости быть названы изданиями в полном смысле слова изящными, вполне удовлетворяющими вкусам и стремлениям самого прихотливого любителя»⁸.

Кружок любителей русских изящных изданий тесно сотрудничал с издательством Брокгауза и Ефрона. Роскошные издания этой фирмы (в том числе собрания сочинений писателей-классиков – Пушкина, Шекспира, Байрона, Шиллера и других) иллюстрировались рисунками и копиями с картин мастеров различных эпох и стилей, в подборе которых деятельное участие принимали члены кружка. Его деятельность прекратилась в 1919 году.

Художники «Мира искусства»

Кружок любителей русских изящных изданий по своим эстетическим установкам был близок группе «Мир искусства». Члены этой группы – художники А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, М.В. Добужинский, Л.С. Бакст и другие – много работая над книжной иллюстрацией и оформлением книги, уделяли особое внимание декоративной стороне рисунка как органической части книжной полосы. Создавая новый

принцип оформления книги, художники «Мира искусства» стремились воссоздать книжную культуру XVIII–начала XIX века. Книжное оформление расценивалось ими как строгое декоративно-графическое единство, все типографические и графические элементы которого неразрывно связаны между собой по стилю и ритму, подчинены общей архитектонике книги.

Художники-«мирискусники» нередко использовали в книге старинные шрифты: для элементов оформления – переработанные, а для набора текста – подлинные гарнитур. В заставках и концовках возрождались культура аллегорических и декоративных композиций на темы античных мифов. Ими широко использовалась специальная бумага «верже», имитирующая бумагу ручной выделки. Все это было для своего времени ново и вызывало противоречивые отклики.

В отдельных изданиях художники «Мира искусства» достигли высоких образцов оформления книги. Особый тип книги-сказки создал художник И.Я. Билибин. Иллюстрированные им сборники русских сказок печатались с применением многоцветной техники высокой печати в лучших петербургских типографиях («Голике и Вильборг», «Сириус»). Подобно другим художникам «Мира искусства», Билибин изучал русскую старопечатную книгу и в поисках исконных национальных мотивов обращался к заставкам, созданным Иваном Федоровым.

Творчески использовали в своих книжных работах элементы древнерусского искусства и другие художники. Так, В.М. Васнецов широко применял орнаментику северного «звериного» стиля. В духе древней рукописи была оформлена им «Песнь о Вещем Олеге» (1899⁹, СПб., Экспедиция заготовления государственных бумаг). Живым интересом к прошлому России отмечено и оформление некоторых других книг – «Село Преображенское» (СПб., 1903) с иллюстрациями М.В. Нестерова, «Отрок-мученик» (1900, СПб., издательство А.Ф. Маркса) с иллюстрациями В.М. Михеева. Глубокого изучения быта, костюмов и обычаев прошлых эпох потребовала от художников «Мира искусства» работа над коллективным трудом – роскошно иллюстрированным изданием «Великокняжеская и царская охота на Руси» (1896, СПб., Экспедиция заготовления государственных бумаг), в которой приняли участие художники А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, В.А. Серов, Н.С. Самокиш и многие другие.

Много работал над книжными иллюстрациями идеолог «Мира искусства» А.Н. Бенуа. Среди наиболее известных книг, оформленных им, – «Царское Село» (1910, СПб., «Голике и Вильборг») и уже упоминавшаяся «Пиковая дама» (1911 и 1915, там же). Особую известность приобрели его иллюстрации к «Медному всаднику», неоднократно воспроизводившиеся в дореволюционных и советских изданиях (впервые опубликованы в журнале «Мир искусства» за 1904 год). Лучшим дореволюционным достижением М.В. Добужинского считаются иллюс-

трации к поэме «Казначейша» М.Ю. Лермонтова, созданные художником в традициях русских художников-графиков первой половины XIX века С.Ф. Галактионова и В.Ф. Тимма (1913, СПб., Кружок любителей русских изящных изданий).

Один из лучших художников-книжников «Мира искусства» Г.И. Нарбут создал ряд интересных иллюстраций к детским книгам. Ему принадлежат также серия оригинальных силуэтных рисунков к басням И.А. Крылова. Особое внимание Нарбут обращал на оформление концевых полос и разворотов.

В годы Первой мировой войны вышла повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (1916, СПб., «Голике и Вильборг») с иллюстрациями Е.Е. Лансере, сочетавшими в себе реалистичность манеры, глубокий психологизм и ясность художественного выражения. В этой богато иллюстрированной книге были использованы все виды сложной репродукционной техники начала XX века.

Близкий к группе «Мира искусства» художник Д.Н. Кардовский создал отличающиеся нарядной театральностью рисунки к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1913, СПб., «Голике и Вильборг») и серию иллюстраций к повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» (1905, СПб., Кружок любителей русских изящных изданий). Помимо создания серий иллюстраций к произведениям художественной и популярной исторической литературы, художники «Мира искусства» принимали участие в оформлении книг научного характера. Например, «История русской литературы XIX века» (1910, М., Издательское товарищество «Мир») вышла в оформлении Л.С. Бакста.

«Сирин»

После поражения революции 1905 года появились издательства, специализировавшиеся на издании произведений символистов и футуристов. Некоторые из них оставили заметный след в истории русской книги и книжного искусства.

От Невского проспекта к Кузнечному переулку тянется Пушкинская улица. Ее проложили еще в 1870-х годах и вначале именовали Компанейской. Называлась она также Новым проспектом. В августе 1884 года именно на этой улице был открыт первый в нашем городе памятник А.С. Пушкину (по проекту известного скульптора А.М. Опекушина). С этих пор улицу стали именовать Пушкинской.

На этой тихой улице в конце 1912 года в доме № 10 разместилось вновь открытое издательство «Сирин»¹⁰, организованное группой писателей-символистов при самом активном участии А.А. Блока. Сообщение об этом событии сохранилось в его дневниковой

записи от 27 ноября 1912 года: «Утром – мечты и планы, чем может стать «Сирин», как он может перевернуть все книжное дело в России, как надо заинтересовать Терещенку»¹¹. Издательство «Сирин» было основано на деньги М.И. Терещенко – сахарозаводчика-миллионера, будущего министра иностранных дел Временного правительства.

Блок познакомился с Терещенко в 1912 году. Их отношения были дружескими, по свидетельству самого Блока, – даже задушевными. Сообщая Андрею Белому, что в Санкт-Петербурге основывается новое большое издательство «Сирин», Блок писал: «Терещенко человек очень милый и скромный, глубоко культурный и просвещенный. Обладая большими средствами, издатель хочет служить искусству и художественной литературе по преимуществу; хочет дать возможность русским писателям работать спокойно; хочет поставить дело на реальную почву, не меценатствуя, но и не занимаясь спекуляцией»¹². И все же подлинным руководителем издательства был А.А. Блок. Именно его указаниям следовал меценат-миллионер при выборе произведений для издания. С «Сирином» сотрудничали также В.Я. Брюсов, Ф.К. Сологуб, А. Белый (Б.Н. Бугаев), А.М. Ремизов и другие литераторы.

Особое внимание издатели обращали на внешнее оформление изданий, которые выпускались на особого сорта толстой веленовой, так называемой «слоновой» бумаге, в дорогих переплетах. Н.В. Котрелев так характеризовал отличительные особенности «сириновских» книг: «Чистота и простота набора, легкая читаемость шрифта, хорошая бумага, отсутствие иллюстраций и виньеток. Скромная изысканность переплета – картонного, поволоченного красивым бархатистым верже. Золото надписей по темно-серому фону на книгах Брюсова, по светло-серому – Сологуба»¹³.

«Сирин» выпускал альманах с одноименным названием. Каждую субботу в редакции на Пушкинской улице собирались писатели и художники, обсуждавшие очередной номер альманаха, выходящего по мере накопления материала. По совету Блока, в одном из номеров «Сирина» напечатали роман А. Белого «Петербург». Было задумано также издание собраний сочинений писателей-символистов, сотрудников «Сирина», в пятидесяти томах. Удалось выпустить собрания сочинений В.Я. Брюсова, Ф.К. Сологуба, К.Д. Бальмонта. Готовилось к изданию собрание сочинений А.А. Блока, однако начавшая в 1914 году война оборвала деятельность «Сирина», и оно так и не увидело света. Подводя итог деятельности издательства, Блок писал: ««Сирин» окончательно ликвидируется. Собственно я доволен, что получил меньше всех материальных выгод от Терещенко, будучи близким к «Сирину» в течение двух лет. Так отчетливей и лучше»¹⁴.

«ШИПОВНИК»

На более широкий круг читателей ориентировалось издательство «Шиповник». Оно возникло в Санкт-Петербурге в 1906 году и размещалось на Николаевской улице (ныне ул. Марата), в доме № 31. Его владельцами были Соломон Юрьевич Копельман (отец известного советского писателя Ю. Крымова) (1881–1944) и Зиновий Исаевич Гржебин (1869–1929), художник-карикатурист.

Из неопубликованных воспоминаний жены Копельмана В.Е. Беклемишевой известно, что в 1904 году он, тогда студент Сорбонны, находился под следствием за провоз из-за границы социал-демократической литературы. Ему грозила ссылка в Восточную Сибирь. Гржебин в конце 1905–начале 1906 года отбыл тюремное заключение за редактирование сатирического журнала «Жупел». Министерство внутренних дел запретило ему «жительство в обеих столицах и столичных губерниях до особого распоряжения г. министра»¹⁵.

Настроенные оппозиционно, на первых порах оба издателя выпускали историко-революционные сборники, серии художественных открыток на острые социально-политические темы, издавали труды К. Маркса («К критике политической экономии»), Г.В. Плеханова, А.В. Луначарского. В 1907 году были изданы сборники «Ссылным и заключенным» и «Историко-революционный альманах» (конфискован после выхода), книга-памфлет на обер-прокурора Синода Победоносцева. «Шиповник» уделял большое внимание сочинениям лидеров так называемого революционного синдикализма (Ю. Лагардель, А. Лабриола). В дальнейшем, в годы реакции, издательство заняло антиматериалистические позиции: в серии «Библиотека современной философии» появились книги махистов (И. Петцольдт) и философов-идеалистов (Л. Шестов).

С 1907 года издательство начало выпуск альманаха «Шиповник» (за 1907–1916 годы вышло 26 сборников). В альманахе наряду с писателями реалистического направления (А.С. Серафимович, И.А. Бунин, В.В. Муйжель, А.П. Чапыгин, С.С. Юшкевич, А.Н. Толстой, М.М. Пришвин) принимали участие и писатели-символисты: В.Я. Брюсов, А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, А. Белый, Г.И. Чулков, Н.М. Минский, Ф.К. Сологуб. Ведущую роль в альманахе играл Л.Н. Андреев: в «Шиповнике» впервые увидели свет семнадцать его произведений, в том числе таких известных, как «Жизнь человека», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных», «Сашка Жегулев». Второй по значению фигурой в альманахе являлся Ф.К. Сологуб, автор знаменитого «Мелкого беса» и «Навях чар».

К оформлению альманаха и книг «Шиповника» привлекались известные художники-«мирискусники»: И.Я. Билибин, М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, Н.К. Рерих, а также С.В. Чехонин. Оценивая

оформление первого альманаха «Шиповник», либеральный критик Н.Я. Абрамович писал, что он «по размерам и по изяществу внешности выгодно отличается от скромной зеленой книжки сборника «Знание», от которой уже веет затхлостью шаблона»¹⁶.

«Шиповник» был рассчитан в основном на читателей из городской буржуазной среды, чьим умонастроениям в период реакции отвечало содержание модернистской литературы, с ее пессимизмом и индивидуализмом, увлечением мистикой и эротикой. Писатели-реалисты демократического толка (А.С. Серафимович, Б.К. Зайцев, С.Н. Сергеев-Ценский), недовольные ориентацией альманаха, вскоре покинули его. Помимо альманаха издательство выпускало собрания сочинений русских авторов (Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, Б.К. Зайцева, С.Н. Сергеева-Ценского) и западных писателей (К. Гамсуна, Г. Уэллса, Г. д'Аннуцио, Г. Флобера, Г. де Мопассана). Выпускались также серии «Библиотека иностранных писателей» и «Северные сборники». Последняя состояла из произведений К. Гамсуна, А. Стриндберга, И.П. Якобсона, С. Лагерлёф, К. Михаэлис, Я. Сёдерберга и других популярных писателей Скандинавии. В серии «Юмористическая библиотека» публиковались произведения А.Т. Аверченко, Саши Черного, Н.А.Тэффи, Дж.К. Джемса, М. Твена.

В последние годы своего существования «Шиповник» утратил былую популярность, объем его издательской деятельности сократился. С каждым годом издавать альманах становилось все труднее. В письмах Копельмана этого периода нередко признания такого рода: «Я еще совершенно не знаю, сколько в этом году мы выпустим альманахов и как они будут составлены»¹⁷. В одном из писем к Л. Андрееву С. Копельман сетовал: «Возни с альманахом была бездна: ни у Шмелева, ни у Толстого, ни у других ничего достать нельзя было»¹⁸.

Сложное положение издательства усугубляли распри между его владельцами. Конфликт между ними в 1914 году разбирали третейский суд. После 1917 года издательство перебазировалось в Москву. В 1922 году вышел первый номер альманаха под названием «Шиповник. Сборник литературы и искусства» под редакцией Ф.В. Степуна, признанный реакционным по содержанию, после чего издательство было закрыто.

«Пантеон»

В 1907 году З.И. Гржебин основал в Санкт-Петербурге издательство «Пантеон». В связи с тем, что он, как уже отмечалось, находился под негласным надзором полиции, официальным представителем издательства стал муж сестры Гржебина М.С. Фарбман. Издательство ставило перед собой просветительские цели, стремясь сделать шедевры мировой литературы достоянием российского читателя, создать

своеобразный «Пантеон мировой культуры», который, как говорилось в рекламных проспектах, «представит в образцах и характеристиках историю литературы, начиная с древнейших памятников словесности, через литературу античную, средневековую и эпохи Возрождения до произведений последних столетий и наших дней»¹⁹.

В деятельности издательства принимали участие известные писатели, ученые, общественные деятели – К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, М.А. Волошин, Вяч. Иванов, Н.А. Морозов, К.И. Чуковский, А.М. Эфрос и другие. Были изданы собрания сочинений Г. де Мопассана, произведения Р. Киплинга, Г. Уэллса, О. Уайльда в переводах Бальмонта, Городецкого, Чуковского, Сологуба. За пять лет своего существования (1907–1912) издательство выпустило около 50 названий книг.

Издательство Общины Св. Евгении и Комитет популяризации художественных изданий

В 1896 году в Петербурге начало свою деятельность издательство Общины Св. Евгении, образованной при Попечительном комитете о сестрах Красного Креста. Его организатором и бессменным руководителем, вплоть до ликвидации издательства в 1920 году, был Иван Михайлович Степанов (1857–1941), чиновник канцелярии Римско-католической духовной коллегии, на безвозмездной основе сотрудничавший с российским Обществом Красного Креста. Учрежденное с благотворительными целями, издательство преследовало две задачи: дать средства на содержание больничных учреждений Общины, курсов сестер милосердия и убежища для престарелых сестер и «сделать достоянием всех интересующихся искусством и историей материальной культуры предметы исключительной редкости»²⁰. На первых порах оно ограничивалось выпуском художественных открыток.

Покровительница Общины Св. Евгении принцесса Е.М. Ольденбургская, являвшаяся также почетным председателем Императорского общества поощрения художеств, обратилась к ряду известных художников с просьбой предоставить свои работы для воспроизведения на конвертах и открытках письмах (так тогда назывались открытки) с тем, чтобы издать их в пользу Общины. Откликнулись многие художники – Е.М. Бем, Е.П. Самокиш-Судковская, Н.Н. Каразин, К.Е. Маковский, И.Е. Репин. Первые четыре открытки, воспроизводившие акварели Н.Н. Каразина, вышли в 1898 году. Опыт оказался удачным: открытки дали прибыль.

Именно выпуск открыток принес издательству не только всероссийскую, но и европейскую известность. Тематика открыток, выходящих в виде серий, была чрезвычайно широкой. На них воспроиз-

водились шедевры мирового и отечественного искусства, исторические портреты, знаменитые архитектурные памятники. На открытках, выпущенных с маркой Общины Св. Евгении, запечатлены 3000 достопримечательностей в 200 географических точках мира²¹.

Издательство сотрудничало с художниками разных направлений, но преимущественно с мастерами «Мира искусства». Их творческий союз организационно оформился в начале 1903 года созданием Комиссии художественных изданий, в которую входило десять членов, в том числе И.М. Степанов от Общины и А.Н. Бенуа от «Мира искусства». Оригинальные рисунки для открыток делали Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, В.Д. Замирайло, Г.И. Нарбут, Е.Е. Лансере, К.А. Сомов, А.Н. Бенуа, А.П. Остроумова-Лебедева и другие. Некоторые художники уступали издательству право на воспроизведение лучших своих станковых произведений – живописных и графических – или иллюстраций к литературным произведениям. Так была издана серия открыток «Лермонтов в иллюстрациях русских художников» и ряд других. Финансовые условия определяли сами художники: чаще всего они предоставляли свои работы безвозмездно, иногда за символическое вознаграждение. В дальнейшем сложилась практика, когда после выпуска открыток авторские оригиналы продавались с аукционов в пользу Общины Св. Евгении.

Издательство откликалось своей продукцией на важные для страны события. В преддверии празднования 100-летнего юбилея А.С. Пушкина оно провело конкурс на рисунки для открыток писем, а для отображения в документальных фотографиях событий русско-японской войны в 1904 году Община командировала на театр военных действий «корреспондента-фотографа» В.К. Буллу. Обширная программа по выпуску видовых и рисованных открыток писем, выполненных ведущими мастерами «Мира искусства», была осуществлена издательством к 200-летию Санкт-Петербурга в 1902–1904 годах.

Открытки, печатавшиеся за границей (в Мюнхене, Париже, Праге) и в лучших столичных полиграфических предприятиях – Р. Голике и А. Вильборга, Г.Н. Скамони, в Картографическом заведении А.А. Ильина и других, отличались высочайшим качеством полиграфии. Как вспоминал позднее сам И.М. Степанов, «рисунки на открытках письмах воспроизводились самыми разными способами: хромо-литографией, фототипией, трехцветными клише, автотипией, штриховыми клише, гелиографурой, меццо-тинто, тифдруком, фотографией, гравюрой на дереве, автолитографией и офортом»²².

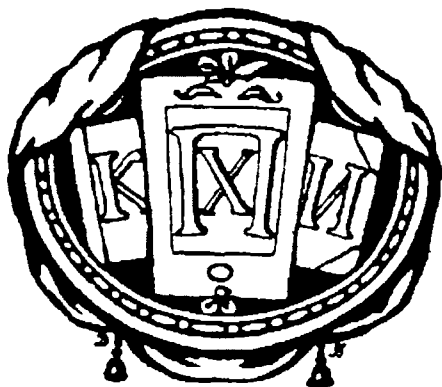
Наиболее популярные открытки выдерживали по 5–6 переизданий, их тираж достигал 10 тысяч экземпляров. Общее количество выпущенных за время существования издательства открыток превысило 30 миллионов экземпляров (6410 сюжетов)²³. Доступная по цене (5–10 копеек) и самая демократичная из художественных из-

даний, открытка очень быстро стала предметом коллекционирования. Она открывала широчайшие возможности для просвещения народов огромной Империи. С октября 1904 по июнь 1906 года под эгидой Общины выходил ежемесячный журнал «Открытое письмо», информировавший о готовящихся новинках, учивший правилам коллекционирования и популяризовавший этот вид изданий в качестве учебных пособий.

Продолжением просветительской миссии издательства Общины Св. Евгении стал выпуск книг, и прежде всего – путеводителей. В 1903–1918 годах им были изданы путеводители по Павловску В.Я. Курбатова с гравюрами А.П. Остроумовой-Лебедевой, по картинной галерее Эрмитажа А.Н. Бенуа в оформлении С.П. Яремича, по Петербургу В.Я. Курбатова с гравюрами А.П. Остроумовой-Лебедевой, по Костроме В.К. и Г.К. Лукомских (переплет и титульный лист И.Я. Библина), а также ряд иллюстрированных изданий – «1812 год в баснях И.А. Крылова» с иллюстрациями Г.И. Нарбута, «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина с рисунками М.А. Врубеля, монографии о Н.К. Рерихе и К.А. Сомове в серии «Русские художники» (обложки к обеим выполнил С.В. Чехонин), ряд публикаций, посвященных достопримечательностям Петергофа, художественным сокровищам Эрмитажа и Русского музея.

Не все выпущенные издательством книги получали доброжелательные отзывы критики. Если В.В. Розанов, рецензировавший книгу басен Крылова, пожелал, «чтобы наши классики издавались вот с таким же великолепием всех подробностей, живописи, бумаги, формата, шрифта, как эти четыре басни»²⁴, то П.Н. Столпянский в газете «Новое время» упрекнул изданный Общиной путеводитель по Петербургу В.Я. Курбатова в ошибках и неточностях. В то же время «Путеводитель по картинной галерее Эрмитажа» А.Н. Бенуа, несмотря на высокую цену, разошелся в течение нескольких месяцев.

Издательство довольно долго не имело собственного помещения и располагалось в здании Общества поощрения художеств (Большая Морская ул., 38)²⁵. Здесь же в 1904 году открылся магазин Общины Св. Евгении. Он был хорошо известен и среди петербургских, и среди приезжих знатоков искусства. В нем можно было приобрести не только открытки, но и подлинники, с которых они печатались. В 1903 году появились специальные киоски Общины Св. Евгении по продаже открыток на железнодорожных станциях по всей России. Это привело к обострению отношений с другими фирмами. «Контрагентство Суворина, имеющее обширную сеть газетных киосков, хотело видеть в нас конкурентов и приняло меры для устранения наших киосков. Оградило циркулярное распоряжение по казенным железным дорогам о том, что Красному Кресту дано преимуществен-

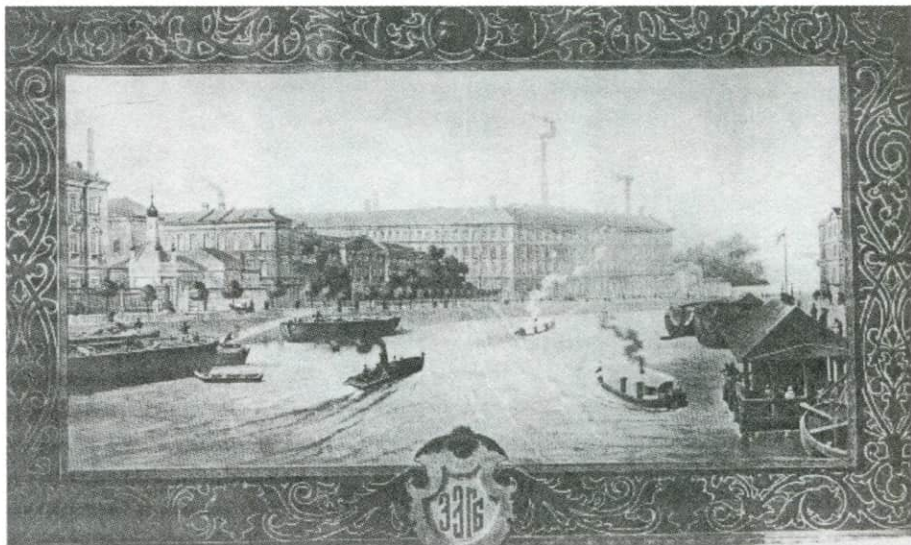

Марка Комитета популяризации художественных изданий

«Календарь русской революции». Издательство «Шиповник». 1917. Иллюстрация. Художник Б.М. Кустодиев

Здание Экспедиции заготовления государственных бумаг. Титульный лист из юбилейного альбома. 1900-е

И.А. Ефрон

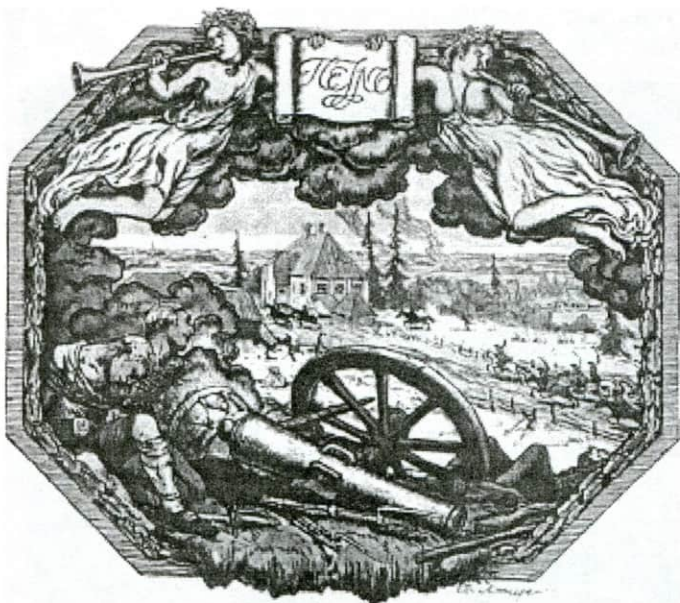
Ф.А. Брокгауз

М.Ю. Лермонтов. «Казначейша». Кружок любителей русских изящных изданий. 1913. Титульный лист. Художник М.В. Добужинский

Марка издательства «Брокгауз и Ефрон»

А.Н. Бенуа. «Царское Село». Издание «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг». 1910. Заставка. Художник Е.Е. Лансере

Букинист-антиквар
В.И. Ключков в своей лавке

Н.В. Соловьев

Э.К. Гартье

Здание Общества поощрения
художеств (Большая Морская
ул., 38). Здесь размещалось
издательство Общины Св.
Евгении, впоследствии –
Комитет популяризации
художественных изданий. 1912

ное право», – вспоминал И.М. Степанов²⁶. Торговали открытками и вразнос, распространяли в чайных и столовых Комитета попечительства о народной трезвости.

Издательская продукция Общины Св. Евгении была удостоена золотой медали на Всемирных выставках в Сент-Луисе и в Париже, высшей награды на Всероссийской кустарной выставке Общества содействия русской промышленности и торговле (1907–1908) и медали на Международной строительно-художественной выставке.

В 1920 году в связи с ликвидацией дел Российского общества Красного Креста и упразднением Общины Св. Евгении издательство перешло в ведение Российской Академии истории материальной культуры, получив наименование «Комитет популяризации художественных изданий». Размещалось оно по прежнему адресу, так же как и его магазин, который пополнил свой ассортимент антиквариатом – старинными увражами, комплектами русских и иностранных иллюстрированных журналов. На стенах висели остекленные или вставленные в рамки гравюры, литографии и рисунки. Магазин охотно посещали искусствоведы – В.К. Лукомский, А.А. Сидоров, П.Е. Корнилов, О.Э. Вольценбург, художники И.Э. Грабарь, И.И. Бродский, Г.С. Верейский, А.С. Хижинский, М.В. Добужинский, В.В. Лебедев и многие другие деятели литературы и искусства.

Впрочем, несмотря на реорганизацию, политика и тематика издательства практически не изменились. Разве что открыток стало выпускаться меньше, да красный крест на издательской марке сменился Роstralной колонной. Комитет популяризации художественных изданий, так же как и издательство Общины Св. Евгении, имевший целью публикацию воспроизведений предметов искусства и выпуск литературы по вопросам истории материальной культуры и искусства²⁷, стал прямым продолжателем его традиций. Комитет состоял из художников и лиц, близко стоявших к художественно-издательскому делу. Председателем Комитета был избран основатель издательства Общины Св. Евгении, секретарь Общества поощрения художеств И.М. Степанов. Членами Комитета являлись художники А.Н. Бенуа, П.И. Нерадовский, искусствоведы, историки искусства – Ф.Ф. Нотгафт, М.А. Сергеев, С.Р. Эрнст, ученый секретарь Эрмитажа П.Д. Эттингер, хранитель нумизматического отдела Эрмитажа А.А. Ильин, ученый секретарь Академии истории материальной культуры Б.В. Фармаковский²⁸.

Комитет популяризации художественных изданий продолжил выпуск путеводителей по городам России (по Новгороду и Пскову), продолжил издание серии «Русские художники» монографиями об А.Н. Бенуа (1921) и В.А. Серове (1921), напечатал несколько альбомов автолитографий – Б.М. Кустодиева (1921), Г.С. Верейского (1922), А.П. Остроумовой-Лебедевой (1922), М.В. Добужинского (1923). Текст изданной Комитетом поэмы «Медный всадник» А.С. Пушкина с ил-

люстрациями А.Н. Бенуа (1923) на основании исследований литературоведа П.Е. Щеголева впервые был опубликован в первоизданном виде, без цензурных искажений, а его же поэма «Цыганы» (1924) содержала иллюстрации, выполненные при жизни поэта художником Ф.Л. фон Майделем. Печатали Комитет и детские книги – «Сказочки» с иллюстрациями Е.С. Кругликовой (1924) и «Ванька-пионер в Госцирке» с рисунками Д.Д. Бушена (1925), но главную его тематическую линию составляли издания, посвященные коллекциям отечественных музеев – Эрмитажа, Юсуповской и Третьяковской галерей. На Международной выставке в Париже в 1925 году продукция Комитета популяризации художественных изданий, экспонировавшаяся в разделе нового советского искусства, была удостоена серебряной медали.

Комитет популяризации художественных изданий занимался издательской деятельностью в течение почти десяти лет и прекратил свое существование в 1929 году, одновременно с Обществом поощрения художеств, также находившимся в ведении Академии истории материальной культуры.

Букинисты

Букинистическая торговля, развивавшаяся в Санкт-Петербурге с конца 1780-х годов, первоначально концентрировалась в Апраксином дворе. Букинисты побогаче держали лавки (до пожара 1862 года их насчитывалось 20), но большинство торговало «на рогоже» или «в развалах». После пожара солидные торговцы переместились в центр города – на Невский проспект, на Садовую улицу, где стали открываться шикарные антикварно-букинистические магазины. В то же время, помимо владельцев магазинов и лавок, букинистическую торговлю, в основном на городских рынках – Александровском, Андреевском, Сытном, вели также и бродячие – «холодные» – букинисты.

С конца XIX века центром букинистической торговли Северной столицы стал Литейный проспект, где располагались десятки букинистических магазинов, лавок и ларей. Одним из первых здесь, в доме № 55 (ныне № 59), открыл в 1885 году свой магазин букинист Василий Иванович Клочков (1861 или 1862–1915). Сын потомственного петербургского книготорговца И.М. Клочкова, внучатый племянник А.Ф. Смирдина, один из основателей Кружка любителей русских изящных изданий (1903), В.И. Клочков являл собой образец культурного книжника-антиквара.

Он издал около 600 каталогов редкостных и примечательных книг и рассылал их по всей России. Он комплектовал книжные

собрания учреждений и частных лиц в Санкт-Петербурге и других городах. При его участии формировалась, в частности, знаменитая библиотека Г.В. Гвоздиков в Красноярске. Магазин Ключкова пользовался известностью. В одной из его задних комнат был устроен своеобразный клуб, где встречались библиофилы, завсегдатаи магазина.

Соперничал с Ключковым книжный магазин Максима Павловича Мельникова, открытый на Литейном проспекте в 1891 году. Оба эти магазина посещали такие крупные библиофилы, как писатель Н.С. Лесков, библиограф П.А. Ефремов, известный автор «Словаря русских гравюров XVI–XIX веков» и многотомного издания альбомного типа «Русские народные картинки» Д.А. Ровинский, собиратель старинных книг и рукописей В.Г. Дружинин, библиограф А.Д. Торопов, профессор-литературовед И.А. Шляпкин. Последний был неутомимым собирателем афоризмов и изречений о книге. Благодаря поддержке букиниста Ф.Г. Шилова ему удалось в 1916 году издать сборник изречений, высказываний и афоризмов под названием «Похвала книге». На последней странице сборника славянской вязью было напечатано, что книга издана «в годину войны с нечестивым германским и швабским родом трудами и тщанием дохтура слова Российского Ильи Шляпкина».

Среди прочих букинистических магазинов выделялся магазин Н.В. Соловьева (Литейный проспект, 51), организовавшего торговлю «на европейский манер». Николай Васильевич Соловьев (1877–1915), сын известного ресторатора, миллионера В.И. Соловьева, получил высшее образование в Сорбонне. Интересовался книгами, собрал большую библиотеку. По совету друзей-антикваров Синягина и Ключкова, в 1900 году Н.В. Соловьев открыл книжную лавку на Симеоновской улице, 11 (теперь ул. Белинского), а затем и книжный магазин – на Литейном проспекте, 51. Его помещения, отделанные в стиле ампир, с трудом вмещали редкостные издания – старинные фолианты в марокенах²⁹, русские и иностранные издания XVII–XIX столетий, гравюры, литографии, рисунки и рукописи.

Соловьев приобрел целый ряд крупных книжных собраний – петербургского книгоиздателя и книготорговца И.Т. Лисенкова, историка-краеведа М.И. Пыляева, профессора римской литературы И.В. Помяловского, русского государственного и общественно-го деятеля А.А. Половцова, промышленника П.Н. Демидова, историка С.С. Татищева. Занимался он и издательской деятельностью. Помимо регулярно печатавшихся аннотированных антикварно-букинистических каталогов, он издавал и журналы – «Антиквар» (1902–1903) и «Русский библиофил» (1911–1916). Перу Н.В. Соловьева принадлежат ценные монографии: «Русская книжная иллюстрация XVIII века» (1907); «Иллюстрированные издания в России

начала XIX века» (1908); «Иностранцы в России в XVII веке» (1909) и другие.

У жены Соловьева, балерины В. Трефиловой, имелось великолепное собрание книг по балету. Воспользовавшись им, Соловьев написал книгу «Мария Тальони» о знаменитой балерине пушкинских времен. После смерти Соловьева по его завещанию магазин был продан А.М. Молчанову. Часть библиотеки Н.В. Соловьева приобрел антиквар-букинист Ф.Г. Шилов.

Федор Григорьевич Шилов (1879–1962) родился в семье крестьянина Ярославской губернии. В двенадцатилетнем возрасте он был привезен в Санкт-Петербург и отдан в книжную лавку своего дальнего родственника, известного книгопродавца М.П. Мельникова, где и прослужил до 1899 года – сначала мальчиком, а затем продавцом. Затем он работал в антикварном магазине Е.А. Иванова. Об этом времени Ф.Г. Шилов писал так: «Если восемь лет работы у Мельникова были для меня средней школой, то четыре года у Иванова были университетом»³⁰. И, наконец, в 1904 году он начал самостоятельную книжную торговлю.

Ф.Г. Шилов был превосходным знатоком книги. Сам он следующим образом характеризовал мастерство букиниста: «Нужно знать не только что теперь вышло, не только что в России напечатано – нужно знать все книги прошлого и настоящего; нужно знать, чем одно издание разнилось от другого и почему редко и ценно именно это издание, а не то, которое лучше издано. Книжник-антиквар должен знать не только историю книгопечатания, но и историю напечатания той или иной выдающейся книги»³¹.

В магазине Шилова можно было приобрести не только книги различных эпох, но также вырезки из книг, гравюры, литографии и многие другие «нетрадиционные» виды печатной продукции.

Заслугой Шилова является активное разыскание, покупка, а затем передача в крупные книгохранилища ценнейших архивных документов, что подчас спасало их от гибели. Подобно другим букинистам, Шилов начал выпускать с 1905 года антикварно-букинистические каталоги имевшихся в ассортименте его магазина изданий. Всего до 1917 года вышел 31 каталог.

Магазин видного петербургского книжника Льва Федоровича Мелина первоначально находился на Малой Конюшенной улице, в доме Шведской церкви. Затем он переехал на Литейный проспект, 51. Образованный книжник, владевший европейскими языками, Мелин специализировался на литературе о театре и балете, собирал книги о цирке и уличных представлениях, а также по оккультизму, издал несколько каталогов. Перед Октябрьской революцией он торговал на Литейном проспекте, 60, почти ослеп, опустился. Сохранившиеся после его смерти книги купил магазин И.С. Наумова и перепродал их

затем Московской книжной лавке писателей.

Известный петербургский букинист Илья Иванович Базлов до Октябрьской революции торговал в небольшой лавочке на Забалканском (ныне Московском) проспекте, 24, а затем – на Литейном проспекте, 30. В его магазине всегда можно было найти много интересных мелочей – брошюр, печатных оттисков, среди которых попадались и очень ценные материалы. Он первый начал продавать книги на вес, за что его прозвали «американцем». Для бедной учащейся молодежи Базлов практиковал продажу книг в кредит.

Посетителями его лавки в разное время были Д.И. Менделеев, Н.С. Лесков, В.Г. Чертков – секретарь и душеприказчик Л.Н. Толстого, В.Д. Бонч-Бруевич, Н.К. Крупская, литературовед, историк революционного движения П.Е. Щеголев, автор «Библиографических записок о редких книгах» П.А. Картавов, бывал здесь и будущий президент Академии наук СССР С.И. Вавилов. В 1929 году после национализации книжных магазинов Базлов стал работать товароведом в государственной книжной торговле.

В доме № 57 (ныне 61) на Литейном проспекте помещался букинистический магазин Александра Кузьмича Гомулина, начавший свое дело еще в девяностых годах XIX века. Он покупал все, что ему предлагали. Покупатели сами отыскивали нужную им литературу в груде книг, сваленных в заднем помещении. По свидетельству Ф.Г. Шилова, у Гомулина находили приют и поддержку многие молодые писатели.

В соседнем доме, в магазине букиниста Семена Николаевича Котова преобладала букинистическая литература по археологии, архивоведению, востоковедению, истории, литературоведению и лингвистике.

Самым роскошным в Санкт-Петербурге являлся магазин на Невском проспекте, 54, принадлежавший Э.К. Гартье. Эмиль Карлович Гартье (1850–1911) начал свой путь в книжном деле с работы учеником в магазине К.Л. Риккера. Затем, в начале 1870-х годов, Гартье уехал в Брюссель, служил в Париже в издательстве Ашетта³², изучал постановку книжной торговли в Германии и Англии. В 1877 году он возвратился в Санкт-Петербург и основал большое книжное дело под фирмой «Российская библиография» (1879–1882). А спустя два года начал издавать журнал «Российская библиография (Вестник русской печати)». Сначала журнал предназначался для книготорговых целей и публиковал преимущественно коммерческую информацию, но постепенно расширил свое содержание и в нем появились статьи по книжному делу и статистике. Особую ценность представляют алфавитные и систематические указатели новых книг, перечни содержания газет и журналов за 1881–1882 годы.

В 1888 году Гартье впервые в России издал превосходный каталог иллюстрированных французских книг XVIII века и других рарите-

тов с описаниями и ценами, в духе известного французского справочника «*Солеп*». Гартье издавал и другие каталоги с описаниями русских и иностранных книг под общим названием «*Rossica*». Впоследствии Гартье разорился и перебрался с Невского проспекта в маленький магазин на Литейный проспект, 58.

глава 10

«КНИГА – НАРОДУ!»

Октябрьская революция 1917 года внесла кардинальные изменения в книжное дело Петербурга-Петрограда. Прекратили свою деятельность многие известные книжные фирмы, другие вынуждены были изменить свой ассортимент, который не вписывался в новую общественную ситуацию. Возникли и новые издательства – партийные и государственные.

После завершения Гражданской войны, в период НЭПа, особенно бурно шел процесс образования мелких частных и кооперативных издательств. Существование многочисленных литературно-художественных групп и направлений, многоукладность духовной жизни в первое десятилетие после Октябрьской революции нашли отражение и в многоукладности издательского дела.

Наряду с государственными издательствами, во главе с Госиздатом, параллельно выпускали книги и другую печатную продукцию издательства кооперативные, а также немало и частных. Так, в Петрограде-Ленинграде действовали такие солидные издательства, как «Всемирная литература», «*Academia*», «Время», «Прибой», «Радуга», «Издательство писателей в Ленинграде», а также «Петрополис», «Петроград», «Аквилон», Комитет популяризации художественных изданий, издательство П.П. Сойкина, «Эрато», «Колос», «Начатки знаний», «Алконост», «Мысль» и другие. В совокупности эти «эфемериды» выпустили немало разнообразной по тематике и оформлению книжной продукции.

Государственные издательства

Литературно-издательский отдел Наркомпроса

Первое государственное советское издательство было организовано в Петрограде в середине ноября 1917 года на первом заседании Наркомпроса (тогда Государственной комиссии по просвещению) как его Литературно-издательский отдел (ЛИО). На этом же заседании правительственным комиссаром ЛИО назначили видного критика и литературоведа П.И. Лебедева-Полянского.

29 декабря 1917 года высшим органом советской власти Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) был принят и утвержден декрет «О государственном издательстве». Декрет предписывал Наркомпросу приступить через его Литературно-издательский отдел к широкому выпуску произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, русской классической литературы, научно-популярных книг и учебников. Декрет касался авторского права и впервые наметил принципы национализации литературных и научных произведений по истечении определенного срока после смерти писателя. Для научных произведений этот срок составлял 15 лет, для художественных – 5.

ЛИО создавался главным образом как литературное издательство, и основной его продукцией должна была быть художественная литература, «дешевое издание классиков». Согласно декрету, произведения русских классиков предписывалось выпускать двух типов – полные научные издания и избранные сочинения. В первую очередь намечалось выпустить массовые дешевые издания. При отборе авторов и их произведений редакции следовало руководствоваться степенью близости их творчества идеалам трудового народа.

В феврале 1918 года было опубликовано постановление Наркомпроса «Об издании сочинений русских писателей», в котором всенародно объявлялось о национализации государством права издания литературных произведений и о разрешительном порядке для издания научных трудов. Постановление содержало список из 58 русских беллетристов, поэтов и критиков, сочинения которых было решено издать, монополизировав их на пять лет (в дальнейшем монополию продлили еще на пять лет). В список вошли: Е.А. Андреевич (Соловьев), А.Н. Афанасьев (русские сказки), С.Т. Аксаков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, Н. Гарин (Н.Г. Михайловский), В.М. Гаршин, А.И. Герцен, Д.В. Григорович, А.С. Грибоедов, И.А. Гончаров, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, В.И. Даль (толковый словарь), Н.А. Добролюбов, В.А. Жуковский, А.Н. Жемчужников, Н.Н. Златовратский, П.В. Засодимский, А.В. Кольцов, С.М. Кравчинский, И.А. Крылов, М.Ю. Лермонтов, А.И. Левитов, П.Л. Лавров, А.Н. Майков, Г.А. Мачтет, Н.К. Михайловский, Н.А. Некрасов, И.С. Никитин, С.Я. Надсон,

Н.П. Огарев, А.Н. Островский, А.С. Пушкин, Н.Г. Помяловский, А.Н. Плещеев, В.Н. Полонский, Д.И. Писарев, А.Н. Пыпин, Ф.М. Решетников, К.Ф. Рылеев, А.Н. Радищев, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.З. Суриков, В.А. Слепцов, К.М. Станюкович, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой, С.Н. Терпигорев (С. Атава), И.С. Тургенев, Г.И. Успенский, Д.И. Фонвизин, А.П. Чехов, Н.Г. Чернышевский, А.А. Шеншин-Фет, Н.В. Шелгунов, А.И. Эртель, П.Ф. Якубович.

Правительственный комиссар П.И. Лебедев-Полянский объявил «всем книгоиздательствам, что со дня принятия данного декрета издания сочинений, перешедших в ведение государства, может быть предпринято частными издателями только с разрешения Литературно-издательского отдела и при соблюдении известных условий»¹.

ЛИО состоял из трех подразделов: литературно-художественного, научно-популярного и педагогического. В литературно-художественную редакционную комиссию вошли поэт А.А. Блок, живописец, график и скульптор Н.И. Альтман, историк русской литературы П.О. Морозов и художник Д.П. Штеренберг, а после переезда издательства в Москву в марте 1918 года – В.Я. Брюсов, В.В. Вересаев, И.Э. Грабарь и другие.

Подотдел по изданию научно-популярных книг состоял из общественно-политической и естественно-исторической секций. В последнюю вошли К.А. и А.К. Тимирязевы, географ и биолог Л.С. Берг, химик П.И. Вальден, астрономы К.Л. Баев, Е.Н. Блажко, В.В. Стратонов и другие ученые и популяризаторы по всем отраслям естественных наук. Педагогический подраздел, сформированный позже других, издал несколько учебников, педагогические произведения Н.К. Крупской, детские «книжки-новинки».

После переезда ЛИО в Москву было решено сохранить все государственное издательство в ведении Наркомпроса, но издание сочинений классиков оставить в Петрограде, учитывая наличие там больших литературных и художественных сил, лучшее состояние петроградских типографий, большую обеспеченность Петрограда бумагой.

Литературно-художественная комиссия в Петрограде разработала принципы работы издательства, основные типы изданий. Комиссия уделяла много внимания оформлению изданий, формату книг, иллюстрациям. Первое ее заседание состоялось 17 января 1918 года. Присутствовавший на нем А.А. Блок так законспектировал в своем дневнике выступление П.И. Лебедева-Полянского: «Положение сейчас таково: книжный голод. Со всех сторон (Советы) требования на книги. Книг нет, классиков можно доставать по чудовищным и произвольным ценам. Никто больше не имеет права издавать классиков без соблюдения известных условий (декрет). (То есть нельзя больше наживаться чрезмерно, можно оплачивать только труд.) Все издания, изданные без соблюдения этих условий (представления подробного расчета в министерство), будут конфискованы»².

Началась работа по выявлению литературного наследства писателей: установлению правильных текстов, освобождению произведений от цензурных и редакторских искажений. К этому были привлечены известные писатели и литературоведы – П.И. Лебедев-Полянский, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, С.М. Бонди, В.Е. Евгеньев-Максимов, А.Г. Фомин, М.К. Лемке, А.Л. Слонимский, Б.В. Томашевский, К.И. Чуковский, К.И. Халабаев, Б.М. Эйхенбаум. Одним из первых заново отредактированных изданий стал однотомник сочинений Н.А. Некрасова. Редактирование его было поручено К.И. Чуковскому, выявившему около 3000 стихов поэта, ранее не публиковавшихся и не известных читателям.

Учитывая огромную потребность в русской художественной литературе, ЛИО на первых порах печатал сочинения русских классиков стереотипно, с сохранившихся матриц национализированных издательств (А.Ф. Маркса, «Просвещения» и других). В таком виде вышли собрания сочинений В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, А.В. Кольцова, И.А. Крылова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского, А.П. Чехова. Эта инициатива была с пониманием и одобрением воспринята общественностью.

Большим событием в издательской практике первых лет советской власти явилось издание полного собрания сочинений и писем А.И. Герцена под редакцией М.К. Лемке. Благодаря его многолетней кропотливой работе творения Герцена впервые стали доступны на родине в наиболее полном виде. Чрезвычайную ценность представляли обширные комментарии М.К. Лемке, вводившие в научный обиход новые источники по истории русского освободительного движения 1860-х годов.

Серьезная текстологическая работа велась в издательстве над серией «Народная библиотека», в частности, над произведениями А.С. Пушкина. Она легла в основу издания его сочинений уже в Госиздате. Выпуском серии «Народных библиотек» руководил К.И. Халабаев, а подготовку рукописей осуществляли С.М. Бонди, А.Л. Слонимский, Б.М. Эйхенбаум и другие видные литературоведы. В этой серии, в частности, вышли «Борис Годунов», «Полтава», «Сказка о царе Салтане», «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина, «Сорока-воровка» А.И. Герцена, «Женитьба», «Нос» и «Коляска» Н.В. Гоголя. Иллюстрации к книгам серии создавались лучшими художниками того времени – А.Н. Бенуа, Г.С. Верейским, М.В. Добужинским, В.М. Конашевичем.

«Эти книжечки, – вспоминал художник-график Н.В. Кузьмин, – вышедшие в тяжелые годы послевоенной разрухи, оттиснуты на плохой бумаге, тускло отпечатаны, но сейчас очень ценимы любителями как первые художественные издания советской эпохи. Это было многообещающее начало»³.

Деятельностью ЛИО Наркомпроса постоянно интересовался В.И. Ленин, часто беседовал по этому поводу с П.И. Лебедевым-Полянским.

В разговоре с последним он, в частности, заметил: «Белинского вы издали, Некрасова готовите, это очень хорошо. Чернышевского обязательно издайте и Добролюбова. Замечательнейшие люди. Все мы через них прошли, наверное, и вы тоже... Не забудьте Островского, Тургенева. Тургенева я люблю читать. Какой язык! Не так ли?»⁴.

Всего ЛИО Наркомпроса за два неполных года деятельности выпустил 329 названий, тиражами 50–100 тысяч экземпляров каждое. Большая часть – 212 названий – приходилась на художественную литературу. ЛИО имел три собственных склада в Петрограде – на набережной реки Мойки, 32, на Кабинетской улице, 13 (ныне ул. Правды), и главный склад – на набережной реки Фонтанки, 61. Кроме того, ЛИО принадлежали две книжные лавки – на набережной реки Фонтанки, 55.

В 1919 году при создании Госиздата ЛИО вошло в него наряду с другими издательствами. Незавершенные им издания перешли таким образом к Госиздату, который стал непосредственным преемником ЛИО в области издания художественной литературы.

«Всемирная литература»

В сентябре 1918 года Горький и его товарищи по издательству «Парус» А.Н. Тихонов и И.П. Ладыжников организовали в Петрограде новое издательство под названием «Всемирная литература». Оно разместилось на Невском проспекте, 64, недалеко от Аничкова моста.

С самого начала это предприятие мыслилось не как частное, а как государственное. По договору с Наркомпросом издательство «Всемирная литература» создавалось «для перевода на русский язык, а также для снабжения вступительными статьями, примечаниями и рисунками и вообще для приготовления к печати избранных произведений художественной литературы конца XVIII и всего XIX века»⁵. Замысел Горького был чрезвычайно масштабен. «Надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть, и пустить это в широкий оборот»⁶, – писал он в конце 1918 года поэту Д.А. Семеновскому.

Обязанности по руководству издательством распределили следующим образом: Горький – заведующий издательством, Тихонов – возглавил редакцию, Гржебин – технический отдел, Ладыжников – общий. Для редакционного руководства издательством была создана коллегия экспертов в составе: М. Горький, А.А. Блок, Ф.А. Браун, А.Л. Вольтинский, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский.

Решением ВСНХ от 21 октября 1918 года в распоряжение издательства перешла типография Акционерного общества «Копейка», находившаяся на Лиговской улице (ныне Лиговский пр., 111–113)⁷.

Работа издательства началась с составления списков произведений для издания. К.И. Чуковский вспоминал: «Работа была не из легких: нужно было наметить к изданию несколько тысяч книг, написанных

на языках всего мира, нужно было найти квалифицированных переводчиков, нужно было дать подробный, строго принципиальный разбор прозаических и стихотворных произведений, сделанных переводчиками предыдущих эпох. Много усилий было потрачено на составление списков тех книг, какие должны были в ближайшую очередь печататься⁸.

В 1919 году был опубликован каталог-проспект изданий «Всемирной литературы». Отпечатанный на хорошей бумаге с параллельными текстами на русском и основных европейских языках (французском, английском и немецком), он включал более 1500 названий книг, намеченных к публикации в русском переводе. Разработка такого масштабного издательского проекта явилась значительным культурным событием в жизни молодой Советской республики. «По широте своей это издание является первым и единственным в Европе», – с удовлетворением и гордостью писал М. Горький в предисловии к каталогу. Ознакомившись с ним, В.И. Ленин сказал: «Я очень рад, что Алексей Максимович успел здесь у нас разработать это огромной важности дело и составить такой прекрасный каталог. Мы должны ему всячески помочь в этом деле. Это будет очень полезно для наших читающих масс»⁹.

К участию в работе издательства Горький привлек более восьмидесяти крупнейших писателей, историков, литературоведов, вошедших в две редакционные коллегии. В редколлегию по западной литературе входили литературовед Ф.Д. Батюшков, А.А. Блок, филолог-германист Ф.А. Браун, музыковед Е.М. Браудо, критик и искусствовед А.Л. Вольнский, М. Горький, Н.С. Гумилев, Е.И. Замятин, искусствовед и литературовед А.Я. Левинсон, переводчик М.Л. Лозинский, литературовед Б.П. Сильверсан, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский. Впоследствии – литературоведы Н.О. Лернер, В.М. Жирмунский и Д.Д. Смирнов. Восточная редколлегия была представлена профессорами-лингвистами В.М. Алексеевым, Б.Я. Владимирцевым, И.Ю. Крачковским, академиками Н.Я. Марром и С.Ф. Ольденбургем¹⁰. Предполагалось также привлечь к работе иностранных авторов. Соответствующие предложения получили А. Барбюс, Т. Гарди, К. Гамсун, Р. Роллан, Г. Уэллс, А. Франс. Некоторые из них прислали предисловия к выпускавшимся книгам.

По замыслу Горького, издания «Всемирной литературы» должны были являться не только интересным чтением, но и способствовать изучению истории литератур, литературных направлений стран Запада и Востока. В предисловии к каталогу Горький писал: «Все вместе книги составят обширную историко-литературную хрестоматию, которая даст читателю возможность подробно ознакомиться с возникновением, творчеством и падением литературных школ, с развитием техники стиха и прозы, со взаимным влиянием литературы различных наций, и, вообще, всем ходом литературной революции и ее исторической последовательности от Вольтера до Анатоля Франса, от Ричардсона до Уэллса, от Гете до Гауптмана и т.д.»¹¹.

Издания «Всемирной литературы» выходили в семи сериях, из них ведущими являлись три: «Основная серия», «Народная серия» и «Новости иностранной литературы». «Основная серия» предназначалась для достаточно подготовленного читателя. В нее входили наиболее значительные произведения мировой литературы. В этой серии из предлагавшихся 1500 названий вышло только 72.

«Народная серия» выходила в меньшем формате и включала в себя наиболее доступные для массового читателя произведения писателей разных стран, повествовавшие о жизни простых людей (Г. де Мопассан «В деревне и другие рассказы», О. Мирбо «Деревенские рассказы», Бласко Ибаньес «Валенсианские рассказы»), о борьбе за свободу, о героизме и мужестве (Ф. Шиллер «Разбойники», «Вильгельм Телль», Шарль де Костер «Избранные сочинения», Джек Лондон «Сын волка», «Любовь к жизни»). В «Народной серии» вышло 53 названия.

С 1922 года издавалась серия «Новости иностранной литературы», которая познакомила читателей с новыми произведениями К. Гамсуна, Р. Тагора, Б. Шоу, А. Франса, Р. Роллана, Л. Франка, Г. Уэллса, О' Генри, Эптона Синклера. В этой серии вышло 57 названий. Кроме книг «Всемирная литература» выпускала журналы «Современный Запад» и «Восток».

Издательство стало подлинным центром литературной жизни Петрограда. Современники вспоминали: «К тому часу, когда являлся Алексей Максимович, толпа посетителей обычно ожидала его в приемной. Алексей Максимович приходил всегда с толстым портфелем под мышкой. Из портфеля он вынимал одну за другой прочитанные рукописи и книги и выкладывал их на стол»¹².

Так начинался прием. В редакцию «Всемирной литературы» приходили маститые и лишь начинающие свой литературный путь авторы. «Сегодня к Алексею Максимовичу придет один сотрудник «Правды». Его фамилия Федин, и он пишет рассказы. Алексей Максимович читал один его рассказ», – сообщила однажды писателю М.А. Слонимскому машинистка издательства. «Пришел тощий блондин, в солдатской шинели», – вспоминал М.А. Слонимский. «Выйдя от Алексея Максимовича, Федин повторял в чрезвычайном волнении: – Горький сказал мне, что я буду писателем»¹³. Из Омска с удостоверением газеты «Советская Сибирь», в котором значилось: «Командируется в распоряжение М. Горького» прибыл молодой Вс. Иванов.

В начале 1919 года издательство «Всемирная литература» переехало в богатый особняк на Моховую улицу, 36. Оно занимало третий этаж центральной части здания. В самом большом помещении издательства – «зале» – два раза в неделю проходили заседания редакционной коллегии при участии Горького, о которых сохранились воспоминания К.И. Чуковского: «Мы собирались по вторникам и пятницам вокруг длинного стола, покрытого красным сукном, и под пред-

седательством Алексея Максимовича тщательно обсуждали те книги, которые надлежало выпустить в ближайшие годы»¹⁴.

В марте 1919 года здесь скромно отметили пятидесятилетие великого пролетарского писателя. К.И. Чуковский вспоминал: «Тридцатого марта 1919 года мы, “всемирные литераторы”, праздновали в тесном кругу пятидесятилетие Горького. Бокалы для шампанского были налиты чаем (без сахару), каждый участвующий получил по роскошной лепешке, величиною с пятак. Присутствовало человек сорок – не больше. В том числе Александр Блок, Гумилев, Федор Батюшков, Евгений Замятин, Аким Вольнский, Андрей Левинсон, Александр Тихонов (Серебров), а также рабочие из типографии “Копейка”, печатавшей наши издания. Чествование вышло задушевное. Александр Блок записал в мою “Чукоккалу”: “Сегодняшний юбилейный день Алексея Максимовича светел и очень насыщен – не пустой день, а музыкальный”»¹⁵.

На самом деле юбилейная дата пришлась на март 1918 года, но тогда из-за возникших политических разногласий писателя с большевиками торжества не состоялось.

Деятельность издательства «Всемирная литература» протекала в крайне тяжелых условиях. Петроград был осажден армией Юденича, лишен света и отопления. Люди страдали от голода, истощения, эпидемий. Горький проявлял большую заботу о сотрудниках «Всемирной литературы», обеспечивал переводчиков и редакторов продовольственными пайками. Для них была установлена ежемесячная минимальная норма загрузки – 3 авторских листа для переводчиков и 5 листов для редакторов. В годы Гражданской войны и разрухи издательство дало работу, а следовательно и возможность выжить, многим представителям научной и творческой интеллигенции.

Условия жизни того времени сказывались на качестве переводов. Об этом писала в своих воспоминаниях И.В. Одоевцева: «...Переводы делаются наспех для «Всемирной литературы»... У Георгия Иванова (поэт, муж Одоевцевой. – И.Б.) большого мастера перевода, было такое смешившее всех нас описание тайных ночных кутежей монахов в монастыре, выгнутое в одну строку: *Порою пьянствуя, монахи не шумели*.

К переводам никто не относился серьезно – это халтура, легкий способ заработать деньги. Смешно упрекать Блока в неудачных переводах. Он во всяком случае относится к ним добросовестнее остальных. Хороши только переводы Михаила Леонидовича Лозинского. Но ведь для него, как для Жуковского, – переводы главное дело жизни»¹⁶.

По инициативе Горького при «Всемирной литературе» впервые в издательской практике была организована Студия художественного перевода. В ней читали лекции лучшие поэты-переводчики – Блок, Чуковский, Лозинский. Была подготовлена и выпущена книга «Принципы художественного перевода», в составлении которой принял уча-

стие К.И. Чуковский. По его словам, «Всемирная литература» ставила целью «повысить уровень переводческого искусства и подготовить кадры молодых переводчиков, которые могли бы дать новому советскому читателю, впервые приобщающемуся к культурному наследию всех времен и народов, лучшие книги, какие только есть на земле»¹⁷. Через Студию художественного перевода прошли такие известные впоследствии писатели, как Вс.В. Иванов, В.А. Каверин, М.Л. Слонимский, Н.С. Тихонов, К.А. Федин и другие.

При издательстве была создана специальная библиотека иностранной художественной литературы из национализированных, а фактически реквизированных в дворянских особняках книг. В ее формировании приняли участие пушкинист Н.О. Лернер, библиотекарь издательства Н.Н. Бахтин и букинист Ф.Г. Шилов. Сначала библиотеку предполагали разместить в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича (Дворцовая наб., 26), затем дворец передали Дому ученых, а библиотека обосновалась в помещении издательства «Всемирная литература», на Моховой улице, 36.

«Мы устроили читальный зал, по стенам расставили шкафы красного дерева, в которых разместили справочный отдел литературы, работавшие в издательстве – А.А. Блок, К.И. Чуковский – деятельно помогали нам»¹⁸.

К концу 1921 года библиотека насчитывала 69899 томов и являлась самым полным собранием иностранных книг в России и одним из крупнейших в Европе. В 1922 году она вошла на правах филиала в состав Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека) и находилась в прежнем помещении до 1950 года.

В 1920 году по приглашению Горького советскую Россию посетил Г. Уэллс. Он побывал в издательстве «Всемирная литература», беседовал с Горьким и с сотрудниками редакции. Он был потрясен всем увиденным. В написанной позже книге «Россия во мгле» Уэллс описал свои впечатления от этой встречи: «В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, невысказанное сейчас в богатой Англии и богатой Америке»¹⁹.

«Всемирная литература» испытывала немалые трудности с печатанием и распространением своих изданий. Не хватало денежных средств, бумаги, книги не находили сбыта из-за неудовлетворительной работы Торгсектора Госиздата. Не имея возможности существовать на собственные хозрасчетные средства, «Всемирная литература» вынуждена была постоянно просить дотации у Госиздата, который сам испытывал острый дефицит средств.

В результате планы издательства были осуществлены лишь в незначительной части. После отъезда Горького за границу в октябре 1921 года на лечение его связи с издательством ослабели. К концу

1924 года издание «Новостей иностранной литературы» было передано Госиздату, программа Восточного отдела подверглась сокращению, прекратилось издание «Народной серии». 13 декабря 1924 года издательство «Всемирная литература» прекратило свое существование как самостоятельная структура. Грандиозный культурный замысел Горького оказался не под силу одному издательству. Частично он был реализован издательством «Academia», с которым одно время сотрудничал Горький.

Лениздат

Сразу же после Февральской революции, 27 февраля 1917 года на первом заседании Петроградского Совета была образована Комиссия по изданию газет, листовок, воззваний, впоследствии – Комиссия по заведованию издательско-типографским делом. До октября 1917 года она находилась в руках меньшевиков и эсеров, а 29 ноября 1917 года все отделы Петроградского Совета, в том числе и литературно-издательский, были сформированы заново. Одновременно образовалось и издательство Петросовета²⁰.

Тогда же на дверях комнаты № 51 в Смольном появилась небольшая табличка, извещавшая, что здесь находится издательство Петроградского Совета и его книжный склад. Сюда и в комнату № 46, которая также принадлежала издательству, приезжали представители местных партийных комитетов, красноармейских частей и отрядов революционных моряков за большевистской литературой – брошюрами, листовками, плакатами.

Газета «Рабочий и солдат» в феврале 1918 года сообщала, что «Издательство Петроградского Совета ставит своей главной задачей распространение среди широких кругов рабочего класса и солдат большевистской и интернационалистской литературы».

Руководителем издательства Петросовета был назначен старый большевик Илья Ионович Ионов (1887–1942). Еще до революции он выступал со своими стихами на страницах «Правды», сотрудничал в легальном большевистском издательстве «Прибой». Обладая незаурядным организаторским талантом, энергичный и принципиальный, он сумел в короткий срок сплотить дружный редакционно-издательский коллектив. Об условиях работы тех лет Ионов вспоминал так: «Трубы замерзают. В мастерских холодно. Но работать надо. Сотни рабочих-печатников грузят дрова далеко за Петроградом; другие, с горячей паклей, отогревают трубы; третьи, закоченев, держат в руках верстатки»²¹.

Петроград по-прежнему оставался центром книжного дела в России, но выпуск книг к 1920 году резко сократился даже по сравнению с 1918-м. Основное внимание издательство Петросовета в этих тяжелых условиях уделяло выпуску массовой агитационной литерату-

ры в целях политического просвещения и воспитания масс. Выходили работы В.И. Ленина, написанные в 1917–1918 годах, произведения К. Маркса, Ф. Энгельса. Были изданы «Очерки и этюды по политической экономии» К. Каутского, «Происхождение религиозных верований» и «Вера в бога» П. Лафарга, «Женщина и социализм» А. Бабея. Значительную часть издательской продукции составляли произведения историко-революционной тематики, выходила серия «Историко-революционная библиотека», книги о А.Н. Радищеве, декабристах, А.И. Герцене, народовольцах, о французской революции XVIII века и Парижской коммуне.

Издавалась и художественная литература – популярные произведения пролетарских писателей, поэтов – Д. Бедного, В.В. Князева, И.И. Ионова. Совместно с ЛИО Наркомпроса выпускалась «Народная библиотека» – первая массовая серия, выходившая стотысячными тиражами и рассчитанная главным образом на малограмотного читателя. В этой серии были опубликованы произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, освобожденные от искажений царской цензуры.

Издательство Петросовета продолжало большую работу по выпуску политических плакатов, листовок, газет. Здесь выходили газеты «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Рабочий и солдат», «Красная газета», журнал «Пламя».

Первоначально книги издательства печатались в типографиях бывшего Товарищества А.Ф. Маркса (Измайловский пр., 29) и Акционерного общества «Копейка» (Лиговский пр., 111–113). Затем в распоряжение издательства была передана типография закрытой буржуазной газеты «День», помещавшаяся в доме № 15 по Ямской улице (ныне ул. Достоевского). Это значительно расширило возможности издательства. С декабря 1917 года по 1 декабря 1919 года им было выпущено около 350 названий книг, брошюр и плакатов в количестве свыше 8 миллионов экземпляров – цифра для того времени достаточно внушительная²². Для сравнения: ЛИО Наркомпроса выпустил за этот же период около 200 названий книг и других произведений печати, общий тираж которых составил более 10 миллионов экземпляров, а сельскохозяйственное издательство Наркозема – 74 книжных издания тиражом 1 миллион 658 тысяч экземпляров. Издательство «Всемирная литература» за это же время издало 50 названий книг с тиражом 848 тысяч экземпляров. Прочие петроградские издательства – «Капитал», «Огни», «Колос», «Голос труда», «Наука и школа», «Начатки знаний», «Кооператор», «Алконост», «Научное книгоиздательство», «Школа и жизнь», «Образование», «Сотрудничество», издательство Гржебина – выпустили каждое не менее 10 названий²³.

Журнал «Дела и дни» писал в январе 1920 года: «Цифра изданных книг велика, но она совершенно не соответствует чрезвычайной по-

требности в книге и стоит ниже того, что печаталось в дореволюционный период. Ограниченное количество печатаемых книг заставило постепенно ограничить возможность их приобретения. Отдельные лица лишены этого права. За последнее время даже школы и библиотеки Петрограда не могут рассчитывать на получение хотя бы по экземпляру необходимых им книг, так как условием предоставления Петрограду бумаги является теперь обязательство из печатаемого издания оставлять для надобности Петрограда лишь 10% общего числа экземпляров, т.е. нередко всего 300–400 экземпляров»²⁴.

С целью улучшения положения было издано распоряжение о запрещении вывоза книг и ограничении покупки книг в одни руки. В декабре 1918 года началась национализация книжной торговли в Петрограде. Сначала частичная, а с мая 1919 года – полная. Севцентрочечать взяла под свой контроль все национализированные книжные хранилища и распределила книги между Петроградом, прибывавшими в Петроград воинскими частями и губерниями России. Эта же организация снабжала литературой все местности, занимаемые красными войсками в ходе боев.

Оценивая работу издательства Петровета, один из его руководителей, В.И. Невский, писал: «В самые тяжелые годы Гражданской войны, во время голода и холода, при враждебном отношении русской интеллигенции – работники Петр[оградского] Госуд[арственного] Изд[ательства] самоотверженно и бескорыстно, полные энтузиазма и веры в победу пролетариата создавали духовные ценности. Можно сказать, что если бы не Петр[оградское] Госуд[арственное] Издательство, мы не имели бы советские и коммунистические книги в годы Гражданской войны»²⁵.

В связи с образованием в 1919 году Госиздата издательство Петровета было реорганизовано в его Петроградское отделение – Петрогосиздат. В него вошли также местные отделения ЛИО Наркомпроса и сельскохозяйственного издательства Наркозема, а также ряд мелких издательств²⁶. Петрогосиздат переехал из Смольного в Дом книги (Невский пр., 28).

В 1922 году во Флоренции, в Палаццо Романо открылась первая после завершения войны международная книжная выставка. Всех поразила советская экспозиция, на которой издания Петрогосиздата заняли ведущее место. Это был подлинный триумф молодой советской книжной культуры. «Я несколько не удивляюсь, – писал А.В. Луначарский, – что во Флоренции Петрогосиздат был главным виновником успеха издательского дела в нашей республике. Я думаю, что он и впредь будет продолжать занимать самое высокое место в этом отношении»²⁷.

В 1924 году Петрогосиздат был переименован в Ленгиз. По положению, утвержденному Наркомпросом, с 1 января 1924 года ему предоставили деловую автономию в связи с переходом на хозрасчет.

Для быстрой реализации своих изданий Ленгиз наладил связи с крупнейшими городами и губерниями, в первую очередь, с основными промышленными центрами страны.

Ленгиз в 1920-х годах состоял из нескольких редакций: научной и учебной литературы для высшей школы и рабфаков; учебной, методической и педагогической для трудовой школы; учебной, педагогической и методической для профшкол (техникумов и фабрично-заводских училищ); научно-популярной; социально-экономической и политической; литературно-художественной и периодики; детской²⁸. На протяжении 1920-х годов структура Ленгиза несколько раз менялась, некоторые издательства в него вливались (как, например, «Прибой» в 1927 году), другие, наоборот, «отпочковывались», выделялись в самостоятельные предприятия («Издательство “Красной газеты”», «Издательство “Ленинградской правды”», «Издательство “Красной деревни”», «Издательство “Вестника Ленсовета”»).

На всем протяжении 1920-х годов Ленгиз занимал ведущее место среди издательств страны, вслед за Госиздатом. «Красным Лейпцигом» называли Ленинград в те годы, сравнивая его со знаменитой книжной столицей Европы.

Характеризуя роль Ленгиза, его заведующий И.И. Ионов писал в 1925 году: «Ленгиз, возникший как первое книгоиздательство Октябрьской революции, с первых же дней своего существования поставил перед собой две задачи: с одной стороны, защиту и пропаганду Октябрьской революции, а с другой – перевоспитание масс и в особенности подрастающего поколения посредством книги, доступной по содержанию, пригодной по технике, дешевой по цене и новой по идеологии»²⁹.

Заметное место в продукции Ленгиза занимали в эти годы труды Маркса, Энгельса, Ленина, книги по всем отраслям знания, издания сочинений классиков русской литературы. На втором месте в продукции издательства стояла учебная литература (34%). Большое внимание уделялось выпуску научной и сельскохозяйственной литературы. В 1923 году при Ленгизе был образован специальный Комитет по изданию русских классиков. В его работе принимали участие крупнейшие литературоведы, историки, критики – Б.М. Эйхенбаум, К.И. Халабаев, Б.В. Томашевский, Б.А. Модзалевский, Н.К. Пиксанов, П.Е. Щеголев, А.К. Воронский. Председателем Комитета являлся И.И. Ионов.

С 1924 по 1930 год по плану, составленному Комитетом, Ленгиз осуществил издания почти всех основных произведений русской классической литературы, в том числе в виде собраний сочинений (М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского) и в серии «Классики русской литературы».

Издавал Ленгиз и современную русскую и иностранную литературу – произведения В.В. Маяковского, Д. Бедного, Н.Н. Асеева, А.А. Жа-

рова, И.И. Садофьева, В.Я. Шишкова, М.С. Шагинян, М.М. Зощенко, О.Д. Форш, М.А. Нексе, Э. Верхарна, Ф. Гра, Б. Келлермана, С. Жеромского, Б. Шоу, К. Чапека, Э. Синклера, А. Барбюса и других, собрания сочинений М. Горького, А.С. Серафимовича, Л.Н. Сейфуллиной. Популярностью у читателей пользовались серии «Новости иностранной литературы» (с 1927 года «Библиотека всемирной литературы») и «Классики иностранной литературы».

Ленгиз уделял большое внимание пропаганде своих изданий, изучению спроса на книги, особенно в рабочей и крестьянской среде. Рукописи тщательно рецензировались специалистами, а книги после выхода в свет посылались на отзыв на промышленные предприятия и в деревни.

В 1930 году в связи с общей реорганизацией издательств и созданием ОГИЗа³⁰ была осуществлена перестройка ленинградских издательств. В декабре 1930 года на базе Ленгиза образовалось газетно-журнальное издательство Обкома ВКП(б) и Облесполкома Ленсовета – Леноблиздат. В его состав вошли также издательство газеты «Вестник Ленинградского Облесполкома и Ленинградского Совета» и издательство Рекламного треста, типографии Облфинотдела и Административного отдела. В уставе Леноблиздата говорилось, что его целью является «объединение редакционно-издательской деятельности всех областных и городских отделов, ведомств и кооперативных организаций, действующих на территории Ленинградской области и г. Ленинграда; производство типографских работ, ведение всех отраслей рекламного дела в г. Ленинграде и области»³¹. В 1938 году Леноблиздат переименовали в Лениздат³².

Основной задачей Леноблиздата было издание «массово-политической литературы в помощь изучающим марксистско-ленинскую теорию, книг по истории революции и Ленинградской партийной организации, по вопросам теории и практике партийной, советской и комсомольской работы, популярной литературы о промышленности и сельском хозяйстве»³³. Во главе издательства стояли опытные организаторы – Г.К. Клаас (1930–1935), Л.П. Петерсон (1935–1938) и В.А. Дурнов (1938–1941).

На протяжении 1930-х годов Лениздат выпустил около 500 названий различных изданий. Расширилась тематика книг, выходила литература по вопросам культуры, здравоохранения, спорта. Но основное место занимала массовая общественно-политическая книга, книги по истории революционного движения, серия «Биографии пролетарских революционеров».

В Лениздате выходили все городские и областные газеты, в том числе «Ленинградская правда», «Красная газета», «Смена», «Ленинские искры», десятки журналов и 180 фабрично-заводских многотиражек. В число пяти типографий, составлявших его полиграфическую базу,

входила типография им. Володарского – одна из крупнейших в городе. Располагавшаяся на набережной реки Фонтанки, 57 с 1862 года, она принадлежала до октября 1917 года Министерству внутренних дел.

В годы Великой Отечественной войны и вражеской блокады Ленинграда работа издательства не прекращалась. В необычайно суровых условиях, под бомбежками и обстрелами, в нетопленных помещениях голодные сотрудники Лениздата создавали книги, брошюры, плакаты, и листовки для мужественных защитников города.

В январе–апреле 1942 года из-за недостатка электроэнергии и рабочих рук вынужденно прекратили работу все полиграфические предприятия, кроме типографий газеты «Правда» и им. Володарского. Теперь здесь печатались не только газеты и массовая агитационно-пропагандистская литература, но и продовольственные карточки. Варварские артиллерийские обстрелы и бомбежки выводили из строя водопровод, канализацию, отопление, разрушали здания, снаряды калечили оборудование и людей. Лютой зимой 1941/42 годов температура в цехах опускалась до -14°C . Но несмотря на это, люди продолжали настойчиво и мужественно работать: вручную приводили в действие печатные машины, когда не было электроэнергии, на ходу исправляли повреждения, ремонтировали оборудование³⁴. Фашистские артиллеристы и летчики неоднократно пытались разбомбить типографию им. Володарского и здание редакции газеты «Ленинградская правда», но работа здесь не прекращалась. За все время блокады газета не вышла только один раз – 25 января 1942 года, когда в один из цехов типографии попала бомба.

Еще в условиях блокады, в июле–ноябре 1942 года началось восстановление полиграфической базы Ленинграда. К двум действовавшим типографиям прибавились еще четыре. Наряду с газетой «Ленинградская правда» стали регулярно выходить другие периодические издания – «Смена», «Боевые резервы», «Окна ТАСС» и «Последние известия ТАСС», «Бюллетень Ленгорсовета», литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград», медицинский научный журнал «Вестник хирургии».

В эти годы многие выпущенные Лениздатом книги были посвящены жизни и быту города в условиях блокады, проблемам санитарии и гигиены. Они учили горожан варить студень из столярного клея и делать муку из лебеды, а в преддверии весны 1942 года появились пособия по овощеводству и огородничеству – весьма актуальным вопросам для жителей осажденного города, где к лету все газоны были засажены овощами. Издавались также методические руководства, в том числе и плакаты по подготовке жилья к зиме, по очистке домов и улиц, по гражданской обороне. Это брошюры «Пособие по местной противовоздушной обороне», «Противогаз – боевое оружие» и тому подобные. Здесь выпускались памятки для бойцов, специальная воен-

ная литература, комплектовались фронтовые типографии. В самом трудном для издательства 1942 году было выпущено 65 названий изданий, преимущественно плакатов и листовок. В последний год войны Лениздат выпустил уже 185 названий, превысив показатели довоенного 1940 года в полтора раза.

Незранные на вид, напечатанные на низкосортной бумаге, плохими красками, с простенькими иллюстрациями, книги и другие издания Лениздата военных лет остались замечательным памятником мужества и стойкости защитников города на Неве.

В первые послевоенные годы быстрыми темпами шло восстановление полиграфической базы издательства, рос выпуск печатной продукции. Расширилась тематика выпускаемой литературы. Издавалась литература в помощь партийным работникам и пропагандистам. Заметное место занял выпуск книг о ветеранах ленинградской партии, героях революции и Гражданской войны. Примерно пятую часть изданий составляла литература производственно-технической тематики. Выпускались массовые серии об опыте новаторов, о борьбе за технический прогресс. В 1948 году Лениздат достиг довоенного уровня выпуска литературы по сельскому хозяйству. За выпуск книг и брошюр для тружеников села Лениздат был награжден дипломом II степени Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

С 1945 года началось регулярное издание произведений ленинградских писателей. М.М. Смирнов, в те годы заведующий редакцией художественной литературы, вспоминал: «Первыми, кто активно поддержал начинание издательства, были Е. Катерли, А. Прокофьев, В. Кетлинская, В. Лифшиц, Л. Пантелеев, И. Кратт. Вскоре Лениздат смог порадовать читателей поэмой А. Прокофьева «Россия», рассказами о русской природе И. Соколова-Микитова, произведениями других авторов. Однажды зашел к нам в издательство худощавый офицер в больших кирзовых сапогах. Щеголевато щелкнув каблуками, он представился: «Гвардии старший лейтенант Дудин. Принес на ваш суд рукопись». Это были стихи, составившие основу будущей книги поэта «Переправа».

Однажды Михаил Дудин привел в редакцию бывшего офицера-танкиста Сергея Орлова. Тот извлек из полевой сумки небольшую тетрадь и прочитал несколько стихотворений. Помню, как поразило нас ставшее впоследствии хрестоматийным: «Его зарыли в шар земной». Уходя, Орлов оставил в редакции свою тетрадочку, а спустя некоторое время принес вторую. Так родилась первая его книга «Третья скорость», сразу же оказавшаяся значительным явлением молодой советской поэзии военных лет»³⁵.

В конце 1940-х годов редакция художественной литературы и созданный при нем общественный редакционный совет, в который входили писатели Е.И. Катерли, В.К. Кетлинская, И.Ф. Кратт и другие, работал

очень активно, особенно много внимания уделяя молодым авторам. В эти годы Лениздат познакомил читателей с первыми книгами Веры Пановой, Сергея Антонова, Евгения Федорова и других впоследствии известных писателей. К концу 1940-х годов книжная продукция Лениздата составляла ежегодно более 4 миллионов экземпляров.

В середине 1950-х годов произошла очередная крупная реорганизация Лениздата. Ему были приданы две типографии – большая типография им. Володарского и типография, принадлежавшая ранее Ленинградскому отделению издательства «Молодая гвардия». В издательстве образовались новые редакции и отделы: редакция массово-политической литературы, историко-партийной, справочно-краеведческой, производственно-технической, сельскохозяйственной и художественной. Были расширены отдел художественного оформления и техническая редакция. С 1 января 1956 года Лениздат стал издательством Ленинградского обкома и горкома КПСС. Директором издательства (с 1955 года) был назначен Л.В. Попов.

В начале 1960-х годов техническая база издательства, его производственные помещения подверглись коренной реконструкции. Было построено здание газетного цеха. В 1963 году на набережной реки Фонтанки, 59, вошел в строй пятиэтажный корпус, где разместились книжные редакции издательства, редакции областных и городских газет, дирекция типографии и издательства. В результате реконструкции преобразилась старая «Володарка», расширились ее цеха, повысилась культура производства. Мощность типографии возросла до 3 миллионов экземпляров четырехполосных газет. Был создан новый цех – цветной печати. К концу 1960-х годов объем книжной продукции Лениздата превысил 2500 учетно-издательских листов, а тираж изданий достиг 10 миллионов экземпляров.

Расширились издательские возможности Лениздата. Возросло число изданий (до 300 названий в год), улучшилось их полиграфическое оформление. В конце 1960–1970-х годах Лениздат предпринял много новых изданий самой различной тематики. Широкую известность приобрели такие серийные издания, как «Наш современник» о передовиках ленинградской промышленности, «История фабрик и заводов», создававшаяся совместно рабочими и писателями нашего города, ряд серий о Ленинграде («Узники Петропавловской крепости», «Пригороды Ленинграда», «Там, где были окраины», «Туристу о Ленинграде», «Выдающиеся деятели культуры в Петербурге-Петрограде-Ленинграде», «Зодчие нашего города»). Осуществлялось издание библиотеки мемуаров участников революционного движения в Петербурге-Петрограде «Из искры возгорится пламя».

По-прежнему большую часть своего листажа Лениздат отводил изданию художественной литературы, произведений классиков и современных писателей. Читатель получил новые книги таких извест-

ных писателей, как Ю.П. Герман, В.Ф. Панова, Д.А. Гранин, В.В. Ко-нецкий, В.А. Каверин. Получили признание серии «Юношеская библиотека», «Библиотека современной прозы» и «Первая книжка поэта».

За 1917–1980 годы в целом было выпущено 3026 названий печатной продукции, тираж которой составил 158 миллионов 243 тысячи экземпляров. В 1980-х годах Лениздат ежегодно выпускал более 300 названий книг, брошюр, альбомов и комплектов открыток общим тиражом в 10 миллионов экземпляров.

За долгие годы своего существования Лениздат накопил ценнейший опыт, сформировал собственные традиции и принципы выпуска самой разнообразной литературы, неоднократно был экспонентом международных книжных ярмарок. В каталогах самой престижной Франкфуртской книжной ярмарки Лениздат фигурировал в числе ведущих российских издательских фирм.

Лениздат и сегодня сохраняет свой традиционный универсальный характер. Выходят книги по краеведению и истории, экономике и производству, домоводству и кулинарии, справочные издания, художественная и детская литература. Расширила свои рамки старейшая серия Лениздата – «Школьная библиотека». Сегодня ее составляют книги в помощь школьникам, изучающим не только отечественную и мировую литературу, но и публикации по истории, живописи, музыке, краеведению и природоведению. В 1990-х годах Лениздат выпускал многотомную «Библиотеку для детей», серию «Незнакомая классика. Книга для души», в которую входили произведения североамериканских писателей XIX века, выдержавшие на Западе многомиллионные тиражи. Многие из них послужили сценарной основой для популярных кинофильмов. В книгах серии «Исторические факты и литературные версии» органично сочетались художественные, публицистические и научные тексты. Долгожданным событием стал выпуск иллюстрированной книги «Знаменитые россияне XVIII–XIX веков» (1995 и 1996, сост. Е.Ф. Петинова), предпринятый на основе пятитомного издания великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий» (1905–1909). Входившие в него биографические очерки и портреты не переиздавались с момента первой публикации.

Историков и краеведов порадовала выпущенная Лениздатом в 1996 году книга М.И. Пыляева «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга», снабженная по инициативе издательства обширным научным комментарием и полным указателем имен. К 300-летию Санкт-Петербурга Лениздат в 1997–2000 годах выпустил трехтомник «Зодчие Санкт-Петербурга», посвятив каждому из трех веков существования нашего города один том. К участию в этом иллюстрированном издании были привлечены крупнейшие историки архитектуры.

В рыночных условиях, когда появилось множество новых издательств, Лениздат столкнулся с немалыми трудностями, что привело

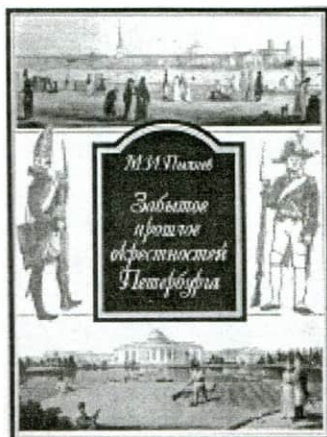
Продажа книг на
Невском проспекте у
Дома книги. 1960-е

Новое здание
Лениздата
на Фонтанке.
1964

«Знамени-
тые россия-
не XVIII-
XIX веков».
Лениздат.
1995.
Обложка

М.И. Пыляев.
«Забывтое
прошлое
окрестностей
Петербурга».
Лениздат. 1996.
Обложка

Марка Литературно-издательской секции Отдела изобразительных искусств Наркомпроса

М.Ю. Лермонтов. «Тамань. Фаталист». Серия «Народная библиотека». Издание ЛИО Наркомпроса. 1919. Обложка

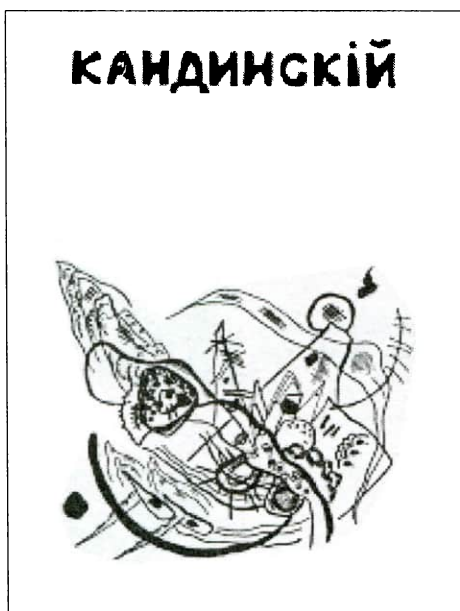
Здание, где размещалось издательство «Всемирная литература» (Моховая ул., 36). Современная фотография

Марка издательства «Всемирная литература»

Книжный базар на Малой Конюшенной улице.
Киоск «Дешевая книга» Леноблиздата. 1932

«Кандинский». Автомонография
(текст и оформление В.В. Кандинского).
Издание ЛИО Наркомпроса. 1918.
Обложка

Марка издательства
Петроградского совдепа.

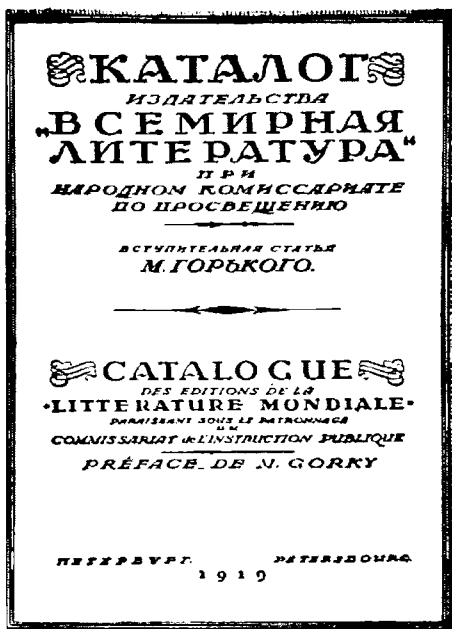

Издательство „АЛКОНОСТЬ“.

Марка издательства
«Алконост»

Марка издательства
«Начатки знаний»

Каталог издательства
«Всемирная литература».
1919. Обложка

М. Горький. «Макар Чудра».
Издательство Петросовета. 1919.
Обложка

Марка издательства
«Книжный угол»

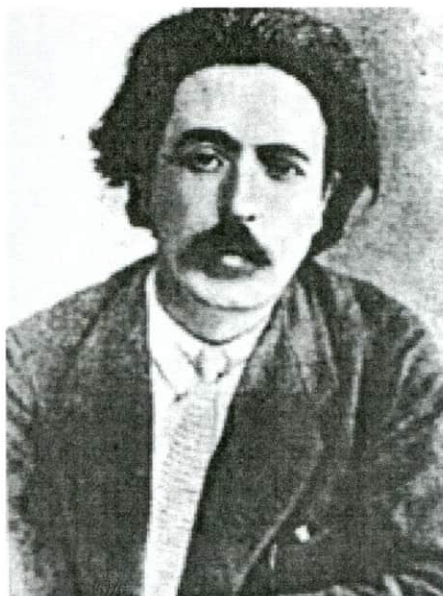
Марка издательства
«Научное книгоизда-
тельство»

Празднование пятилетия Ленгиза. Колонна балтийских моряков у Александровского сада. 1923

Здание, где находилось издательство «Алконост» (Колокольная ул., 1).
Современная фотография

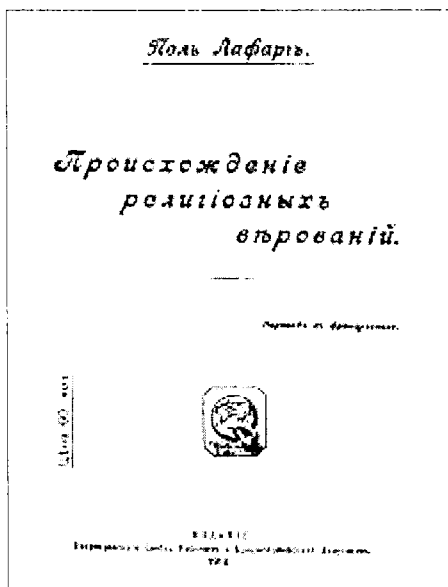
И.И. Ионов

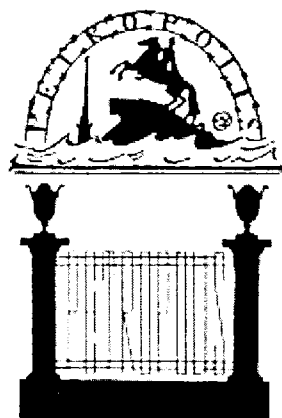
Марка Издательства писателей в Ленинграде

Марка издательства «Время»

П. Лафарг. «Происхождение религиозных верований». Издательство Петросовета. 1918. Обложка

Марка издательства «Петрополис»

Марка издательства
«Аквилон»

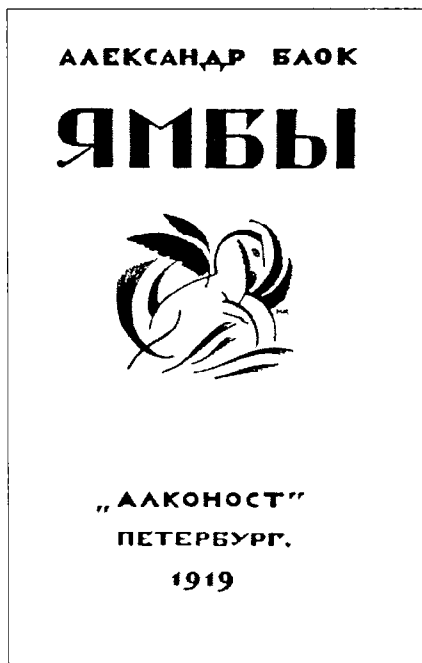
Марка издательства
«Мысль»

Марка издательства
«Радуга»

С.М. Алянский (слева) и В.В. Васильев
у входа в издательство «Алконост». 1919

А. Блок. «Ямбы». Издательство
«Алконост». 1919. Обложка

День советской культуры 31 мая 1925 г.
Демонстранты у дома № 52 по Невскому проспекту, где размещалось «Рабочее издательство «Прибой»»

Марка издательства
«Прибой»

Марка издательства
«Academia»

Марка издательства
«Наука и школа»

Марка издательства
«Кооперация»

Марка издательства
«Колос»

**ПЕТРОГРАДСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО**

Марка издательства
«Петроградское
книгоиздательство»

А.А. Кроленко

Здание, где
размещалось
издательство
«Academia»
(Литейный пр.,
40). Современная
фотография

Здание Дома книги. 1924

Новый Пассаж (Литейный пр., 57). 1910-е.
Уже столетие в этом здании ведется книжная торговля

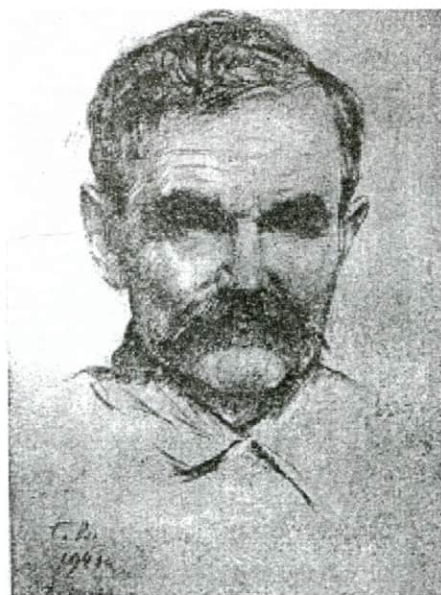
Экслибрис П.Н. Мартынова

А.Е. Бурцев

Букинист-антиквар П.Н. Мартынов за работой по разборке и оценке книг XVIII-XIX вв.

Портрет Ф.Г. Шилова.
Художник О.Г. Верейский

Справа: киоск Ленгиза в Смольном. 1925

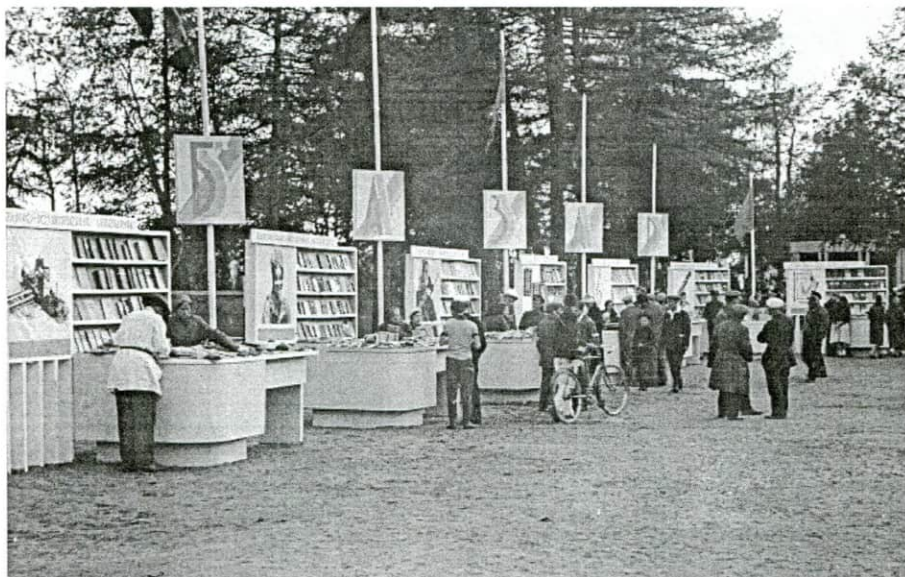
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книжный базар на Малой Конюшенной улице.
Вид с Невского проспекта. 1929

Книжный базар в ЦПКиО. 1933

к сокращению выпуска книг по названиям и тиражам. Так, в 1996 году было выпущено около 60 наименований книг общим тиражом 1,5 миллиона экземпляров, а в 1997 – 30 наименований тиражом около 800 тысяч экземпляров. Возросшая конкуренция усложнила реализацию печатной продукции. И все же, преодолевая эти трудности, Лениздат и в новых условиях остается в числе ведущих издательств России, марка которого известна не только в нашей стране.

Кооперативные и частные издательства

В первые годы советской власти наряду с некоторыми частными фирмами, продолжавшими свою деятельность в новых условиях, книгоизданием занимались и вновь возникшие, большей частью небольшие, частные и кооперативные издательства различных обществ, союзов, литературных групп, научных организаций. Их деятельность особенно активизировалась в годы НЭПа. Так, только за один день, 17 февраля 1922 года Коллегия Петроиздата зарегистрировала 35 новых издательств – «Акваланг», «Вольфила», «Всероссийский союз охотников», «Культура и свобода», «Неопалимая купина», «Огненный столп», ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка), «Третья стража», «Цех поэтов», «Эрато» и другие. В начале 1923 года в городе насчитывалось уже 75 издательств³⁶.

Частные издательства находились под контролем Госиздата, он же давал разрешение на их организацию. Особенно бурно росло число издательств в стране в 1923–1926 годах. Пик пришелся на 1926 год, затем начался спад, и к 1930 году число издательств уменьшилось по сравнению с 1924 годом более чем вдвое. Рост числа издательств в годы НЭПа происходил в основном за счет кооперативных и частных предприятий. До 1923 года число частных издательств росло вместе с ростом числа издательских предприятий вообще. К 1 июня 1923 года частные издательства составляли 30% всех издательств (233 из 678), к январю 1924 года они составляли 39% (442 из 1127), а на 1 января 1925 года число их даже уменьшилось (431 из общего числа издательств – 2055). В последующие годы относительный вес частно-издательских предприятий в общем числе издательств в 1926 году в Москве уменьшился на 33%, в Ленинграде – на 38%, а по всей РСФСР – на 30%. В 1927 году число частно-издательских предприятий снизилось до 10%, а частных книготорговых предприятий – до 15%³⁷. В производстве книг (в названиях) доля частных издательств составляла: в 1922 году – 20%, в 1923 году – 11%, в 1924–1925 годах – не более 7%; в торговом обороте это выглядело так: 1923 год – 10–12%, 1924–1925 года – 4–6%³⁸.

С 1924 по 1926 год удельный вес частно-предпринимательских издательств сократился в общем выпуске с 11,5% до 7,1%. Все же в 1927

году выпуск книжной продукции частными издательствами оставался еще довольно высоким (7,2%). После постановления СНК РСФСР, отменившего существовавший порядок деятельности частных издательств, их продукция пошла на спад.

В обзоре «Печать СССР к XV партсъезду» констатировалось:

1. Количество частных издательств уменьшается.
2. Культурная роль частных издательств сводится до минимума.
3. Частные издательства еще сильны в детской литературе, главным образом в дошкольной книге, но здесь уже есть ряд значительных побед (дешевая книжка ГИЗа).
4. Художественная литература, издаваемая частными издательствами, идеологически шаткая, в основном ориентирована на обывателя, порой вредна и социально нам чужда. За последнее время частник начал издавать русскую литературу. К нему идут те, кто идеологически неприемлем для советско-партийных издательств.
5. Выпуск технической, медицинской и прикладной книги частников ломает работу государственных издательств.
6. Необходима более жесткая типизация частных издательств и твердое регулирование качества их продукции»³⁹.

В том же обзоре имеется следующая любопытная характеристика частных издательств: «До последнего времени частные издательства выпускали книги иностранных авторов. Плохо переведенные, с играющими на сенсацию обложками и названиями книг (перевирались названия подлинников) – книги частных издательств обслуживали обывателя, но просачивались и в библиотеки. Каковы темы и писатели?»

В переводной беллетристике встречаются отрицательные тенденции: узкомещанская идеология, отсутствие социального охвата (Ф. Норрис «Омут», изд. «Мысль»), мистицизм, эротизм, непонимание классовой борьбы как фактора общего развития, притупление классовых противоречий (Р. Гаух – «Дело доктора Деручи», изд. «Время»), незначительность сюжета (трюкизм, штампованность).

Наиболее ярко выражение мистических настроений в переводной беллетристике мы находим в произведениях Р. Тагора «Цветы моего сада», Р. Киплинга «Дверь ста печатей» и особенно у Ст. Цвейга.

Примеры натуралистического эротизма, порой граничащего с порнографией: «Мертвец» Лемонье, «Петух» Жермена, «Без просвета» Нель Дофф и особенно «Раввель» Люсьена Фабра⁴⁰. Сегодня очевидна явная тенденциозность характеристик, влияние вульгарно-социологического подхода. Даже признанные классики мировой литературы – Р. Тагор, С. Цвейг, Р. Киплинг – попали в «проскрипционные списки». Судьба частных издательств была predetermined.

Книгоиздательское дело в Петрограде-Ленинграде в эти годы развивалось аналогичным образом. В 1917 году в Петрограде имелось

137 частно-кооперативных издательств (из 139), в 1918 – 102 (из 119). Затем деятельность частных издательств практически прекратилась, чтобы снова возродиться с наступлением НЭПа. В 1922 году в Петрограде насчитывалось 45 издательств. Кроме упомянутых выше, зарегистрированных в один день 17 февраля 1922 года, в это число входили: «Практическая медицина», «Светозар», «Книга», «Парфенон», «Петрополис», «Academia», «Наука и школа», «Мысль», «Начатки знаний», «Кооперация», «Кольцо поэтов», «Просвещение», «Кадима», «Бывшее», «Законоведение», «Русское библиографическое общество», «Сельское хозяйство», «Техническое издательство», «Просвет», «Огни», «Колос», ПУМ (Помощь учащемуся миру), «Полярная звезда», «А.С. Каган», «Карточный домик», «Солнце», «Пролеткульт», «Театр и искусство», «Мир знаний», «Время», «Человек на земле», Техническое и сельскохозяйственное издательство⁴¹.

В 1923 году число издательств возросло до 98. Среди новых можно назвать «Атений», «Эрг», «Эпоха», «Голос труда», «Аквилон», «Петроград», «Вольная философская ассоциация», «Наука и техника», «Издательское дело», «Логос». Комитет популяризации художественных изданий, «Начала», Философского товарищества при Петроградском университете, «Медицина», «Странствующий энтузиаст», «Копейка», «Учитель», «Космист», «Эфадид», «Часы», «Нико», «Печатное дело», «Озе», «Книжник», «Кругозор», «Крылья», «Лира», «Маяк», Товарищества Маркса, П.П. Сойкина⁴².

Сведения о числе издательств в Ленинграде в последующие годы расходятся. Но если руководствоваться официальной статистикой, то в 1924 году в Ленинграде имелось 61 частно-кооперативное книжное издательство (из 265), в 1925 году – 53 (из 299), в 1926-м – 125 (из 392)⁴³. Можно считать, что это был пик развития частно-кооперативных издательств в Ленинграде. В дальнейшем происходило их сокращение и концентрация.

Директор Книжной палаты Н.Ф. Яницкий еще в 1924 году сделал вывод о том, что книжная продукция Ленинграда превосходила произведенную в Москве по объему лишь в 1919 году⁴⁴. В дальнейшем, после 1920 года, соотношение тиражей книг, выпущенных в Москве и Ленинграде, ощутимо изменилось в пользу Москвы. При этом было отмечено, что в Ленинграде издавались более объемистые книги, чем в Москве. Подобные тенденции, впрочем, были характерны и для дооктябрьского периода: Москва постоянно опережала Санкт-Петербург по тиражам, в основном за счет народной, лубочной книги. Зато в Санкт-Петербурге, как правило, издавались серьезные, большеобъемные издания – научная, справочная, художественная литература.

В дальнейшем, вплоть до начала 1930-х годов, Москва сохраняла лидерство по числу названий выпущенных книг и особенно по тиражам. Это связано прежде всего с усиливавшейся ролью Госиздата, а затем ОГИЗа, резким сокращением числа частных и кооперативных

издательств, которых в Ленинграде в 1920-х годах было особенно много.

Говоря о роли кооперативных издательств, историк книги М.К. Свиценская писала: «Они являлись активным фактором культурной, духовной жизни. В организации и деятельности кооперативных издательств участвовали ведущие научные отечественные философы, историки, обществоведы, филологи, представители точных и естественных наук, в числе которых были Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Э.Л. Радлов, Е.А. Жебелев, Н.И. Кареев («Наука и школа»); Г.Г. Шпет, Р.В. Иванов-Разумник («Колос»); П.Е. Щеголев, Е.В. Тарле, Н.О. Лернер, Ю.Г. Оксман («Былое»); Б.Л. Модзалевский, А.А. Сиверс, И.А. Кубасов («Огни»); С.Ф. Ольденбург, М.Л. Лозинский, А.Е. Ферсман («Время»); А.А. Белопольский, О.Д. Хвольсон («Научное книгоиздательство») и многие другие»⁴⁵.

И далее: «Кооперативные издательства литераторов и ученых с полным правом можно было бы назвать хранителями и продолжателями лучших традиций отечественного книгоиздания. Их книги, как правило, отличались высокой редакционной и полиграфической культурой. В их создании приняли участие признанные мастера книжной графики: А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, Д.И. Митрохин, С.В. Чехонин. Деятельность издательств имела ярко выраженную культурно-просветительную гуманистическую направленность. Она была непосредственно связана с развитием литературного и научного процессов, способствовала расширению и обогащению отечественного книжного репертуара и оказывала стимулирующее влияние на развитие издательского дела в целом»⁴⁶.

«Прибой»

С конца 1922 года начался новый период в истории издательства «Прибой». Оно было воссоздано решением Петроградского комитета РКП(б) как издательско-потребительский кооператив на паевых началах с сохранением марки старейшего петроградского партийного издательства (см. с. 296–298)⁴⁷.

«Прибой» организовался на базе издательства Коммунистического университета, которое существовало с 1921 года. К нему перешел и редакционный портфель университетского издательства, что позволило сразу же наладить выпуск книг.

Издательство располагалось сначала на проспекте 25 Октября (ныне Невский проспект) в доме № 1, затем в доме № 52⁴⁸. Очень скоро по выпуску продукции оно заняло первое место среди партийных издательств города и третье – в СССР (вслед за Госиздатом и Ленгизом). Основной продукцией «Прибоя» была общественно-политическая, социально-экономическая и партийная литература, выпус-

кавшаяся для массового читателя – как городского, так и деревенского. Большое внимание уделялось истории рабочего революционного движения, истории РКП(б). «Прибой» выпускал также учебную литературу и пособия для самообразования («Народный университет на дому», «Рабфак на дому», «Коммунистический университет на дому», «Рабочий техникум на дому»).

«Ленинградская правда» писала 22 января 1927 года: «“Рабфак на дому” является ценным и полезным изданием и должен стать еще более употребительным среди широких рабочих и крестьянских масс».

Значительная часть изданий «Прибоя» приходилась на художественную литературу. За все годы существования издательство выпустило 565 названий.

В апреле 1926 года в издательстве появился литературно-художественный отдел. Начало выходить серийное издание «Библиотека для всех», в создании которой участвовал В.М. Антик, известный своей просветительской издательской деятельностью до Октябрьской революции. Основное место в серии отводилось современным писателям – Б.А. Лавреневу, Н.Н. Никитину, И.Г. Эренбургу, А.Н. Толстому, О.Д. Форш и другим.

С 1927 года на смену «Библиотеке для всех» пришла «Дешевая библиотека», имевшая целью продвижение в широкие массы наиболее значительных произведений советской, русской и иностранной литературы. В том же году издательство предприняло выпуск серии «Новинки пролетарской литературы», где впервые был напечатан отдельным изданием роман А.А. Фадеева «Разгром». Современные иностранные писатели печатались преимущественно в серии «Книжные новинки». Издавал «Прибой» также книги для детей и юношества, в основном, общественно-политической тематики.

Литературно-художественная продукция издательства пользовалась успехом у читателя. Но встречались и отрицательные отзывы. Так, молодежная газета «Смена» 12 января 1927 года поместила читательский отклик на сборник рассказов «Шалые повести», о котором говорилось следующее: «В фантазерстве автора я больше не сомневался. У него, в самом деле, не фантазия, а крылья. Представьте себе, что у нас советские летчики летают на государственных самолетах из Москвы, за тысячи верст, в болотистую бездорожную глушь, специально за своими невестами-комсомолочками? Это уже совсем по-американски. И самолетов много, и бензину. На невест хватит».

В следующем рассказе – «Таракан» – я читал про роман одного «стойкого как сталь» ответственного партийца. Про работу и взгляды этого партийца автор ничего не сказал. Но зато с каким мастерством описал его любовные похождения, какие «положеньица» нарисовал. Куда там Арцыбашеву и Вербицкой!

Разорвал я книжку на мелкие кусочки, сжег их и разметал по ветру. Эх, кабы «Прибой» да последовал моему примеру».

В руководстве издательством «Прибой» принимали участие видные организаторы советского книгоиздательства – С.М. Закс-Гладнев, Б.З. Шумяцкий, М.А. Сергеев. Литературно-художественным отделом издательства с 1 октября 1926 года заведовал писатель М.Л. Слонимский. За работой издательства внимательно следил С.М. Киров, который находился в курсе всех начинаний «Прибоя», оказывал ему поддержку. С издательством был связан М. Горький, которому регулярно посылали всю выпускавшуюся «Прибоем» оригинальную художественную литературу.

«Прибой» сыграл большую роль в становлении и развитии периодической печати Ленинграда. Издававшиеся им журналы и газеты были рассчитаны на самые разные слои населения: для пропагандистов и агитаторов издавался журнал «Под знаменем коммунизма», для села – «Новая деревня», для женщин – «Работница и крестьянка», для молодежи – «Юный пролетарий», «Спартак», газеты – «Смена», «Ленинские искры».

Издательство «Прибой» официально прекратило самостоятельное существование в октябре 1927 года. В целях устранения параллелизма в издательской и книготорговой работе «Прибой» влился в Ленгиз, где, однако, сохранил самостоятельную редколлегия, подчинявшуюся Ленинградскому Губкому. Она выпускала литературу краевого значения и продолжала издавать периодические издания по самообразованию. Ей было передано также издание агитационно-массовой литературы. Таким образом, марка «Прибоя» встречается на многих изданиях, вышедших в Ленинграде уже после 1927 года.

«Кооперация»

Издательско-кооперативный союз «Кооперация» был организован на базе бывшего издательства Петербургского отделения Комитета о сельских товариществах в марте 1917 года⁴⁹. Целью Союза было издание и распространение периодических и непериодических изданий по кооперации, социально-экономическим вопросам, устройство библиотек и книжных складов. Издательство размещалось на Литейном проспекте⁵⁰, 49, квартира № 8. Магазин издательства находился в здании Нового Пассажа на Литейном проспекте⁵¹.

Среди выпущенных «Кооперацией» изданий – «Преступление капитализма» Ш. Фурье (1918) и «Социализм как положительное учение» М.И. Туган-Барановского (1917). Не была осуществлена масштабная «Энциклопедия кооперативного книговедения» по различным вопросам книжного дела.

Издательство выпускало также ряд газет – «Известия Петрогубкома» (1921–1932), «Петроградская кооперация» (1923–1926), «Красная кооперация» и журнал «Кооперативное строительство» (оба – 1926).

Средний тираж книжных изданий составлял 6–8 тысяч экземпляров. Агитационно-пропагандистская литература издавалась большими тиражами – 20–30 тысяч экземпляров. Издательство «Кооперация» было ликвидировано в связи с неплатежеспособностью в 1927 году⁵².

«Колос»

В 1918 году возникло кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос». Оно располагалось в доме № 21 по Литейному проспекту. Председателем издательства был публицист Ф.И. Седенко (П. Витязев). Оно выпускало книги по социологии, истории литературы, библиографическую и мемуарную литературу. Среди изданий «Колоса» – известный библиографический труд А.В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению» (1924) и ряд серий: «Коробейники. Чтение для города и деревни», «Библиотека исторических романов» и «Биографическая библиотека». В последней вышли очерки о видных деятелях русской науки и культуры – И.С. Тургеневе, П.С. Мочалове, А.Н. Островском, Г.З. Елисееве, Н.И. Зибере, А.А. Шахматове, А.А. Блоке. Ряд изданий был посвящен выдающимся русским революционерам – А.И. Герцену, П.Л. Лаврову, Н.Г. Чернышевскому. В издательстве увидели свет мемуары О.В. Аптекмана, Л.Г. Дейча, Д.А. Клеменца, И.И. Попова, В.Н. Фигнер, а также письма А.А. Блока и Л.Н. Андреева.

За первые пять лет своего существования «Колос» выпустил 69 названий книг тиражом более 500 тысяч экземпляров⁵³. Издательство прекратило свою деятельность в 1925 году, выпустив за все время более 100 изданий.

«Начатки знаний»

Сходную по характеру продукцию выпускало издательство культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний» (Невский пр., 108). В его редакционный совет входили крупные педагоги-методисты, специалисты по внешкольному образованию: А.М. Калмыкова, Н.А. Альмединген, В.А. Зеленко, Е.И. Иорданская, Н.Е. Румянцев, Г.Г. Тумим. Во главе правления стоял опытный издательский работник Иосиф Романович Белопольский (1879–1956), начавший свою деятельность еще в 1905 году. В марте 1917 года им было создано издательство, получившее название «Товарищество Петроградского печатного производства И.Р. Белопольского и К^о». В апреле 1918 года оно было преобразовано в культурно-про-

светительное товарищество «Начатки знаний». Издательство выпускало педагогическую, естественнонаучную и детскую литературу, возобновило павленковскую серию «Научно-популярная библиотека» под редакцией В.В. Лункевича. Издавало «Педагогическую библиотеку», серию «Библиотека для чтения детей и юношества».

Издательство выпустило ряд ценных изданий по вопросам книговедения и библиографии, в том числе: «Основы книговедения» А.М. Ловягина, «История русской книги в XIX веке» М.Н. Куфаева, «Краткий очерк истории иностранной библиографии» А.И. Малеина. При издательстве работал книжный магазин.

Продукция издательства «Начатки знаний» пользовалась большим спросом, многие книги переиздавались по несколько раз. Товарищество располагало целым штатом агентов-распространителей в ряде городов страны, имело крупное представительство в Харькове.

Издательство «Начатки знаний» не избежало дискредитации. Его обвиняли в лжекооперативности, подвергали частым инспекциям. Белопольский вынужден был сложить с себя полномочия председателя правления и выйти из кооператива, а в январе 1931 года товарищество «Начатки знаний» ликвидировало свои дела и передало все имущество Государственному издательству изобразительных искусств (Изогиз).

«Научное книгоиздательство»

Одним из первых кооперативных издательств, созданных в Петрограде в 1918 году, стало «Научное книгоиздательство» (Литейный пр., 25), основанное группой профессоров Петроградского университета. Его целью было ознакомление читателя с классическими трудами отечественных и иностранных авторов в области естественных наук и техники. Среди небольшой по объему продукции издательства выделяются первый в России «Атлас Луны» с хорошими фотографиями лунной поверхности, выполненными Парижской обсерваторией, и несколько книг в серии «Физическая библиотека», в том числе «Принцип относительности» А. Эйнштейна. В работе издательства участвовали такие крупные ученые, как астроном академик А.А. Белопольский и физик О.Д. Хвольсон. Издательство печатало книги и по заказам государства.

«Алконост»

Осенью 1917 года на Колокольной улице, 1, в доме купца Н.В. Набилкова открылась книжная лавка С.М. Алянского и В.В. Васильева. Друзья по гимназии, оба они были страстными книжниками. Познакомившись с А.А. Блоком, Алянский предложил ему организовать издательство для выпуска произведений поэтов-символистов. Блок

поддержал идею Алянского и порекомендовал ему для начала выпустить отдельной книжкой свою поэму «Соловьиный сад». Книга вышла в свет 6 июля 1918 года, положив начало существованию частного издательства «Алконост»⁵⁴ (расположилось оно там же, в лавке на Колокольной ул., 1).

Определяя его направленность, А.А. Блок писал: «Издательство “Алконост” не стесняет себя рамками литературных направлений. Тот факт, что вокруг него соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа писателей видит размеры разворачивающихся мировых событий, наступление которых она предчувствовала и предсказывала. Поэтому она обращена лицом не к прошедшему, тем менее – к настоящему. Она с тревогой всматривалась в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняет имя сумрачной и вещей русской птицы, которое она носит»⁵⁵.

Марку для нового издательства Алянский заказал своему товарищу по гимназии художнику Ю.П. Анненкову. Васильев вскоре отошел от издательства, продолжая заниматься книжной торговлей на Колокольной улице, и руководителем издательства, а также его единственным техническим работником стал Самуил Миронович Алянский (1891–1974). Идейным вдохновителем издательства был А. Блок. С издательством сотрудничали также известные поэты и прозаики, связанные с символизмом, – Андрей Белый, Вяч. И. Иванов, Ф.К. Сологуб, А.М. Ремизов; А.А. Ахматова, критики и историки литературы Р.В. Иванов-Разумник и М.О. Гершензон.

1 марта 1919 года в квартире Алянского на Троицкой улице, 15 (ныне ул. Рубинштейна) был торжественно отпразднован юбилей «Алконоста», которому исполнилось 9 месяцев. Кроме основных участников «Алконоста» на юбилее присутствовали видные деятели Театрального отдела Наркомпроса, в их числе – В.Э. Мейерхольд, известный профессор-пушкинист П.О. Морозов, переводчик и театральный деятель В.Н. Соловьев⁵⁶. А. Блок оставил в альбоме автографов приветствие: «Дорогой Самуил Миронович! Сегодня весь день думал об “Алконосте”. Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет “Алконост”, и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет, и очень важно то, что каждый месяц, если не каждый день этого года, – равен году или десятку лет. Да будет “Алконост”!»⁵⁷.

Всего «Алконост» выпустил около 50 книг, в том числе почти все послереволюционные произведения Блока (более трети всей продукции издательства). Самым примечательным изданием Алянского в «Алконосте» является поэма «Двенадцать» Блока с рисунками Ю.П. Анненкова (1918).

Редчайшее издание «Алконоста» – книга «Последние дни императорской власти. По неизданным документам», составленная А. Блоком по материалам стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Поэт был ее членом и занимался редактированием всех стенограмм. В письме к матери он писал, что все более погружается в историю «этого бесконечного рода русских Ругон-Маккаров, или Карамазовых. Этот увлекательный роман с тысячью действующих лиц и фантастических комбинаций, в духе всего более Достоевского называется историей русского самодержавия XIX века»⁵⁸.

Кроме книг «Алконост» выпускал журнал «Записки мечтателей» (1919–1922). Вышло шесть номеров этого издания, в котором увидели свет произведения А.А. Блока, А. Белого, Вяч.И. Иванова, А.А. Ахматовой, А.М. Ремизова, К.И. Чуковского, М.С. Шагинян, Ф.К. Сологуба, М.О. Гершензона. Одним из последних изданий «Алконоста» стал сборник «Серрапионовы братья».

«Наконец он вышел, – вспоминал В.А. Каверин, – долгожданный альманах «Серрапионовы братья», маленькая книжка в четырех тысячах экземпляров – по тем временам это было недурно...

Альманах был издан небрежно, на плохой бумаге, в тонкой обложке. Руководитель издательства «Алконост» С.М. Алянский, друг Блока, обладавший безукоризненным вкусом, отнюдь не предполагал, что это скромное издание станет фактом нашей литературной истории.

Иначе поступил Горький, повторивший альманах в издательстве Гржебина (Берлин), увеличив его почти вдвое... Но это издание прошло незамеченным, а наше имело неожиданный, почти парадоксальный успех»⁵⁹.

Название литературной группы «Серрапионовы братья», возникшей в 1921 году, происходило от одноименного романа немецкого романтика Э.Т. Гофмана. Ее характеризовали «поиски приемов овладения новым материалом, которым тогда была прошедшая война и революция, поиски новой художественной формы»⁶⁰. Членами группы были начинающие писатели В.Б. Шкловский, В.А. Каверин, Н.А. Тихонов, М.М. Зощенко, Вс. Иванов, М.Л. Слонимский, К.А. Федин и другие. «В тяжелой истории русской литературы, – писал Горький в статье «Группа «Серрапионовы братья»», – я не знаю ни одной группы писателей, которая бы жила так братски, без зависти к таланту и успеху друг друга, с таким глубоким чувством солидарности и бескорыстной любовью к своему делу, которое я, не находя другое слово, называю священным»⁶¹.

В 1923 году «Алконост» прекратил свое существование. Позднее К.А. Федин написал: «Издательство «Алконост» соединило в последний раз голоса символистов вокруг памяти Блока, бывшего редко идейным центром символизма, но сближавшего его представителей силой своего чувства и своим человечнейшим обликом»⁶².

«Петрополис»

В доме № 56 по Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского) в 1920-х годах помещались издательство и магазин «Петрополис». Об их организации рассказал один из учредителей «Петрополиса» литературовед Г.Л. Лозинский: «1917-й год ознаменовался непрерывным удорожанием русских и иностранных книг; приток последних к концу года прекратился. Петроградские библиофилы очутились в тяжелом положении, и у некоторых из них зародилась мысль попробовать применить к книжной торговле принцип кооперативный»⁶³. Организационный комитет кооперативного объединения возглавляли профессор-арабист Д.К. Петров, французский профессор Жюль Патуйе, проживавший в те годы в Петрограде, и Г.Л. Лозинский. Секретарем правления был театровед Я.Н. Блох.

Магазин «Петрополиса» развернул книжную торговлю, преимущественно поэтическими новинками, среди которых основное место занимали сборники стихов А.А. Ахматовой. Писатель М. Алданов (М.А. Ландау) вспоминал: «Я жил в том доме на Надеждинской, где помещался книжный магазин «Петрополис». Этот своеобразный кооператив библиофилов скупал тогда книги для своих нуждающихся участников, стараясь их не обижать, и без выгоды перепродавал их членам кооператива, более обеспеченным материально»⁶⁴.

Одновременно «Петрополис» занялся издательской деятельностью. Для этого были образованы редакционная комиссия под председательством поэта М.А. Кузмина и издательский комитет в составе Я.Н. Блоха, А.С. Кагана и Г.Л. Лозинского.

Уже в 1918 году «Петрополис» выпустил одно из первых изданий советского периода по экслибрисам – брошюру «Книжные знаки», отпечатанную тиражом в 200 экземпляров. Библиофильский характер носили и другие издания «Петрополиса», по преимуществу переиздания стихов виднейших петроградских поэтов – «Подорожник» и «*Anno Domini*» А. Ахматовой, «Нездешние вечера» М. Кузмина, «Сады» Г. Иванова, «Огненный столп» Н. Гумилева, «Портреты» Ю. Анненкова, «Эринии» Ш. Леконта де Лилля, «Двойник» Э.Т. Гофмана.

Издательство выпускало также книги по изобразительному искусству, труды по театру, его истории и теории. В 1922 году оно открыло свое отделение в Берлине, куда в 1924 году под руководством А.С. Кагана целиком перенесло свою деятельность. Просуществовало до 1938 года.

«Петроград»

Много книг выпустило частное издательство «Петроград», организованное группой ученых и литераторов в 1922 году. Издательство и книжный магазин размещались на Литейном проспекте, 51. Начав с

выпуска справочника «Весь Петроград» и ряда календарей, издательство «Петроград» основное внимание сосредоточило на выпуске художественной литературы. Были изданы произведения Д. Лондона, Г. Уэллса, Р. Тагора, Г. Гауптмана и других зарубежных писателей. Ряд изданий переводной художественной литературы, выпущенных «Петроградом», имел очевидно развлекательный характер, рассчитанный на чисто коммерческий успех (романы и повести К. Фаррера, П. Маргерита и т.п.). Выходил здесь альманах «Петроград», сборник «Русское прошлое» и литературно-художественный журнал «Аргонавты». Издательство выпускало также серию мемуаров видных деятелей революционного движения, ряд научно-популярных серий – «Наука для всех», «Библиотека научных чудес», «Радио-библиотека».

Издательство приняло на себя выпуск «Анналов» – журнала всеобщей истории Российской Академии наук. В нем участвовали профессора Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, академик С.Ф. Ольденбург. Свою деятельность издательство прекратило в 1926 году.

«Наука и школа»

Кооперативное издательство «Наука и школа», основанное в 1918 году (Литейный пр., 36), выпускало главным образом научно-техническую литературу, а также книги по философии, социологии, истории и праву. Им были изданы капитальные научные труды – «Мусульманский мир» академика В.В. Бартольда, «История Французской революции» Н.И. Кареева. Выходили серии «Введение в науку», «Россия и Европа». Здесь вышли книги известного популяризатора Я.И. Перельмана – «Занимательная физика», «Путешествие на планеты» и «Дальние миры».

В издательстве работали видные ленинградские ученые, профессора-литературоведы Б.Л. Модзалевский, А.И. Малеин, Н.К. Гудзий, Г.И. Болдырев, И.И. Толстой; естественники и техники – академик Н.С. Курнаков, Я.И. Перельман и другие. В редакционный совет издательства входили Я.И. Перельман, Л.П. Карсавин, Э.Л. Радлов.

Издательство «Наука и школа» имело отделения в Москве и в Харькове. Прекратило свою деятельность в связи с финансовыми затруднениями в 1929 году.

«Аквилон»

В сентябре 1921 года в Петрограде появилось частное издательство «Аквилон»⁶⁵. Контора и книжный магазин издательства находились на набережной реки Мойки, 59, квартира 35. Владелец «Аквилона», инженер-химик В.М. Кангор был не только издателем, но и страстным библиофилом, собирателем иллюстрированных старопечатных изданий. Это его пристрастие определило и деятельность из-

дательства, которое выпускало высококачественные иллюстрированные издания. Душой издательства и его фактическим руководителем являлся Ф.Ф. Ноттафт (1896–1942), ценитель искусства и коллекционер, юрист по образованию.

Марку для «Аквилона» выполнил М.В. Добужинский, создавший изящную аллегорическую композицию. В иллюстрировании изданий принимали участие художники А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, Д.И. Митрохин, Б.М. Кустодиев, К.А. Сомов.

Для издательства было характерно отношение к книге как к произведению искусства. Тиражи изданий составляли 500–1500 экземпляров. Все издания печатались в типографии им. Ивана Федорова (бывшей Голике и Вильборга). Характеризуя деятельность «Аквилона», искусствовед и библиофил Э.Ф. Голлербах писал: «Не напрасно промчался над северной столицей «с градом и дождем шумящий» «Аквилон» (Крылов) – это был поистине золотой дождь. «Золото, золото падало с неба» на полки библиофилов (но, увы, – не в кассу издательства!)»⁶⁶.

Немалое число изданий, выпущенных «Аквилоном», вышли с иллюстрациями М.В. Добужинского. Это «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина, «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина, «Белые ночи» Ф.М. Достоевского и «Тупейный художник» Н.С. Лескова. А книга «Шесть стихотворений» Н.А. Некрасова с иллюстрациями Б.М. Кустодиева – подлинный шедевр искусства книги. А.А. Сидоров оценил это издание как «явное чудо типографского искусства, полное опровержение ложных теоретических размышлений, достигнутое с необычайным совершенством единство печатного набора с автолитографией, введенной в книгу на особых страницах и в качестве заставок»⁶⁷. Помимо иллюстрированных изданий русской классики «Аквилон» выпускал также альбомы гравюр и акварелей. Так, им были изданы альбом «Версаль», воспроизводящий серию акварелей А.Н. Бенуа, серия акварелей Б.М. Кустодиева «Русь. Русские типы», альбом А.П. Остроумовой-Лебедевой «Пейзажи Павловска в деревянных гравюрах». Всего вышло 22 книги. Издательство было ликвидировано в конце 1923 года.

«Мысль»

Образованное в 1922 году кооперативное издательство «Мысль» (Ковенский пер., 11, книжный магазин – Невский пр., 19) выпускало книги по всем отраслям знания. В большом количестве издавались книги по естественным наукам, сельскому хозяйству, детская литература. Выходили переводы произведений современных зарубежных писателей (Д. Лондона, Э. Синклера, Г. Уэллса, Р. Тагора, С. Жеромского). Издавались серии «Библиотека иностранной литературы» и «Театральная библиотека». Издательство просуществовало до 1930 года.

«Радуга»

В конце 1922 – начале 1923 года в Петрограде начало свою деятельность первое специализированное детское издательство. Его владелец – известный до революции радикальный журналист, прозванный «королем репортеров», – Лев Моисеевич Клячко (1873–1934), выступавший в ту пору под псевдонимом Л. Львов. В годы Первой русской революции он сотрудничал в социал-демократической газете «Новая жизнь». В Департаменте полиции на него было заведено «особое» дело. Писатель И. Рахтанов в своих воспоминаниях привел следующий эпизод: «К слову сказать, какой колоритной и неповторимой фигурой был этот человек! (Клячко. – И.Б.). Судите сами: себя он называл «королем русских репортеров» и хвастался тем, что однажды дал в газету информацию о секретнейшем совещании двух императоров Николая II и Вильгельма II, происшедшем в финских шхерах на борту императорской яхты «Штандарт», куда он пробрался одному ему ведомым путем»⁶⁸.

Сначала предполагалось, что Клячко будет издателем журнала «Радуга», который задумали К.И. Чуковский и С.Я. Маршак. Однако издание журнала не состоялось, а возникшее вместо него одноименное издательство использовало в период своей работы подготовленные для журнала произведения Маршака и Чуковского. Издательство имело филиал в Москве, а штат сотрудников в Ленинграде насчитывал 20 человек (одним из них был К.И. Чуковский).

Контора издательства помещалась внутри Большого Гостиного двора⁶⁹, но основная работа велась на квартире Клячко на Стремянной улице, 14. Здесь собирались постоянные авторы «Радуги», писатели и поэты – Н.Н. Асеев, В.В. Бианки, А.И. Борисов, Б.С. Житков, Е. Ильина (Л.Я. Прейс), В.М. Инбер, В.П. Катаев, О.Э. Мандельштам, С.Я. Маршак, Я.И. Перельман, К.И. Чуковский, Е.Л. Шварц.

Первые книги с маркой «Радуги» вышли в 1922 году. Здесь увидели свет многие произведения Маршака («Пожар», «Чудеса», «Загадки», «Книжка про книжку», «Вчера и сегодня») и К.И. Чуковского («Бармалей», «Мойдодыр», «Тараканище»). В «Радуге» дебютировал Виталий Бианки. Известный ленинградский писатель Леонид Борисов выпустил в «Радуге» рассказ для самых маленьких «Твоя книжка». Всего за восемь лет существования, с 1922 по 1930 год, «Радуга» выпустила около 400 книг для детей.

Книги, изданные в «Радуге», отличал высокий уровень оформления. Иллюстрации к ним создавали В.В. Лебедев, С.В. Чехонин, М.В. Добужинский, Б.М. Кустодиев, К.С. Петров-Водкин, Е.С. Кругликова, Ю.П. Анненков, В.М. Конашевич, А.Н. Самохвалов, К.И. Рудаков, В.М. Ермолаева. Главным художником издательства был Владимир Лебедев – сам замечательный иллюстратор. Все это способствовало

успеху издательства. Уже в 1925 году на Всемирной художественно-декоративной выставке в Париже издательству «Радуга» была присуждена медаль за оформление книг. В 1927 году на выставке книг ленинградских издательств оно удостоилось диплома за хорошее качество воспроизведения иллюстраций.

В 1930 году издательство «Радуга» прекратило свое существование одновременно с рядом других частных издательств как несостоятельный должник.

«Academia»

31 декабря 1921 года в Петрограде было зарегистрировано новое издательство «Academia», образованное при Философском обществе. Первоначально частное, оно было вскоре преобразовано в издательство Государственного института истории искусств при Главнауке Наркомпроса, а затем в Государственное акционерное издательское общество. Философское общество, существовавшее при Санкт-Петербургском университете еще с дореволюционных времен, издавало свои научные труды, в частности, переводы произведений классиков философской мысли, выполненные его членами. Возобновив свою деятельность в 1921 году, оно решило осуществить задуманное еще до революции издание полного собрания сочинений философа Платона в новых переводах с комментариями.

Одновременно был организован книжный магазин с целью реализации книжных запасов, накопившихся за время существования Общества. Он открылся в октябре 1921 года на Литейном проспекте, 40. Члены Общества принимали непосредственное участие в работе магазина, который являлся своеобразным интеллектуальным клубом, известным в среде научной и творческой интеллигенции.

Здесь за прилавком можно было увидеть не только штатных работников – поэта Грааль-Арельского (С.С. Петрова) и студента Б.П. Городецкого (будущего крупного советского литературоведа), но и маститых профессоров. Часто посещали магазин литературоведы В.А. Десницкий и В.Н. Перетц, историк А.Е. Кудрявцев, библиотеквед О.Э. Вольценбург, поэт М.А. Кузмин.

Вскоре произошло объединение Философского общества с другими научными обществами, существовавшими при Университете – филологическим, математическим и историческим. На этом этапе и в дальнейшем всю организаторскую работу по налаживанию деятельности издательства «Academia» принял на себя Александр Александрович Кроленко (1889–1970). Талантливый книгоиздатель и редактор, юрист по образованию, он в 1920–1921 годах заведовал библиотечным сектором политотдела Петроградского военного округа, одновременно сотрудничая в издательстве «Наука и школа». В корот-

кий срок Кроленко сумел объединить вокруг издательства крупнейших специалистов по истории и теории литературы, талантливых переводчиков, художников книги.

Первым изданием «*Academia*» стала книга профессора Ф.Ф. Зелинского «Религия эллинизма», вышедшая в начале 1922 года, а в конце того же года вышла первая книга сочинений Платона (том V). С именем древнегреческого философа связано и название издательства. Об этом рассказал сам Кроленко: «Долго организаторы не могли придумать имени своему детищу. Потом я решил, поскольку первым его изданием является Платон, дать издательству имя его школы. А чтобы это имя не звучало слишком выпендренно, «Академия», решили писать его латинскими буквами «*Academia*». Мы считали название не очень удачным, но оно было принято в читательских кругах хорошо и привилось»⁷⁰.

Издательство имело характер научного учреждения. В его редакционный совет входили многие видные ученые: востоковед Н.В. Болдырев, историк С.А. Жебелев, филолог Ф.Ф. Зелинский, историк Н.И. Кареев, философ Э.Л. Радлов, литературоведы К.А. Поссе, В.Н. Перетц, А.А. Франковский. «*Academia*» ставила своей задачей выпуск научной литературы, преимущественно гуманитарной, лучших произведений мировой классики, однако первоначально тематическая линия издательства не была достаточно четкой, и, наряду с книгами по истории, литературе и искусству, здесь выходили отдельные издания по точным наукам и даже по технике.

С самого начала большое внимание уделялось текстологической подготовке изданий. В основе редактирования лежал научный подход к тексту, его историческая оценка. Для установления канонического текста привлекались все имевшиеся рукописные источники, первопечатные и последующие издания. В то же время содержание книги должно было быть доступным читателю. Для этого использовались пространные комментарии, в которых разъяснялись непонятные слова, раскрывались мировоззрение автора, особенности его творчества, характер литературных отношений. Такой обстоятельный научно-справочный аппарат способствовал расширению читательского кругозора, повышению культурного уровня потребителя книги.

Большое значение «*Academia*» придавала качеству переводов, привлекая для этой цели самых опытных переводчиков. Не менее важным представлялось издателям и декоративное оформление книг: тщательно продумывался формат издания, характер титульного листа, фронтисписа, форзацев, подбирались шрифты, бумага и переплетные материалы. Нередко использовался такой элемент оформления, как суперобложка. Многие издания «*Academia*» могут и в наши дни служить образцом книжного и полиграфического искусства.

Подобно другим издательствам, «*Academia*» стремилась совмещать издательскую деятельность с книготорговой. В 1923 году она уже

имела книжные магазины в обеих столицах: уже упоминавшийся магазин в Петрограде – на Литейном проспекте, 40, и открывшийся в Москве на Тверской улице, 29.

В конце 1923 года издательство «*Academia*» было передано Государственному институту истории искусств в Петрограде, сохранив при этом прежний штат и автономию. С этого времени усилилась специализация издательства на выпуске книг по истории и теории литературы и искусства. Начали выходить серии, которые постепенно стали ведущим типом изданий «*Academia*». Среди них – «Вопросы современной литературы», «Искусство современной Европы», «Проблемы современной эстетики», «Поэтика». В последней появились ставшие классическими работы В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского. Все больший удельный вес в изданиях «*Academia*» начала занимать художественная литература. Вышло 19-томное собрание сочинений французского писателя А. де Ренье, сочинения французских писателей Ж. Ромена, М. Пруста. На первых порах эти издания носили элитарный характер, предназначались еще для узкого круга знатоков ценителей литературы. Вскоре, однако, читательская ориентация издательства изменилась.

С 1927 года начался выпуск серии «Сокровища мировой литературы», отличавшейся глубокой текстологической подготовкой, мастерским переводом и обстоятельными научными комментариями. Таким образом «*Academia*» продолжила этой серией работу, начатую издательством «Всемирная литература». Вспоминая то время, К.И. Чуковский писал: «Списки, составленные нами по указанию Горького, впоследствии легли в основание всей работы издательства «*Academia*», которое в значительной мере осуществило созданную Горьким программу»⁷¹. Это подтверждается и тем, что в состав редакционной коллегии серии «Сокровища мировой литературы» вошли бывшие руководители и сотрудники «Всемирной литературы» – сам М. Горький, А.Н. Тихонов, А.К. Дживелегов, В.В. Жирмунский, А.М. Эфрос.

Открыл серию «Сокровища мировой литературы» «Декамерон» Бокаччо (1927) – первое научное издание этого произведения в России. В ленинградский период деятельности издательства, до 1929 года, в серии появились «Путешествие Гулливера» Д. Свифта и первый том арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Вышли две мемуарные серии – «Памятники литературного быта» и «Театральные мемуары». Последняя включила в себя «Воспоминания» А.Я. Панаевой под редакцией К.И. Чуковского, мемуары М.Г. Савиной, автобиографические записки М.А. Чехова «Путь актера» и другие.

Основной полиграфической базой издательства «*Academia*» в ленинградский период его деятельности были типографии им. Е. Соколовой (бывшая типография Товарищества А.Ф. Маркса, Измай-

ловский пр., 29) и им. Володарского. Богатое шрифтовое хозяйство, хорошее оборудование и высокое мастерство полиграфистов обеспечивали создание образцовых книг; которые неизменно пользовались успехом на международных книжных выставках.

Во второй половине 1920-х годов издательство «Academia» открыло в Ленинграде второй магазин – в доме № 53-б (ныне дом № 55) по Литейному проспекту. Здесь работал опытный книжник-антиквар Андрей Сергеевич Молчанов, который наладил солидную торговлю старой и антикварной книгой. «В этом магазине, – вспоминал известный ленинградский букинист П.Н. Мартынов, – стал чувствоваться аромат настоящего антиквариата. Появились интересные и редкостные книги, альманахи, сборники XVIII–XIX столетий, роскошные иллюстрированные издания по искусству, старинные гравюры и литографии. На стенах висели старинные акварели, рисунки и портреты, написанные масляными красками»⁷².

В 1929 году издательство «Academia» было переведено в Москву, где с большим успехом продолжило свою работу, значительно расширив выпуск как основной своей серии – «Сокровища мировой литературы», так и других, постоянно совершенствуя и углубляя принципы просветительской деятельности. С издательством тесно сотрудничали М. Горький, многие крупные деятели советской культуры (А.В. Луначарский, М.Н. Розанов, В.П. Волгин). Над оформлением книг трудились выдающиеся графики: В.Ф. Фаворский, А.Д. Гончаров, Н.В. Кузьмин, Д.И. Митрохин, В.М. Конашевич, А.И. Кравченко, С.М. Пожарский.

За 17 лет своего существования «Academia» выпустила более 900 изданий, из них примерно половину в первый, ленинградский период своей деятельности. В 1937 году издательство прекратило самостоятельное существование и вошло в Госиздат, который продолжил выпуск книг в серии «Сокровища мировой литературы».

«Время»

В 1922 году вышли первые книги кооперативного издательства «Время», однако официально «издательская артель работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела» под названием «Время» была зарегистрирована 30 января 1923 года⁷³.

В издательское товарищество входили известные ученые, поэты, переводчики, художники: методист и историк физической культуры Г.А. Дюперрон, переводчик и поэт В.А. Зоргенфрей, поэт М.А. Кузьмин, писатель, публицист Е.С. Коц, М.Л. Лозинский, С.Ф. Ольденбург, Я.И. Перельман, художник Ю.П. Складин, литературовед А.А. Смирнов, академик А.Е. Ферсман, переводчик, литературовед А.А. Франковский. Первым председателем правления стал опыт-

ный издательский и газетный работник И.В. Вольфсон, главным редактором – Г.П. Блок, работавший в дальнейшем в Архиве АН СССР. С 4 мая 1932 года редакционный совет возглавил А.В. Луначарский. Конторы издательства находились на Литейном проспекте, 3-а и на 7-й Рождественской (ныне 7-й Советской) улице, 7, на квартирах Блока и Вольфсона.

Устав издательской артели обязывал любую работу по подготовке издания к печати в первую очередь предоставлять членам-пайщикам издательства, многие из которых ранее работали в издательстве «Всемирная литература». Это определяло общий высокий уровень книг, выпускавшихся издательством «Время».

В первые годы «Время» издавало разную по тематике литературу, в том числе социально-экономическую, историческую, детскую, мемуарную, но с 1925 года основным его направлением стала иностранная художественная литература, а также научно-популярная книга. По рекомендации М. Горького, «Время» приступило к выпуску произведений современных западноевропейских писателей – А. Зегерс, А. Барбюса, Р.М. дю Гара, Ж. Ромена, Г. Фаллады и других.

В начале 1930-х годов усилилось внимание издательства к произведениям социальной тематики. Это было связано с деятельностью А.В. Луначарского на посту председателя редакционного совета. Знакомясь с планами работы издательства, он вносил в них свои коррективы, советовал издавать классическую литературу и тех современных авторов, чьи произведения отличались большими художественными достоинствами.

«Время» предприняло выпуск двух капитальных изданий – сбораний сочинений Р. Роллана и С. Цвейга. В результате переговоров С. Цвейг предоставил издательству исключительное право издания своих произведений на русском языке в СССР и за границей. Сборание сочинений Цвейга составило 12 томов и было завершено печатью в 1932 году. Писатель остался весьма доволен этим изданием. Он писал в предисловии к шестому тому: «Как утверждают мои друзья, в этом издании – единственно авторизованном – слово мое передано точно, и у меня создается чувство, будто я сам беседую с русским читателем»⁷⁴. Успех издания был велик: шеститысячный тираж разошелся быстро, и еще до окончания работы над первым изданием началась подготовка второго и третьего.

20 марта 1930 года «Время» заключило договор с Р. Ролланом на исключительное право издания и переиздания на русском языке всех сочинений писателя сроком на четыре года. Р. Роллан придавал огромное значение тому, что именно в СССР должно было выйти первое в мире полное издание его сочинений. Со своей стороны, издательство «Время» поставило целью «ознакомить русского читателя со всеми разнообразными видами творчества французского писателя и дать исчерпывающе полный, строго проверенный перевод его произведений»⁷⁵.

Р. Роллан принимал непосредственное участие в подготовке издания, присылал текстологические разъяснения, консультировал редактора и переводчика. Предисловие и вступительные статьи к изданию были написаны М. Горьким, А.В. Луначарским и С. Цвейгом. Однако в связи с тем, что «Время» не успело закончить выпуск собрания сочинений к договорному сроку, Р. Роллан передал право издания своих произведений в СССР Государственному издательству художественной литературы (ГИХЛ), которое и завершило печать 20-томного собрания сочинений в 1939 году.

Известностью пользовались научно-популярные книги, которые «Время» выпускало в серии «Занимательная наука». В ее создании принимали участие виднейшие ученые-популяризаторы: А.Е. Ферсман, Я.И. Перельман, А.В. Цингер, В.В. Рюмин. Первыми в этой серии вышли книги «Занимательная химия» В.В. Рюмина и «Геометрия на вольном воздухе и дома» Я.И. Перельмана, который был главным организатором и душой всей серии.

Международный институт интеллектуальных отношений включал книги серии «Занимательная наука» в ежегодный список наиболее замечательных книг, выпущенных во всех странах мира. Некоторые книги были переведены на иностранные языки и неоднократно переиздавались в нашей стране. Рецензируя серию «Занимательная наука» для зарубежного читателя, Н.А. Рубакин писал: «Эта серия единственная в своем роде и прямо-таки незаменима для тех читателей, которые желали бы пополнить и углубить свои чересчур элементарные знания. Она вводит читателя в понимание отвлеченных идей через практическое преодоление фактов и развивает логику читателя, заставляя его ум упражняться над реальностью, а не над словесными измышлениями»⁷⁶.

Апогеем деятельности издательства стал 1929 год, когда совокупный тираж его изданий достиг почти 500 тысяч экземпляров, после чего выпуск книг пошел на убыль. Это объяснялось отчасти отсутствием бумаги, но главным образом тем, что кооперативные издательства вообще исчерпали свои возможности и должны были уступить место государственным. В 1934 году, подобно другим кооперативным издательствам, «Время» прекратило свою работу.

Издательство писателей в Ленинграде

Издательство писателей в Ленинграде (ИПЛ) было создано по инициативе известных советских писателей и издательских работников – К.А. Федина, И.А. Груздева, М.Л. Слонимского, М.Э. Казакова, М.А. Сергеева, С.М. Алянского и других. Их поддержал М. Горький, который в дальнейшем внимательно следил за работой издательства, вникал в его планы, помогал в случае необходимости, просил постоянно высылать ему книги издательства.

Разрешение на открытие издательства было получено весной 1927 года. Устав кооперативного товарищества «Издательство писателей в Ленинграде» так определял его задачи: «Товарищество организует на коллективных началах труд своих членов в области издания всякого рода литературных и художественных произведений, их составления, перевода, переработки, редактирования, художественного и технического оформления и распространения произведений печати своего издания и имеет целью путем совместного ведения издательской работы содействовать материальному благосостоянию и культурному развитию своих членов, вовлекая их в общее социалистическое строительство в стране»⁷⁷.

Издательство писателей помещалось в Большом Гостином дворе. В начальный период его существования во главе издательства стояло правление, избиравшееся общим собранием пайщиков на один год. Председателем правления неизменно избирался К.А. Федин. В 1933 и 1934 годах помимо правления существовал также президиум из одиннадцати представителей: К.А. Федин (председатель), М.Л. Слонимский, А.М. Дмитриев (заместитель), М.Э. Казаков, А.А. Прокофьев, Н.Г. Свиринов, С.А. Семенов, Н.С. Тихонов, Ю.Н. Тынянов, А.И. Черненко, М.С. Чумандрин, и ревизионная комиссия из шести человек⁷⁸. По предложению К.А. Фебина, в члены товарищества и в состав правления издательства были кооптированы Ю.Н. Либединский, В.М. Саянов, Н.С. Тихонов⁷⁹. В разные годы в правление входили также Б.А. Лавренев, Л.С. Соболев, Е.С. Добин.

По рекомендации К.А. Фебина заведующим ИПЛ в 1929 году был назначен С.М. Алянский, который еще в 1918 году основал в Петрограде издательство «Алконост» (см. с. 366–368). Старейший ленинградский писатель и переводчик А.Г. Островский вспоминал: «Алянский пользовался заслуженной репутацией делового человека, он не менял своих решений, был человеком слова. Прекрасно знал полиграфию и в этом отношении сделал много, чтобы упрочить полиграфическое и финансовое положение издательства»⁸⁰.

Кроме Алянского всю работу по изданию книг осуществляли технический редактор Г.Э. Сорокин, ответственный секретарь З.А. Никитина и художник М.А. Кирнарский. Позднее, в 1933 году, когда выпуск книг значительно возрос, в ИПЛ появились производственный отдел и бухгалтерия. В это время издательством заведовал Г.Э. Сорокин.

Первые издания ИПЛ – сборник стихов М.И. Комиссаровой «Первопуток», книги Л.И. Борисова, И.Я. Бражникова, Б.С. Житкова, М.С. Шагинян – вышли в 1928 году. Это были книги небольшого формата, в неброских шрифтовых обложках и со скромными тиражами. Всего в 1928 году ИПЛ издало 20 книг⁸¹. В дальнейшем продукция издательства улучшалась качественно и возрастала количественно, достигнув в 1933 году 108 названий.

С Издательством писателей в Ленинграде связали свою творческую судьбу многие известные прозаики и поэты. В конце 1920–начале 1930-х годов в ИПЛ вышли произведения крупнейших советских писателей: К.А. Федина, М.С. Шагинян, Н.С. Тихонова, В.Б. Шкловского, Б.Л. Пастернака, В.А. Каверина, М.Л. Слонимского, О.Д. Форш, В.Я. Шишкова, Ю.Н. Тынянова, М.М. Зощенко, А.Н. Толстого, А. Белого, М.Э. Казакова, Б.А. Лавренева.

Издательство выпускало в основном прозу и поэзию современных советских авторов, критическую и литературоведческую литературу, мемуары. «Издательство писателей сумело стать в Ленинграде творческим центром. Оно почти монополизировало издание в Ленинграде современной художественной литературы, оттеснив ЛЕНГИХЛ»⁸², – писала в 1934 году газета «Литературный Ленинград»⁸³.

Среди изданий художественной литературы, выпущенных ИПЛ, следует назвать полное собрание сочинений А.А. Блока в двенадцати томах, подготовленное В.Н. Орловым. В 1930 году писатель И.А. Груздев сообщал Горькому: «Наше ИПЛ предпринимает издание А.А. Блока в 12-ти томиках – к 10-летию со дня смерти. За право издать его сочинения мы боролись больше года и как в последнюю инстанцию обратились в ЦК, который и стал на нашу сторону. Такую настойчивость мы проявили потому, что считаем опубликование всего наследия Блока большим культурным делом, а отсутствие на рынке книжном сочинений поэта, столь близкого революции вопиюще неправильным»⁸⁴. ИПЛ осуществило также издание собрания сочинений поэта-футуриста В.В. Хлебникова в пяти томах (1928–1933). Отдельными изданиями вышли «Гидроцентральный» М.С. Шагинян, «Города и годы» К.А. Федина, «Одеты камнем» О.Д. Форш, «Белая гибель» Б.А. Лавренева, «Тяжелый дивизион» А.Г. Лебедев, повести Н.С. Тихонова, рассказы и повести М.М. Зощенко.

Издательство писателей в Ленинграде выпускало произведения не только ленинградских авторов. По рекомендации Вс. Иванова, были изданы книги московских писателей и поэтов – П.Г. Антокольского, Н.Н. Асеева, А.И. Безыменского, А. Белого, М.Е. Кольцова, Б.Л. Пастернака, А.А. Фадеева, И.Г. Эренбурга. Особое внимание издательство уделяло начинающим авторам. «Мы работаем главным образом с молодыми», – писал Горькому И.А. Груздев⁸⁵. Так, дважды переиздавался роман Ю.П. Германа «Вступление», в 1929 году ИПЛ опубликовало первую книгу стихов Н.А. Заболоцкого «Столбцы». Издательство выпустило также книги Л.И. Борисова, Н.К. Чуковского, Л.Н. Рахманова, А.И. Безыменского, О.Ф. Берггольц и многих других молодых авторов.

Значителен вклад издательства в публикацию литературоведческих трудов. Одна из первых книг такого рода, изданная в ИПЛ, – «Драмы и поэмы Ал. Блока» П.Н. Медведева (1928). В 1929 году вышел «Барон Брамбеус» В.А. Каверина.

Заслугой издательства является создание серии «Мастера современной литературы», составленной из книг о Б.А. Лавреневе, К.А. Федине, Ю.Н. Либединском, М.Л. Слонимском.

Большую культурную и художественную ценность представляли изданные здесь мемуары. Это – воспоминания А. Белого «Между двух революций» (1934) и «Охранная грамота» Б.Л. Пастернака (1931), «Записки писателя» Е.Г. Лундберга, «Вятские записки» В.В. Лебедева (1933), «Пространство Евклида» К.С. Петрова-Водкина. В ИПЛ были опубликованы «Воспоминания» А.М. Достоевского (младшего брата писателя) и – впервые в советское время – «Старая записная книжка» П.А. Вяземского.

С Издательством писателей в Ленинграде сотрудничали видные ленинградские литературоведы и критики – В.Е. Евгеньев-Максимов, А.Е. Горелов, Е.С. Добин, В.В. Томашевский. Это обстоятельство, а также накопленный опыт в издании литературоведческих трудов позволили издательству осуществить по инициативе М. Горького выпуск серии «Библиотека поэта». В работе над ней приняли участие И.А. Груздев, Ю.Н. Тынянов, В.М. Саянов, К.И. Чуковский, Б.В. Томашевский. Это было серьезное научное начинание: тексты публиковались на основании тщательного изучения первоисточников, книги снабжались комментариями, вступительными статьями исследовательского характера. Первые четыре книги серии – сборники стихотворений Г.Р. Державина и Д.В. Давыдова, «Ирой-комическая поэма», «Поэты “Искры”» – вышли в 1933 году и были с одобрением восприняты критикой и читателями.

Многие издания ИПЛ отличал высокий уровень полиграфического и художественного исполнения. В оформлении книг принимали участие талантливые художники-графики, с творчеством которых связаны выдающиеся достижения в иллюстрировании произведений русской и мировой литературы – В.Ф. Фаворский, Д.И. Митрохин, К.И. Рудаков, Г.Д. Епифанов, Л.С. Хижинский, В.М. Конашевич, А.А. Ушин, Е.А. Кибрик, Н.П. Акимов, С.Б. Юдовин и другие. «Одним из отрядных явлений в деле оформления книги, выработки твердых принципов создания красивой и в то же время скромной, простой (и недорогой) книги является деятельность “Издательства писателей в Ленинграде”», – подчеркивал знаток книжной графики В. Воинов⁸⁶.

В 1934 году ИПЛ, объединявшее в своих рядах 250 писателей, в связи с укрупнением и типизацией издательских организаций слилось с Московским товариществом писателей, и на их базе организовалось издательство «Советский писатель». Как указывал В.М. Саянов, «Издательство писателей ликвидируется не потому, что оно плохо работало, а потому, что потребовалась новая форма издательской работы»⁸⁷. «Советский писатель» продолжил выпуск книг, начатых ИПЛ, как издательство Союза писателей СССР, организованного в том же 1934 году.

Букинисты

В 1920-х годах в Ленинграде возродилась букинистическая торговля. Продолжали деятельность некоторые прежние магазины, появилось немало новых. Центром сосредоточения книжной торговли, в том числе и антикварно-букинистической, по-прежнему оставался Литейный проспект, где действовали десятки букинистических магазинов, лавок и ларей. Более демократичной была торговля на служащем продолжением Литейного проспекта Владимирском проспекте, где располагались мелкие лавки, шкафы и «развалы» букинистов. Так, на Владимирском проспекте в маленькой лавочке торговал в 1920-х годах старейший петербургский букинист И.Е. Козлов. Его лавка, носившая название «Наука и техника», предлагала литературу по технике, медицине, естествознанию и спорту.

На углу Колокольной улицы у ограды Владимирской церкви располагались книжные шкафы букинистов Е.П. Алексева, Г.И. Барина, Д.П. Богданова, Н.В. Бубнова, А.А. Рябинина, М.П. Евдокимова. Со стороны Кузнечного переулка у этой же церкви торговал букинист Ф.Я. Смирнов. Здесь часто можно было встретить собирателей-книголюбов, которые обменивались своими децидиратами⁸⁸, рассказывали о своих находках. Книжный базар у ограды церкви посещали профессор В.А. Десницкий, историк П.Е. Щеголев, известный книговед и библиограф М.Н. Куфаев, академик Л.А. Орбели. Бывал здесь и великий русский физиолог И.П. Павлов.

В октябре 1930 года частная букинистическая торговля в Ленинграде была полностью национализирована. В 1934 году для управления ею образован специальный отдел антикварно-букинистической торговли ЛенКОГИЗа⁸⁹ – АБУК.

Ф.Г. Шилов

Магазин Ф.Г. Шилова (см. с. 322) после 1917 года был национализирован, но сам он продолжал заниматься активной книговедческой деятельностью, работая консультантом закупочной комиссии книжного фонда Центрального комитета библиотек, а затем в экспертной комиссии при Наркомвнешторге, возглавлявшейся М. Горьким. Он принимал активное участие в комплектовании библиотеки издательства «Всемирная литература».

В 1920-х годах Шилов работал в магазине «Антиквариат» П.В. Губара и Н.М. Волкова на Невском проспекте, 72 (см. с. 386) в качестве заведующего. А с 1927 года этот магазин стал собственностью Шилова. Торговля была все же убыточной, и Шилов перенес магазин на Литейный проспект, а в 1929 году ликвидировал его.

В 1933 году Шилов был назначен заведующим антикварным мага-

зином Акционерного общества «Международная книга». «Работа, – вспоминал он, – заключалась в продвижении русской книги за границу. Для этого составлялись индивидуальные списки, а также каталоги, которые рассылались во все страны»⁹⁰.

После закрытия магазина в 1939 году Шилов перешел в Книжную лавку писателей и проработал в ней десять лет товароведом. Эти годы были для него весьма плодотворными. «При моем содействии, – вспоминал Шилов, – лавка приобрела немало библиотек и собраний рукописей и автографов»⁹¹. С 1934 года Шилов параллельно выполнял обязанности агента Литературного музея в Ленинграде, занимаясь сбором музейных литературных материалов.

Во время блокады, в 1942 году, сгорел дом, в котором жил Шилов. Большая часть его книг погибла. Уцелевшие издания Шилов продал Публичной библиотеке и Книжной лавке писателя. После войны Шилов был приглашен на работу в Библиотеку Академии наук, где занимался пополнением фондов редкими книгами, рукописями, архивными материалами. Итог своей многолетней деятельности Ф.Г. Шилов подвел в воспоминаниях «Записки старого книжника». «Я отдал всю свою жизнь книге, – писал он, – и она мне отплатила сполна. Благодаря ей я познал всю глубину человеческого разума, общался с замечательными людьми, радовался величию дел великих мастеров»⁹².

П.Н. Мартынов

Рядом с Ф.Г. Шиловым следует назвать имя Петра Николаевича Мартынова. Его воспоминания «Полвека в мире книг» также содержат ценнейший материал по истории букинистической торговли, приходя к «повестям старых книжников» – воспоминаниям И.Т. Лисенкова, Г.Г. Овсянникова, Н.И. Свешникова, А.А. Астапова.

Мартынов родился в 1902 году в Санкт-Петербурге, в многодетной семье ремесленника. В тринадцатилетнем возрасте его определили в книготорговую фирму Риккера. Увлечшись экономикой, Мартынов стал изучать сначала популярные, а затем и серьезные экономические труды, мечтая стать экономистом. Осуществлению его мечты помешали Первая мировая война, смерть родителей и родственников. Кроме того, по словам самого Мартынова, он «втянулся в книжное дело и полюбил его», «связал свою судьбу с книжным делом на всю жизнь»⁹³.

«В первые послереволюционные годы, – вспоминал Мартынов, – я буквально окунулся в море редкостных антикварных книг на русском и иностранных языках из частных библиотек. Мне приходилось разбирать национализированные книжные фонды, находившиеся во дворцах, особняках и на складах Петрограда. Я тогда впервые и ознакомился со многими замечательными книжными сокровищами»⁹⁴.

Дальнейшая судьба Мартынова тесно связана с антикварной и старой книгой. Ему довелось работать во многих ленинградских книжных объединениях – Петрогосиздате, ЛенКОГИЗе, Международной книге, Академкниге, в Книжной лавке писателей. В своих воспоминаниях Мартынов рассказал о букинистах-антикварах, о своих встречах с собирателями-книголюбями, о судьбах отдельных собраний книг, о многих редких и ценных изданиях и рукописях, прошедших через его руки. В этом отношении «Полвека в мире книг» – подлинная энциклопедия, полновесный справочник по истории книжного дела Петербурга-Петрограда-Ленинграда.

Магазин «Экскурсант»

В 1922–1923 годах три крупных петроградских букиниста – Николай Васильевич Базыкин, Иван Федорович Косцов, Николай Александрович Поляков создали объединенную букинистическую торговлю под названием «Экскурсант» (Литейный пр., 47). Опытные букинисты, они хорошо поставили дело, выпускали солидные печатные каталоги. Один из компаньонов – Н.В. Базыкин (1865–1940) – до революции поставлял книги членам царской семьи. Его постоянным покупателем являлся великий князь Константин Константинович, известный как поэт К.Р.

Магазин «Экскурсант» был большим, с хорошим ассортиментом книг, периодических изданий и многотомных собраний трудов, изданных Санкт-Петербургским университетом, Русским историческим, Археологическим и Географическим обществами и их комиссиями, а также Обществом любителей древней письменности.

Эту группу букинистов коллеги прозвали «акулами» за то, что они скупали книги большими партиями, а порой – целыми библиотеками. В дальнейшем три компаньона разделились и открыли собственные магазины – все на Литейном проспекте: И.Ф. Косцов – в доме №46, Н.В. Базыкин – в доме № 21, а Н.А. Поляков продолжал вести дело в доме № 47, под фирмой «Экскурсант». Магазин Полякова посещали научные работники, писатели, артисты, художники. Здесь часто бывали Маяковский, Есенин, Д. Бедный.

И.С. Соломин

Букинистический магазин И.С. Соломина был открыт в 1922 году в доме №57 (ныне 61) по Литейному проспекту. Это был уютный, светлый магазин, с аккуратно расположенными на полках книгами. У Соломина можно было найти редкие издания художественной литературы, комплекты художественных журналов «Аполлон», «Старые годы», «Мир искусства», «Столица и усадьба», «Художественные сокровища России».

Н.Я. Пантелеев

У решетки Мариинской больницы на Литейном проспекте в 1920-х годах торговал Николай Яковлевич Пантелеев. Однажды ленинградский библиофил М.А. Сергеев купил у него брошюру К.А. Военского «Из редкостей моего книгохранилища. Материалы для наполеоновской сатирической литературы и иконографии XIX века»⁹⁵. В эту брошюру был вложен знаменитый «Платок Наполеона». Брошюра Военского содержала описание этого раритета: «Платок английской работы 1813 года, отпечатанный в красках, с изображением сатирических картин из политической жизни Наполеона I является одним из интереснейших сатирических изданий Наполеоновской эпохи. Это был один из первых по времени рисунков, изображавших бегство Наполеона из России»⁹⁶. В начале 1813 года партия этих платков в количестве нескольких тысяч экземпляров была заказана Пруссией одной из английских фабрик. Однако торговое судно, перевозившее платки в Германию, по дороге потерпело крушение и затонуло вместе с грузом. Найденный М.А. Сергеевым редчайший экземпляр был передан им на хранение в Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне Российская национальная библиотека).

Магазин Ф.П. Наумова

Во второй половине 1920-х годов в просторном помещении на Литейном проспекте, 56, разместился магазин Ф.П. Наумова. Ранее он торговал на Александровском рынке. Наумов скупал большие партии старых книг и вел торговлю ими на вес. Торговлей книгами на вес начали заниматься и некоторые другие букинисты.

«Книжный угол»

В 1918–1922 годах в угловом доме № 2/5 на Караванной улице, близ Фонтанки, помещался книжный магазин под названием «Книжный угол». На складе магазина имелись книги издательств «Скорпион», «Мусагет», «Альциона», «Пантеон», «Центрифуга» и других. При магазине работал букинистический отдел под названием «Подвал филолога», предлагавший книги по истории литературы, критике, языкознанию, философии и библиографии. Магазин принадлежал журналисту и литератору Виктору Романовичу Ховину. Под его редакцией выходил небольшой журнал «Книжный угол. Критика. Библиография. Хроника» (1918–1922).

«Антиквариат»

В 1923 году на Невском проспекте в доме № 72 открылся солидный книжный магазин «Антиквариат» Павла Викентьевича Губара (1885–1976) и Николая Михайловича Волкова (1881–1926). Магазин торговал русскими и иностранными книгами XVI–XIX столетий, встречались здесь инкунабулы, альдины, эльзевиры. Продавались здесь также старинные гравюры, литографии, рисунки и автографы.

А.Е. Бурцев

В 1920-х годах на Бассейной улице (ныне ул. Некрасова, 10), вблизи Литейного проспекта открыл книжную торговлю Александр Евгеньевич Бурцев (1863–1938). Вот что писал о нем Ф.Г. Шилов в своих воспоминаниях: «Бурцев (юношей. – И.Б.) служил в меняльной лавке своего дяди и еще молодым человеком стал покупать собрания сочинений и старинные книги. После смерти дяди меняльная лавка перешла к Бурцеву, который преобразовал дело и превратил его в банкирскую контору. Работая сам, он привлек своих двух братьев; дело его расширилось. Увлечение книгами также росло. Бурцев поставил себе за правило ежедневно заходить к кому-нибудь из букинистов, и таким образом, в неделю раз он был у своих поставщиков. Его все знали и откладывали “Бурцеву”»⁹⁷.

Неожиданно получив богатое наследство, Бурцев стал скупать картины, различные художественные ценности, рукописи и редкие книги. Свою библиофильско-печатную деятельность Бурцев начал в 1896 году. Он был составителем и издателем множества интересных книг в области библиографии, библиофилии, фольклора и этнографии. Это пятитомное «Описание редких российских книг и рукописей» (1897), шеститомное «Дополнительное описание библиографическо-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей» (1899), семитомное «Обстоятельное библиографическое описание редких книг, художественных изданий» (1901) и другие. Как бы завершило этот цикл изданий «Полное собрание библиографических трудов» А.Е. Бурцева (1908) в десяти томах, в которое вошло 5000 описаний и 2500 портретов и рисунков. Им выпускались также и периодические издания – журналы, альманахи, сборники, содержавшие ценный библиофильско-библиографический материал.

Задумав организовать Музей русского искусства и литературы, Бурцев устроил в своем особняке на Бассейной улице большой выставочный зал, экспонировал в нем картины и рисунки из своего собрания.

Магазин на Бассейной улице Бурцев открыл в 1920-х годах на имя своего сына Германа Александровича. Просвещенный библиофил по-прежнему занимался покупкой старых книг и автографов, консульти-

ровал покупателей магазина. Бурцева посещали и были с ним хорошо знакомы М. Горький, А. Луначарский, Д. Бедный, В. Десницкий, К. Чуковский, П. Щеголев, Г. Верейский, В. Курбатов, М. Сергеев и многие другие деятели науки, литературы и искусства. В 1920-х годах большую часть принадлежавших ему рукописей и автографов Бурцев передал в Пушкинский дом и Публичную библиотеку. Оставшуюся часть этих сокровищ унаследовала дочь Бурцева Ольга Александровна, умершая в эвакуации в Актюбинске. Изучением коллекции Бурцева занимался И.Л. Андроников, насчитавший в ней более 1000 ценнейших рукописей. По словам историка библиофильства В.А. Петрицкого, «Александр Евгеньевич Бурцев создал крупнейшее в истории отечественного библиофильства собрание рукописей и автографов и сохранил его для потомства»⁹⁸.

И.С. Наумов

Широкой известностью пользовался в Петербурге-Ленинграде букинист-антиквар Иван Сергеевич Наумов (1902–1972). Подобно Шилову, выходец из крестьян, после окончания церковно-приходской школы Наумов был определен учеником в лавку петербургского книгопродавца Климанова, где проработал с 1912 до 1916 год. Обладая превосходной памятью, любознательный и трудолюбивый, он быстро постиг ремесло книжника. Климанов постепенно стал доверять ему работу с крупными клиентами.

В 1917–1918 годах Наумов вместе со своим старшим братом работал в антикварном магазине на Моховой улице, 43. Он специализировался по антиквариату и библиографическим редкостям. Овладению профессией помогало и посещение занятий по истории искусства при музее Академии художеств.

В 1919–1921 годах И.С. Наумов работал в комиссии по национализации книжных фондов. В дальнейшем – в должности товароведа в разных фирменных книжных магазинах: Губполитпросвета, «Наука и школа», «Международная книга» и других. Он стал признанным букинистом, к услугам которого обращались многие деятели культуры, литературы и искусства. Хорошо разбираясь в книгах различной тематики и разных эпох, Наумов с особым интересом, увлеченно работал с книгой XVIII–начала XIX века.

В течение нескольких лет перед Отечественной войной Наумов трудился в магазине издательства «Главсерморпуть», который специализировался на антиквариате и гравюре. Участник обороны Ленинграда, Наумов после окончания войны вернулся к любимому делу, работал в магазинах Ленкниги, а с 1959 года возглавлял головной антикварно-букинистический магазин № 3 на Невском проспекте, 94, а затем на улице Герцена, 14 (ныне – Большая Морская ул.).

Магазин, руководимый Наумовым, превратился в своеобразный книжный клуб, который охотно посещали писатели, ученые, артисты, художники – страстные коллекционеры и библиофилы. Он щедро делился с ними и с другими букинистами своими знаниями и опытом. Созданный при магазине справочно-библиографический отдел считался лучшим в букинистической торговле. Наумов и сам был библиофилом. Особую ценность представляло его собрание книг по книговедению, истории книги, библиографии.

Многие тысячи книг, других печатных изданий, а также рукописей прошли через руки Ивана Сергеевича. Его стараниями были выявлены и переданы в различные книжные фонды подлинные книжные сокровища. «Иван Сергеевич, – писал литератор-библиофил Б.Е. Казанков, – рассматривал букинистическую торговлю не только как вал, как капиталонакопление, одним словом, как коммерцию, а прежде всего как «духовный баланс». Он считал, что без любви к книге не может быть достигнуто знание, а без знания не будет и успеха»⁹⁹.

ДОМ КНИГИ

В 1904 году для фирмы швейных машин «Зингер и К°» по проекту архитектора П.Ю. Сюзора было построено новое здание в стиле модерн. Этот дом на Невском проспекте, 28, расположенный напротив Казанского собора, стал неотъемлемой частью архитектурного пейзажа Северной столицы. Подобно знаменитому Елисейскому магазину, он контрастирует с общей сдержанной по стилю панорамой главной магистрали города. Но представить Санкт-Петербург сегодня без стеклянного глобуса, венчающего угловую башню Дома книги, так же невозможно, как невозможно представить его без Медного всадника и Адмиралтейской иглы

После Октябрьской революции здание было предоставлено в распоряжение Петрогосиздата. В декабре 1919 года Петрогосиздат и принадлежавший ему книжный склад переехали сюда из Смольного. Директор издательства И.И. Ионов вручил ключи от нового магазина опытному книжнику Александру Ивановичу Аникееву, сменившему вскоре на его посту первого директора магазина Н.Н. Курочкина, работавшего до революции в издательстве Девриена. А.И. Аникеев занимал этот пост в течение десяти лет.

В 1919–1920 годах в Доме книги была сосредоточена почти вся книжная торговля Петрогосиздата. Кроме него торговлю вел лишь магазин «Книжный угол» В.Р. Ховина на Караванной улице. Постепенно число торговых точек возрастало: открылись магазины Петрогосиздата на Невском и Литейном проспектах, на Васильевском острове, на Большом проспекте Петроградской стороны, заработал ма-

газин «Старая книга» на Литейном проспекте, 53-а, в котором продавались книги из национализированных запасов и уцененные издания. Здесь же находился отдел «Книга почтой».

Даже в годы НЭПа, когда бурно возрождались частная и кооперативная книжная торговля, самым крупным книжным магазином города по-прежнему оставался Дом книги. Здесь сложился опытный коллектив книжников, многие из которых стали видными книготорговцами работниками. Это А.И. Аникеев, Г.В. Винокуров, Д.М. Пускельман, М.Д. Степанов, И.В. Никитин, П.М. Голованов, П.А. Воронин, С.А. Давыдов, М.И. Антонова, А.М. Михайлов, И.Г. Екимов, В.И. Дементьев, В.Ф. Москалев¹⁰⁰.

В декабре 1922 года в Доме книги открылся нотный магазин, в 1923 году – магазин иностранной литературы. В эти годы Дом книги совместно с Ленгизом приступил к поискам новых форм массовой пропаганды и распространения книг. Широкую популярность приобрели книжные базары. Один из первых таких базаров был организован в 1928 году на улице Софьи Перовской (ныне Малая Конюшенная ул.). До 1930 года в Доме книги размещался первый Библиотечный коллектор ЛенКОГИЗа.

В 1930-х годах в Доме книги работали В.Я. Мушкина, О.Д. Феофилова, Л.М. Гилинский, Л.А. Россовский. Отделом художественной литературы заведовал С.А. Давыдов, превосходный знаток книги. Его часто можно было видеть в окружении писателей, беседующих с ним о своих творческих планах, о новинках литературы. На одном из заседаний Пушкинского общества Давыдов выступил с докладом «Пушкин в книжных магазинах Петербурга».

В начале 30-х годов в магазин пришли новые молодые продавцы – выпускники ленинградской торговой школы – В.Ф. Васькова, Н.И. Кондратенко, Р.О. Джавадова, проработавшие затем в Доме книги многие годы. Деятельность Дома книги приобретала все больший размах. Магазин начал проводить прием предварительных заказов на книги, в 1936 году был значительно расширен справочно-библиографический отдел. При нем работала постоянно действующая выставка «Новые книги на неделю». Устраивались встречи покупателей с работниками издательств. Одним из первых Дом книги был переведен на хозрасчет, что способствовало улучшению торговли. К 1939 году оборот Дома книги вырос по сравнению с 1924 годом в 9 раз¹⁰¹.

Нормальная работа Дома книги была нарушена войной. Ушли на фронт и погибли в боях за Родину Д.М. Пускельман, И.В. Никитин, Л.А. Россовский, И.П. Пожилыцов, М.Д. Степанов. И все же Дом книги продолжал работу в условиях вражеской блокады, жесточайших бомбежек, голода и холода. Ленинградская писательница В.К. Кетлинская вспоминала: «Всю блокаду работали Лавка писателей и самый наш крупный книжный магазин Дом книги. И у его прилавков

не было пусто – читатели в ватниках и шинелях перебирали книги, выискивая самую нужную, и уносили свою покупку как ценность, как хлеб насущный. Книги тоже были оружием, и все это понимали. Речи Всеволода Вишневского, стихи Николая Тихонова, Ольги Берггольц, Веры Инбер и многих других разили врага»¹⁰².

Магазин продолжал работать даже тогда, когда 6 декабря 1941 года взрывной волной от бомбы, упавшей на соседнее здание, в Доме книги выбило все стекла, а складские помещения затопило. Лишь в конце декабря 1941 года, когда было прекращено отопление здания и отключено электричество, магазин на время закрылся. Но уже 4 марта 1942 года продажа книг возобновилась во входном тамбуре магазина, и с этого дня реализация книг увеличивалась день ото дня. Хлеб духовный был нужен ленинградцам не меньше, чем хлеб насущный!

Трудные военные условия – бомбежки, отсутствие отопления, голод, дистрофия – сказывались на деятельности небольшого коллектива магазина, но энтузиасты книжного дела не бросали свою работу. Одно время торговля велась в другом помещении на Невском проспекте. В самое тяжелое время в Доме книги трудились М.И. Антонова, А.М. Михайлов, А.В. Опарина, В.Ф. Васькова и директор магазина А.М. Трахтенгерц.

В первые послевоенные годы в магазине была проведена большая восстановительная работа, и 14 ноября 1948 года Дом книги вновь распахнул свои двери для покупателей. Этот день стал большим праздником в жизни горожан. «Ленинградская правда» по этому поводу писала: «После семилетнего перерыва в трех больших залах открылся один из крупнейших не только в нашей стране, но и в Европе книжных магазинов. Блещут чистотой и тщательной отделкой нарядные залы. В четырнадцати отделах подготовлено для продажи около двухсот тысяч книг по всем отраслям знания»¹⁰³.

Много сделали для восстановления Дома книги его новые руководители – А.А. Чернявский, Г.С. Пинхасик, управляющий ЛенКОГИ-Зом Л.В. Попов. На работу в магазин пришли молодые книжники – Т.В. Шестаковская, З.В. Соколова, Р.П. Винникова, Р.Я. Эпштейн, А.Г. Дейлова, А.С. Калганова, Т.А. Курганова, Л.С. Васильева, Э.Т. Беланова. Вернулись и старые работники. С каждым годом возрастал оборот магазина.

Сегодня Дом книги – один из самых больших в стране универсальных книжных магазинов, который входит в пятерку крупнейших аналогичных по профилю торговых предприятий Европы. К концу 1999 года Дом книги завершил масштабную работу по переходу на метод самообслуживания, открыв покупателям свободный доступ к книжным полкам. Двенадцать отделов магазина комплектуются особой коммерческой службой, осуществляющей оперативную связь с поставщиками книжной продукции. В их числе – более двух тысяч издате-

лей. Компьютерный отдел Дома книги, оснащенный современными техническими средствами, разработал и внедрил единую информационную систему.

К услугам покупателей справочно-библиографическая служба, где можно не только получить квалифицированную справку, но и познакомиться с новинками литературы и оставить предварительный заказ.

С 1999 года Дом книги взял на себя функции коллектора детских и юношеских библиотек Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Сегодня комплектованием охвачено 50 таких учреждений.

В 1998 году открылся универсальный книжный отдел Дома книги на Литейном проспекте, 30, а в 1999-м – филиал на Васильевском острове (Большой пр., 4/19). Работают и другие филиалы: «Мир науки и медицины», «Гиппократ», «Дом книги» на Васильевском острове.

Ежедневно Дом книги посещают от тридцати до пятидесяти тысяч покупателей. Их вниманию предлагается более тридцати тысяч наименований изданий по всем областям знаний. И хотя цены на печатную продукцию за последнее десятилетие резко возросли, интерес к хорошей книге не пропадает. Книга остается насущным хлебом петербуржцев и гостей нашего города – крупнейшего книжного центра России.

Послесловие

Читатель знает, какое мощное воздействие оказала на книжное дело революция 1917 года: закрылись многие издательства и магазины, меняли хозяев типографии, разрушились привычные связи и начали устанавливаться новые...

Изменения в книжном деле конца XX столетия вполне сопоставимы с переменами революционной поры. Книжный Ленинград конца 1980-х и книжный Санкт-Петербург сегодня – это два совершенно разных явления. На смену государственной монополии в книгоиздании и книготорговле пришел рынок, со всеми его достоинствами и недостатками. Ситуация на книжном рынке меняется сегодня с удивительной быстротой – вчерашние лидеры сегодня могут стать аутсайдерами, а совсем молодое, вновь открытое предприятие имеет шанс в одночасье выйти в лидеры.

Впрочем, определенные островки стабильности есть в книжном мире и сейчас. Прежде всего, это государственные типографии, некоторые из которых ведут свое родословие с XVIII столетия. Их, конечно, тоже не обошли стороной перемены, но свое место на книжном рынке они сохранили и сегодня.

В книге уже рассказывалось об издательской деятельности Адольфа Маркса. Его типография на Измайловском проспекте, 29, открытая в 1896 году, продолжила работу и после революции. С 1977 года она вошла в состав производственного объединения «Техническая книга» и стала специализироваться на выпуске научно-технических изданий. Работает типография и сегодня.

Еще старше типография «Печатный двор» (официально – Государственное производственное предприятие «Печатный двор им. М. Горького»). Ее история начинается в 1827 году: она была основана императорским указом как типография для печатания «государевых бумаг». С 1910 года предприятие переехало на нынешний Чкаловский проспект, 15, после революции стало Государственной типографией № 1, а в 1922-м получило нынешнее имя – в честь первой русской печати, основанной Иваном Федоровым. Особенно масштабной деятельность этой типографии была в советское время, когда она печатала многочисленные и образцовые по полиграфическому качеству издания классиков марксизма-ленинизма, а также учебники, художественную литературу. Сегодня, как и другие старые типографии, «Печатный двор» сменил и расширил профиль своей деятельности: здесь печатаются самые разные книги, журналы, брошюры...

Первопечатник Федоров дал имя и другому полиграфическому гиганту – Открытому акционерному обществу «Иван Федоров» (Звенигородская ул., 11). Типография родилась в 1903 году как Акционерное общество «Товарищество Голике и Вильборга», и уже тогда сла-

вилась высоким качеством печати и непревзойденными художественно-иллюстрированными изданиями. Эту специализацию «Иван Федоров» сохранил и сегодня.

Еще один старожил нынешнего полиграфического мира – входящая в Государственный издательско-полиграфический комплекс «Лениздат» типография им. Володарского, существующая с 1795 года. Основанная как типография Медицинской коллегии, она затем числилась при Министерстве внутренних дел. С деятельностью этой типографии в советское время читатель уже знаком; 1990-е годы оказались для нее – как и для всего «Лениздата» – непростыми. Но и сегодня типография им. Володарского работает, печатает книги и «Лениздата», и других издательств...

Нельзя оставить без упоминания и типографию «Наука» Российской Академии наук, преемницу Академической типографии, созданной еще в 1727 году. История этого полиграфического предприятия рассказана во второй главе книги. Сегодня же «Наука» – одна из самых востребованных типографий города, на счету которой множество превосходно исполненных книг.

Разумеется, есть в сегодняшнем Санкт-Петербурге и новые полиграфические предприятия, возникшие и начавшие активную работу в последние полтора десятилетия. Но специализируясь на газетной, журнальной и рекламной полиграфии, они не столь активны на книжном рынке, как предприятия-ветераны.

Книжный базар на площади Островского. 1930-е

Праздник книги на площади Островского. 1974

Иная ситуация сложилась сегодня на издательском поприще. К началу перестройки в Ленинграде было множество крупных издательств, выпускавших самую разнообразную литературу – «Лениздат», «Аврора», «Художник РСФСР», «Судостроение», Гидрометеиздат, издательство Ленинградского университета, отделения центральных издательств «Искусство», «Советский писатель», «Советский композитор», «Наука», «Химия», «Просвещение», «Детская литература» и других. Увы, сегодня издательства «со стажем» заметно уступают новичкам книжного рынка. Причин тому множество, причем самых разных. Не все из них смогли на переломе эпох уловить ветер перемен и освоить выпуск новой литературы, у кого-то не оказалось достаточных средств для работы в новых экономических условиях, а некоторые отделения московских издательств так и не смогли выйти в самостоятельное плавание.

Годы перестройки способствовали всплеску активности в издательском деле: впервые за многие десятилетия стали появляться частные издательства, впервые начали выпускаться неподцензурные издания. Конечно, такая свобода не обошлась без издержек: прилавки заполнили выходявшие огромными тиражами низкопробные бульварные книги. При этом заметно снизился уровень издательской и полиграфической культуры. Со временем ситуация изменилась: структура изданий выправилась, больше стало выходить качественной художественной, мемуарной, справочной, научной литературы, но одновременно с этим резко упали тиражи книг. В этой стадии книжный рынок находится и сейчас: богатейший ассортимент книг выпускается

многочисленными издательствами города, как правило, очень невысокими тиражами.

Большая часть крупных, успешных книжных издательств сегодняшнего Санкт-Петербурга – из числа тех, которые родились в последние десятилетие-полтора. «Амфора», «Азбука», «Симпозиум», «Лимбус Пресс» завоевали признание у читателей своими изданиями художественной литературы – и классической, и современной. Гуманитарным изданиям – филологическим и историческим – отдают предпочтение и такие авторитетные издательства, как «Пушкинский фонд», «Академический проект», «БЛИЦ». Многопрофильное издательство «Питер» получило известность прежде всего благодаря выпускаемой им компьютерной, экономической и медицинской литературе. В числе других авторитетных книжных издательств города – «Нева», «Весь», «Паритет», «Тимошка», «Лань», «Норинт»...

Сохранили свою высокую репутацию и некоторые старые издательства. В их числе стоит прежде всего назвать «Искусство-СПб», выпускающее разнообразные книги художественной, исторической, просветительской тематики, а также издательство «Наука».

Надо отметить, что сегодня положение на издательском Олимпе совсем не так стабильно, как прежде. Издательства конкурируют между собой, переживают подъемы и спады – и спады бывают порой весьма значительными. Лет пять назад, скажем, крупнейшим издательством Санкт-Петербурга был «Северо-Запад», выпускавший огромное количество фантастики и других изданий. Сегодня от былых его оборотов не осталось и следа...

Итак, если в книгопечатании сегодня преобладают старые, работающие с давних времен типографии, то в книгоиздательском деле лидерство принадлежит новым предприятиям. В книготорговле же Санкт-Петербурга начала XXI века ситуация, если можно так сказать, промежуточная: здесь вполне мирно сосуществуют и старые, и новые магазины. Некоторые старые магазины все же закрылись, другие сменили владельцев, а следом за тем и специализацию (иные букинисты перешли, скажем, на торговлю антиквариатом). Но наиболее заметные ленинградские книготорговые предприятия работают и сегодня.

О знаменитом Доме книги подробно рассказывается в заключительной главе настоящей книги. Наряду с этим ветераном книжной торговли работают и другие известные и любимые горожанами книжные магазины, открытые в советские годы. Дом военной книги (Невский пр., 20), основанный еще в первые десятилетия советской власти, сегодня торгует не только военно-исторической, но и художественной, и букинистической литературой. Успешно функционируют другие фирменные магазины – первый в нашей стране дом детской книги «Детский книжный мир», уникальная Книжная лавка писателей, «Подписные издания», «Искусство» (быв-

Г

А

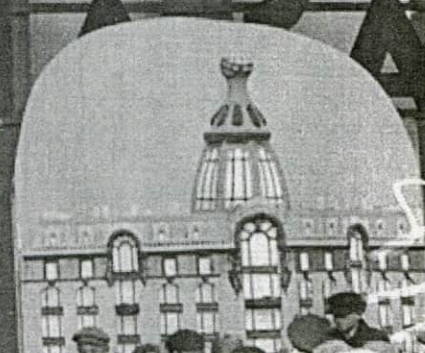
К
Н
М
Ж
Л
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

В

БЕЗ УМ НЕАБЗА

ГОСУДАР

ший «Санкт-Петербург»), Дом строительной книги, «Техническая книга».

Сеть специализированных книжных магазинов в наши дни даже расширяется – за счет увеличения выпуска книг на актуальные в новых условиях жизни общества темы. Открыты, к примеру, магазины по продаже деловой или юридической литературы. Есть предприятия, торгующие религиозными изданиями.

Активно развивается и универсальная книжная торговля. Десятки небольших книготорговых магазинов и ларьков работают в Санкт-Петербургском метрополитене – в вестибюлях и переходах станций метро. Целую сеть книжных магазинов-клубов открыла компания «Снарк».

Отдельно стоит отметить такое явление, как книжная ярмарка во Дворце культуры имени Н.К. Крупской (пр. Обуховской обороны, 105). По пятницам и выходным дням в этом ДК торгуют книгами сотни оптовых и розничных фирм и продавцов. Вход на ярмарку платный, но цены на книги здесь, как правило, ниже среднегородских, а суммарный ассортимент очень широк.

Появились, наконец, и совершенно новые предприятия – электронные книжные магазины, работающие в сети Интернет. Поскольку эта сеть не имеет территориальных границ, петербуржцы могут приобретать книги в электронных магазинах всего мира. Если же говорить только о созданных и работающих в Санкт-Петербурге электронных книжных магазинах, то наиболее известен среди них *Books.Ru*.

Точное число книготорговых предприятий нынешнего Санкт-Петербурга назвать сложно, но оно явно превышает аналогичные показатели 1980-х годов. Так что ситуация внушает оптимизм.

С оптимизмом можно смотреть и в целом на будущее книжного Санкт-Петербурга. Несмотря на то, что цена на книги имеет устойчивую тенденцию к росту, петербуржцы не оставляют привычки покупать и читать их. Многие новые издания – особенно модных, «раскрученных» авторов – пользуются огромным спросом. Хорошо раскупается научно-популярная, справочная и учебно-образовательная литература, необходимая горожанам в их профессиональной деятельности и в повседневной жизни. И, конечно, сегодня в Санкт-Петербурге по-прежнему актуальны слова из рекламы прошлых лет: «Книга – лучший подарок!»

Примечания

Сокращения

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва
ИРЛИ – Институт русской литературы Российской Академии наук
(Пушкинский дом), Санкт-Петербург
ОР – Отдел рукописей
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГБ – Российская государственная библиотека, Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
РО – Рукописный отдел
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства,
Санкт-Петербург
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Глава 1

1. Штанба (от итал. *Stampa*) – печать. – Здесь и далее примечания автора.
2. Письма и бумаги Петра Великого. СПб. 1887. Т. 1. С. 333.
3. Сидоров А.А. Рисунки старых русских мастеров. М. 1956. С. 66.
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л. 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 12.
5. Бахтиаров А.А. История книги на Руси. СПб. 1890. С. 110–111.
6. Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. СПб. 1862. Т. 1. С. 214.
7. Там же. С. 213.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. С. 106.
9. Полное собрание законов Российской Империи. СПб. 1830. Т. 7. С. 217.
10. Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 656.
11. Здесь и далее все даты до февраля 1918 года приводятся по старому стилю.
12. Шишгал А.Г. Русский гражданский шрифт. М. 1959. С. 258.
13. Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой... СПб. 1748. С. 358.
14. Райков В.Е. Очерки истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л. 1947. С. 260–261.
15. Анекдоты князя италийского графа Суворова-Рымникского, изданные Е. Фуксом. СПб. 1827. С. 23–24.
16. См. подробнее: Баренбаум И.Е. Начало издания французской переводной книги в России: Первая четверть XVIII в. // Книга: Исследования и материалы. М. 1976. Сб. 32. С. 102.
17. Юности честное зерцало. СПб. 1717. С. 41–42.
18. Комплементы (от франц. *complement*) – добавление, дополнение. Образец писем, в которых оставлено место для дополнений, вносимых отправителем письма.
19. Бахтиаров А.А. Указ. соч. С. 109.
20. Баицкий Г.В. Зарождение периодической печати в России. СПб. 1908. С. 32.
21. Первое учение отроком. СПб. 1723.
22. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. 1973. С. 98.
23. Книга в России. Ч. 1. От начала письменности до 1800 года. М. 1924. С. 215–216.

Глава 2

1. Быкова Т.А. Книгопечатание в России во второй четверти XVIII в. // Книга: Исследования и материалы. М. 1964. Вып. 4. С. 240.
2. Тюличев Д.В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и Ломоносов. Л. 1988. С. 18.
3. Цит. по: Пекарский П.П. История императорской Академии наук. СПб. 1873. Т. 1. С. 638.

4. Балицкий Г.А. Зарождение периодической печати в России. СПб. 1908. С. 69–70.
5. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л. 1952. С. 77–78.
6. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л. 1952. Т. 7. С. 391.
7. Пекарский П.П. История императорской Академии наук. СПб. 1873. Т. 2. С. 464.
8. Ломоносов М.В. Там же. М.; Л. 1955. Т. 9. С. 401, 816–817.
9. Пушкин А.С. О литературе. М. 1962. С. 342.
10. Тредиаковский В. Езда в Остров Любви. СПб. 1730. Предисловие.
11. Там же.
12. Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 25–26.
13. Там же. С. 21–22.
14. Лебедев Е. Огонь – его родитель. М. 1976. С. 50.
15. Тредиаковский В.К. Сочинения. СПб. 1949. Т. 3. С. 584.
16. Тредиаковский В.К. Тилемахида. СПб. 1766. Т. 1. С. 51.
17. Орлов А.С. «Тилемахида» В.К. Тредиаковского // XVIII век / Сб. статей и материалов. М.; Л. 1935. С. 40.
18. Примеры удачных стихов Тредиаковского в сравнении с французским оригиналом приведены в статье академика А.С. Орлова «Тилемахида» В.К. Тредиаковского. В кн.: XVIII век / Сб. статей и материалов. М.; Л. 1935. С. 36–40.
19. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М. 1949. Т. 11. С. 353–354.
20. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л. 1937. С. 86.
21. Там же. С. 20.
22. Крашенинников С. Описание Земли Камчатки. СПб. 1755. Т. 1. Предисловие.
23. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л. 1965. С. 209–210 и далее.
24. Крашенинников С. Там же.
25. Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л. 1949. С. 125–126.
26. Лапландия – природная область на севере Швеции, Норвегии, Финляндии и на западе Мурманской области.
27. Записки Академии наук. СПб. 1866. Т. 9. Приложение № 2. С. 59.
28. Цит. по: Шафрановский К.И. «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля в России // Вестник АН СССР. 1945. № 5–6. С. 223.
29. См.: Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л. 1947. С. 225.
30. См.: Шишкин И. Михаил Аврамов – один из противников Петровских реформ // Невский сборник. 1867. № 1. С. 424.
31. Цит. по: Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л. 1959. С. 78.
32. Там же. С. 79.
33. Петров А.Н., Царг И.Д. Первая академическая. Л. 1977. С. 23.

Глава 3

1. Хрестоматия по истории русской книги. 1564–1917. М. 1965. С. 63.
2. Там же.
3. Мадам Жоффрен – хозяйка парижского салона, часто посещавшегося философами, корреспондентка Екатерины II.
4. Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М. 1916. С. 18.
5. Там же. С. 19.
6. Макогоненко Г. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л. 1951. С. 99.
7. Н.И. Новиков и его современники. М. 1961. С. 23.
8. Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л. 1951. С. 35.
9. Н.И. Новиков и его современники. С. 24.
10. Там же. С. 57.
11. Там же. С. 78.
12. Там же.
13. Макогоненко Г. Указ. соч. С. 170.
14. Н.И. Новиков и его современники. С. 100.
15. Новиков Н.И. Избранные сочинения. С. 112.

16. Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.; Л. 1963. Т. 2. С. 306.
17. Н.И. Новиков и его современники. С. 159.
18. Новиков Н.И. Избранные сочинения. С. 277.
19. Древняя российская вивлиофика. СПб. 1773. Ч. 1. С. 135–136.
20. Там же. С. 33.
21. Там же. Предисловие.
22. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М. 1869. С. 47.
23. Н.И. Новиков и его современники. С. 333.
24. Там же. С. 334.
25. Цит. по: Боголюбов В. Указ. соч. С. 331.
26. Макогоненко Г. Указ. соч. С. 507.
27. Боголюбов В. Указ. соч. С. 328–329.
28. Карамзин Н. Сочинения. Т. III. СПб. 1848. С. 545.
29. Хрестоматия по истории русской книги. С. 69.
30. Боголюбов В. Указ. соч. С. 434.
31. Западов А. Новиков. М. 1968. С. 169–170.
32. Мартынов Б. Журналист и издатель И.Г. Рахманинов (1753–1807). Тамбов. 1962. С. 16.
33. Полопская И.М. И.Г. Рахманинов – издатель сочинений Радищева // Труды Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М.; Л. 1955. Т. 8. С. 356.
34. Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л. 1955. С. 356.
35. Мартынов Б.Ф. Указ. соч. С. 44.
36. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М. 1867. Приложение. С. 35.
37. Мартынов Б.Ф. Там же. С. 44.
38. Там же. С. 47–48.
39. Там же. С. 64.
40. Хрестоматия по истории русской книги. С. 75.
41. Степанов Н.А. Крылов. М. 1958. С. 22–23.
42. Крылов И.А. Полн. собр. соч. М. 1945. Т. 1. С. 146.
43. Крылов И.А. Указ. соч. Т. 3. С. 256.

Глава 4

1. Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год, сочиненное А. Торхом и Ф. Аделунгом. Ч. 1. СПб. 1810. С. 339, 345.
2. Цит. по: Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция: Книжная лавка А.Ф. Смирдина. М. 1929. С. 234.
3. Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М. 1962. С. 172.
4. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л. 1930. С. 304.
5. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Указ. соч. С. 236.
6. Там же. С. 217.
7. Там же. С. 218.
8. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М. 1955. Т. 9. С. 28.
9. Там же. М. 1953. Т. 1. С. 98.
10. Цявловский М. Письма Пушкина и к Пушкину. М. 1925. С. 38.
11. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. СПб. 1900. Т. 9. С. 495.
12. Там же. Т. 2. С. 123.
13. Никитенко А.В. Дневник. М. 1955. Т. 1. С. 145.
14. Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л. 1930. С. 132.
15. Никитенко А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 142.
16. Греч Н.И. Указ. соч. С. 450.
17. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М. 1955. Т. 9. С. 242.
18. Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 10. С. 53–54.
19. Толстяков А.П. О неосуществленной книжной лотерее А.Ф. Смирдина // Книга: Исследования и материалы. Сб. 39. М. 1979. С. 181–182.
20. Там же.
21. Там же. С. 182–183.
22. Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 9. С. 241.
23. Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 13. С. 244.

24. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Указ. соч. С. 272.
25. Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб. 1858. Т. 1. С. V.
26. Кишкин Л. Алексей Филиппович Смирдин: К истории смирдинского фонда Славянской библиотеки. Прага. 1987. С. 65.
27. Северная пчела. 1832. 28 ноября.
28. Щербачев Ю.Н. Приятели Пушкина: Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М. 1913. С. 181.
29. Политипаж – изготовленная из металла печатная форма, полученная путем копирования с деревянной гравюры; с одного деревянного клише при помощи политипажей можно было получить большое число металллических.
30. Сидоров А.А. История оформления русской книги. М. 1964. С. 262.
31. Каталог русских книг. Издание книжного магазина Я.А. Исакова. СПб. 1869. С. 520.
32. Симоны П. Я.А. Исаков и его ученики // Книжная биржа. 1907. № 1. С. 7.
33. Белов С.В. Издательская деятельность А.Ф. Базунова // Роль книги в демократизации культуры / Сб. научных трудов. Л. 1987. С. 71.
34. Ковалевский П.М. Встречи на жизненном пути // Исторический вестник. 1888. № 2. С. 380.
35. Дневник Н.А. Полевого // Исторический вестник. 1888. № 4. С. 167.
36. Там же. С. 182.
37. Инкунабулы (от лат. *incunabula* – колыбель) – книги раннего, «колыбельного» периода книгопечатания, изданные в период от первых опытов И. Гутенберга в 1440-х до 1 января 1501 года. Альдины – издания венецианских типографов XV–XVI веков (по имени основателя типографии Альда Мануция). Эльзевиры – издания XVI–начала XVIII века знаменитой голландской династии книгоиздателей Эльзевиров.
38. Романовский И. Книга и жизнь. М. 1950. С. 24–25.
39. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М. 1981. С. 38.
40. Козлов В.П. Указ. соч. С. 143.
41. Романовский И. Указ. соч. С. 23.
42. Люблинский С.Б. Книжная лавка И.В. Сленина // Книга: Исследования и материалы. М. 1975. Сб. 30. С. 177.
43. Северная пчела. 1857. 7 октября.
44. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Указ. соч. С. 356.
45. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М. 1963. Т. 3. С. 63.
46. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М. 1956. Т. 10. С. 193.
47. Дельвиг А.А. Сочинения. СПб. 1893. С. 148.
48. Современник. 1854. Т. XLIII. Отдел III. С. 50.
49. Люблинский С.Б. Указ. соч. С. 184.

Глава 5

1. Либрович С.Ф. На книжном посту. СПб.; М. 1916. С. 452.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М. 1937. Т. 47. С. 37.
3. Либрович С.Ф. На книжном посту. СПб.; М. 1883. С. 6.
4. Там же. С. 446.
5. Живописная Россия. СПб. 1881. Т. 1. С. 1.
6. Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 465.
7. Стебницкий М. /Н.С.Лесков/. Некуда. Т. 1. СПб. 1867. С. 185.
8. Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 212–213.
9. Сидоров А.А. История оформления русской книги. М.; Л. 1946. С. 329.
10. Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 466.
11. Ильина Н. Судьба. М. 1980. С. 127.
12. Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 483.
13. Там же. С. 487.
14. Там же. С. 495.
15. Там же. С. 383–384.
16. Там же. С. 388.
17. Нива. 1904. № 50. С. 1008.
18. Сыгин И.Д. Жизнь для книги. М. 1962. С. 179–180.

19. Динерштейн Е.А. «Фабрикант читателей» А.Ф. Маркс. М. 1986. С. 64.
20. Вершок – старинная русская мера длины, равная 4,45 см.
21. Верста – старинная русская мера длины, равная 1,0668 км.
22. Эйзен И. Книгоиздательство А.Ф. Маркса. СПб. 1901. С. 23.
23. Чехов в воспоминаниях современников. М. 1952. С. 439–440.
24. Там же. С. 442.
25. Сидоров А.А. История оформления русской книги. М. 1964. С. 336.
26. Гнедич П. Художественные издания А.Ф. Маркса // Нива. 1904. № 50. С. 1008.
27. Аббадона /Амфитеатров А.В./ Из зарубежных откликов // С.-Петербургские ведомости. 1904. 19 ноября.
28. Книжный вестник, 1904. № 50. С. 1437.
29. Динерштейн Е. А.Ф. Маркс // Книжное обозрение. 1976. 3 декабря.
30. Верещагин В.А. Русские иллюстрированные издания XVIII–XIX столетий. СПб. 1898. С. 230.
31. Лапшина Г.С. Издатель и пропагандист русской литературы В.Е. Генкель // Книга: Исследования и материалы. М. 1978. Сб. 36. С. 8.
32. Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 399.
33. Глинский Б.Б. Алексей Сергеевич Суворин. СПб. 1912. С. 23.
34. Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 123–124.
35. Дневник А.С. Суворина. М.; Пг. 1923. С. 82–83.
36. Динерштейн Е.А. Издательская деятельность А.С. Суворина // Книга: Исследования и материалы. М. 1984. Сб. 48. С. 93.
37. Цит. по: Книга в России. Ч. 2. М. 1925. С. 474 (См. также: Новое время. 1887. 31 января; Наблюдатель. 1887. № 2. С. 27).
38. Сойкин П.П. Краткие автобиографические сведения / Публикация С.В. Белова // Книга: Исследования и материалы. М. 1974. Сб. 29. С. 168.
39. Малыхин Н.Г. Издательская деятельность П.П. Сойкина // Книга: Исследования и материалы. М. 1967. Сб. 14. С. 174.
40. Смирнов А. Прогрессивному издателю // Ленинградская правда. 1977. 15 ноября.
41. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб. 1911. Т. 1. С. 230.
42. Книга в России: 1861–1881. М. 1990. Т. 2. С. 76.
43. Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 16 марта.
44. Толстой А.К. Полн. собр. соч. СПб. 1876. Т. 1. С. IV.
45. Стасюлевич и его современники. Т. 3. С. 412–413.
46. Литературное наследство. М. 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 327.
47. Кони А.Ф. Собр. соч. М. 1969. Т. 7. С. 229.
48. Цит по: Книга в России: 1861–1881. М. 1990. Т. 2. С. 93.
49. Всеобщая история литературы. Под ред. В.Ф. Корша. СПб. 1880. Т. 1. С. 3.
50. Врач. 1895. № 9. С. 259.
51. 50-летие книгоиздательства К.Л. Риккера // Нива. 1912. № 1. С. 17–18.
52. Алтаев Ал. (М.В. Ямщикова). Мои старые издатели: Из воспоминаний // Книга: Исследования и материалы. М. 1973. Сб. 26. С. 168–169.
53. Пособие при выборе книг преимущественно для детей и юношества. СПб. 1892. С. 2.
54. От редакции // Практическая медицина. 1885. № 11. С. 4 обл.
55. Ежемесячный журнал «Практическая медицина». Год пятый, 1889-й // Практическая медицина. 1888. № 10. Приложение. С. 1.
56. Белов С.В. Издательство В.А. Березовского: Из истории издания военной литературы в России // Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 86.
57. Березовский В.А. Каталог склада книг и учебных пособий для войск. [б.м.]. 1915. С. 314.
58. Востовой. 1917. № 238. С. 23.
59. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 67; Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России: 1825–1904. М. 1962. С. 114–115.
60. Рубакин Н.А. Письма к читателям о самообразовании. СПб. 1913. С. 2.
61. ОР РГБ. Ф. 358. Картон 175. Ед. хр. 9.
62. Струтовщиков Станислав Дмитриевич – промышленник, коллежский асессор. Похионов Григорий Данилович (1810–1872) – издатель-просветитель. Водов Николай Иванович (?–1879) – издатель, писатель, экономист.
63. Тридцатилетие т-ва «Общественная польза». СПб. [б.г.]. С. 10.
64. Тургенев И.С. Собр. соч. М. 1956. Т. 11. С. 447.

65. Цит. по: Блюм А.В. Издательская деятельность С.-Петербургского комитета грамотности: 1861–1895 // Книга: Исследования и материалы. М. 1979. Сб. 38. С. 116.

66. Там же. С. 117.

Глава 6

1. Сертелев А.А. III Отделение и Крымская война // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 294.
2. Русская старина. 1881. Т. 30. С. 228.
3. Литературное наследство. М. 1953. Т. 61. Ч. 1. С. 499.
4. Шелгунов Н.В. Воспоминания. М. 1967. Т. 1. С. 132.
5. Серно-Соловьевич Н.А. Исповедь // Литературное наследство. М. 1936. Т. 25/26. С. 430.
6. Революционное движение 1860-х годов. М. 1932. С. 45.
7. Там же.
8. Серно-Соловьевич Н.А. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин. 1861. С. III.
9. Московские ведомости. 1862. № 46. Приложение.
10. Современное обозрение // Современник. 1862. № 1. С. 97–98.
11. Имеются в виду читатели, пользовавшиеся библиотекой на платной основе.
12. Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятих годах // Каторга и ссылка. 1927. Сб. 34. С. 32.
13. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 50. Л. 9; Кошовенко Е.В. О подлинном тексте одного важного документа // Вопросы истории. 1956. № 1. С. 130.
14. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 261.
15. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 56. Л. 281, 283.
16. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5881. Л. 3.
17. Там же.
18. Буташевская С. Дневник девочки. СПб. 1862. С. VI–VII.
19. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятников». СПб. 1908. С. 167–168.
20. Баренбаум И.Е. Книгоиздательская деятельность Н.Г. Чернышевского в годы демократического подъема // Книга: Исследования и материалы. М. 1973. Сб. 26. С. 109.
21. Сборник рассказов в прозе и стихах. СПб. 1863. С. 26.
22. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 74. Л. 139 об.
23. Лемке М.К. Указ. соч. С. 22.
24. Литературное наследство. М. 1959. Т. 67. С. 725.
25. Лемке М.К. Указ. соч. С. 221.
26. Герцен А.И. Собр. соч. М. 1960. Т. 19. С. 58–59.
27. Процесс Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1939. С. 26.
28. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 155. Л. 2 об.
29. Шульгин В.Н. Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией // Литературное наследство. М. 1965. Т. 63. С. 338.
30. Баренбаум И.Е. Н.А. Серно-Соловьевич: 1834–1866 / Очерк книготорговой и книгоиздательской деятельности. М. 1967. С. 115–118.
31. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 278. Л. 20.
32. Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М.; Л. 1928. С. 86.
33. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 219/876. Л. 30–34.
34. Виленская Э.С. Революционное подполье в России. М. 1965. С. 367.
35. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 155. Л. 52, а также: Буланова-Трубникова. Указ. соч. С. 86–87.
36. Елисеев Г.З. Сочинения. М. 1894. Т. 1. С. 672–673.
37. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Д. 14. Л. 14.
38. Ильина А.А. Новое о книжном деле А.А. Черкесова в Петербурге // Книжное дело в России во второй половине XIX–начале XX века / Сб. научных трудов. СПб. 1986. Вып. 2. С. 131–132.
39. Ильина А.А. История библиотеки Черкесова. СПб. 1995. С. 20.
40. РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 30. Л. 18–18 об.
41. Там же. Оп. 119. Д. 81. Л. 21 об.–22.
42. Водовозов В.И. Детские рассказы и стихотворения. СПб. 1871. С. 5–6, 11, 80.
43. Буланова-Трубникова О.К. Указ. соч. С. 87.
44. Ныше г. Каунас в Литве.
45. Ныше г. Шауляй в Литве.

46. Баренбаум И.Е. Иосафат Огрызко. М. 1964. С. 29–30.
47. Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М. 1918. С. 175.
48. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 36.
49. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4773. Л. 26.
50. Баренбаум И.Е. Там же.
51. Герцен А.И. Собр. соч. М. 1958. Т. 14. С. 264.
52. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 111.
53. Мещерский В.П. Мои воспоминания (1850–1865). СПб. 1897. Ч. 1. С. 228–229.
54. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 22.
55. Баренбаум И.Е. Петербургский типограф-демократ 60-х гг. XIX в. и издания его типографии // История книги и издательского дела. Л. 1977. С. 97.
56. Там же. С. 98.
57. Там же. С. 121.
58. Пантелеев Л.Ф. Указ. соч. С. 254.
59. ЦГИА СПб. Ф. 339. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–9.
60. Пантелеев Л.Ф. Там же.
61. РО ИРЛИ. 3111/IX-С. № 17.
62. Исторические записки. 1955. № 55. С. 258–263.
63. Процесс Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1939. С. 26.
64. Процесс Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1939. С. 26.
65. Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М. 1961. С. 370.
66. Елисеев Г.З. Указ соч. С. 668.
67. Сидоров А.А. История оформления русской книги. М. 1964. С. 292.
68. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М. 1951. Т. 8. С. 486.
69. Пантелеев Л.Ф. Указ соч. С. 356, 546, 634, 660.
70. Там же. С. 407.
71. Елисеев Г.З. Указ соч. С. 673.
72. Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л. 1940. С. 303.
73. Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб. 1909. Т. 7. С. 50.
74. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 799. Л. 23 об.
75. Там же.
76. Там же. Л. 23, 24.
77. Кони А.Ф. Собр. соч. М. 1960. Т. 2. С. 313.
78. Пантелеев Л.Ф. Указ. соч. С. 156.
79. Деятели революционного движения в России. М. 1928. Т. 1. Ч. 2. С. 265–266.
80. Пантелеев Л.Ф. Указ. соч. С. 407.
81. РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 5. Л. 56.
82. РГИА. Ф. 1406. Оп. 534. Д. 733. Л. 5, 5 об.; Ф. 776. Оп. 3. Д. 599. Л. 59 об.
83. В 1866 году князь Л.Н. Шаховской исполнял обязанности управляющего типографией Тиблена и К^о (Неклюдова).
84. См.: Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. М. 1962. С. 243–253.
85. См.: Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 54–55.
86. См.: Шестидесятые годы. С. 412. «Радикализм» Суворина не был, впрочем, глубок и в шестидесятых годах. Об этом можно судить хотя бы по тому, что он причислял себя к «литературной партии, которая в Положениях 19 февраля и в Положениях о земстве видит великие залогов для будущего развития России» (Там же. С. 407).
87. См.: О книге «Записки декабриста. Материал для истории возмущения 14 декабря 1825 г. и участников его». Перевод с немецкого. Издание Гиероглифова, сочинение барона Розена. РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 273; а также: Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 68–69.
88. Водозов В. О том, как стал Петербург и откуда пошла русская наука (жизнь и дела Петра Великого). СПб. 1870. С. 37.
89. Там же. С. 52.
90. Там же. С. 46.
91. Спасович В.Д. Памяти Н.А. Неклюдова // Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. 1897. Кн. 1. С. 40.
92. Кузьмин-Караваев В.Д. Памяти Н.А. Неклюдова // Там же. 1896. Кн. 10. С. 46 и далее.
93. Спасович В.Д. Указ. соч. С. 40.

94. Там же. С. 44.
95. Кони А.Ф. Указ соч. С. 314.
96. Там же. С. 315.
97. Там же. С. 316.
98. Елисеев Г.З. Указ соч. С. 673.
99. Новикова Н.Н. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода первой революционной ситуации 1859-1861 гг. М. 1951. С. 148. (Машинопись. РГБ).
100. Пантелеев Л.Ф. Указ. соч. С. 311.
101. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. С. 247. Л. 1.
102. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 207. Л. 21 об.
103. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1856. Л. 1 об.
104. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 311. Л. 129-130.
105. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 605. Л. 155, 155 об.
106. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1856. Л. 1.
107. Там же.
108. РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 10. Л. 13.
109. Там же. Оп. 29. Д. 12. Л. 48 об.; д. 13. Л. 98.
110. Там же. Д. 18. Л. 8 об.
111. Там же. Оп. 11. Д. 7. Л. 10-15.
112. Там же. Л. 15.
113. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 103.
114. Советская этнография. 1949. № 1. С. 187.
115. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2032. Л. 4.
116. Базанов В. Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск. 1941. С. 189.
117. Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 146.
118. Фамилия Куколь-Яснопольского встречается и в написании Куколь-Яснопольский. Мы придерживаемся первого написания.
119. Сведения о М.А. Куколь-Яснопольском почерпнуты нами из ряда архивных дел, которые будут указаны по ходу изложения. В печатных источниках имя его упоминается крайне редко.
120. Сведения о типографиях, литографиях, словолитнях и других подобных заведениях, а также о лицах, занимающихся разносною книжною торговлею в Петербурге. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 267. Л. 19.
121. Агентурная выписка о наблюдении за женской переплетной мастерской Печаткиной В. (Глушановской). ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 247. Л. 10.
122. Там же. Л. 8 об.
123. Агентурные донесения об образе жизни и взглядах владельца библиотеки и читального зала Степанова А.Н. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1853. Л. 3, 3 об.
124. Агентурные донесения о наблюдении за типографией Куколь-Яснопольского, печатавшей письма Луи Блана об Англии, об обыске у Куколь-Яснопольского, в связи с делом Каракозова и представлении Трепова Ф.Ф. о его высылке за печатание запрещенных произведений Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву» и др.). ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1845. Л. 5.
125. Там же.
126. Агентурные донесения о наблюдении за женской переплетной мастерской Печаткиной В. (Глушановской). ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 247. Л. 11-12.
127. Там же. Л. 15.
128. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Д. 1. Л. 5.
129. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1845. Л. 6.
130. В 1865 г. агентура III Отделения доносила, что Куколь-Яснопольский «до сих пор имеет друзей и сношения» в Медико-хирургической академии. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.
131. Худяков И.А. Записки каракозовца. М.; Л. 1930. С. 93.
132. Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М. 1983. Т. XXVIII. С. 158.
133. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 247. Л. 15.
134. Там же.
135. Об изъятии из продажи книги «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», сост. Худяковым. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 60. Л. 5.
136. Там же. Л. 4 об.
137. Там же. Л. 6-7.

138. Там же.
139. Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 53.
140. Худяков И.А. Указ. соч. С. 95.
141. Дело о напечатанной в типографии Куколь-Яснопольского бесцензурной книге «Древняя Русь». РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 80. Л. 2, 2 об.
142. См.: Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 211–212.
143. См.: Клевенский М.М. И.А. Худяков: Революционер и ученый. М. 1929. С. 54–55; Цамутали А.Н. История России в освещении И.А. Худякова // История и историки: Историография истории СССР / Сб. статей. М. 1965. С. 440–468.
144. О напечатанной в типографии Куколь-Яснопольского бесцензурной книге «Луи Блан. Письма об Англии». Издание П. Шапова. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 101. Л. 2, 14, 14 об.
145. Там же. Л. 35.
146. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 101. Л. 37 и 40.
147. Там же. Л. 46 об.–47; см. также «Дело о почетном гражданине Петре Васильевиче Шапове, обвиняемом в нарушении постановлений о печати» в кн.: «Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати». СПб. 1870. Ч. 3. С. 439–492.
148. Агентурные донесения о наблюдениях за типографией Куколь-Яснопольского... ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1845. Л. 4.
149. Дело о высылке Куколь-Яснопольского обнаружить не удалось, хотя оно и было заведено в 1868 году. О месте же высылки известно из других документов, в частности, из секретных приказов по Санкт-Петербургской полиции.
150. Секретные приказы по С.-Петербургской полиции. 1871 г. ЦГИА СПб. Ф. 339. Оп. 1. Д. 87. Л. 48.
151. См.: Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. С. 409; Жуковская Е. Записки. Л. 1930. С. 156, 161.
152. Жуковская Е. Там же. С. 161–162.
153. См.: Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М. 1950. С. 9.
154. Е.И. Жуковская писала, что Головачева «как-то устроили управляющим типографию князя Голицына» (Жуковская Е. Записки. С. 236). Очевидно, это случилось незадолго до перехода к нему типографии Голицына.
155. На этом издании в выходных сведениях указано: «Типография А. Головачева, бывшая Голицына». Очевидно, эта книга была первой или одной из первых, вышедших уже под новой типографской маркой.
156. Краткий курс политической экономии. Пособие для слушающих лекции по этому предмету. СПб. 1865–1866. Вып. 1–2.
157. Указ. соч. Вып. 1. С. 260.
158. Жуковский Ю. Политические и общественные теории XVI века. Схоластика. Макиавелли и Томас Мор. Реформация: Лютер, Кальвин, анабаптисты, Жан Боден. СПб. Тип. А. Головачева, 1866. 160 с. (Материалы для общественной науки); Жуковский Ю. Прудон и Луи Блан. Система экономических противоречий. Споры с Бастиа. Система Луи Блана. Рабочее движение 1843 года и народный банк. СПб. 1866. 175 с. (Материалы для общественной науки).
159. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М. 1961. С. 114.
160. Глазль К. Книга для экскурсий: Руководство к набивке чуел, собиранию насекомых, растений и вообще к постановке коллекций трех царств природы. СПб. 1866; Герд И.Я. Полезные занятия для детей. СПб. 1866–1870. Кн. 1–3 и другие.
161. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Ч. 3. С. 501.
162. Дело о книге И. Сеченова «Рефлексы головного мозга». РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 319. Л. 5.
163. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб. 1870. Ч. 3. С. 505.
164. См.: Рапорт Чебыкина от 2 августа 1866, № 911. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 605. Л. 203.
165. Цит. по: Евгеньев В. И.А. Гончаров как член Совета Главного управления по делам печати // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 174.
166. Там же.
167. Книжный вестник. 1867. № 5–6. 30 марта. С. 114.
168. См.: Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. С. 62.
169. Ср.: Отчет по надзору за типографиями, литографиями и т.п. заведениями и за книжной торговлей в С.-Петербурге за 1869 г. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Д. 4. Л. 23; Дело С.-Петербургского цензурного комитета о книгах «Сочинения Писарева» изд. Павлен-

- кова. Там же. Ф. 777. Оп. 2. Д. 81. Л. 121.
170. Цит. по: Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 70–71.
171. Сборник рассказов в прозе и стихах. СПб. Тип. О.И. Бакста. 1863. 125 с.
172. Цит по: Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 78–79.
173. Там же.
174. О бесцензурной книге «Лоренц Штейн. История социального движения во Франции с 1789 г. Т. 1. Основное понятие общества и социальная история французской революции до 1830 г.». РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 126. Л. 40. См. также: Добровольский Л.М. Указ. соч. С. 95–96.
175. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 3. С. 201.
176. См.: Отчет инспектора типографий и т.п. заведений и книжной торговли в С.-Петербурге за 1865 г. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Д. 1. Л. 13.
177. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Д. 4. Л. 27 об.
178. См.: Берков П.Н. К цензурной истории «Путешествия» Радищева // Радищев: Статьи и материалы. Л. 1950. С. 290–293; Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. М. 1959. С. 110–112; Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 2. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. М.; Л. 1935. С. 333–335.
179. Смирнов-Сокольский Н. Указ. соч. С. 111. Любопытно, что в заметке некоего М., помещенной в «Иллюстрированной газете» от 11 июля 1868 г. (на эту заметку обратил внимание П.Н. Берков), говорилось, что издание Шигина было осуществлено и редактировано «господином вроде Некрасова». Хотя Некрасов не имел никакого отношения к шигинскому изданию, но этот клеветнический намек показывает, что реакционеры связывали переиздание книги Радищева с демократическим лагерем.
180. О бесцензурной книге «Отщепенцы» Соколова. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 59. Л. 4. Разбор содержания книги см.: Лейкина-Свирская В.Р. Утопический социалист 60-х годов Н.В. Соколов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. 1970. С. 149–154.
181. О бесцензурной книге «Отщепенцы» Соколова. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 59. Л. 10 об.
182. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 3. С. 258.
183. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2048. Л. 1.
184. Отчет по надзору за типографиями и т.п. заведениями и за книжную торговлю в С.-Петербурге в 1886 г. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Д. 16. Л. 6.
185. Процесс Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1939. С. 25.
186. Эпоха Чернышевского. М. 1978. С. 21–37.
187. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 207. Л. 19, 19 об.
188. Там же. Л. 19–39.
189. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 247. Л. 6 об.
190. Проблемы рукописной и печатной книги. М. 1976. С. 276–291.
191. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 605. Л. 226, 249–250.
192. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 278. Л. 19.
193. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 247. Л. 7.
194. РГИА. Ф. 777. Оп. 3. Д. 605. Л. 217 об.
195. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 278. Л. 2.
196. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 258. Л. 12.
197. Там же.
198. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 811. Св. 20. Л. 1–3.
199. Материалы для истории революционного движения в России 60-х годов / Под ред. В.Я. Богучарского СПб. 1907. С. 117–118.
200. Жуковская Е. Указ. соч. С. 106.
201. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. 1963. С. 165–174.
202. РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 733. Л. 2.
203. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 258. Л. 7.
204. РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 733. Л. 3 об.
205. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 602. Л. 5–6.
206. Там же. Л. 18 об.
207. Там же. Л. 10.
208. РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 733. Л. 4.

209. Федоровские чтения. М. 1977. С. 77–80.
 210. Там же. С. 77–80.
 211. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 208. Л. 8.
 212. См.: Виленская Э.С. Указ. соч. С. 362–371.
 213. Основания политической экономии. Дж. Ст. Милля. СПб. 1865. Т. 1. С. V.
 214. Там же.
 215. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 267. Л. 15 об.
 216. Звенья. М.; Л. 1932. Вып. 1. С. 347.
 217. Писарев Д.И. Сочинения. М. 1955. Т. 3. С. 131.
 218. Там же. С. 132.
 219. Там же.
 220. Антракотерия – вымершее копытное, среднее между свишьями и жвачными.
 221. Научное наследство. Т. 1. 1948. С. 317.
 222. Гомер. Илиада. СПб. 1876. С. V.
 223. Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М. 1951. С. 243–244.
 224. Берви-Флеровский В.В. Воспоминания // Голос минувшего. 1916. № 1. С. 211.
 225. Книжник-Ветров И.С. Издатель-демократ 60-х годов XIX века Н.П. Поляков // Книга: Исследования и материалы. М. 1963. Сб. 8. С. 298.
 226. Толстяков А.П. Материалы о жизни и деятельности первого издателя «Капитала» К. Маркса в России Николая Петровича Полякова // Книга: Исследования и материалы. М. 1975. Сб. 31. С. 110.
 227. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.
 228. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 605. Л. 226, 251–252.
 229. Там же.
 230. РО ИРЛИ. Ф. 294 (Архив Стасовых). Оп. 5. Д. 329. Л. б.н.; д. 351. Л. 254.
 231. Берви-Флеровский В.В. Указ. соч. С. 211.
 232. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 32. С. 549.
 233. Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 7.
 234. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 33. С. 402.
 235. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М. 1956. С. 168.
 236. Минцлов С.Р. Дневник // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 234.
 237. Ныне г. Тарту в Эстонии.
 238. Памятные книжные даты. М. 1983. С. 276.
 239. Отечественные записки. 1876. № 3. С. 141.
 240. Елисеев Г.З. Указ. соч. С. 670.
 241. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. 1970. С. 310.
 242. Процесс Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1939. С. 169.
 243. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2 об.
 244. Памятные книжные даты. М. 1983. С. 278.
 245. Варенцов В.Г. (? – 1867), педагог и собиратель народных песен. Якушкин П.И. (1822–1872), писатель, фольклорист, этнограф. Максимов С.В. (1831–1901), писатель-этнограф.
 246. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб. 1908. С. 111; Литературное наследство. М. 1963. Т. 62. С. 273.
 247. Книга в России: 1861–1881. М. 1988. Т. 1. С. 130.
 248. Книжный вестник. 1867. № 5–6. С. 114.
 249. Рубакин Н.А. Из истории борьбы за права книги: Флоренгий Федорович Павленков // Книга: Исследования и материалы. М. 1964. Сб. 9. С. 229–230.
 250. Писарев Д.И. Полн. собр. соч. СПб. 1906. Стлб. 165.
 251. Рубакин Н.А. Указ. соч. С. 214.
 252. Белов С.В., Толстяков А.П. Русские издатели конца XIX–начала XX века. Л. 1976. С. 44.
 253. Блюм А.В. Павленков в Вятке. Киров. 1976. С. 12–13.
 254. Там же. С. 19.
 255. Вятская незабудка. СПб. 1877. С. VII.
 256. Короленко В.Г. Собр. соч. М. 1955. С. 91.
 257. Рубакин Н.А. Указ. соч. С. 232.
 258. Там же. С. 235.
 259. Там же.

260. Там же. С. 225.
261. Кельнер В.Е. Книжное дело М.П. Надеина // Книжная торговля. Вып. 12. М. 1983. С. 190.
262. Там же. С. 191.
263. Там же. С. 196.
264. Речь. 1916. 27 марта.
265. Рейсер С.А. Л.Ф. Пантелеев // Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М. 1958. С. 10.
266. Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М. 1958. С. 15.
267. Люблинский С.Б. Подвижники книги. М. 1988. С. 27–28.
268. Былое. 1906. № 4. С. 214–215.

Глава 7

1. Баренбаум И.Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60-70-х годов XIX в.: Женская издательская артель М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой // Книга: Исследования и материалы. М. 1965. Сб. 11. С. 224.
2. Философова Анна Петровна (1837–1912) – активная деятельница женского движения в России, одна из организаторов первых женских артелей и Высших женских курсов.
3. Менжинская (Шакеева) Мария Александровна (1842–1900) – активная участница женского движения 1860-х годов.
4. Белозерская Надежда Александровна (1838–1912) – писательница и общественный деятель.
5. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 226.
6. Там же. С. 227.
7. Там же. С. 230.
8. Братья Стасовы и их сестра Надежда занимали большую квартиру на Моховой улице, в доме Мелихова (ныне дом № 26). На фасаде этого здания установлена мемориальная доска в честь В.В. Стасова.
9. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 231.
10. Современник. 1864. Кн. 1. С. 100.
11. Книжный вестник. 1864. № 9. С. 167.
12. РО ИРЛИ. Ф. 294 (Архив Стасовых). Оп. 5. Д. 353. Л. б.н.
13. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 235.
14. Рассказы о старинных людях. Вып. III. Древние греки. СПб. 1865. С. 8–9.
15. Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности / Сост. А. Дауль. Переведено под ред. П.Н. Ткачева. СПб. 1869. С. XII.
16. Олькотт Л. Маленькие женщины. СПб. 1875. С. 6–7.
17. Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 240.
18. Каррик Александра Григорьевна (урожд. Маркелова) (1832–1916) – переводчица, участница Знаменской коммуны В.А. Слепцова в Петербурге.
19. Баренбаум И.Е. Там же.
20. Водовозова Е.Н. На заре жизни. М. 1964. Т. 1. С. 10.
21. Там же.
22. Голос минувшего. 1923. № 2 С. 180.
23. В далекой дымке – Олеиз // Правда. 1979. 11 октября.
24. Люблинский С.Б. М.И. Водовозова – издательница ранних трудов В.И. Ленина // Книга: Исследования и материалы. М. 1972. Сб. 25. С. 105.
25. Там же.
26. Промышленность / *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. М. 1896. С. III.
27. Люблинский С.Б. Указ. соч. С. 105.
28. Красный архив. 1934. Т. 62. С. 124–125.
29. Ласунский О. Власть книги. Воронеж. 1966. С. 117.
30. Люблинский С.Б. Там же.
31. Абрамкин В., Дымшиц А. «Начало» – марксистский журнал девяностых годов. М. 1932. С. 60.
32. Блинов А.С., Пострелова Т.А. Мария Малых. Л. 1976. С. 85.
33. Дун А.З. Издательство Марии Малых // Книга: Исследования и материалы. М. 1962. Сб. 6. С. 191.

34. Калмыкова М.А. Обрывки воспоминаний // *Былое*. 1926. № 1. С. 69.
35. А.М. Калмыкова в воспоминаниях современников // *Книга: Исследования и материалы*. М. 1982. Сб. 45. С. 112.
36. Там же. С. 117.
37. Там же.
38. Люблинский С.Б. *Подвижники книги*. М. 1988. С. 60.
39. Цит. по: Люблинский С.Б. *Указ. соч.* С. 63.

Глава 8

1. *Литературное наследство*. М. 1965. Т. 72. С. 240.
2. Горький М. *Материалы и исследования*. М.; Л. 1936. Т. 2. С. 417.
3. Там же. С. 328.
4. Телешов Н. *Записки писателя*. М. 1950. С. 108.
5. Голубева О.Д. *Горький – издатель*. М. 1968. С. 63.
6. Цит. по: Голубева О.Д. *Указ. соч.* С. 94.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф 2561. Оп. 1. Д. 31. Л. 72, 90.
8. Там же. Д. 2. Л. 3.
9. Цит. по: Иоффе А.М. *Издательская деятельность большевиков в 1905–1907 гг.* М. 1971. С. 155.
10. Лейберов И.П. *Ленин и издательство «Зерно» в Петербурге // История СССР*. 1970. № 2. С. 154.
11. Иоффе А.М. *Указ. соч.* С. 234.
12. *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине*. М. 1956. Т. 1. С. 413–414.
13. Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Т. 48. С. 158.
14. *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине*. Т. 1. С. 411.
15. Там же.
16. Лейберов И.П. *Указ. соч.* С. 159.
17. Матюшина О.К. *Негасимые искры*. Л. 1960. С. 69.
18. Голубева О.Д. В.Д. Бонч-Бруевич – издатель. М. 1972. С. 63.
19. Матюшина О. *Окрыленные люди*. Л. 1967. С. 87.
20. Шварцман С.М. *Книгоиздательство «Прибой»: 1913–1914 // Книга: Исследования и материалы*. М. 1966. Т. 13. С. 174.
21. Там же. С. 175.
22. Горький М. *Письмо к А.Н. Тихонову-Сереброву от 23 мая 1913 года // Горьковские чтения: 1953–1957*. М. 1959. С. 42.
23. Горький М. *Собр. соч.* М. 1953. Т. 24. С. 169.
24. Брейтбург С.М. *Максим Горький – редактор «Сборников пролетарских писателей» // Книга: Исследования и материалы*. М. 1965. Сб. 10. С. 69.

Глава 9

1. *Исторический вестник*. 1917. № 5. С. 6.
2. *Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания*. Под редакцией С.Н. Южакова. В 22 томах (1900–1909).
3. Верещагин В.А. *Кружок любителей изящных изданий*. СПб., 1903–1916 // *Книга: Исследования и материалы*. М. 1989. Сб. 59. С. 147.
4. Дом № 38 по Сергиевской улице (ныне ул. Чайковского).
5. Верещагин В.А. *Указ. соч.* С. 148.
6. Берков П.Н. *Русские книголюбы*. М.; Л. 1917. С. 226.
7. Верещагин не точен: он именует по имени прежнего владельца Ревильона типографию, перешедшую с 1878 года к М.О. Вольфу.
8. Верещагин В.А. *Указ. соч.* С. 152.
9. Здесь и далее в скобках указан год издания книги, а не создания иллюстраций.
10. В славянской языческой мифологии Сирин – райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам.

11. Дневник Ал. Блока. 1911–1913. Л. 1928. С. 142.
12. Котрелев Н.В. Издательство «Сирин» // Памятные книжные даты. М. 1987. С. 240.
13. Там же.
14. Там же. С. 242.
15. Русская сатира Первой русской революции. 1905–1906 / Сост. В. Боцяновский и Э. Голлербах. Л. 1925. С. 36.
16. Книга. 1907. № 18. С. 12.
17. Голубева О.Д. Из истории издания русских альманахов начала XX века // Книга: Исследования и материалы. М. 1960. Сб. 3. С. 322.
18. Там же. С. 323.
19. Юниверг А.И. З.И. Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. М. 1994. Сб. 69. С. 125.
20. ЦГАЛИ СПб. Ф. 3034. Оп. 1. Д. 4. Л. 15; Д. 11. Л. 28.
21. Третьяков В.П. Открытые письма Серебряного века. СПб. 2000. С. 21.
22. Степанов И.М. За тридцать лет. 1896–1926. Л. 1928. С. 42. Цит. по: Третьяков В.П. Указ. соч. С. 17.
23. Острой О.С. Издательство Общины Св. Евгении // Книжное дело в России во второй половине XIX–начале XX века. СПб. 2000. С. 70.
24. Степанов И.М. Указ. соч. С. 33. Цит. по: Третьяков В.П. Указ. соч. С. 34.
25. С 1905 года канцелярия и склад издательства располагались в комплексе зданий Общины Св. Евгении (Старорусская ул., 3).
26. Степанов И.М. Указ. соч. С. 29. Цит. по: Третьяков В.П. Указ. соч. С. 23.
27. ЦГАЛИ СПб. Ф. 3034. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.
28. Там же. Л. 56–60.
29. Марокен – особый тисненый сафьян.
30. Шилов Ф. Записки старого книжника. М. 1965. С. 171.
31. Альманах библиофила. Л. 1929. С. 263.
32. Крупнейшее многоотраслевое издательство во Франции, основанное Луи Кристофом Ашеттом (1800–1864).

Глава 10

1. Издательское дело в первые годы советской власти: 1917–1922 / Сб. документов и материалов. М. 1972. С. 16.
2. Блок А.А. Собр. соч. М. 1963. Т. 7. С. 319–321.
3. Кузьмин Н. Режиссер книги // Вечерняя Москва. 1971. 22 апреля.
4. Цит. по: Яковлев Б. Критик-боец. М. 1960. С. 15.
5. Исторический архив. 1958. № 2. С. 72–73.
6. Семеновский Д.А. А.М. Горький: Письма и встречи. М. 1938. С. 71.
7. Антропов В.И. И.П. Ладыжников. Челябинск. 1972. С. 100–101.
8. Чуковский К.И. Из воспоминаний. М. 1958. С. 210–216.
9. В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма: Воспоминания. М. 1969. С. 451.
10. Голубева О.Д. Горький – издатель. М. 1968. С. 98.
11. Каталог издательства «Всемирная литература». СПб. 1919. С. 8.
12. Литературный современник. 1941. № 6. С. 102.
13. Там же.
14. Чуковский К.И. Указ. соч. С. 205.
15. Чуковский К.И. Указ. соч. С. 229.
16. Одоевцева И. На берегах Невы. М. 1988. С. 170–171.
17. Чуковский К.И. Высокое искусство. М. 1962. С. 6.
18. Шилов Ф. Указ. соч. С. 129.
19. Уэллс Г. Россия во мгле. М. 1929. С. 29.
20. Лениздат / Краткий исторический очерк. Л. 1967. С. 151.
21. Там же. С. 23.
22. Белопольский И.Р. Издательское дело в Петрограде 1917–1919 гг. // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 550.
23. Там же. С. 551.
24. Там же.

25. ЦГАЛИ СПб. Ф. 2913. Оп. 3. Д. 17. Л. 2.
26. Там же. Д. 1. Л. 3.
27. Там же. Д. 17. Л. 15.
28. Там же. Оп. 1. Д. 415. Л. 14–15.
29. Там же. Оп. 3. Д. 57. Л. 1.
30. ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР. Создано в 1930 г. при Наркомпросе для координации издательского дела в стране и централизованного руководства его снабжением, финансированием, сбытом продукции и подготовкой кадров.
31. ЦГАЛИ СПб. Ф. 2973. Оп. 1. Д. 411. Л. 1.
32. Лениздат. С. 7.
33. Там же. С. 60.
34. Петерсон Л. Ленинградские полиграфисты. Л. 1943. С. 14.
35. Лениздат. С. 86.
36. ЦГАЛИ СПб. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 45. Л. 49 об.
37. См.: Вольфсон М.Б. Пути советской книги. М. 1929. С. 110; Печать СССР к XV партсъезду. Л.; М. 1928. С. 219.
38. Назаров А.И. Очерки истории советского книгоиздательства. М. 1952. С. 116.
39. Печать СССР к XV партсъезду. С. 225–226.
40. Там же. С. 220–221.
41. ЦГАЛИ СПб. Ф. 2913. Оп. 1. Д. 26. Л. 3–4.
42. Там же. Д. 45. Л. 3 об. – 49 об.
43. Печать СССР за 1924 и 1925 гг. М.; Л. 1926. С. 51; Яницкий Н.Ф. Печатная продукция в РСФСР в 1926 году / Статистические материалы М. 1928. С. 51.
44. Белополюский И.Р. Издательское дело в Петрограде 1917–1919 гг. // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 551.
45. Свицкая М.К. Кооперативное книгоиздание 1917–1930 гг.: Основные этапы истории государственной политики // Книга: Исследования и материалы. М. 1996. Сб. 72. С. 101–102.
46. Там же. С. 102.
47. Зубкова Н.А. Рабочее партийно-кооперативное издательство «Прибой» (1922–1927) // Книга: Исследования и материалы. М. 1977. Сб. 34. С. 79.
48. ЦГАЛИ СПб. Ф. 2903. Оп. 1. Д. 15. Л. 7; Д. 62. Л. 6.
49. ЦГАЛИ СПб. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
50. Здесь и далее в этой главе для удобства читателей используется старое наименование этой главной «книжной» улицы города, носившей в 1919–1944 гг. название пр. Володарского. Соответствие старых и новых адресов см. в адресном указателе в конце книги.
51. ЦГАЛИ СПб. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–38.
52. Там же. Д. 69. Л. 1.
53. Кооперативное книготорговое товарищество «Колос». 1918–1923. Л. 1924. С. 42.
54. Алконост – в русских легендах – райская птица с человеческим лицом, обладающая чарующим голосом.
55. Чернов И. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту. 1964. С. 532.
56. Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л. 1979. С. 25–26.
57. Блоковский сборник. С. 531.
58. Блок А. Собр. соч. М.; Л. 1963. Т. 8. С. 493.
59. Каверин В. Освященные окна. М. 1978. С. 532–533.
60. Федин К. Собр. соч. М. 1973. Т. 10. С. 8.
61. Горький и советские писатели // Литературное наследство. Т. 70. М. 1963. С. 561–562.
62. Федин К. Указ. соч. С. 99.
63. Лозинский Г.Л. *Petropolis* // Временник Общества друзей книги. Пг. 1928. С. 33–36.
64. Алданов М. Убийство // Наш современник. 1990. № 2. С. 175.
65. Аквилон – в римской мифологии северный ветер, летящий с быстротой орла.
66. ОР РНБ. Ф. 19. № 2. Л. 12.
67. Там же. № 4. Л. 6.
68. Рахтанов И. Рассказы по памяти. М. 1969. С. 32–33.

69. ЦГАЛИ СПб. Ф. 4226. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
70. Острой О.С. Издательство «Academia» // Книга: Исследования и материалы. М. 1969. Сб. 18. С. 157.
71. Чуковский К.И. Из воспоминаний. М. 1958. С. 217.
72. Мартынов П.Н. Полвека в мире книг. Л. 1969. С. 79-80.
73. Архив А.М. Горького. М. 1964. Т. 10. Кн. 1. С. 58.
74. Цвейг С. Собр. соч. Л. 1928. Т. 6. С. 10.
75. Проспект издания собрания сочинений Р. Роллана. Л. 1930. С. 1.
76. Шомракова И.А. Издательство «Время» // Книга: Исследования и материалы. М. 1968. Сб. 17. С. 214.
77. Устав кооперативного товарищества писателей в Ленинграде. Л. 1930. С. 3-4.
78. Лавров Н.П. и Таллерчик Т.М. Издательство писателей в Ленинграде // Книга: Исследования и материалы. М. 1978. Сб. 36. С. 92.
79. Хренков Д. Виссарион Саянов. Путь поэта. Л. 1975. С. 114.
80. Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л. 1979. С. 58.
81. Лавров Н.П. и Таллерчик Т.М. Указ. соч. С. 95.
82. ЛЕНГИХЛ – Ленинградское отделение Государственного издательства художественной литературы.
83. Танк Е. Итоги и перспективы // Литературный Ленинград. 1934. 8 августа.
84. Архив А.М. Горького. М. 1966. Т. 11. С. 256.
85. Там же. С. 205.
86. Воинов В. Архитектура книги // Литературный Ленинград. 1934. 20 июля.
87. Издательство писателей в Ленинграде ликвидируется // Литературный Ленинград. 1934. 5 августа.
88. Дезидераты (от лат. *deziderata* – желаемое) – книги, необходимые для пополнения библиотеки.
89. ЛенКОГИЗ - Ленинградское отделение Книготоргового объединения государственных издательств.
90. Шилов Ф.Г. Указ. соч. С. 133.
91. Там же. С.134
92. Там же. С. 159.
93. Мартынов П.Н. Полвека в мире книг. Л. 1982. С. 17.
94. Там же.
95. Книга не содержала указаний на место и год издания.
96. Мартынов П.Н. Указ. соч. С. 26.
97. Шилов Ф.Г. Указ. соч. С. 56.
98. Петрицкий В.А. История одного заблуждения: Петербургский библиофил А.Е. Бурцев (1863–1938) // Русская демократическая книга: Книжное дело Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Л. 1983. С. 62.
99. Казанков Б.Е. Букинист-антиквар И.С. Наумов // Книга: Исследования и материалы. М. 1973. Сб. 27. С. 203.
100. Айзенберг Т.Д. Ленинградский Дом книги // Книга: Исследования и материалы. М. 1972. Сб. 24. С. 200.
101. Там же. С. 204.
102. Кетлинская В. 900 дней героической обороны // Книжная торговля. 1970. № 5. С. 10–11.
103. Ленинградская правда. 1948. 14 ноября.

Адресный указатель

(внутри разделов применен хронологический принцип)

Название предприятия	Исторический адрес Установленное время нахождения по данному адресу	Сохранность здания Современный адрес ¹
<i>Типографии и другие полиграфические предприятия</i>		
Санкт-Петербургская типография	Городской остров. Наб. Невы вблизи домика Петра I, собственный дом М.П. Аврамова. 1711–1713	Не сохранилось. П.С., Петровская наб.
	Городской остров. Вблизи моста Петровских ворот Петропавловской крепости. 1713–1727	Не сохранилось. П.С., Троицкая пл.
Сенатская типография	Городской остров. Троицкая площадь, в здании Сената. С 1719 ²	Не сохранилось. П.С., Троицкая пл.
Типография Александров-Невского монастыря	Наб. Б. Невы за р. Монастыркой. С 1720 ³	Нет сведений. Пл. Александра Невского, 1
Типография Морской академии	«Кикины набережные палаты». Наб. Невы вблизи Адмиралтейства. 1720–1753	Не сохранилось. Участок дома № 36 по Дворцовой наб. (на месте Зимнего дворца)
Типография Академии наук	В.О., наб. Б. Невы, дворец Прасковьи Федоровны. С 1727	Не сохранилось. В.О., участок дома № 1 по Университетской наб.
	В.О., Большой пр., 28 (9-я линия, 11). С 1825	Сохранилось. 9-я линия, 12 Типография «Наука»
Новозаведенная типография при Академии наук	В.О., наб. Б. Невы (угол 7-й линии). С 1758	Сохранилось с изменениями. В.О., наб. Лейтенанта Шмидта, 1
Типография И.Г. Рахманинова	Слобода Конного (Конногвардейского) полка в районе Смольного монастыря. С 1788	Нет сведений
	Далее до 1792 – Миллионная ул., 1, дом И.И. Бецкого	Сохранилось с изменениями

Типография «Крылов с товарищи»	Миллионная ул., 1, дом И.И. Бецкого. С 1792	Сохранилось с изменениями
Типография В.А. Плавильщикова ⁴	Миллионная ул., 1, дом И.И. Бецкого. 1793–1796	Сохранилось с изменениями
Типография Глазуновых	Б. Мещанская, дом Глазунова. 1803–1917	Перестроено. Казанская ул., 8
Типография и книжная лавка А.И. Плюшара	Невский пр., 14, дом Косиковского (Б. Морская ул., 13) С 1804	Сохранилось. Невский пр., 15 (Б. Морская ул., 14)
Типография Экспедиции заготовления государствен- ных бумаг	Наб. р. Фонтанки, 135, у Египетского моста. С 1818	Наб. Фонтанки, 142-144 С 1919 – фабрика «Гознак»
Государственная типография (ранее – Типография II Отделения собственной канцелярии)	Геслеровский пр., С 1910	Чкаловский пр., 15 С 1922 – типография «Печатный двор»
Словолитня Ж. Ревильона и К ^о	Демидов пер., 4, дом Шпехта. С 1830	Нет сведений. Пер. Гривцова
Типография Р.Б. Голике	Б. Садовая ул., 16, кв. 54. С 1852	Нет сведений
Типография М.О. Вольфа	Караванная ул., 24. С 1856	Нет сведений
Типография и литография «Николай Тиблен и К ^о »	В.О. 8-я линия, 25. 1859-1865	Сохранилось
Типография О.И. Бакста	Стремянная ул. С 1860	Нет сведений
	Невский пр., 71/2, кв. 33. С 1866	Сохранилось с изменениями. Невский пр., 73
	Невский пр., 10. 1873–1881	Сохранилось
Типография Ф.С. Сушинского	Угол Могилевской ул. и Канонер- ской ул., дом Петрашевского. С 1863	Перестроено. Канонерская ул., 1
	Наб. Екатерининского канала, 178 (по другим источникам – 168). Вторая половина 1860-х–1890 ⁵	Нет сведений. Наб. канала Грибоедова
Типография И.П. Огрызко	Коломна, близ Аларчина моста, в доме Харламова. До 1861	Не сохранилось. Участок дома № 4 в Климовом пер.

	Угол Могилевской ул. и Канонерской ул., дом Петрашевского. 1861–1863 ⁶	Перестроено. Канонерская ул., 1
Типография Министерства внутренних дел ⁷	Наб. р. Фонтанки, 48. 1862–1917	Сохранилось. Наб. р. Фонтанки, 57
Женская переплетная мастерская В.И. Глушановской ⁸	Коломна, Офицерская ул. 1864–1870	Нет сведений. Ул. Декабристов
Типография М.А. Куколь-Яснопольского	Столяров (Столярный?) пер., дом Бенардаки. 1864–1867	Нет сведений
Типография А.С. Голицына	Наб. Екатерининского канала, 81. 1864–1865	Сохранилось. Наб. канала Грибоедова
Типография А.Ф. Головачева	Наб. Екатерининского канала, 81. 1865–1869	Сохранилось. Наб. канала Грибоедова
Типография Н.А. Неклюдова	В.О. 8-я линия, 25. 1865–1872	Сохранилось
Типография А.М. Котомина ⁹	Наб. Екатерининского канала, 81. 1869–1876	Сохранилось. Наб. канала Грибоедова
Типография А.Ф. Маркса	Адмиралтейский пр, 10. С 1881	Сохранилось
	Средняя Подъяческая, 1. С 1885	Нет сведений
	Измайловский пр., 29. С 1896 ⁵	Сохранилось. Государственное унитарное предприятие «Техническая книга»
Типография М.М. Стасюлевича	В.О. 2-я линия, 7. С 1872	Нет сведений
Типография М. Спредовой	Вознесенский пр., 51. До 1885	Сохранилось. Вознесенский пр., 47
Типография П.П. Сойкина ¹¹	Вознесенский пр., 51. С 1885	Сохранилось. Вознесенский пр., 47
	Вознесенский пр., 47. С 1886	Сохранилось
	Стремянная ул., 12. С 1892	Сохранилось

Типография И.А. Ефрона (Семеновская)	Наб. р. Фонтанки, 92 (близ Царскосельского вокзала). 1880-е	Нет сведений
Типография А.И. Траншеля	Стремянная ул., 12. До 1892	Здание почти полностью перестроено новым владельцем П.П. Сойкиным в 1903
Типография В.С. Эттингера	Малая Итальянская ул., 13. 1884–1929* (в 1892 – Казанская ул., 44)	Нет сведений. Ул. Жуковского Нет сведений
Типография Р.Р. Голике	Наб. Екатерининского канала, 178 (по другим источникам – 168). С начала 1890-х	Нет сведений. Наб. канала Грибоедова
Фототипия и цинкография А.И. Вильборга	Мещанская ул., 2/57, угол Екатерининского канала. До 1903	Не сохранилось. Участок дома № 2 по Гражданской ул.
Типография «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» ¹²	Звенигородская ул., 11. С 1903	Сохранилось. ОАО «Иван Федоров»
Типография АО «Копейка»	Лиговская ул. Ранее 1918–1920-е	Нет сведений. Лиговский пр., 111–113
Типография газеты «День»	Ямская ул., 15. Ранее 1917 (затем придана Петрогосиздату)	Нет сведений. Ул. Достоевского
Типография им. Володарского	Наб. р. Фонтанки, 57. С 1918	Сохранилось
Типография газеты «Правда»	Херсонская ул., 12. С 1930-х	Сохранилось

Издательства

Издательство и книжный магазин К.Л. Риккера	Невский пр., 14. С 1861	Не сохранилось
Контора журнала «Нива» (издатель А.Ф. Маркс)	М. Морская ул., 22. С 1870	Сохранилось
Издательство Н.П. Карбасникова	Литейный пр., 48. С 1871	Сохранилось
Издательство Л.Ф. Пантелеева	1877–1890-е – Невский пр., 30, кв. 7. После 1890-х – Бассейная ул., 26	Сохранилось с изменениями Нет сведений. Ул. Некрасова
Издательство «Практическая медицина» и книжный магазин В.С. Эттингера	Б. Сампсониевский пр., 61. 1884–1929* В 1920-х – Нижегородская ул., 15; Загородный пр., 70, кв. 14	Не сохранилось (полностью перестроено) Нет сведений
Издательство и книжный склад В.А. Березовского	Колокольная ул., 14. 1886–1918	Сохранилось
Издательство «Просвещение»	Главная контора – Невский пр., 50 Склад – Забалканский (Международный) пр., 75. 1896–1922*	Перестроено Сохранилось. Московский пр., 91
Издательство Общины Св. Евгении	Б. Морская ул., 38. 1896–1920	Сохранилось
Издательство М.А. Малых	Садовая ул., 119, кв. 6. Начало 1900-х	Сохранилось
Издательство «Знание»	Невский пр., 92. Начало 1900-х	Сохранилось
Издательство «Вперед»	Караванная ул., 9. 1905–1907	Сохранилось
Издательство «Зерно»	Невский пр., 110. 1906–1908	Сохранилось
Издательство «Шиповник»	Николаевская ул., 31. 1906–1917	Сохранилось. Ул. Марата, 31
Издательство «Пантеон»	Предположительно Потемкинская ул. напротив Таврического сада. 1907–1912	Нет сведений
Кружок любителей русских изящных изданий	Сергиевская ул., 38. 1908–1919	Нет сведений. Ул. Чайковского

Издательство «Жизнь и знание»	С 1910 – наб. р. Фонтанки, 38, кв. 19.	Нет сведений
	В 1917–1918 – Поварской пер., 2, кв. 9 и 10	Сохранилось частично
Издательство «Сириус»	Пушкинская ул., 10. 1912–1914	Сохранилось
Издательство «Прибой»	Измайловский пр., 9, кв., 91. 1913–1914	Сохранилось
	Николаевская ул., 27. 1917	Сохранилось. Ул. Марата, 27
	В 1922–1927 – пр. 25 Октября, 1.	Сохранилось. Невский пр., 1
	пр. 25 Октября, 52.	Частично перестроено. Невский пр., 52
Издательство «Парус»	Б. Монетная ул., 18, кв. 4. 1915–1918	Сохранилось
Издательско-кооператив- ный союз «Кооперация»	Пр. Володарского, 49, кв. 8. 1917–1927	Сохранилось. Литейный пр., 49
Издательство «Былое»	Пр. Володарского, 21, кв. 16.	Сохранилось. Литейный пр., 21
	Невский пр., 53. 1917–1927*	Сохранилось
Кооперативное издательство «Научное книгоиздательство»	Литейный пр., 25. С 1918	Сохранилось
	Невский пр., 108. С 1918	Сохранилось
Издательство и книжный магазин кооперативного товарищества «Начатки знаний»	Невский пр., 35. Большой Гостиный двор, помещение № 8. С конца 1920-х	Сохранилось. Внутрен- ние помещения реконст- руированы
Издательство «Алконост»	Колокольная ул., 1. С 1917	Сохранилось
	Невский пр., 57. 1921	Не сохранилось (полностью перестроено)
Книгоиздательское товарищество «Колос»	Литейный пр., 21. 1918–1925	Сохранилось
Издательство «Всемирная литература»	С 1918 – Невский пр., 64. 1919–1924 – Моховая ул., 36.	Сохранилось Сохранилось

Кооперативное издательство «Наука и школа»	Пр. Володарского, 36. 1918–1929*	Сохранилось. Литейный пр., 36.
Петрогосиздат ¹³	Пр. 25 Октября, 28. 1919–1963	Сохранилось. Невский пр., 28
«Издательство “Брокгауз и Ефрон”»	Невский пр., 35. Большой Гостиный двор, помещение № 124. 1919–1931*	Сохранилось. Внутренние помещения реконструированы
Комитет популяризации художественных изданий	Ул. Герцена, 38. 1920–1929	Сохранилось. Б. Морская ул., 38
Издательство и книжный магазин «Academia»	Пр. Володарского, 40. 1921–1929*	Сохранилось. Литейный пр., 40
Издательство «Аквилон»	Наб. р. Мойки, 59, кв. 35. 1921–1923*	Сохранилось
Издательство «Мысль»	Ковенский пер., 11. 1922–1930*	Нет сведений
Издательство «П.П. Сойкин»	Стремянная ул., 8. 1922–1930	Сохранилось
Издательство «Радуга»	Контора издательства – Невский пр., 35, Большой Гостиный двор, помещения № 71–72. Редакция – Стремянная ул., 14. 1922–1930*	Сохранилось. Внутренние помещения реконструированы Нет сведений
Издательство и книжный магазин «Петроград»	Пр. Володарского, 51. 1922–1926	Сохранилось. Литейный пр., 51
Издательское товарище- ство «Время»	Конторы – пр. Володарского, 3-а, 7-я Рождественская, 7. 1922–1934*	Нет сведений. Литейный пр. и 7-я Советская ул.
Издательство писателей в Ленинграде	Невский пр., 35. Большой Гостиный двор. 1927–1934*	Сохранилось. Внутренние помещения реконструированы
Кооперативное издатель- ство и книжный магазин «Петрополис»	Надеждинская ул., 56. 1920-е	Сохранилось. Ул. Маяковского
Лениздат	Наб. р. Фонтапки, 59. С 1963	Сохранилось
«Аврора»	Невский пр., 7/9 С 1970	Сохранилось

«Азбука»		ул. Решетникова, 15
«Академический проект»		ул. Рубинштейна, 26
«Амфора»		наб. р. Карповки, 23
БЛИЦ		Полтавская ул., 14
«Весь»		ул. Мира, 6
Гидрометеониздат		ул. Беринга, 38
Издательство ЛГУ		Университетская наб., 7/9
«Искусство» (теперь – «Искусство СПб»)		Саперный пер., 10
«Лань»		пр. Обуховской обороны, 277
«Лимбус Пресс»		Измайловский пр., 14
«Наука»		В.О. Менделеевская линия, 1
«Нева»		ул. Одоевского, 29
«Норинг»		Невский пр., 74
«Паритет»		Липовая аллея, 154
«Питер»		Выборгская наб., 27/6
«Просвещение»		Литейный пр., 37 - 39
«Пушкинский фонд»		наб. р. Фонтанки, 78
«Симпозиум»		Исаакиевская пл., 5
«Советский композитор» (теперь – «Композитор»)		Большая Морская ул., 45
«Советский писатель» (теперь – «Петербургский писатель»)		Литейный пр., 36
«Судостроение»		Малая Морская ул., 8
«Тимошка»		ул. Типанова, 4
«Химия»		Апраксин пер. 4
«Художник РСФСР»	Большеохтинский пр., 6	Сохранилось. Издательство «Художник России»

Издательско-полиграфические комплексы

Издательство, словолитня, типография и книжный склад М.О. Вольфа	В.О. 16-я линия, 5–7. С 1877	Сохранилась часть зданий
Типография и редакция газеты «Новое время» ¹⁴ (издатель А.С. Суворин)	Малая Итальянская ул., 47. С 1877	Нет сведений. Ул. Жуковского
Издательство «Общественная польза» ¹⁵ , типография, литография, словолитня и книжный магазин	Эртелев пер., 11/2. С 1884	Сохранилось (надстроено). Ул. Чехова, 13
Издательство «Общественная польза» ¹⁵ , типография, литография, словолитня и книжный магазин	До 1875 – наб. р. Мойки 5. 1875–1895 – Б. Подъяческая ул., 39.	Сохранилось Сохранилось с изменениями
Типография, книжный магазин и издательство М.М. Стасюлевича	В.О. 5-я линия, 28. С 1882	Нет сведений
АО «Брокгауз и Ефрон» ¹⁶	Прачечный пер., 6. 1889–1917	Сохранилось. Типография № 8 ГУП «Техническая книга»
Издательство и типография М.А. Мальх	В.О. 10-я линия, 43. 1906–1909	Сохранилось
Издательство и книжный склад торгового дома «А.Ф. Девриен»	В.О., 4-я линия, 13. 1914–1917	Сохранилось
Книжная лавка при	Городской остров.	Не сохранилось.

Книжные лавки и магазины

Санкт-Петербургской типографии	Троицкая пл., в здании Гостиного двора. С 1714	П.С., Троицкая пл.
Книжный магазин и библиотека А.Ф. Смирдина	Наб. р. Мойки, 63, дом Гавриловой (у Синего моста). С 1823	Сохранилось (надстроено). Наб. р. Мойки, 70.
	Невский пр., дом Лютеранской церкви. С 1832	Сохранилось (надстроено). Невский пр., 22
Книжная лавка И.В. Слепина	Невский пр., 34. Большой Гостиный двор, Зеркальная линия, лавка № 37. 1813–1823	Сохранилось. Невский пр., 35, Садовая линия. Внутренние помещения реконструированы

	Невский пр., 33, дом Кусовникова. 1823–1829	Перестроено. Невский пр., 30
	Невский пр., 31, дом Имзена. С 1829	Не сохранилось. Участок дома № 28 по Невскому пр.
Лавка иностранных книг М.Х. Панькова	Невский пр., 34. Большой Гостиный двор, Суконная линия, лавка № 13. До 1831	Сохранилось. Невский пр., 35, Невская линия. Внутренние помещения реконструированы
Книжные лавки Глазуновых ¹⁷	Б. Садовая ул., 11, дом Балабина. 1800-е	Перестроено. Садовая ул., 18
	Б. Садовая ул., 13, дом Публичной библиотеки. 1820-е	Сохранилось. Садовая ул., 20
	Невский пр., 31, дом Имзена. 1830-е	Не сохранилось. Участок дома № 28 по Невскому пр.
	Невский пр., 34. Большой Гостиный двор, лавки № 9, 15, 21, 22. 1820–1830-е	Сохранилось. Невский пр., 35. Внутренние помещения реконструированы
	Невский пр., 27. Начало XX в.	Перестроено
Книжный магазин Я.А. Исакова	Невский пр., 34. Большой Гостиный двор, Суконная линия, лавка № 13 (с 1831), затем лавка № 22	Сохранилось. Невский пр., 35, Невская линия. Внутренние помещения реконструированы
Книжный магазин М.Д. Ольхина	Невский пр., дом купца Заветного, против Александринского театра. С 1842	Не сохранилось (полностью перестроено). Участок дома № 58 по Невскому пр.
Книжный магазин М.Д. Ольхина	Невский пр., 34. Большой Гостиный двор, Сукон- ная линия, лавка № 13. С 1843	Сохранилось. Невский пр., 35, Невская линия. Внутренние помещения реконструированы

Книжный магазин П.И. Крашенинникова	Угол Невского пр. и Адмиралтейской площади. С 1847	Нет сведений
«Универсальная книжная торговля М.О. Вольфа»	Невский пр., 34. Большой Гостиный двор, Суконная линия, лавки № 18, 19, 20. С 1853 (В 1892 – лавки № 18–23)	Сохранилось. Невский пр., 35, Невская линия. Внутренние помещения реконструированы
Книжный магазин Д.Е. Кожанчикова	Невский пр., напротив Публичной библиотеки, в доме Демидова. С 1858	Перестроено. Невский пр., 54
Книжный магазин Л.И. Жебелева	Невский пр., дом Казанского собора. До 1861	Сохранилось. Невский пр., 25
Книжный магазин и библиотека В.Е. Генкеля	В.О., 1-я линия, 6. 1861–1863	Нет сведений
	Невский пр., 36 До 1867	Сохранилось
Книжный магазин В.В. Яковлева	Невский пр., дом Казанского собора. С 1861	Сохранилось. Невский пр., 25.
Книжный магазин и библиотека Н.А. Серно-Соловьевича	Невский пр., дом Лютеранской церкви. С 1862	Сохранилось. Невский пр., 24
Книжный магазин и кабинет для чтения П.А. Гайдебурова	В.О., 1-я линия, 6. С 1863	Нет сведений
	Невский пр., 36. До 1867	Сохранилось
Книжный магазин Е.П. Печаткина	Невский пр., дом Армянской церкви. 1865–1866	Сохранилось. Невский пр., 42
Книжный магазин и читальня В.В. Яковлева и А.С. Голицына	Угол Невского пр. и Караванной ул. До 1866	Не сохранилось. Участок дома № 66 по Невскому пр.
“Русская книжная торговля” ¹⁸	Невский пр., дом Армянской церкви. 1866–1875	Сохранилось. Невский пр., 42
Книжная лавка Н.А. Серно-Соловьевича и А.А. Слепцова	Обуховский пр., 31. 1860-е	Нет сведений. Московский пр.

Книжный магазин и библиотека А.А. Черкесова ¹⁹	Невский пр., дом Демидова, напротив Публичной библиотеки. 1867–1880	Перестроено. Невский пр., 54
Книжный магазин для иногородних Ф.Ф. Павленкова ²⁰	Невский пр., 36. С 1867	Сохранилось
Книжный магазин и «Невская библиотека» А.А. Черкесова	В.О., 5-я линия, 6. С 1871	Нет сведений
Книжный магазин А.Ф. Девриена	В.О., 3-я линия, 8. С 1873	Нет сведений
Книжный магазин и библиотека для чтения Е.И. Сушинской	Покровская пл., 107. С 1873	Нет сведений
Книжный магазин В.О. Ковалевского	Б. Садовая ул., 81. С 1875	Нет сведений
Книжный магазин А.С. Суворина	Невский пр., дом Армянской церкви. 1876–1877	Сохранилось. Невский пр., 40
Книжный магазин А.С. Суворина	Невский пр., дом Армянской церкви. С 1878	Сохранилось. Невский пр., 40
Книжный магазин А.С. Суворина	Невский пр., 58. После 1878	Не сохранилось (полностью перестроено)
Книжный магазин А.Ф. Бабунова	Невский пр., дом Ольжиной 1870-е	Сохранилось с изменением фасадов. Невский пр., 30
Книжный магазин А.Ф. Девриена	В.О., 2-я линия, 1. С 1881	Нет сведений
Книжный магазин О.И. Бакста	Невский пр., 10. До 1889	Сохранилось
Книжный магазин О.И. Бакста	Литейный пр., 26. До 1889	Нет сведений
Книжный магазин О.И. Бакста	Угол Б. Итальянской ул. и наб. Екатерининского канала. До 1889	Сохранилось (надстроено). Наб. канала Грибоедова, 6
Книжный магазин, библиотека и контора изданий О.Н. Поповой ²¹	Невский пр., 54. 1880-е–1919 (библиотека до 1911)	Сохранилось
Книжный магазин П.П. Сойкина	Невский пр., 96. 1900-е	Сохранилось
Книжный магазин Н.В. Соловьева	Симеоновская ул., 11. С 1900	Нет сведений. Ул. Белинского

Книжные лавки Литературно- издательского отдела Наркомпроса	Наб. р. Фонтанки, 55. 1917–1919	Нет сведений.
Магазины Петрогосиздата	Пр. 25 Октября, 13	Реконструировано Невский пр., 13
	П.С., Большой пр., 27	Нет сведений
	В.О., 4-я линия, 13	Сохранилось
	Пр. 25 Октября, 72	Сохранилось. Невский пр., 72
	Пр. Володарского, 53-а	Сохранилось. Литейный пр., 57
	(Все открылись в 1922)	
Магазин издательско- кооперативного союза «Кооперация»	Литейный пр., 53-а. 1917–1927	Сохранилось. Литейный пр., 57
Книжный магазин издательства «Мысль»	Пр. 25 Октября, 19. 1922–1930*	Перестроено. Невский пр., 19
Книжный магазин издательства «Academia»	Пр. Володарского, 53-б. После 1925	Сохранилось. Литейный пр., 55
Дом книги	Пр. 25 Октября, 28 С 1919	Сохранилось. Невский пр., 28
Филиалы Дома книги		В.О., Большой пр., 4/19
		Литейный пр., 30
		В.О., ул. Шевченко, 9
«Гиппократ»		Ул. Ленина, 20
«Мир науки и медицины»		Литейный пр., 64
«Детский книжный мир»		Лиговский пр., 105
«Дом строительной книги» (теперь – «Строительная книга»)		Среднеохтинский пр., 35
«Книжная лавка писателей»		Невский пр., 66
«Ленинград» (теперь – «Искусство»)		Невский пр., 52

«Подписные издания»		Литейный пр., 57
«Снарк» (офис)		Кузнецовская ул., 52
«Техническая книга»		Пушкинская ул., 2
<i>Книжные склады</i>		
Книжный склад Санкт-Петербургской типографии	Городской остров. «Казенный амбар» на Оружейном дворе в районе Оружейной ул. 1710-е	Не сохранилось. П.С., ул. Мира
Книжный склад Комитета грамотности	Здание Вольного экономического общества. Забалканский пр., 33. 1861–1895	Сохранилось. Московский пр., 33
Книжный склад А.М. Калмыковой	Литейный пр., 60. 1890–1901	Сохранилось
Книжный склад Е.Н. Водовозовой	В.О., 6-я линия, 29. С конца 1890-х	Сохранилось
Канцелярия и книжный склад издательства Общины Св. Евгении	Старорусская ул., 3. 1905–1920	Сохранилось
Книжные склады Литературно-издательско- го отдела Наркомпроса	Кабинетская ул., 13. Наб. р. Фонтанки, 61. Наб. р. Мойки, 32. Все – 1917–1919	Нет сведений. Ул. Правды Нет сведений Нет сведений

Антикварные и букинистические магазины

Букинистический магазин В.И. Клочкова	Литейный пр., 55. С 1885	Сохранилось. Литейный пр., 59
Букинистический магазин М.П. Мельникова	Литейный пр., 59. 1892 Литейный пр., 57. С 1898	Сохранилось Литейный пр., 63 Сохранилось. Литейный пр., 61
Букинистический магазин А.К. Гомулина	Литейный пр., 57 ²² . 1890-е пр. Володарского, 49. 1920-е	Сохранилось. Литейный пр., 61 Сохранилось Литейный пр., 49
Букинистический магазин С.Н. Котова	Пр. Володарского, 59. 1920-е	Сохранилось. Литейный пр., 63
Букинистический магазин Э.К. Гартъе	Невский пр., 54. 1870-е Литейный пр., 58. 1900-е	Перестроено Сохранилось

Букинистический магазин Н.В. Соловьева	Литейный пр., 51. С 1901	Сохранилось
Букинистический магазин Ф.Г. Шилова	С 1904 – Литейный пр., 56 В 1927 – пр. 25 Октября, 72 Не позже 1929 – пр. Володарского, 51	Сохранилось Сохранилось. Невский пр., 72. Сохранилось. Литейный пр., 53
Букинистический магазин Л.Ф. Мелина	М. Конюшенная ул., дом Шведской церкви. 1890-е Литейный пр., 51, дом Шереметева. Конец 1890-х Литейный пр., 60. 1903–1917	Сохранилось. М. Конюшенная ул., 3 Сохранилось Сохранилось
Букинистический магазин И.И. Базлова	Забалканский пр., 24. До 1917 Пр. Володарского, 30. После 1917–1929	Нет сведений. Московский пр. Сохранилось. Литейный пр., 30
Антикварный магазин	Моховая ул., 43. 1917–1918	Сохранилось
Магазин «Книжный угол» В.Р. Ховина	Караванная ул., 2/5. 1918–1922 Пр. Володарского, 64. С 1925	Нет сведений Сохранилось. Литейный пр., 64
Букинистический магазин «Экскурсант»	Пр. Володарского, 47. С 1922	Сохранилось. Литейный пр., 47
Букинистический магазин И.С. Соломина	Пр. Володарского, 57. С 1922	Сохранилось. Литейный пр., 61
Антикварный магазин АО «Международная книга»	Пр. Володарского, 53-а. 1922–1936*	Сохранилось. Литейный пр., 57
Магазин «Антиквариат» П.В. Губара и Н.М. Волкова	Пр. 25 Октября, 72. 1923–1927	Сохранилось. Невский пр., 72
Букинистический магазин И.Ф. Косцова	Пр. Володарского, 46 1920-е	Сохранилось. Литейный пр., 46
Букинистический магазин Н.В. Базыкина	Пр. Володарского, 21. 1920-е	Сохранилось. Литейный пр., 21
Магазин А.Е. Бурцева	Бассейная ул. 1920-е	Нет сведений. Ул. Некрасова, 10
Магазин Ф.П. Наумова	Пр. Володарского, 56. После 1925	Сохранилось. Литейный пр., 56.

Букинистический магазин «Книжная лавка писателей»	Пр. Володарского, 46. С 1934	Сохранилось. Литейный пр., 46
Антикварно-букинистический магазин № 3	Невский пр., 94. 1950-е	Сохранилось
Антикварно-букинистический магазин	Ул. Герцена, 14. 1960-е	Сохранилось. Б. Морская ул., 14

Примечания к адресному указателю

- ¹ Современный адрес указывается в том случае, если он не соответствует историческому.
- ² Последующие адреса этого предприятия остались за рамками хронологии данной книги.
- ³ Последующие адреса этого предприятия остались за рамками хронологии данной книги.
- ⁴ С 1797 г. работала под маркой типографии Санкт-Петербургского губернского правления, а в 1804-1807 – под названием «Театральная типография». Предположительно, куплена А.Ф. Смирдиным.
- ⁵ С 1870-х гг. при типографии по этому адресу функционировал книжный магазин Ф.С. Сущинского.
- ⁶ В 1863 И.П. Отрывко продал свою типографию В.А. Рогальскому и Ф.С. Сущинскому, каждому в равной части. С 1865 г. ее единоличным собственником стал Ф.С. Сущинский (см.).
- ⁷ См.: типография им. Володарского.
- ⁸ В конце 1869-начале 1870 г. женская переплетная мастерская перешла к В.А. Иностранцевой.
- ⁹ В 1876 г. типография перешла во владение В.И. Головина. У него до этого уже имелась своя типография, первые упоминания о которой относятся к 1865 г. (предположительно, наб. р. Фонтанки, 93). По-видимому, с ней и была объединена типография Котомина. В дальнейшем Котомин, очевидно, стал совладельцем типографии, но уже не единоличным: на выпущенных ею книгах значится «А.М. Котомин и К^о». Типография Головина прекратила свою деятельность в 1886 г.
- ¹⁰ На купленном в 1896 г. участке земли на Измайловском пр., 29, А.Ф. Маркс в 1898 г. начал строительство нового здания типографии; официальное ее открытие состоялось в 1901 г.
- ¹¹ С 1922 г. – 5-я Государственная типография им. Гутенберга.
- * Здесь и далее таким знаком отмечен полный период деятельности в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде тех предприятий, время нахождения которых по указанным адресам определить не удалось.
- ¹² С 1918 г. – 15-я Государственная типография, с 1922 г. – типография им. Ивана Федорова.
- ¹³ С 1924 г. – Ленгиз, с 1930 г. – Лениблиздат, с 1938 г. – Лениздат (см.).
- ¹⁴ Контора газеты «Новое время» в 1870–1890-х находилась на Невском проспекте, 38 (здание сохранилось с измененным фасадом).
- ¹⁵ В 1858–начале 1860-х – «Торговый дом под фирмой Ст.Дм. Струговщикова, Гр.Дан. Похитонова, Ник.Ив. Водовозова и К^о».
- ¹⁶ Возобновило свою деятельность в 1918 г. под названием «Акционерное общество “Издательское дело”»; с 1919 г. – «Издательство “Брокгауз и Ефрон”» (см.).
- ¹⁷ Перечислены только установленные адреса.
- ¹⁸ Объединенная книжная торговля Н.А. Гиблина, Е.П. Печаткина и Н.П. Полякова.
- ¹⁹ В 1875 г. произошло объединение книжных магазинов А.А. Черкесова и Д.Е. Кожанчикова (до 1877 г.).
- ²⁰ После ареста в 1868 г. Ф.Ф. Павленков передал все права на Книжный магазин для иногородних своему компаньону М.П. Надеину, владевшему им до 1876 г.
- ²¹ С 1908 г. – Товарищество издательского дела и книжной торговли О.Н. Поповой (создано ее наследниками).
- ²² По этому же адресу в 1926 г. находился магазин «Букинист» А.К. Гомулина и К.В. Иванова.

Указатель имен книгоиздателей, книготорговцев и типографов¹

Аврамов М.П. 14, 17, 20, 30, 47
 Адодуров В.Е. 31
 Александров В.А. 226
 Александров Г. 15
 Алексеев Е.П. 382
 Альтман Н.И. 329
 Алянский С.М. 366–368, 379
 Аникеев А.И. 388, 389
 Аничков Д.С. 63
 Антик В.М. 363
 Антонова М.И. 389, 390
 Антонович М.А. 193, 206, 209
 Апрелев П.И. 177
 Арсеньев К.К. 302
 Астапов А.А. 383
 Ашетт Л.К. 144, 323

Базлов И.И. 323
 Базунов А.Ф. 104, 105, 117, 264
 Базунов В.И. 104
 Базунов Ф.В. 104
 Базыкин Н.В. 384
 Бакст В.И. 205
 Бакст Н.И. 205
 Бакст О.И. 177, 188, 193, 200, 204–210,
 212, 230
 Баллин Н.П. 178, 200
 Баллина Е.С. 264
 Баллод П.Д. 188, 193, 225
 Баринов Г.И. 382
 Барсов А.А. 63
 Барсов А.К. 30
 Бекетов П.П. 107
 Бекетова Е.Г. 262
 Беланова Э.Т. 390
 Белозерская Н.А. 193, 262
 Белопольский А.А. 362, 366
 Белопольский И.Р. 365, 366
 Беляков А.А. 288
 Бенуа А.Н. 306, 313, 319
 Березовский В.А. 148–150
 Бестужев А.А. 111
 Бестужев-Рюмин В.Н. 197
 Билибин Н.И. 201, 227
 Битепаж Ф.А. 123
 Благодарнов Я.И. 69
 Блок А.А. 308, 309, 329, 366, 367
 Блок Г.П. 377
 Блох Я.Н. 369

Богданов Д.П. 382
 Богданович И.Ф. 61
 Богучарский В.Я. 285
 Бодони Д. 107
 Болквадзе В. 288
 Бонч-Бруевич В.Д. 267, 286, 287, 290
 Бородин И.И. 112
 Боссанж 116
 Брокгауз Ф.А. 116, 301–304
 Бруснев М.И. 288
 Брюсов В.Я. 284, 329
 Бубнов Н.В. 382
 Булгарин Ф.В. 86, 88, 89, 106
 Бурцев А.Е. 386, 387
 Бурцев В.Л. 285, 286
 Бурцев Г.А. 386

Васильев В.В. 366
 Васильев М. 25
 Васильева Л.С. 390
 Васильков Ф. 25
 Васькова В.Ф. 389, 390
 Вейнберг П.И. 168, 200, 209, 230
 Вейнер П.П. 305
 Венгеров С.А. 302
 Верещагин В.А. 130, 305
 Вильборг А.И. 194, 313
 Вильковский Е.К. 68
 Винникова Р.П. 390
 Винокуров Г.В. 389
 Водов Н.И. 152
 Водовозов В.В. 286
 Водовозова Е.Н. 266, 268–270
 Водовозова М.И. 266, 269–272
 Волков Б. 12, 20
 Волков Н.М. 382, 386
 Вольф А.М. 122, 301
 Вольф Е.М. 122
 Вольф Л.М. 122
 Вольф М.О. 105, 115–123, 130, 131, 145,
 182, 193, 266
 Вольфсон И.В. 377
 Воронин П.А. 389
 Всеволожский Н.С. 109
 Вяземский П.А. 84, 94
 Гайдебуров П.А. 200, 208, 248, 249, 254
 Галченков Ф.А. 68
 Гартшгейн Н.Е. 303

¹ В указатель не включены имена, упомянутые в примечаниях, за исключением примечаний к адресному указателю.

- Гартье Э.К. 323, 324
Гауш Т. 210
Генкель В.Е. 92, 98, 129–131, 248
Гербель Н.В. 179, 193
Герцен А.И. 173, 183, 223
Гиероглифов А.С. 201, 202
Гишинский Л.М. 389
Глазунов И.И. 93, 95
Глазунов И.П. 93, 95
Глазунов М.П. 66, 93, 95
Глюксберг А.Е. 116
Голике Р.Б. 193
Голике Р.Р. 193, 305
Голицын А.С. 207, 216, 217, 226–230
Голованов П.М. 389
Головачев А.Ф. 188, 216–218, 220, 229
Головин В.И. 216, 222–224
Гомулин А.К. 323
Городецкий Б.П. 373
Горький М. 281–285, 291, 292, 297, 298, 331–333, 364, 375, 382
Грааль-Арельский (С.С. Петров) 373
Греч Н.И. 86, 88, 89, 97, 109
Гржебин З.И. 310, 331, 368
Гридин Ф.Д. 193
Груздев И.А. 378, 380
Губар П.В. 382, 386
- Давыдов С.А. 389
Девит Г. 13
Девриен А.А. 144
Девриен А.Ф. 118, 144–146
Девриен В.А. 144
Дейлова А.Г. 390
Дементьев В.И. 389
Демис Л.Н. 181
Десницкий С.Е. 63
Джавадова Р.О. 389
Дидо 96, 107
Дмитревский И.А. 70
Дмитриев А.М. 379
Добин Е.С. 379
Драбкина Ф.И. 296
Дурнов В.А. 340
Дюперрон Г.А. 376
- Евдокимов В.Я. 25, 185, 186, 229
Евдокимов М.П. 382
Екимов И.Г. 389
Елизарова А.И. 296
Енукидзе А.С. 288
Ермолова М.Г. 262
Ефремов М. 15
Ефрон И.А. 301–304
Ефрон И.И. 302
- Жебелев Л.И. 92, 106, 173, 177, 227
Жук А.А. 197
- Жуковская (Ценина) Е.И. 216, 228, 229
Жуковский Ю.Г. 217, 229
- Задлер Е.К. 194
Задлер К.К. 194
Зайцев В.А. 182, 200
Закс-Гладнев С.М. 364
Заленский А.В. 200, 216, 217
Зандмарк 78
Зоргенфрей В.А. 376
Зотов Г. 57
Зубов А.Ф. 13, 14, 20
Зыбелин С.Г. 63
- Иванов Е.А. 322
Иванов-Разумник Р.В. 362
Ивашева (Черкесова) В.В. 184, 188, 262
Ильин А.А. 313
Ильин П.А. 84
Иностранцева В.А. 227, 264
Ионов И.И. 336, 339, 388
Исаков Я.А. 98, 103, 104, 116, 264
- Каган А.С. 369
Казаков М.Э. 379
Калганова А.С. 390
Калмыкова А.М. 168, 266, 277, 278, 365
Кантор В.М. 370
Карбасников Н.П. 150–152, 266
Кареев Н.И. 362, 370
Карсавин Л.П. 362
Кедров М.С. 288–290
Келчевский 226
Кеппен П.И. 108
Киммель Н.Л. 92
Киркор А.А. 132
Кирнарский М.А. 379
Клаас Г.К. 340
Клаудий Хр. 70
Клейнберг Г. 142
Климанов 387
Клочков В.И. 305, 320, 321
Клочков И.М. 320
Клушин А.И. 70
Клячко Л.М. 372
Княжнин Я.Б. 61
Ковалевский В.О. 186, 188, 193, 197, 199, 200, 212, 218, 230
Кожанчиков Д.Е. 184, 186, 193, 198, 209, 245, 246–248
Козельский Я.П. 61
Козицкий Г.В. 53, 60, 61
Козлов И.Е. 382
Кольчугин Н.А. 66
Кондратенко Н.И. 389
Копельман С.Ю. 310, 311
Копижевский И.Ф. 11, 15
Корф И.А. 30

- Корш Е.А. 220
 Косцов И.Ф. 384
 Котов С.Н. 323
 Котомин А.М. 188, 216, 220, 222, 232, 264
 Коц Е.С. 376
 Краевский А.А. 87, 97, 246
 Край К.К. 109
 Красина-Лушникова С.Б. 288
 Крашенинников П.И. 92, 106, 177
 Крашенинникова 92, 185
 Кроленко А.А. 373, 374
 Крылов И.А. 52, 68, 70, 78–80, 85, 87
 Кубасов И.А. 362
 Кудинович Н.З. 225
 Кузмин М.А. 369, 376
 Куленбах 15
 Куколь-Яснопольский М.А. 188, 207, 210–215, 225
 Кулиш П.А. 177
 Курганова Т.А. 390
 Курочкин Н.Н. 388
 Кутузов А.М. 63
 Кушелев-Безбородко Г.А. 197

 Лавренев Б.А. 379
 Лавров П.Л. 197, 229
 Ладыжников И.П. 283, 331
 Ландсберг 206
 Лебедев-Полянский П.И. 328–330
 Лебен 142
 Ледерле М.М. 168
 Леман И.И. 129, 305
 Лернер Н.О. 335, 362
 Либединский Ю.Н. 379
 Лисенков И.Т. 321, 383
 Лихачев В.И. 233
 Лихачева Е.И. 200, 209
 Лозинский М.Л. 362, 376
 Лозинский Г.Л. 369
 Ломковский Н.К. 186
 Ломоносов М.В. 15, 31–34, 36–38, 42, 58, 90
 Лопухин И.В. 63
 Лосский Н.О. 362
 Лури 176
 Любарский В. 200, 216, 217

 Малых М.А. 266, 272, 276, 277
 Мам 120
 Маркс А.Ф. 115, 123–130, 307, 337
 Мартынов П.Н. 376, 384
 Мелин Л.Ф. 322
 Мельников М.П. 321, 322
 Менжинская М.А. 262
 Миллер 78
 Миллер Г.Ф. 31, 32, 34, 41, 42, 60
 Михайлов А.М. 389, 390
 Михайлов П.В. 229

 Модзалевский Б.Л. 339, 362, 370
 Молчанов А.М. 322
 Мордуховский Е. 200
 Морозов П.О. 329
 Москалев В.Ф. 389
 Мусин-Пушкин И.А. 11, 12, 15
 Мухина О.А. 288
 Мушкина В.Я. 389
 Мюллер Г. 211
 Мюнкс А. 142
 Мякишев И. 13

 Надеин М.П. 193, 233, 249, 254–256
 Наумов И.С. 322, 387, 388
 Наумов Ф.П. 385
 Невский В.И. 338
 Некаюдов Н.А. 188, 197, 199–204, 234
 Нерадовский П.И. 319
 Никитин И. 20
 Никитин И.В. 389
 Никитина З.А. 379
 Николитч 255
 Никольский А.М. 137
 Новиков Н.И. 41, 52–54, 57, 58, 60, 63–69, 79, 92, 93, 108
 Нотгафт Ф.Ф. 319, 371

 Овсянников Г.Г. 383
 Овчинников М.К. 68
 Огарев Н.П. 173, 178, 183
 Огрызко И.П. 177, 188–193, 196, 255
 Оксман Ю.Г. 286, 362
 Ольденбург С.Ф. 168, 362, 370
 Ольминский М.С. 287, 296
 Ольхин М.Д. 92, 105, 106, 177
 Ольхина А.А. 105
 Опарина А.В. 390
 Очкин А.Н. 106

 Павленков Ф.Ф. 193, 201, 212, 216, 249–255, 264
 Панафидин А.Я. 255
 Пантелеев Л.Ф. 195, 197, 199, 205, 256–258
 Пантелеев Н.Я. 385
 Паньков М.Х. 98
 Патуйе Ж. 369
 Перельман А.Ф. 303
 Перельман Я.И. 137, 376
 Переплетчиков И.А. 66
 Петерсон Л.П. 340
 Петров В. 15
 Петров Д.К. 369
 Печаткин В.П. 92, 106, 177, 198
 Печаткин Е.П. 198, 201, 205, 212, 224, 225, 233, 234
 Печаткина (Глушановская) В.И. 205, 215, 218, 225, 264

- Пикарт П. 13, 14
Пинхасик Г.С. 390
Плавильщиков В.А. 80, 84, 92
Плавильщиков П.А. 70, 80
Плюшар А.А. 96, 98
Плюшар А.И. 86, 95
Плюшар Е.А. 96
Погосский А.Ф. 181
Пожильцов И.П. 389
Полевой К.А. 105
Поликарпов Ф.П. 12, 20
Поляков В.П. 94
Поляков Н.А. 384
Поляков Н.П. 187, 188, 193, 198, 200, 226, 234, 243–245
Попов Л.В. 343, 390
Попова О.Н. 186, 266–268
Похитонов Г.Д. 152
Прокофьев А.А. 379
Пускельман Д.М. 389
Путята А.Д. 173, 180, 207, 212, 229
Пыпин А.Н. 200, 201, 206, 209, 217, 230
Пыпин С. 177
Пятницкий К.П. 281–283
- Ратъков П.А. 105
Рахманинов И.Г. 52, 67–70, 78, 79
Ревильон Ж. 97, 117, 306
Риккер А. 142
Риккер К.Л. 142–145, 193
Риккер О.А. 144
Рихтер А.А. 177, 184
Рогальский В.А. 192
Рождественский И.А. 193, 212, 216, 229
Розенталь Н.А. 254
Россовский Л.А. 389
Ростовцев А.И. 13
Рубан В.Г. 55
Рудаков И. 58
Рудин С. 24
Румовский С.Я. 61
Румянцев Н.П. 107, 109
Рылеев К.Ф. 111
Рябинин А.А. 382
- Савельев М.А. 296
Саянов В.М. 379
Свешников Н.И. 383
Свириденко М.Я. 246, 247
Свирын Н.Г. 379
Седенко (П. Витязев) Ф.И. 365
Селивановский С.И. 109
Семен А.И. 85
Семенов С.А. 379
Сенковский О.И. 86–89, 94, 97, 181
Сергеев М.А. 319, 364, 385
Серно-Соловьевич А.А. 118, 173, 184, 190, 195
- Серно-Соловьевич Н.А. 106, 118, 150, 173–185, 190, 192, 206, 208, 227, 263
Сиверс А.А. 362
Синягин Н.К. 305, 321
Скамони Г.Н. 313
Складин Ю.П. 376
Скорина Ф. 107
Сленин И.В. 109–112
Сленин Я.В. 111
Слепцов А.Я. 179
Слонимский М.Л. 364
Смердынский К.Е. 220, 221
Смирдин А.А. 130
Смирдин А.Ф. 80, 84–92, 104, 105, 108, 116, 177, 185, 320
Смирнов А.А. 376
Смирнов М.М. 342
Смирнов Ф.Я. 382
Соболев Л.С. 379
Сойкин П.П. 136–139
Соколова З.В. 390
Соловьев Н.В. 305, 321
Соломин И.С. 384
Сорокин Г.Э. 379
Сорокин Н.В. 216–218
Спасович В.Д. 200
Сپردова М. 136
Стасова Е.Д. 266
Стасова Н.В. 209, 216, 261, 266
Стасова П.С. 261, 262, 266
Стасюлевич М.М. 140–142, 266
Степанов И.М. 312, 319
Степанов М.Д. 389
Степанов Ф. 30
Страхов П.И. 63
Струговщиков С.Д. 152
Стуруа Г.Ф. 288
Суворин А.С. 115, 131–136, 233, 266
Суворина А.И. 200, 202, 209, 314
Сулин Я.А. 228, 230
Сумароков А.П. 34, 35, 55
Сущинский Ф.С. 188, 192, 193, 233
Сыгин И.Д. 115, 124, 125
- Тарле Е.В. 286, 362, 370
Татищев П.А. 63
Тауберт И.К. 32, 42, 48
Терещенко М.И. 309
Терк Г.Т. 302
Тессинг Я. 11, 15
Тиблен Н.Л. 117, 118, 177, 194–202, 230, 233, 234, 256, 264
Тихонов А.Н. 283, 297, 331, 379
Тихонов Н.С. 379
Ткачева С.Н. 201, 227
Тодрия С.Я. 288
Траншель А.И. 136, 264

- Трахтенгерц А.М. 390
Трелиаковский В.К. 16, 34, 38–41, 90
Трубликова М.В. 209, 216, 261, 262
Трюбнер Н. 144
Тургенев И.П. 63
Тынянов Ю.Н. 379
Тяпкин Н. 186
- Успенский П.Г. 185
- Фан-дер-Флит Н.Ф. 168
Фарбман М.С. 311
Фармаковский Б.В. 319
Федин К.А. 379
Федоров И. 107, 307
Фен Н.О. 150
Феофилова О.Д. 389
Ферсман А.Е. 362, 376
Филиппов М.М. 138
Философова А.П. 262
Франковский А.А. 376
Фридберг Д.Г. 220
- Халабаев К.И. 330
Хвольсон О.Д. 138, 362, 366
Херасков М.М. 34, 35, 62, 63
Ховин В.Р. 385, 388
Хор 142
- Цветаев Ф.Ф. 85
Цеглин Л.С. 304
Цетлин Н.С. 304
- Чебышев В.Л. 197
Черкасов В.Д. 251, 254
Черкесов А.А. 92, 150, 183–188, 193, 198,
201, 209, 212, 220, 229, 244, 250, 266
Черненко А.И. 379
Чернявский А.А. 390
Чумандрин М.С. 379
Чупреянов А. 25
- Шаристанов 206
Шаховской Л.Н. 200
Шварц И.Г. 63
Шелгунова Л.П. 188, 212, 230
Шестаковская Т.В. 390
Шигин Н.А. 222
Шилов Ф.Г. 322, 323, 382, 383, 387
Шмицдорф 130
Шпет Г.Г. 362
Штакеншнейдер Е.А. 262
Штильке Г. 179
Шумяцкий Б.З. 364
Шхонебек А. 13, 14
- Щапов П.В. 214
Щеголев П.Е. 286, 362
- Эмин Ф.А. 55
Энгельгардт А.Н. 178, 262
Эпштейн Р.Я. 390
Эрнст С.Р. 319
Эттингер В.С. 146–148
Эттингер П.Д. 319
Эттингер Ф.В. 148
Этцель Ж.П. 120
- Яковенко В.И. 254
Яковлев В.В. 198, 216, 217, 227–230, 260
Яницкий Н.Ф. 361

Оглавление

<i>От издательства</i>	5
<i>Глава 1</i> <i>«Государева письмопечатня»</i>	7
Петр I и книга	10
Основание Санкт-Петербургской типографии	13
Реформа шрифта	15
Книги гражданской печати	16
«Ведомости» – первая русская печатная газета	19
Сенатская типография. Типографии Александро-Невского монастыря и Морской академии	20
Книжная торговля	25
<i>Глава 2</i> <i>Во славу науки</i>	27
Основание Академической типографии	29
Российское собрание	30
«Санкт-Петербургские ведомости»	31
«Примечания» к «Ведомостям»	32
Журнал «Ежемесячные сочинения»	33
Книжные издания Академической типографии	35
Издание сочинений М.В. Ломоносова	36
Издание сочинений В.К. Тредиаковского	38
Издание сочинений Г.Ф. Миллера	41
Издание сочинений С.П. Крашенинникова	42
Другие издания по истории и географии России	43
Издание сочинений Л. Эйлера	43
Атласы и словари	44
Переводные издания. А.Д. Кантемир	46
Новозаведенная типография	48
<i>Глава 3</i> <i>«Вольные» типографии</i>	49
Н.И. Новиков	52
«Трутень»	53
«Пустомеля»	55
«Живописец»	55
«Кошелек»	57
«Опыт исторического словаря о российских писателях»	57
«Древняя российская вивлиофика»	58
Общество, старающееся о напечатании книг	60
«Санкт-Петербургские ученые ведомости» и «Утренний свет»	61
Аренда типографии Московского университета	62
«Типографическая компания»	63
И.Г. Рахманинов	67
Типография «Крылов с товарищи»	70

«Почта духов»	78
«Зритель»	79
«Санкт-Петербургский Меркурий»	79
Типография В.А. Плавильщикова	80

Глава 4
Коммерсанты и меценаты 81

А.Ф. Смирдин	84
Глазуновы	93
Плюшары	95
Я.А. Исаков	98
А.Ф. Базунов	104
М.Д. Ольхин	105
Н.П. Румянцев	107
И.В. Сленин	109

Глава 5
Капиталисты и «идеалисты» 113

М.О. Вольф	115
А.Ф. Маркс	123
В.Е. Генкель	129
А.С. Суворин	131
П.П. Сойкин	136
М.М. Стасюлевич	140
К.Л. Риккер	142
А.Ф. Девриен	144
В.С. Эттингер	146
В.А. Березовский	148
Н.П. Карбасников	150
«Общественная польза»	152
Комитет грамотности	167

Глава 6
«Люди мысли и добра» 171

Н.А. Серно-Соловьевич	174
А.А. Черкесов	183
И.П. Огрызко	188
Ф.С. Сущинский	192
Н.Л. Тиблен	194
Н.А. Неклюдов	199
О.И. Бакст	204
М.А. Куколь-Яснопольский	210
Типография А.Ф. Головачева—А.М. Котомина—В.И. Головина	216
Е.П. Печаткин	224
В.В. Яковлев и А.С. Голицын	227
В.О. Ковалевский	230
Н.П. Поляков	234
Д.Е. Кожанчиков	245
П.А. Гайдебуров	248

Ф.Ф. Павленков	249
М.П. Надеев	254
Л.Ф. Пантелеев	256
<i>Глава 7</i>	
<i>Подвижницы книги</i>	<i>259</i>
Женская издательская артель	261
О.Н. Попова	266
Е.Н. Водовозова	268
М.И. Водовозова	270
М.А. Малых	272
А.М. Калмыкова	277
<i>Глава 8</i>	
<i>«Реалисты» и пропагандисты</i>	<i>279</i>
«Знание»	281
«Парус»	283
«Былое»	285
«Вперед»	286
«Зерно»	288
«Жизнь и знание»	290
«Прибой»	296
<i>Глава 9</i>	
<i>Эстеты серебряного века</i>	<i>299</i>
«Брокгауз и Ефрон»	301
«Просвещение»	304
Кружок любителей русских изящных изданий	305
Художники «Мира искусства»	306
«Сирин»	308
«Шиповник»	310
«Пантеон»	311
Издательство Общины Св. Евгении и Комитет популяризации художественных изданий	312
Букинисты	320
<i>Глава 10</i>	
<i>«Книга – народу!»</i>	<i>325</i>
Государственные издательства	328
Литературно-издательский отдел Наркомпроса	328
«Всемирная литература»	331
Лениздат	336
Кооперативные и частные издательства	359
«Прибой»	362
«Кооперация»	364
«Колос»	365
«Начатки знаний»	365

«Научное книгоиздательство»	366
«Алконост»	366
«Петрополис»	369
«Петроград»	369
«Наука и школа»	370
«Аквилон»	370
«Мысль»	371
«Радуга»	372
«Academia»	373
«Время»	376
Издательство писателей в Ленинграде	378
Букинисты	382
Ф.Г. Шилов	382
П.Н. Мартынов	383
Магазин «Экскурсант»	384
И.С. Соломин	384
Н.Я. Пантелеев	385
Магазин Ф.П. Наумова	385
«Книжный угол»	385
«Антиквариат»	386
А.Е. Бурцев	386
И.С. Наумов	387
Дом книги	388
<i>Послесловие</i>	<i>393</i>
<i>Примечания</i>	<i>399</i>
Адресный указатель	415
Указатель имен книгоиздателей, книготорговцев и типографов	431

Иосиф Евсеевич Баренбаум

Книжный Петербург Три века истории

Редактор – Е.Н. Кулагина
Дизайн, верстка – И.М. Можейко
Корректор – Н.В. Виноградова

Редакционно-издательский центр «Культ-информ-пресс»
191011, Санкт-Петербург, Невский пр., 40, оф.54
Телефоны: 314-36-06, 311-34-75

Подписано к печати 25.12.2002. Формат 70 x 100 1/16.
Печать офсетная. Печ. л. 27,5. Тираж 2000 экз. Заказ 3842
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

И.Е. Баренбаум

Книжный Петербург

три века истории